

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Институт мировой культуры

ББК 81.031

П 25

*Исследование подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«История, языки и литературы славянских народов
в мировом социокультурном контексте»
и Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 04-06-80443)
Р и*

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 04-04-16072)*

Пеньковский А. Б.

- П 25 Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики / Под ред. И. А. Пильщикова и М. И. Шапира. — М.: Языки слав. культ., 2005. — 315 с. — (Philologica russica et speculativa; Т. IV).

ISBN 5-9551-0100-4

Очерки, собранные в книге, посвящены «темным местам» «Евгения Онегина», «Полтавы», «Путешествия в Арзрум» и «Гробовщика». Последовательный филологический подход к слову Пушкина и его современников обнаруживает ускользающие от нас значения и смыслы, за которыми скрываются неизвестные стороны тогдашней русской жизни. В задачи автора входит непротиворечивое понимание ряда словесных мотивов и сюжетных деталей, взятых не изолированно, а в контексте художественного целого. Анализ подкрепляется обширными языковыми данными XVIII—XX вв., отражающими глубокие, но малозаметные сдвиги в языковой системе.

Книга может быть интересна пушкинистам, историкам русской литературы и русского языка, а также всем, кто хочет глубже понять Пушкина и культуру той эпохи.

ББК 81.031

ISBN 5-9551-0100-4

9 785955 101002

© А. Б. Пеньковский, 2005
© Языки славянских культур, 2005
© Philologica, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец</i> («Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13—14)	14
<i>...Ни карт, ни балов, ни стихов</i> («Евгений Онегин», 1, LIV, 11)	61
<i>Но наконец она вздохнула...</i> («Евгений Онегин», 3, XLI, 1)	76
О чердаках, врялях и метаязыке литературного дела («Евгений Онегин», 4, XIX, 4—5)	115
Бесконечный котильон («Евгений Онегин», 5, XLIII, 14 — 6, I, 7)	153
<i>...Как солью, хлебом и елеем, // Делились чувствами они</i> («Полтава», I, 264—265)	168
<i>...Видел... врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения</i> («Путешествие в Арзрум»)	187
О Петре Петровиче Курилкине, о покойниках и мертвецах, о гробах напрокат, о желтом цвете и многом другом («Гробовщик»)	225
Библиография	253
Указатель слов, форм и выражений	274
Указатель имен	307

ОТ АВТОРА

Искажение поэтического произведения в восприятии читателя — совершенно необходимое социальное явление, бороться с ним трудно и бесполезно: легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности.

О. Мандельштам

Определяйте значение слов, говорил Декарт — и вы избавите свет от половины его заблуждений.

А. Пушкин

Недавний пушкинский юбилей поставил перед филологической наукой и перед всей русской культурой множество вопросов. Но первым среди них, самым важным и жизненно необходимым должен быть признан, по моему глубокому убеждению, вопрос о том, «как читать Пушкина». Ибо опыт толкований, объяснений и интерпретаций творчества Пушкина накоплен богатейший, но — увы! — в его основе лежит, как правило, не чтение, а прочтение. «Чтобы понять писателя, надо его прежде всего правильно прочесть», — утверждал В. Ф. Ходасевич в программной статье «О пушкинизме» (Ходасевич 1998: 128, 130). Дело, однако, в том, что «правильно прочесть» можно только научившись «правильно читать», то есть так, как читал себя сам Пушкин. А для этого необходимо овладеть пушкинским языком, как и язы-

ком всей пушкинской эпохи в целом, честно и трезво отдавая себе отчет в том, что мы этого языка не знаем, так же, как не знаем стоящей за ним жизни.

Это отнюдь не вариации на тему известного тезиса о том, что «всякое понимание есть вмѣстѣ непонимание» (Потебня 1862: 114), или, в недавней формулировке М. А. Гаспарова, что «между мною и самым интимным моим другом лежит бесконечная толща взаимонепонимания», что «всякое слово — чужое, всякий язык — чужой», а потому «можем ли мы (...) считать, что мы понимаем Пушкина лучше, чем собаку Каштанку?» (ФФ: 80). Речь идет не о проникновении в «чужую душу», каковая, по русской пословице, была, есть и всегда будет «потемки», а о проникновении в художественный мир, созданный именно для того, чтобы мы в него проникли. Осуществить это можно, лишь говоря с художником на одном языке. Именно это, надо полагать, имел в виду Пушкин, когда вслед за Декартом призывал определять значение слов и тем избавить свет от половины его заблуждений (11: 434)¹. Именно эта мысль обусловила загадочный на первый взгляд выбор изречения Э. Берка в качестве эпиграфа к белой рукописи первой главы «Евгения Онегина»: «Nothing is such an enemy to accuracy of judgment as a coarse discrimination» = «Ничто так не враждебно точности суждения, как недостаточное различение» (6: 543, 663). Если отсутствие определенности и единства в понимании словесных значений и недостаточное их различение столь остро воспринимались Пушкиным и переживались им как препятствие в его общении с современниками, то насколько же упрочилась эта преграда в общении Пушкина с нами, отделенными от него дистанцией почти в 200 лет!

Поэтому нужно прежде всего признать, что общепринятое определение хронологических границ современного русского литературного языка по формуле «от Пушкина до наших дней» — определение, в основе которого лежит тот бесспорный факт, что Пушкин является первым свободно читаемым русским автором, — на самом деле глубоко ошибочно. В действительности тот язык, на котором думал, говорил, писал и творил Пушкин, — это язык, во многом близкий к современному, очень на него похожий, но в то же время глубоко от него отличный. Это «глубоко» — не просто эмоциональное обозначение степени. Речь здесь идет, конечно, не о бросающихся каждому в глаза особенностях фонемно-звукового состава отдельных языковых единиц, не о достаточно многочи-

сленных и ярких лексических, слово- и формообразовательных архаизмах, не о множестве давно вышедших из употребления Fremd- и Lehnwörter (преимущественно галлицизмов, которые обычно и разъясняются в комментариях к современным изданиям), не о легко воспринимаемых особенностях некоторых синтаксических конструкций и т. п., но именно о глубинных, недоступных поверхностному взгляду сущностных отличиях, которые лежат в сфере словарных, коннотативных, оценочных и иных значений, скрытых, замаскированных наружной близостью, кажущимся, обманчивым тождеством.

Язык пушкинской эпохи унаследовал от прошлого систему в значительной степени, хотя и не до конца отработанных жестких макрограмматических норм и норм жанрово-стилистической дифференциации словарного материала. Однако во всех остальных отношениях давал говорящим / пишущим широчайшую свободу языкового выражения, оставляя в пренебрежении интересы слушающих / читающих, которые на каждом шагу попадали в ситуацию смысловой неопределенности. Вызывалось это двумя взаимосвязанными особенностями устройства семантики слова:

1) лабильной текучестью его значения (образом которого является не точка, как в современном языке, а более или менее широкое поле с нечетким центром и размыто-туманной периферией) и, как следствие,

2) его относительно большей (нередко полной) зависимостью от микро- и макроконтекстов, интерпретационные возможности и силы которых нередко оказывались недостаточными и выхода к полному пониманию сказанного / написанного не давали.

Оказывается, что в языке пушкинской эпохи носителем значения является не «словарное» грамматикализованное и аксиологизированное слово, а неграмматикализованное и неаксиологизированное слово в грамматикализующем и аксиологизирующем контексте. Это слово, не до конца освоившее мир и освоенное миром, еще не подвергшееся микрокатегоризации, которую оно должно пройти на следующем этапе исторического развития, чтобы стать словом современного русского языка. Отсюда, как следствие, принципиальная «безоценочность» и свобода валентностных характеристик такого многозначного и многосмысленного слова и специфика работы всего механизма тропообразования, которое осуществляется не переносами и переходами, а переливами и перетеканиями значений. Сплошь и рядом то, что мы в текстах пушкинской эпохи воспринимаем как метафоры и метонимии, на самом деле представляет собой лишь движения смысла

в изначально широком целостном семантическом поле. Не случайно сохранение в этом слове (ср., например, сочетание *убийственный кинжал*) утраченных впоследствии прямых, первичных значений. Это значит, что степень образности художественных текстов пушкинской эпохи в нашем сегодняшнем восприятии выше, чем она была в пору их создания для их авторов и читателей-современников. Свобода слова пушкинской эпохи от микрокатегоризации и оценочных значений дополняется неограниченной словообразовательной вариативностью и не виртуальной, а широко реализуемой свободой заполнения пустых клеток и полной симметрией в отношениях между членами парадигм каждого грамматического класса, чем объясняется отсутствие столь типичных для современного состояния языка неполных и ущербных слово- и формообразовательных парадигм. Ср. в языке первой половины XIX в. коррелятивные пары типа *можно — не можно, лъзя — нельзя* при современном *можно — нельзя*. Или вполне употребительные в то время *класть — ложить, скласть — сложить, покласть — положить* и т. п. при современных *класть — *ложить, *скласть — сложить, *покласть — положить*. Ср. также: *того и гляди, что...; я того и гляжу, что...; мы того и глядим, что...; мы того и глядели, что...* — с современным: *того и гляди, что...* (все остальные клетки парадигмы пусты). Отсюда же поразительная легкость, с которой производящие передают свои синтаксические связи производным, а производные наследуют их. Ср., например: *вкрадываться во что → вкрадчивый во что, вкрадчивость во что; вдуматься во что → вдумчивый во что, вдумчивость во что; знакомый с кем → знакомец с кем; прийти в свет → пришелец в свет* и т. п. Факты такого рода говорят о менее нормализованном состоянии языка пушкинской эпохи по сравнению с нынешним и вполне подтверждают справедливость слов П. А. Вяземского: «Нашъ языкъ на то только и хорошъ, чтобы коверкать его, жать во всю ивановскую: соки еще всѣ въ немъ» (ОА, II: 329).

Современный читатель Пушкина и других авторов этого времени пропускает их тексты через свое языковое сознание и интерпретирует их, исходя из своего современного языкового и жизненного опыта (а никак иначе воспринимать и интерпретировать их он не может), и закрывает книгу в полной уверенности, что он всё воспринял и понял. В пушкинском слове (в слове Боратынского, Лермонтова etc.) он радостно узнает наше, свое, сегодняшнее, родное — простое и понятное — слово, не отда-

вая себе отчета в том, что во множестве случаев эта понятность — иллюзия, самообман.

Еще опаснее то, что очень и очень многое понимается неправильно: неточно, неполно или даже превратно. И это совсем не тот феномен, который, говоря о жизни литературных текстов во времени, называют «приращением смыслов». Это искажение смыслов, порой доходящее до полного извращения. Ср. в письме А. Я. Булгакова К. Я. Булгакову (25 сентября 1829 г.): «Я такъ и загадываль, что будутъ два фельдмаршала; но и зъ голубыхъ угадалъ только графа нашего и другого нашего графа, милаго Воронцова (...» (Булгаков 1901, № 11: 358; где *голубой* — это не 'носитель голубого жандармского мундира' и уж, конечно, не 'гомосексуалист', а 'награжденный голубой андреевской лентой'). Здесь имеет место явление, близкое тому, что принято называть «ложными друзьями переводчика» (ср. Седакова 1998), но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своем языке, тогда как на самом деле они переводят его с другого (пусть близкого, но другого!) — если не языка, то состояния языка, и переводят, как выясняется, с более или менее серьезными ошибками. При этом одно значение подменяется другим (*отлично* 'весьма, очень, в высшей степени' > 'очень хорошо'; *неимоверный* 'не вызывающий доверия' > 'огромный'; *ненавидеть* 'пренебрегать, презирать' > 'испытывать ненависть'; *совесть* 'душа' > 'чувство и/или сознание моральной ответственности'; *упражнение* 'занятие' > 'работа, направленная на развитие и совершенствование каких-л. навыков и способностей'). То и дело широкое значение заслоняется узким (*возмездие* 'воздаяние по заслугам, как за добро, так и за зло' > 'наказание, кара'); прямое употребление принимается за иронически окрашенное (*важный* 'серьезный' > 'чопорный, надменный, надутый'); слова положительно-оценочные (*бесцеремонный* 'нецеремонный, простой, естественный', *развязный* 'чувствующий и ведущий себя свободно, раскованный') или нейтральные (*поделом* 'заслуженно'; *самовольно* 'по собственной воле', *усугубить* 'усилить') принимаются за несущие отрицательную оценку — и т. д.

«Ложные друзья» подстерегают не только рядового читателя. Не меньше они угрожают критику и публицисту, исследователю, интерпретатору и комментатору литературного произведения или исторического документа, и в этом случае ошибочное понимание освящается авторитетом ученого и через школу, университетскую и академическую науку становится общим

достоянием и входит в традицию, которая надолго закрывает путь к адекватному восприятию текста. Не спасают ситуацию и толковые словари (в том числе специализированный «Словарь языка Пушкина»), составители которых, как и рядовые читатели, во многих случаях не могут выйти из границ собственного языкового опыта.

«Ложные друзья переводчика» действуют на очень широком текстовом поле. Но даже если бы эффект их действия был связан лишь с отдельными, сравнительно немногочисленными единицами текста, и то нельзя было бы недооценивать его опасности, поскольку от того или иного понимания одного слова может зависеть истолкование целых фрагментов или аспектов художественного текста, а то и всего произведения. Тем более если мы имеем дело с ключевыми единицами текста, входящими в его опорные, несущие конструкции, и особенно в тех случаях, когда смысловая энергия «ложных друзей» наперед учитывается и сознательно обыгрывается автором, задающим читателю загадки разной степени сложности.

Таково, к примеру, выражение *длинной сказки вздор живой*, которое возникает в потоке воспоминаний тоскующего Онегина (глава 8-я, строфа XXXVI). «Сказку» обычно понимают в «фольклорном» смысле, как «повествовательное народно-поэтическое произведение о вымышленных событиях» (СП, IV: 133—134). На этом понимании базируется тезис о том, будто Онегин в конце романа обратился к «образам забытой некогда человечности, чистоты, и более всего, народности, фольклора» (Гуковский 1957: 261; разрядка источника. — А. П.). Г. А. Гуковскому вторит Ю. М. Лотман, который пишет о «погружении Онегина в мир народной поэзии, простоты и наивности, составлявших обаяние Татьяны в начале романа» (Лотман 1980: 366), — отсюда следует вывод о духовном перерождении пушкинского героя, чем подкрепляется общее положение о его изначальной порочности. Эта общепринятая концепция, однако, полностью рушится, если исходить из другого, не фиксируемого словарями, переносного значения слова *сказка* в поэтической речи пушкинской эпохи, представленного, например у Вяземского («Родительский дом», 1830), у К. Павловой («Кадриль», 1844) и многих других: 'восстанавливаемый в памяти ряд жизненных событий и эпизодов'.

Правильное понимание слова *сказка* в этом контексте позволяет непротиворечиво реинтерпретировать, освободив от натянутых, искусственных толкований, и некоторые другие речения XXXVI строфы. В их чи-

сле слово *дева* 'молодая прекрасная женщина': это значение, нередкое в поэтической речи пушкинской эпохи, до сих пор не зафиксировано словарями². Но тогда *письмы девы молодой*, упоминание о которых завершает XXXVI строфу, — пушкинисты вопреки всякой логике приписывают их Татьяне — мы можем «передать» другому персонажу, поданному в романе лишь намеками. Речь идет о тайной героине проходящего через все произведение, но обычно не замечаемого, скрытого сюжета о роковой любви юного Онегина к замужней даме (см. Пеньковский 1999д; 2003). К этому же выводу приводит анализ множества других ключевых слов (таких, как *повесть*, *преданье*, *предсказанья*, *сердечный*, *смех*, *старина*, *страсти*, *темный*, *квакер*, *желчь* и др.) — анализ раскрывает их подлинные, не фиксируемые словарями значения, отвечающие общеязыковым нормам эпохи и/или нормам пушкинской поэтической речи.

В этом словесном ряду совершенно исключительное по важности место принадлежит единицам, которые составляют тематическую группу «скуки» (*скука*, *зевота*, *лень* и все члены их корневых гнезд), — в тексте пушкинского романа они имеют аномально высокую частоту. Отсюда укрепившееся в пушкинистике понимание «Евгения Онегина» как «романа скуки» (Благой 1929: 84), а его героя — как пустого, пресыщенного, «объевшего наслаждениями» (Непомнящий 1983: 266), развращенного великосветского бездельника, «знающего только флирт и порок» (Гуковский 1957: 198). При таком взгляде на вещи Онегин предстает перед нами в облике хлыща и фата, паркетного шаркуна, чьи поступки вызываются и объясняются *скукой*, а все жизненные реакции сводятся к *зевоте*, и потому определения *скупающий* и *зевающий* сопровождают в литературоведческих работах имя героя в качестве постоянных эпитетов. Однако, как показало специальное исследование (Пеньковский 1999д: 165—235; 2003: 187—263), *скука* в литературном языке пушкинской эпохи — чаще всего отнюдь не *скука* в современном значении слова. Это сниженный (в мужской речи — эвфемистически сниженный) эквивалент *тоски*. А через *скуку* 'тоску' и *скупать* 'тосковать' (ср. также *тошно* 'тоскливо' и *тошный* 'вчуже вызывающий тоску') объясняется «тоскливое» значение у слов *зевать*, *зевота* и *лень*, которое тоже было общим достоянием поэтической речи этой эпохи³. Пушкинский роман, таким образом, — не «роман скуки», а *роман тоски*. И Онегин — не *скупающий* бездельник, как принято думать, а человек, пораженный всеобъемлющей, всепоглощающей, безысходной *тоской*.

Таких слов в этом, как и во всех других пушкинских текстах, как и в текстах других авторов пушкинской эпохи, — десятки и сотни, и за каждым из них скрыты тайны общего языка и тайны индивидуального творчества, тайны отдельного словоупотребления и тайны целого текста. И каждая из них призывает нас остановиться и задуматься, осознать, что за ними стоит другой язык, которого мы не знаем, другая жизнь и другая культура, которых мы не понимаем. Вместо того чтобы пытаться адаптировать их к себе, нужно самоотрешенно и самоотверженно адаптировать себя к ним, умалив себя и став, насколько возможно, частью их мира⁴. В этом смысл филологии. Ибо, как сказал Гёте, *Wer den Dichter will verstehen, // Muß in Dichters Lande gehen* = *Кто хочет понять Поэта, // Должен отправиться в его Страну*. Также — прибавлю — и в его Время. Именно на этих началах были осуществлены исследования, которые легли в основу книги «Нина: Культурный миф золотого века русской литературы» (Пеньковский 1999д; 2003).

Автор надеется, что продолжающие «Нину» работы о загадках пушкинского текста и словаря, собранные в настоящем издании (некоторые из них публикуются впервые, а ранее опубликованные⁵ существенно расширены и дополнены новым материалом), помогут читателям хоть в малой мере проникнуть в недоступный поверхностному взгляду мир пушкинской эпохи, ее языка, литературы и культуры. Пользуясь случаем, хотелось бы выразить искреннюю признательность друзьям и коллегам — А. В. Гладкому, И. Г. Добродомову, А. Ф. Журавлеву, Р. Ф. Касаткиной, А. А. Ковзуну, С. В. Кодзасову, Г. Е. Крейдлину, Т. М. Левиной, А. Либерману, И. А. Морозову, Н. В. Перцову, И. А. Пильщикову, И. С. Приходько, С. М. Толстой, В. Н. Топорову, М. И. Шапиру, принимавшим участие в обсуждении моих текстов на разных этапах работы над ними и оказавших мне неоценимую помощь своими критическими замечаниями, советами и рекомендациями.

Примечания

¹ За оговоренными исключениями произведения Пушкина цитируются по большому академическому изданию (Пушкин 1937—1949); при ссылаках на это собрание указываются только номера томов, полутомов (книг) и страниц. Все выделения в цитатах, не оговоренные специально, принадлежат мне (в курсиве для этих целей используется полужирность, а в прямом шрифте — разрядка).

От автора

² По выражению Бенедиктова, *И супругу стих поэта // Может девой величать* («Возвращение незабвенной», 1836).

³ Ср. *зевоту* 'тоску' Людмилы — Пушкин говорит, что она *томилаь грустью и зевотой* («Руслан и Людмила», IV, 269), — а также словоупотребление в «Сцене из Фауста» 1825 г. (*«... И всяк зевает да живет — // И всех вас гроб, зевая, ждет. // Зевай и ты*), сердечную *зевоту* П. А. Вяземского («Николаю Аркадьевичу Кочубею», 1863), *тоскующую* (не «скучающую») *лень* Онегина (1, VIII, 8) и *рассеянную лень* Татьяны (7, XLIV, 4).

⁴ Ср. слова М. И. Шапира об «изданиях академического типа, в задачи которых входит не приблизить текст к читателю, а приблизить читателя к тексту» (Шапир 2001: 47).

⁵ См. Пеньковский 1990; 1999г; 1999/2000; 2000; 2002б; 2002в; 2002г.

**«...НО РАЗЛЮБИЛ ОН НАКОНЕЦ
И БРАНЬ, И САБЛЮ, И СВИНЕЦ»
(«Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13—14)**

Вспомним характеристику Онегина в XXXVII строфе первой главы «романа в стихах»:

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и стразбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова:
И хоть он был повеса пылкой,
Но разлюбил он наконец
И брань и саблю и свинец.

Высказываясь по поводу этой и следующей строфы, комментаторы ограничиваются общими указаниями на то, что образ Онегина связывается с романтическим комплексом идей и чувств, в состав которого входят пресыщенность, отчуждение от мира, уныние, «преждевременная старость души» и т. п. При этом Онегин оказывается всего лишь двойником Кавказского пленника¹ и воплощением на русской почве разочарованных героев Байрона «в том иронически-сниженном освещении, которое было типично для наиболее радикальных деятелей тайных обществ, в частности

кишиневского окружения *П(ушкина)*» (Лотман 1980: 165). Конкретные детали пушкинского текста во внимание обычно не принимаются. Между тем приведенная выше строфа далеко не так ясна и прозрачна, как это может показаться на первый взгляд, а ее финальное двустушие просто загадочно, поскольку содержит трудно разрешимое противоречие.

Начну с неясностей целого, а затем перейду к загадке финала.

*   *
              *

В самом деле, если не скользить взглядом по строчкам, а внимательно вчитаться и осмыслить сказанное Пушкиным, если отдать себе отчет в том, что понимание каждого отдельно взятого слова еще не гарантирует понимания целого текста и отдельных его отрезков, — в этом случае перед нами с неизбежностью встанет ряд вопросов.

Какие «друзья» и какая «дружба» *надоели* Онегину? Те ли это друзья, о которых в черновом варианте строфы 30-й «Путешествия Онегина» сказано:

Итак я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей
Забыв о сумрачном повесе
Герое повести моей —
(...) Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен
Когда ко мне явился он!
Неприглашенным приведеньем (sic!) —
Как громко ахнули друзья
И как обрадовался я! —

(6: 504)²

И та ли это дружба, о которой в начале следующей строфы той же рукописи говорится: [*Святая*] *дружба!* — — *глас природы* (6: 504)? Или, напротив, это те «друзья», которым посвящены горькие строки (4, XVIII, 8 и далее):

(...) Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

XIX.

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только в скобках замечаю,
Что нет презренной клеветы
(...)
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил сто крат ошибкой (...)»³

И если это так, если Онегин отошел от таких «друзей» и такой «дружбы», при которой все отношения исчерпываются светским остроумием и совместным застольем, с *beef-steaks*'ом — родным братом «окровавленного» *rost-beef*'а (1, XVI, 9)⁴ — и «стразбургским пирогом» (1, XXXVII, 8; ср. 1, XVI, 12), обливаемыми «шампанской бутылкой»⁵, то — при всем поверхностном сходстве онегинской ситуации с ситуацией Чайльд Гарольда — какое, спрашивается, отношение имеет это отчуждение к «байроническому разочарованию» и «преждевременной старости души» (Лотман 1980: 165)?⁶

Не больше оснований и для того, чтобы связывать с этим пресловутым разочарованием и пресыщением одновременное отчуждение Онегина от «шума света». Ведь это его представители именуются «светской чернью» (4, XIX; 8, X), «презренной чернию» («Разговор книгопродавца с поэтом», 1824). Это, если иметь в виду интегральный образ, сложившийся в языке и культуре пушкинской эпохи, тот самый *суетный, глупый, модный свет, докучный шум и блеск* которого соединяются с *чадом и удушьем* и в то же время с *мертвящим холодом*. Это *пустой, но одновременно полный лжи и обмана, безбожный, бездушный, безжалостный, беспощадный, немилосердный и убийственный свет*, власть которого над людьми представляется в обычных метафорах «цепей» и «сетей», «омута» и «могилы» (Пеньковский 1999д: 34—38; 2003: 41—46). А светские красавицы, которых «оставил» Онегин (1, XLII), — это те самые «кокетки записные» (1, XII), те «обманчивые волшебницы» (1,

XXXIV), те «причудницы большого света» (1, XLII), кого Пушкин называл еще «надменными ветренницами» (6: 550), «милыми шляхами» (6: 351), «младыми» и «презрительными» (то есть заслуживающими презрения) Армидами и Цирцеями (6: 19, 261, 270; Пеньковский 1999б; 1999д, 79 слл.; 2003: слл.). При этом о герое сказано, что «красавицы» не долго были // Предмет его привычных дум — именно дум, а не «чувств», «желаний», «мечтаний» или «стремлений». Последнее свидетельствует о преимущественно «головном» характере отношений Онегина с «красавицами» и вполне согласуется с Пушкинским переводом Овидиевой «*Arg amatoria*», или «*Arg amandi*», как «науки страсти нежной» — «науки» (с подчеркивающим повтором этого весомого слова в VIII строфе 1-й главы), а не «искусства»⁷, живущего не только головой, но также душой и сердцем⁸.

Вот почему реакцией Онегина на «измены красавиц» оказывается не ревность, не муки уязвленного самолюбия, не отчаяние, не страдания душевные и не тоска сердечная, а «утомление». Соединять эти «измены» именно с «красавицами» и понимать их как «измены красавиц» заставляют строки 4-й главы: *В красавиц он уж не влюблялся, // А волочился как-нибудь; // Откажут — мигом утешался; // Изменят — рад был отдохнуть* (4, X, 1—4). Здесь мы находим не только «изменяющих красавиц», но и глагол *отдохнуть*, отсылающий к глаголу *утомить* (1, XXXVII, 5), чтобы затем — сложением смыслов этой конверсивной пары — вернуть нас к «труду» и трудовой «мук» в стихе 1, VIII, 6. При этом в строфе 1, XXXVII (как и во многих других случаях) Пушкин намеренно не проясняет, «кто — кого — кому — о ком». Идет ли речь об изменах Онегину, и тогда — с чьей стороны? со стороны «красавиц»? или, может быть, со стороны «друзей», как в «Кавказском пленнике»?⁹ Или мы должны думать об изменах Онегина, и тогда — кому? Изобретенный Пушкиным принцип субъектно-объектной неопределенности является одним из важнейших художественных приемов в поэтике «Евгения Онегина» и нигде более так широко и последовательно им не используется. Постоянно предъясняя читателю загадки такого рода¹⁰, Пушкин побуждает нас ставить перед собой вопросы и в поисках необходимого ответа либо забегать вперед, либо возвращаться назад, действуя, так сказать, в «челночном» режиме чтения. Этим обеспечивается совершенно поразительная связность поэтического текста, который лукаво характеризуется автором как *собрание пестрых*

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

глав и так именно воспринимается на первый (и — увы! — не только первый) взгляд. Действительно, та же тема возникает и в третий раз — в 8-й главе, где Пушкин рассказывает о видениях Онегина из времен его петербургской юности: «(...) *То видит он врагов забвенных, // Клеветников, и трусов злых, // И рой изменниц молодых, // И круг товарищей презренных* (8, XXXVII, 9—12) ¹¹.

Так в чем же виноват отвернувшийся от лжедрузей и лжедружбы и порвавший с «красавицами» Онегин? «(...) нашъ свѣтъ — гробъ поваленный!» — гневно писал А. Бестужев, размышляя над судьбами русских людей, «которые бы могли прославить словомъ или дѣломъ свое отечество», но «гибнуть, дремля душой въ вихрь моднаго ничтожества», потому что им «не достаеъ собственной рѣшимости вырваться изъ бисерныхъ сѣтей свѣта», который «допускаеъ въ свой кругъ не иначе, какъ съ условіемъ носить на себѣ клеймо подобнаго, отраднаго ему ничтожества» (Бестужев А. 1825: 7—8) ¹². Онегину достало такой решимости. Он вырвался из этих «бисерных сетей», он, так же как рассказчик, «свергнул бремя условий света» (1, XLV, 1) — и что? То, за что ему вроде бы следовало рукоплескать, уже полтора века служит основанием для самого жестокого осуждения — чего сто́ят высказывания того же Александра Бестужева! ¹³

Вот почему в наших усилиях понять отделенный от нас временной, культурной и языковой пропастью «онегинский» текст так важно не упустить ни одного его знака, ни одного слóва, ни одной строчки. Требуется самого вдумчивого обсуждения и финальное двустишие рассматриваемой здесь строфы.

*   *
*

Первым и едва ли не единственным, кто обратил на него внимание, был чуткий к деталям пушкинского текста В. В. Набоков. Прочитывая занимающее нас место (*И брань и саблю и свинец*), он с покоряющей искренностью воскликнул: «Эта строка раздражающе туманна (This is an irritatingly vague line). Что именно разлюбил Онегин? Слово *брань*, подразумевающее военные действия (*warfare*), позволяет предположить, что около 1815 г. Онегин, подобно многим другим аристократам того времени, служил в действующей армии; однако более вероятно, что здесь, как показывает рукописный вариант, говорится о поединке (*single combat*)».

И объяснил не столько себе, не столько нам, сколько самому Пушкину, что «для оценки дальнейшего поведения Онегина (в главе шестой) было бы крайне важно высказаться более ясно о его дуэльном опыте» (Набоков 1975, 2: 149) ¹⁴.

Но ведь Пушкин, предвосхищая упрек своего будущего комментатора, обдумывал и отбросил текст, содержащий кристально ясное сообщение о дуэльном опыте Онегина — вот варианты, к которым поэт долго примерялся в рукописях: *И хоть он был повеса пылкой, // Но предложить <sic!> им наконец // Устал [он] саблю иль свинец; Друзей то сабля, то свинец* (6: 243); *Но предлагать им наконец // Устал он саблю иль свинец; Устал же саблю иль свинец* (6: 551). Предметом размышлений Пушкина были и некоторые детали общей дуэльной практики этой эпохи, и особенности индивидуального дуэльного опыта Онегина. Из возможных инструментальных вариантов дуэли Пушкин с самого начала отказался от шпаги и палаша, оставив *саблю* (дуэль на саблях) и *свинец* (дуэль на пистолетах). Он предусмотрел нормальную для дуэли ситуацию выбора между видами оружия, поэтому называющие их слова и в черновой, и в белой рукописи связаны разделительным союзом *иль*. При этом перед автором естественно вставал вопрос о возможных противниках Онегина и о том, с чьей стороны могла бы исходить дуэльная инициатива: ср. вариант *Но предложить им наконец <...>*, где местоимение *им* может отсылать только к ранее названным «друзьям» и тем самым закрепляет вызов за Онегиным как оскорбленным, в отличие от варианта *Друзей то сабля то свинец*, где Онегину отводится роль вызываемого и, следовательно, оскорбителя.

Однако в окончательном тексте всё кардинально меняется: вводится слово *брань*, а место разделительного *иль* занимает соединительный союз *и*. Это говорит о коренном изменении предмета пушкинской мысли: *сабля* и *свинец* объединяются как отвергаемые Онегиным одновременно и в равной связи с *бранью*. Но слово *брань* (это понимал и Набоков) является знаком войны, и только войны. Если *дуэль* — это поединок, в котором есть лишь два непосредственных участника, два противника («поединщика»), сходящиеся один на один; если *бой*, *битва* и *сражение* — это вооруженные столкновения с любым количеством участников (в том числе *двух* ¹⁵), то *брань* — это вооруженное столкновение многих. Для обозначения дуэльного поединка оно никогда никем — и Пушкиным тоже — не использовалось ¹⁶. Место дуэли можно было назвать *полем*

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

боя, полем битвы или полем сражения (и даже просто полем¹⁷), но ни в коем случае не полем брани и не бранным полем. Следовательно, сабля и свинец в перечислительном ряду с бранью уравниваются как виды оружия войны, а не дуэли.

Сказанным как будто вполне проясняется значение пушкинского выражения *разлюбить брань*. Согласно определению из «Словаря языка Пушкина», *разлюбить* — это «перестать находить удовольствие в чём-н(ибудь)» (СП, III: 944). В данном случае для Онегина это «что-нибудь» — брань 'война', и поскольку «перестать находить удовольствие в войне» может только тот, кто ранее находил удовольствие в войне, приходится признать логически безупречным высказанное Набоковым предположение об службе Онегина в действующей армии («active duty in the army»). Непонятно, однако, откуда взялась уверенно указанная Набоковым дата — «около 1815 г.». Если считать датой рождения Онегина 1795 г. (Nabokov 1975, 2: 42), гораздо вероятнее было бы предполагать, что «повеса пылкой», следуя ли естественному патриотическому порыву, или пытаясь вырваться из безысходного круга тоски, владеющей его душой¹⁸, отправился на поле брани с Наполеоном в самом начале военной кампании — шестнадцатилетним или семнадцатилетним юношей¹⁹.

Увы, как ни соблазнительно это предположение, оно должно быть отвергнуто: *ab posse ad esse consequentia non valet* (из возможного еще не следует заключение о действительном). Участие героя в Отечественной войне против Наполеона — событие настолько значительное, что ограничить указание на него одним туманным намеком. Пушкин, конечно, не мог. Кроме того, поскольку «брань» в жизни Онегина могла быть лишь кратковременным эпизодом, сказать об утрате удовольствия от участия в ней: (...) *Но разлюбил он наконец* (...) — Пушкину не позволил бы язык. Для Пушкина, как и для нас сегодня, наречие *наконец* имело три основных значения.

(1) Характеристика определяемого действия как некоего завершающего этапа длительного нецеленаправленного (неконтролируемого) процесса. Именно так, чтобы «промотаться наконец», отец Онегина должен был длительное время транжирить свое состояние, что он и делал, «живя долгами» и «давая три бала ежегодно» (1, III, 2—4). И так же, чтобы можно было задаться горестным вопросом: *Ужель и вправду наконец // Увял, увял ее венец?* (6, XLIV, 7—8), — этот «венец младости» должен был пережить долгое увядание²⁰.

(2) Характеристика определяемого действия как желаемого и достигнутого результата другого целенаправленного (контролируемого) действия. Именно так сваха должна была «недели две ходить к родне» няни, чтобы ее «наконец благословил отец» (3, XVIII, 9—11), а Татьяне (или Лариной-старшей) пришлось достаточно долго уговаривать купца, чтобы «наконец» «он уступил» ей «за три с полтиной» сонник Мартына Задеки (5, XXIII, 1—6).

(3) Характеристика определяемого действия как последнего и притом особенно показательного и яркого акта в некотором более или менее длинном ряду актов. Именно так Ларина-мать постепенно изживала формы квазиромантического поведения, погружаясь в обычную для захолустной помещицы прозу жизни, и опустилась до такой степени, что *обновила наконец // На вате шлафор и чепец* (2, XXXIII, 1—14).

Поскольку наречие *наконец* в стихе 1, XXXVII, 13 (<...> *Но разлюбил он наконец* <...>) невозможно понимать ни в первом значении ('разлюбивал-разлюбивал и в конце концов разлюбил'), ни во втором ('разлюбил в результате каких-то действий иного субъекта'), из трех возможных его значений остается только третье (близкое к 'даже'), однако оно несовместимо с интерпретацией целого в «бранно-военном» смысле. Сказать «и даже перестал находить удовольствие в войне», имея в виду кратковременное событие прошлого, к тому же находящееся в ином прошедшем времени, чем события, названные в предшествующих членах перечислительного ряда («измены красавиц», кутежи с «друзьями» и проч.), по нормам русского языка недопустимо.

Таким образом, можно почти с полной уверенностью утверждать, что в войне 1812 года Онегин не участвовал. Мог бы участвовать, как граф Кутайсов, который в 15 лет (!) был уже полковником гвардии; как те юные смельчаки, которые, *пусть в пятнадцать лет на волю, // Привыкли [нехотя] лишь к пороху [да к] полю* (7: 246); как толстовский Петя Ростов или как 19-летний корнет Александров — «кавалерист-девица» Н. А. Дурова. Мог и, по всем соображениям, должен был бы участвовать²¹, но не участвовал, и Набоков это, несомненно, понимал. Потому и высказался на сей счет осторожно и предположительно, отдав в конечном итоге предпочтение дуальному варианту. «Но при чем все-таки „брань“?» — недоумевал он (Набоков-Сирин 1957: 44). Осознавая, что это слово сильно препятствует истолкованию «сабли» и «свинца» в «дуальном» смысле, он вынужден был апеллировать к сви-

детельствам рукописей, которые действительно говорили об онегинских дуэлях.

Как бы то ни было, двойственность позиции Набокова очевидна, и его читателям предоставляется свобода размышлений и выбора, а главное — возможность осознания того, что Пушкин загадал нам здесь еще одну из множества своих загадок. Вполне вероятно, что Ю. М. Лотман потому и уклонился от объяснений, что, не находя сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу того или иного равно спорного и равно уязвимого решения, избрал, как и в ряде других случаев, в качестве наименьшего зла фигуру умолчания. Иные же, менее осторожные пушкинисты, отбросив сомнения или не имея их, ведая или не ведая о позиции Набокова, но во всяком случае не ссылаясь на него, безоговорочно приняли вторую из двух обсужденных выше интерпретаций — дуэльную, которая и переходит благополучно из одной работы в другую как нечто само собой разумеющееся (см. Тархов 1978: 242; Briggs 1992: 88; Кошелев 1999: 35; ср. Clayton 1985: 102; Мурьянов 1995: 162; 1999: 67; и др.)²². Это стало настолько обыденным, что, например, в кроссворде для школьников, озаглавленном «Роман „Евгений Онегин“ — энциклопедия русской культуры», мы читаем: «И хоть он был повеса пылкий, // Но разлюбил он наконец // И ***, и саблю, и свинец. Архаизм, означающий войну, сражение (здесь речь идет о дуэлях)»²³. Этот пример показателен: разгадчику кроссворда предлагается найти слово *брань* по дефиниции «архаизм, означающий войну», но тут же вопреки всякой логике уточняется, что речь идет не о войне, а о дуэлях.

Нам не остается ничего другого, как еще раз вернуться к дуэльной версии понимания этого текста, переступив через *брань*. Но сделав это, мы тут же оказываемся перед новым препятствием — неловкостью в отнесении к глаголу *разлюбить* второго и третьего членов перечислительного объектного ряда: одно дело «разлюбить *брань*» 'перестать испытывать удовольствие от участия в дуэлях' и совсем другое — «разлюбить саблю и свинец». Допустимо ли читать это как 'перестать испытывать удовольствие от (использования) сабли и пистолета (то есть от рубки и стрельбы)? Едва ли. Но попытаемся преодолеть этот новый смысловой порог с помощью отсылки к особенностям поэтического языка, тропеическим сдвигам и т. п. и сочтем, что Онегин мог и полюбить, и продолжать любить, и «разлюбить» *свинец* (в метонимически формируемом смысле: 'свинец → пуля → пистолет → выстрел → дуэль')²⁴.

В пользу предположения о дуэльном опыте Онегина можно было бы указать, что, отправляясь из Петербурга в деревню, он захватил с собой ящик боевой, в котором хранились *Лепажа стволы роковые* (6, XXV, 8, 12). Однако на самом деле этот факт не говорит решительно ничего ни «за», ни «против». Ленский, которого в любви к дуэлям никак не заподозришь, тоже держал пистолеты наготове: *Домой приехав, пистолеты // Он осмотрел, потом вложил // Опять их в ящик* (...) (6, XX, 1—3). Онегин не сделал и этого: вспомнив о своем оружии в самый последний момент, он так и не взял «боевой ящик» в руки и даже не взглянул на пистолеты, целиком положившись на слугу (6, XXV). Что за этим стоит? Спокойная вера опытного дуэлиста в себя и в свое оружие²⁵ или спокойная готовность Онегина к любому исходу, которая лишь на один миг отступила перед неконтролируемым импульсом инстинкта самосохранения? И не этим ли постоянным безразличием Онегина к своей судьбе, его готовностью в любую минуту «прежний путь переменить на что-нибудь» (1, LIII, 13—14) объясняется его загадочно безмятежный сон в дуэльное утро и опоздание к назначенному сроку — опоздание, в котором обычно видят еще одно сознательно нанесенное им Ленскому оскорбление (Nabokov 1975, 3: 40; и др.)?

Не пропустив дуэльные строки в окончательный текст обсуждаемой строфы (1, XXXVII), Пушкин нигде более не обмолвился о дуэльном опыте Онегина, предшествующем его «бóю» с Ленским. Но если так, то вполне резонно предположить, что такого живого практического опыта у Онегина и не было. А это — Набоков прав — исключительно важно для оценки поведения Онегина на дуэли.

Как человек своего времени, как дворянин с обостренным чувством чести Онегин, разумеется, еще мальчиком узнал, что бывают ситуации, когда эту честь приходится защищать с оружием в руках. Ему было известно, как это обычно делается, поскольку основные положения неписаного дуэльного кодекса входили в репертуар обязательных сведений, общих для всех людей его круга, и потому, когда Зарецкий доставил ему приятный, благородный, // *Короткий вызов иль картель* (6, IX, 1—2), Онегин (хорошо усвоив, как в таких случаях положено поступать) с *первого движенья*, // *К послу такого порученья* // *Оборотясь, без лишних слов* // *Сказал, что он всегда готов* (6, IX, 5—8). Именно на этом пункте — «с первого движенья» — обличители Онегина основывают одно из главнейших своих обвинений, инкриминируя ему бесчеловечный, мерт-

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

вый «автоматизм». Я же предлагаю увидеть в реакции Онегина не автоматизм бездушного мертвеца (ср. Непомнящий 1996: 142), а автоматизм человека, хорошо усвоившего предписания сухой теории, но никогда ранее не применявшего их в собственной живой практике. Всё становится на свои места, если мы увидим в дуэли Онегина с Ленским первую в их жизни дуэль (ср. Scholle 1975: 44). Это кажется вполне убедительным в отношении Ленского. Однако и Онегин, как мы помним, с горечью задавался вопросом: *Зачем я пулей в грудь не ранен?* («Путешествие», (IV), 6). В этом вопросе, конечно, следует видеть терзания Онегина, сокрушавшегося при воспоминании о гибели Ленского («Зачем он, а не я?!»), но значит ли это, что у Онегина не было других шансов получить ранение, кроме как на дуэли с Ленским? Или же были другие дуэли, но без ранения? (Первая возможность представляется мне более вероятной.) И еще: имея в своем распоряжении «боевой ящик», Онегин вплоть до самой дуэли, по-видимому, к нему не притрагивался. Создатель Онегина передал ему в наследство и полный разрыв с соседями (2, V)²⁶, и свое обычное времяпровождение (4, XXXVII—XXXIX)²⁷, и ежеутреннюю «ванну со льдом», и целодневный «бильярд в два шара» (4, XLIV, 3, 7), и многое, многое другое — по сути, всё, кроме поэтического дара, любви к народным сказкам и... регулярной тренировки в стрельбе²⁸.

Онегин не был ни демоническим героем, ни злодеем и ничьей крови не жаждал. «Злоба слепой Фортуны и людей» (1, XLV, 10—11) отравляла его жизнь, но не требовала дуэльного разрешения. Иные «друзья» изменяли и предавали, но не наносили оскорблений, которые можно смыть только кровью. Сам же Онегин, хотя и мог «язвительно злословить, когда хотелось уничтожить ему соперников своих» (1, XII, 3—5), тем не менее, надо думать, не переходил границ, за которыми в дело вступают секунданты²⁹. И все другие, кто имел право потребовать его к барьеру, не делали этого. «Блаженные мужья» тех женщин, с которыми Онегин сближался, «оставались с ним друзья» (2, XII, 7—8) или, как сказано в другом месте, одаривали его своей «тяжкой дружбой» (4, VIII, 14). Не преследовали его ни отцы, ни братья, ни претенденты на руку и сердце соблазняемых им «невинностей» (1, XI, 2)³⁰. Ленский был, по всей видимости, первым, кто бросился на защиту «невинности» (которой ничто не угрожало) и послал Онегину вызов.

Онегин не ждал вызова и приезд Зарецкого поначалу воспринял как обычный визит, не связанный с событиями предыдущего дня (ср. Nasty

1999: 256). Картель Ленского застал его врасплох, и именно поэтому в нём сработал автоматизм ученика, хорошо выучившего преподанное ему правило: «На вызов надобно отвечать *всегда готов!*» Потом и раздумье пришло, и совесть заговорила (6, X), но было поздно. Он понимал, что сам Зарецкий палец о палец не ударит, чтобы предотвратить нелепую дуэль. И не было второго секунданта, который мог бы попытаться привести дело к миру. Онегину просто не к кому было обратиться. Рядом с ним не было ни одного порядочного и разумного человека, и времени на поиски тоже не было³¹. Вот почему — а вовсе не по незнанию правил дуэльного кодекса или из пренебрежения ими и уж тем более не из желания оскорбить Ленского (Nabokov 1975, 3: 40—41) или Зарецкого (Лотман 1980: 98) — Онегину пришлось взять в секунданты своего слугу-француза, который мог исполнить лишь роль статиста.

Оба участника этой дуэли были одинаково неопытны, и шансы погибнуть и уцелеть у обоих были равны. Гибель Ленского оказывается роковой случайностью (ср. Bayley 1971: 257), а ответственность за то, что произошло, лежит не только на Онегине, но и на Ленском, так как именно ему, «в досаде пылкой» «гордо вызвавшему на бой» своего «приятеля» (6, XXXIV, 6—7), принадлежит инициатива дуэли (ср. Волохонская 1993: 30). Об Онегине лишь сказано: *Свой пистолет тогда Евгений, // Не преставая наступать, // Стал первый тихо подымать* (6, XXX, 6—8). А о Ленском мы знаем, что он, *жмуря левый глаз, // Стал также целить* (6, XXX, 10—11). «Также» — это с точки зрения самого Ленского, одержимого идеей наказать «развратителя», ибо о том, как Онегин прицеливается и куда метит, Пушкин не говорит ни слова³² (недаром большинство исследователей сходится в том, что Онегин не хотел смерти приятеля³³). И если это так, то не был ли выстрел Онегина, увидевшего и понявшего, что Ленский всерьез готов убить его, самозащитно упреждающим и неприцельно смертельным? Не говорит ли об этом и то, что Онегин, которому следовало бы «метить» либо «в висок», чтобы убить³⁴, либо «в ляжку», чтобы исполнить дуэльный долг, но сохранить противнику жизнь (6, XII, 14), попал, не успев прицелиться и/или по неопытности, «под грудь навывлет» (6, XXXII, 3)³⁵? Как бы то ни было, его первая реакция — это реакция человека, неприятно потрясенного случившимся (6, XXXI, 7—10). И *окровавленная тень* Ленского (как не вспомнить «кровавых мальчиков» «в глазах» Бориса Годунова!), являвшаяся *каждый день* Онегину и погнавшая его по свету (8, XIII, 7—10),

тоже говорит нам об Онегине не как о хладнокровном убийце. Очень существенно, что повествователь (за которым стоит сам Пушкин — теоретик и практик дуэльного дела) вполне сочувственно описывает нравственные муки терзаемого «сердечными угрызениями» Онегина (6, XXXV, 1—7), а «горожанка молодая» (6, XLI, 5) не находит для «убийцы юного поэта» более сильных слов осуждения, чем *этот пасмурный чуда*к (6, XLII, 11—12).

Что касается *сабли* как оружия дуэли, то Онегин, с «прямым благородством» его «души» (4, XVII, 5), с его «гордостью» и «прямой честью» (8, XLVII, 10—11), скорее всего, не мог ее «разлюбить» по той причине, что он вряд ли мог полюбить ее. Пункт 499 позднейшего «Дуэльного кодекса» В. Дурасова гласит: «Хотя дуэль на саблях принадлежит к числу законных дуэлей, но употребляется редко, и оскорбитель имеет право отказаться от нее (...) и оскорбленный обязан избрать другой законный род оружия для дуэли» (Гордин 1996: 250). Так же считалось и в пушкинское время. Объясняется это тем, что фехтовальная дуэль почти никогда не приводила к большой крови и не считалась инструментом Божьего суда, решавшего исход поединка с выбором между жизнью и смертью. Такая дуэль могла быть увлекательным спортивным зрелищем на публичных вечерах, рядом с декламацией, танцами и вокальными номерами³⁶; на нее шли драчуны-фанфароны и трусливые забияки (преимущественно из числа военной молодежи³⁷), которые, предлагая сабельный вызов, наперед были уверены, что жизнью они не рискуют. Вызванный, если он обладал чувством собственного достоинства, как правило с негодованием отвергал саблю, а если и принимал ее, то лишь презрительно снисходя к слабости противника³⁸. Не знать этого Онегин не мог, как не мог не знать этого и Пушкин. «Двадцать лет — от Лицея до гибели — дуэль непрестанно занимала мысли Пушкина (...) Право на дуэль, способы осуществления этого права — выводы из обширного знания дуэльных ситуаций были одним из краеугольных камней его экзистенциальных построений» (Гордин 1987: 21)³⁹. Была в его «послужном списке» и сабельная — именно по этой причине не состоявшаяся — дуэль.

Как известно, в ночь с 4 на 5 июня 1821 г. в Кишиневе произошло столкновение Пушкина с французом Дегильи. Пушкин потребовал стреляться. Дегильи, трусливо отказавшись от пистолета, настаивал на сабле и разыграл при этом позорную сцену. Вздвигнутый Пушкин написал ему 6 июня: «К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера».

«Недостаточно быть трусом (в подлиннике: „un J. F.“, то есть *un Jean Foutre* 'membrum virile'. — *А. П.*), нужно еще быть им в открытую. Накануне паршивой дуэли на саблях (в подлиннике: „d'un foutu duel au sabre“, где *foutu* — *part. pass.* от *foutre* 'futuere'; наверное, лучше было бы перевести: „паскудной дуэли на саблях“. — *А. П.*) не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта». «Заметьте, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли» [13: 30 (текст), 522—523 (перевод); ср. 12: 304]. Нет, «паскудная» дуэль на саблях была, как сказал бы Набоков, «совершенно не в характере Онегина» (ср. Nabokov 1975, 3: 41)⁴⁰.

*   *
*

Итак, мы можем еще раз со всей определенностью сказать: финальная строка строфы 1, XXXVII такова, что, от какого бы слова или словесного комплекса в ее составе мы ни отправлялись, однозначное толкование заключенного в ней смысла в рамках рассмотренных выше подходов недостижимо. Если бы в нашем трехчленном ряду не было интегрирующей брани, то, не возвращаясь к первоначальному, отвергнутому Пушкиным дуэльному варианту, можно было бы понимать *саблю* в «военном», а *свинец* — в «дуэльном» смысле. Тогда герой предстал бы кем-то наподобие повесы, бравого воина и дуэлянта Р. И. Дорохова: *Ты прострелен на дуеле, // Ты разрублен на войне* («Счастливы ты в прелестных дурах...», 1829; ср. Цявловская 1959: 716). Однако Онегин не имел ничего общего с людьми этого типа. Если бы в трехчленном ряду не было *сабли*, *брань* говорила бы о войне, а *свинец* можно было бы связать с дуэлями. Тогда мы получили бы ситуацию Кавказского пленника: *Любил он прежде игры славы // И жаждой гибели горел. // Невольник чести беспощадной, // Вблизи видал он свой конец, // На поединках твердый, хладный, // Встречая гибельный свинец* (I, 347—352). Но хотел ли Пушкин повторить в Онегине этого героя? В трехчленном же сочетании ни распределить эти элементы так или иначе, ни свести их к тому или другому общему знаменателю оказывается невозможно. «Военная» семантика слова *брань* категорически исключает возможность интерпретации следующих за ним в сочинительном ряду слов *сабля* и *свинец* в «дуэльном» смысле. Вместе

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

с тем понимание целого этой строки как свидетельства о военном опыте юного Онегина должно быть решительно отвергнуто (см. выше).

В этой связи можно было бы вспомнить высказанное Н. А. Бродским предложение понимать рассматриваемую пушкинскую фразу как свидетельство того, что Онегин, «подобно Чацкому (...) мог увлечься „расшитым и красивым мундиром“ и даже носить его некоторое время, как это было в жизни Грибоедова и др., не встречаясь с „свинцом“ „на поле битв“ (на поле брани). Но так как в биографии пушкинского героя нет точного указания на его военную службу, то признание, что Онегин когда-то любил „брань, саблю и свинец“, может быть истолковано как указание на связи статского молодого человека с военными, на его тяготение к кружку военной молодёжи». «Но Онегин разлюбил „и брань, и саблю, и свинец“, т(о) е(сть) (?!) перестал бывать и на собраниях военной молодёжи. Причины этого перелома указаны в романе: в Онегине „чувства остыли“, он „к жизни вовсе охладел“» (Бродский 1950: 54, 55; ср. Никишов 1998: 61; Федута, Егоров, 1999: 86). Искусственность этого объяснения очевидна. Онегин (хотя об этом ничего не сказано) мог, конечно, полюбить (а потом «разлюбить») «красивый» гусарский или кавалергардский «мундир». Он мог, разумеется, полюбить и саблю — не как недостойное благородного человека оружие «паскудной» дуэли, а как честное, овеянное романтической дымкой и пороховым дымом боевое оружие. Боевая сабля — это один из важнейших элементов целостного «гусарского» комплекса, в который входят и доломан, и «кивер зверски набекрень», и «жесточкой ментик за спиною», и «ташка с царским вензелём», и «ухарский конь» с «узорным чепраком», шпоры, «два любезные уса» и «виски́ горы», а также «трубка с табаком», водка, «шампанского оттычки», «обширные чаши», полные вина, и «пуншевые стаканы»...⁴¹ Такая сабля — «бранная подруга»⁴², «бранная красавица»⁴³, ее признаки — «блеск» и «ясность», сфера ее действия — «кровавый бой», «пламенные сраженья» и «шумная сеча»; ее поэтические синонимы — «меч» и «булат». Но свинец как метонимия пули (и только через пулю также пистолета или ружья) к ряду «красивых» знаковых вещей может быть причислен с большой натяжкой⁴⁴. Ну, а брань как свидетельство «тяготения» Онегина к «кружку военной молодежи» просто не выдерживает никакой критики. Ответа на волнующий нас вопрос мы не находим и здесь.

Как же быть? Неужели пушкинская загадка неразрешима? Нет, и именно Бродский подсказывает направление, в котором следует двигать-

ся. Ведь его мысль о «мундире» и «сабле» оказывается весьма плодотворной, если только подходить к ним не как к предметам реальной экипировки, а как к предметам юношеской романтической мечты. Той мечты, которая овладевала сознанием множества молодых людей пушкинского времени, чтобы затем одних на всю жизнь приковать к армейской службе, а для других навсегда потерять свой блеск и привлекательность, как это произошло с лирическим субъектом в поэзии юного Пушкина.

Начиналось на обычном для этой эпохи возрастном рубеже 15—16 лет с мечты лицейского затворника-«монаха» о бегстве — почти по Бродскому — в веселый и разгульный мир «военной молодежи», который манил исключительно внешней, «красивой» стороной:

О Галич, время невовратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный (...)

Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов! ⁴⁵

(«К Галичу», 1815)

Мысль о войне живет где-то в глубине сознания и дает о себе знать глухим и туманным намеком в перифрастическом «гласе славы». Очень скоро, однако, эта мысль прояснится. Прояснится пока еще в расплывчатых символических образах и тут же будет отвергнута:

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

(«Мечтатель», 1815) ⁴⁶

Затем эта мечта о славе вернется в период общего патриотического подъема, вызванного победоносным завершением военной кампании, вместе с сетованием на непричастность к «великим делам»:

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?

(«На возвращение Государя Императора...», 1815) ⁴⁷

Мечта о славе «находит» и «исчезает», волнуя воображение:

Здравие славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья!
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

(«Заздравный кубок», ред. 1819)

Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,
Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя,
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор, — и я
Лечу на гибель супостата. —
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие Лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах,
И молча преклонясь ко гриве,

Он мчит стрелой по скользкой ниве,
С цыгаррой дымною в зубах...

(«Послание к Юдину», 1815)

И через два года, в 18 лет, поэт думает и чувствует так же:

Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров? <...>

Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.

(«Послание В. А. Пушкину», 1817)

А еще двумя годами позже, уже после Лицея, ситуация изменится:

Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты! <...>

Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов <...>

И буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей,
И брани громкой вызов грянет,
Тогда покину мир полей <...>

В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

(«Орлову», 1819) ⁴⁸

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

В этих текстах встречаются и *мундир*, и *сабля*, и не получающая объяснения в рамках гипотезы Бродского *брань*. А в послании «Орлову» мы находим две ключевых фразы: *«...» я забываю // Свои гусарские мечты и смиря немирные желанья* — фразы, которые проливают свет на онегинское *разлюбил*. Стихи 1, XXXVII, 13—14 (*«...» Но разлюбил он наконец // И брань и саблю и свинец*) могут быть непротиворечиво и без натяжек истолкованы следующим образом: «и даже перестал мечтать об участии в войне, о сабельных рубках и ружейных перестрелках».

*   *
*

Предложенное истолкование глагола *разлюбить* ('перестать мечтать о чем-либо, перестать желать чего-либо') не отмечено толковыми словарями (в том числе и «Словарем языка Пушкина»), но оно точно отражает языковую реальность пушкинской эпохи. Это значение надежно подтверждается совершенно невозможным в современном языке употреблением глагола *любить* в значении 'мечтать о чем-л.' в послании Боратынского «Лутковскому» (1823), сюжет которого точно воспроизводит ситуацию недолгого онегинского увлечения мысленными образами войны:

Влюбился я, Полковникъ мой,
Въ твои военные рассказы!
Проказы жизни боевой
Никакъ веселья проказы!
Не презрю я въ душѣ моей
Судьбою мирнаго лѣнтяя;
Но мнѣ война еще милѣй;
И я люблю тебѣ внимая —
Жужжанье пуль и звукъ мечей.

(Боратынский 2002, 2: 54)

Ср. у него же в стихотворении «Из А. Шенье» (1828), где описаны мечты о самоубийстве: *«...» Гляжу съ отрадою на близкую могилу, // Привѣтствую ее, покой ея люблю // И цѣпи отряхнуть*⁴⁹ *я самъ себя молю* (2002, 2: 190). Прямого соответствия в первоисточнике — элегии А. Шенье — это *люблю* не имеет: *«...» Je regarde la tombe, asile souhaité; // Je souris a la mort volontaire et prochaine* *«...» = «...» Я гляжу на могилу, желанное убежище; // Я улыбаюсь смерти, добровольной и близкой* *«...»* (ФЭ: 216). Его значение приходится конструировать из целого набора

таких элементов оригинального текста, как 'желанный' (= 'такой, которого желают, милый, любимый') + 'улыбаться чему-л.' (= 'улыбкой выражать чувство радости') + 'добровольный' (= 'вопреки некоторой норме совершаемый по собственному желанию'. Ср. тот же текст в переводе Н. Иванчина-Писарева, сделанном десятью годами ранее («Бедный человек», 1818): (...) *Зрю в гробе мирну сень, где вьюги затихают, // С восторгом смерть зову* (ФЭ: 466; ср. Фризман 1979).

Глагол *любить* в аналогичном значении, еще к тому же усиленный семантически близким *ласкать* (ср. *ласкать себя мечтой*), мы находим в одном из самых мрачных стихотворений позднего Боратынского: *Летел душой я к новым племенам, // Любил, ласкал их пустоцветный колос* (...) («Опять весна; опять смеется луг...», 1842—1844)⁵⁰. В этих стихах можно усмотреть аллюзию к пушкинскому «Вновь я посетил...» (1835) и к евангельской притче о сеятеле. Вторая строка с ее «пустоцветным колосом» опровергает оба источника: Боратынский не увидел «могучего позднего возраста» и понял, что его надежды на «плод сторичный» (Лук 8: 8) не оправдались: «колос», который он «любил, ласкал», с которым он связывал свои мечты, оказался «пустоцветным». Именно эта «любовь-мечта» со всей очевидностью обнаруживает себя в цитированных выше строках Боратынского о «любви» к «жужжанью пуль и звуку мечей» и о «любви» к «покою могилы». Заметим, что сочетание *любить* и *ласкать* с управляемыми ментальными именами — традиционный оборот языка русской лирики от Пушкина до Лермонтова, например: *Люби, ласкай свои желанья, // Надежде, сердцу слепо верь. // Увы! пройдут любви мечтанья // И будешь то, чем я теперь* [А. Пушкин, «Послание к А(лексееву)», редакция «Полярной Звезды... на 1825-й год» (2: 735)]⁵¹; *И создал я тогда в моем воображеньи // По легким признакам красавицу мою: // И с той поры бесплотное виденье // Ношу в душе моей, ласкаю и люблю* (М. Лермонтов, «Из-под таинственной, холодной полумаски...», 1841)⁵².

Постулируемое значение *разлюбить* 'перестать мечтать о чем-либо' подтверждается и соответствующим значением конверсивного *полюбить* 'начать мечтать о чем-л., страстно желать чего-л.', также не имеющим словарной фиксации, но засвидетельствованным приведенным ниже фрагментом из воспоминаний кн. А. Шаховского о 1812 годе, записанных через четверть века (1836): Наполеонъ «загородился съ своей старой гвардіей въ Кремльъ отъ шумнаго ропота голодающихъ Французовъ. Онъ имъ

издалека еще показывалъ Москву, какъ вѣнецъ ихъ трудовъ, обѣщаль въ ней довольствіе, обогащеніе и самый прибыльный миръ, котораго они давно требовали и который онъ, въ тогдашнее время, столько же долженъ былъ полюбить, сколько нашъ Императоръ и Русскіе возненавидѣть» (Шаховской 1886: 387).

Полюбить мир и возненавидеть мир в этом контексте — обычные, на первый взгляд, выражения, которые в действительности отнюдь не просты и, хотя как будто вполне понятны, в чём-то не вполне правильны. Достаточно на минуту сосредоточиться на них, чтобы осознать, что они чем-то задевают наше языковое чувство, что они противоречат какой-то неизвестной, никем и нигде не сформулированной узуальной языковой норме. Если попытаться сформулировать эту норму, пусть хотя бы в самом первом приближении, то можно сказать, что глаголы *любить* и *ненавидеть* (со всеми их производными) — это глаголы объектно-направленного чувственного действия и что их объект, независимо от времени их осуществления (в настоящем, прошедшем или будущем), — это всегда реальный объект, то есть такой объект (предмет, действие или состояние), который наличествует, будет наличествовать или наличествовал в жизненном опыте субъекта любви-ненависти (ср. Чернова 1997: 19)⁵³. Например, только тот, кто знает войну не понаслышке, может полюбить или, наоборот, разлюбить ее, как это произошло с лирическим героем «поэта-партизана» Д. Давыдова: *Я не хочу войны, я разлюбил войну; // Я в мыслях, я в душе храню тебя одну* («О, кто, скажи ты мне, кто ты...», 1834; начальная редакция)⁵⁴. Точно так же, оказавшись на Кавказе, мог полюбить и полюбил войну, а став пленником, мог «разлюбить» и «разлюбил» ее герой пушкинской поэмы (1820—1821), о котором сказано романтической перифразой: *Любил он прежде игры славы // И жаждой гибели горел* (I, 347—348). Ср. о том же у Н. Коншина («Три времени», 1821): *На поле широком убийства и славы // На брань за свободу я гордо ходил; // Я ужасы боя душой полюбил {...} Но {...} Не долго игрушка слывет не игрушкой, // И сердце не долго волнует война* (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 355—356).

Сказанное о любви к войне относится также к любой абстракции, если она входит или входила в прошлом в сознание субъекта. Так, человек, не ценивший жизнь и тяготившийся ею, может полюбить жизнь, поскольку она изначально дана ему⁵⁵. Однако человек, решивший расстаться с жизнью, не может (оставаясь в границах современной языковой нормы) ска-

зять, что он *полюбил смерть, поскольку в его личном опыте смерти нет, не было и не может быть до тех пор, пока она не наступит. Он может сказать только, что он *хочет / желает / жаждет / алчет, просит смерти, стремится к ней, мечтает о ней*⁵⁶. И смерти мысль мила душе моей, — написал Пушкин (2, 1: 138). Равным образом раб, который никогда не знал свободы, может только мечтать о ней, но не может любить или полюбить ее, как, расставшись с этой мечтой о неведомой ему свободе, не может сказать, что он ее разлюбил. Но когда, как у Шаховского, о Наполеоне говорится, что он «должен был полюбить мир», то — поскольку речь идет о заключении мира, позорного для Наполеона, в жизненном опыте которого ничего подобного никогда не было, — имеется в виду не любовь Наполеона к миру, а его мечта о таком мире как о единственном, хотя и унижительном пути спасения себя, остатков армии и престижа государства. И если *полюбить* у Шаховского имеет значение 'начать мечтать', то его же *возненавидеть* должно пониматься как 'исполниться презрением'⁵⁷. Такое истолкование фразы Шаховского находит подтверждение в бесчисленном множестве текстов этой эпохи, повествующих о стремлении Наполеона к миру и о презрительном отношении к этой идее со стороны русских⁵⁸. Именно мечту Наполеона о мире имел в виду Пушкин, когда писал о том, как Москва пустынно блещет, // Его приемля, — и молчит («Герой», 1830). О том же — в хрестоматийных строках строфы XXXVII 7-й главы «Евгения Онегина»: Напрасно ждал Наполеон, // Последним счастьем упоенный, // Москвы коленопреклоненной // С ключами старого Кремля: // Нет, не пошла Москва моя // К нему с повинной головою. И, наконец, вполне недвусмысленно в стихотворении «Наполеон» (1821): Великодушного пожара // Не предузнав, уж ты мечтал, // Что мира вновь мы ждем, как дара; // Но поздно русских разгадал...

Таким образом, глаголы *любить — полюбить — разлюбить* в языке пушкинской эпохи захватывали те сегменты семантического поля, которые для нашего языкового сознания принадлежат исключительно глаголам *мечтать* (о чем-л.), *надеяться* (на что-л.), *желать* (чего-л.), *помышлять* (о чем-л.), *стремиться* (к чему-л.), *алкать* (чего-л.), *жаждать* (чего-л.) и др. Характерная для языка того времени экспансия глагола *любить* и его производных на сопредельную семантическую территорию имеет еще одно следствие. Они свободны не только от действующего сегодня ограничения, связанного с требованием обязательного вхождения их

объектов в наличный жизненный опыт субъекта. Они не знают и другого ограничения, полностью исключающего их употребление по отношению к ментальным объектам (то есть существующим исключительно во внутреннем мире субъекта). Язык пушкинской эпохи не знал также и действующего сегодня жесткого запрета на «маломасштабное» использование глагола *любить* в контекстах актуального действия⁵⁹:

а) *любить* в значении 'нравиться'. Так у Пушкина: «Кстати: что прелестнее строфы Ж(уковского) — *Он мнил, что вы с ним однородные и следующей. Конца не люблю*» (13: 153; письмо Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу, 15 марта 1825 г.; цитата выделена Пушкиным. — А. П.); <...> *Мой друг, ты вел себя прекрасно: // Ты никому там не мешал, // Ариста нежно утешал, // Давал полезные советы // И ни рубля не проиграл. // Люблю: вот каковы поэты!* («Послание к Великопольскому, сочинителю сатиры „На игроков“», 1828). То же позднее у К. Павловой в переводе Мольерова «Амфитриона» (1856): *Вот как! из див уж это диво! // Что я живу благочестиво, // Что тайных нет во мне затей, // Мне ставишь ты в вину: люблю я новость эту* (явление 5) — и ранее у А. Воейкова в переводе «Садов» Ж. Делиля, опубликованном в 1816 г.: *Вождь улыбается дарам нелестным сим, // И лавроносное чело склоня пред ним, // В объятья заключил, целует в восхищенье, // И любит видеть в нем царя — свое творенье* [IV, 843—846 (Делиль 1988: 166); ср. фр. *il aime à voir* (NЗ неразличение значений 'любить' и 'нравиться' во фр. *aimer*)]⁶⁰;

б) *любить* в значении 'испытывать, переживать чувство любви' (все примеры из «Buch der Liebe» Н. Огарева): *Мне кажется: наедине со мной // Сидите тихо вы, рука с рукой, // И так глубоко любите меня; // И русский локон ваш целую я <...>* («Вдали от вас я только тем живу...», 1842); *Вы как-то улыбнулись мне раз; // А я тогда, поодаль грустно стоя, — // Я вас любил и мог глядеть на вас* («Сегодня колоколен звон печальный...», 1842); *В моей душе то, что в душе у вас, // Родится разом; мысль в движении скором // Летит за вашей мыслью каждый раз, // И я люблю, блаженствую и плачу <...>* («Я ночью подъезжал к святому граду...», 1843); <...> *Но хорошо на сердце было мне; // Оно воспоминало и любило* («Я взял коня и поскакал в Albano...», 1843)⁶¹.

Убедительным подтверждением наших построений может служить оборот, не привлекавший внимания лексикографов и комментаторов стихотворения 18-летнего Пушкина «Краев чужих неопытный любитель...», —

оборот, в котором производное *любитель* представляет производящее *любить*, направленное, как и в ранее рассмотренных случаях, на объект, отсутствующий в непосредственном опыте субъекта этого чувства: Пушкин, до конца дней своих так и не попавший в «чужие края», знал о них только понаслышке и «поначитке» и, следовательно, не мог их 'любить'. Он мог лишь мечтать о них: «Ты, который не на привязи, — писал он Вяземскому 27 мая 1826 г., — как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне *свободу* (подчеркнуто Пушкиным. — А. П.), то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ.(ийские) журналы или парижские театры и (бордели) — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство» (13: 280). Понятно поэтому, что «неопытный любитель» «чужих краев» в пушкинском стихотворении 1817 года — это, конечно, не «тот, кто имеет склонность, пристрастие к чему-либо» (БАС, 6: стб. 427; ср. МАС, II: 208; ОШ: 336)⁶², а тот, кто мечтает о чём-либо, думает об этом с вожделением, связывает с этим свои планы, надежды и стремления. И потому «неопытный любитель» «чужих краев» — это не тот, кто «имеет недостаточный опыт для какого-либо вида деятельности», и не тот, кто «не обладает вообще жизненным опытом» (ср. МАС, II: 460), а тот, кто мечтает о «чужих краях», несмотря на отсутствие живого опыта пребывания в них и знания их. Прилагательное «неопытный» употреблено здесь в контекстуально смещенном значении, которое осложнено «уступительным» компонентом: точнее всего можно было бы истолковать его как 'доопытный, априорный'⁶³.

Интересно выражение *любимая мечта* (*любимые мечты*)⁶⁴. Этот оборот, сегодня невозможный, а тогда вполне обычный и расхожий, не связан прямо ни с мечтами о любви⁶⁵, ни с любовью к мечтам; значение его может быть истолковано, по-видимому, как 'привычная мечта'. Ср. у Пушкина в стихотворении «Когда порой воспоминанье...» (1830): *Стремлюсь привычною мечтою // К студеным северным волнам — и в «Евгении Онегине» (о Ленском и его любви к Ольге): <...> Всегда, везде одно мечтанье, // Одно привычное желанье, // Одна привычная печаль* (2, XX, 5—7). Ср. еще: *Ты знаешь, мне ль боготворить // Душой, не созданной для счастья, // Толпы привычные мечты <...>* (Д. Веневитинов, «К моей богине», 1826). Ср. также словосочетания *всегдашняя мечта*⁶⁶, *постоянная мечта*⁶⁷, *привычная дума (привычные думы)*⁶⁸.

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

Только приняв во внимание всё вышесказанное, мы поймем целый ряд формульных построений поэтического языка Пушкина:

Узнай любовь, — неведомую мне, —
Любовь надежд, восторгов, упоенья (...)
(«Кюхельбекеру», 1817) ⁶⁹

Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь.

[«Послание к Алексею», 1821 (2, кн. 2: 735)] ⁷⁰

Не спрашивай, за чем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю милой —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь (...)
(«К ***», 1817) ⁷¹

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

(«Я пережил свои желанья...», 1821) ⁷²

Последние две цитаты особенно значимы в контексте наших размышлений, так как «разлюбил» свою (правда, совсем не «веселую») любовь, «пережил свои желанья», «разлюбил свои мечты» и юный Онегин. За кругом его чувств и переживаний здесь, как и во множестве других случаев стоит, конечно, сам Пушкин, который в позднем своем отрочестве мечтал и о мундире, и о брани, и о сабле, и о свинце, а в юности вжился в этот военный мир настолько, что представлял свое участие в нем как бы свершившимся фактом:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной Славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.

(«Мне бой знаком...», 1820)

В этом стихотворении стерта граница между реальностью и мечтательным вымыслом: люблю здесь одновременно и 'с наслаждением слышу [звук мечей] / участвую [в кровавых забавах]', и 'восторженно мечтаю

о том, как услышу... / как буду участвовать...», а поклонник — это сразу и тот, кто 'любя, мечтает о...', и тот, кто 'любя, участвует...'. Со всей очевидностью такое переживание мечты как реальности выражено Боратынским в цитированном выше послании «Лутковскому» (1823):

{...} И я люблю тебя внимая —
Жужжанье пуль и звук мечей.
Как сердце жаждет бранной славы,
Как дух кипит, когда порой
Мне хвалят ратные забавы
Мой беззаботливый Герой!
Прекрасный вид! — Въ весельи дикомъ
Вы мчитесь грозно — дымъ столбомъ!
Оружій блескъ! Оружій громъ!
Разбитый врагъ покрытъ стыдомъ,
И страшный бой, съ побѣднымъ кликомъ,
Вы запиваете виномъ.

(Боратынский 2002, 2: 54—55)

Это и есть те самые *немирные желанья*, которые «смирил» Пушкин, и те самые *гусарские мечты*, которые он пытался «забыть». Это и есть те самые «брань, сабля и свинец», которые разлюбил Онегин.

За Онегиным стоит также Пушкин — автор «Войны» (1821), поэтической «мечты», переживаемой как реальность (в первоначальной редакции стихотворение назвалось «Мечта воина»):

Война! Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений! —
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое зыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

Здесь Пушкин вводит еще одну чрезвычайно важную тему:

И всё умрет со мной (...)
И ты, и ты, любовь!... Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой Славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

Эта тема — тема любовной тоски, «злой отравы», которая владеет сознанием и лишает способности действовать. Отсюда «тягостная лень» и надежда на «войну» как последний выход из этого мучительного состояния⁷³. Иные, действительно, находили в ней спасение⁷⁴; но, как мы хорошо знаем по живому опыту многих и многих, надежда эта очень часто не сбывалась. Прошел через это испытание, например, Батюшков⁷⁵. Прошел — сначала в мечтах, а позднее в реальности — Пушкин, который бросился на войну, рискуя своим положением и отношениями с императором и двором. Прошел через мечты о войне и Онегин, но его тоска оказалась сильнее, и *разлюбил он наконец // И брань и саблю и свинец*.

Примечания и экскурсы

¹ Ср.: «Сопоставляя образы Онегина и пленника, можно установить, что происхождение, образ жизни и душевный мир обоих вскрывают в какой-то мере единый социальный тип, обрисованный однородными приёмами» (Бродский 1950: 97).

² Поскольку одесские друзья повествователя недвусмысленно и необычно названы здесь *новоизбранными* (ср. в прославленном «19 октября» 1825 г.: *Из края в край преследуем грозой, // Запутанный в сетях судьбы суровой, // Я с трепетом на лоно дружбы новой, // Устав, приник ласкающей главой...*), мы имеем все основания предполагать, что Онегина до этой встречи они никогда не видели и, следовательно, могли знать о нем только со слов его и их петербургского друга. Что же и как он должен был рассказывать им об Онегине, чтобы его приезд вызвал у них удивление, смешанное с радостью и восхищением? Эта непрямая характеристика Онегина скрывает бездну смыслового пространства и стоит целой строфы эпитетов и пространных описаний.

³ Ср. «Коварность» (1824), где мы находим в развернутом виде все эти мотивы, и проникнутую такой же горечью «Дружбу» (1824—1825). Предательство и измена друзей волновали Пушкина на протяжении всей его жизни. Ср. в черновом авто-

графе стихотворения «Вновь я посетил...» (1835): *Я равным образом о грустных заблуждениях // Об испытанных юности моей. // О строгом, заслуженном осуждении* (вариант: *О клевете, о строгом осуждении*) *// О [мнимой] дружбе, сердце уязвившей // Мне горькою [и] ветреной (?) обидой* (3, кн. 2: 999, ср. 1004 примеч. 3). Не принадлежа свету и «светской черни», друзья были связаны со светом и, входя в него, оказывались под угрозой потери собственного лица. Отравленные его тлетворным дыханием, иные из них изменяли дружбе и предавали ее: *Я пью один, и на берегах Невы // Меня друзья сегодня именуют... // Но многие ль и там из вас пируют? // Еще кого не досчитались вы? // Кто изменил пленительной привычке? // Кого от вас увлек холодный свет?* («19 октября», 1825).

⁴ О французском написании *Rost-beef* (не *roast-beef*!), которое мы находим у Пушкина (1833: 10; 1837: 10), см. Nabokov 1975, 2: 73; Добродомов 2004б: 790. О слове *beef-steaks* см. Добродомов 2001; 2004а.

⁵ Ср. 1, XXXVII, 8—9 и описание обеда с Кавериним (1, XVI, 5—1, XVI, 2). Из этого сопоставления отнюдь не следует, разумеется, что Каверин тоже принадлежит к числу отвергнутых Онегиным «друзей». Из этого следует только, что друзья из круга Каверина и уж эти мне друзья, друзья устраивали застолья в одних ресторанах, заказывали те же блюда и пили те же вина, а, следовательно, относились к одному социальному кругу. Весь описанный комплекс — включая и острые слова — находим у Д. В. Давыдова в стихотворном послании к графу Ф. И. Толстому, написанном за восемь лет до того, как Пушкин начал «Евгения Онегина»: *Друг милый, вечером // Хоть на часок покинем // Вельмож докучный дом // И к камельку подвинем // Диваны со столом, // Плодами и вином // Роскошно покровенным // И гордо отягченным // Страсбургским пирогом. // К нам созван круг желанный // Отличных сорванцов, // И, плющем увенчанны, // Владельцы острых слов, // Мы Вакховых даров // Потянем сок избранный (...)* *И пробка полетит // До потолка стрелою, // И пена зашумит // Сребристой струей (...)* («Болтун красноречивый...», 1815²). Интересно, знал ли Пушкин в 1820-е годы это стихотворение, впервые опубликованное в 1832 г.

⁶ Не имея возможности обсуждать здесь эту сложную проблему в целом, отмечу только, что исходить следует из вполне ответственных и серьезных слов Пушкина о «неподражательной странности» его героя (1, XLV, 6). Этому нужно верить так же, как аналогичной характеристике Татьяны: *Она была нетороплива, // Не холодна, не говорлива, // Без взора наглого для всех, // Без притязаний на успех, // Без этих маленьких ужимок, // Без подражательных затей...* (8, XIV, 5—10).

⁷ Ср.: «Девушки у нас расчетливы на женихов; дамы осторожны с любовниками (...) но разогни упоследних молитвенник — и ты увидишь науку любить, в переплете под крестами» [Бестужев-Марлинский 1995: 435 («Фрегат „Надежда“», гл. II; 1832)]. Перевод латинского *arg* в этом названии словом *искусство* также вполне обычен в языке пушкинской эпохи. Ср.: «Вы изволите защищать автора вчерашней комедии, сударыня; но позвольте вам заметить, что он, как по всему видно,

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

никогда не читывал не только Овидиева искусства любить, но даже и ни одного хорошего любовного романа» [Загоскин 1987: 15—16 («Комедия против комедии, или Урок волокитам», 1, 2; 1815); инфинитив в обсуждаемом сочетании воспроизводит французскую модель: фр. *art d'aimer* vs лат. *ars amatoria* или *ars amandi*]. Еще раньше А. В. Храповицкий в предисловии к переводу французского «Любовного лексикона» (Москва 1779) упоминал книгу Овидия «о любовном искусстве», заключая, что «тогда еще любовь сделалась наукою» [цит. по кн. Ю. М. Лотмана (1980: 136)]. Ср. аналогичное соединение «искусства» и «науки»: (...) *Наука всем равно понятна — // Уметь любить и милым быть; (...) Твержу науку я любить (...); (...) Про стару нежность говорю, // Тем конча все свое искусство, // Чтoб раздражить в ней пылко чувство* (И. Крылов, «К другу моему», 1793). Ср. также: *Признайтесь сами, князь, что нет трудней искусства, // Науки мудреней, как в этом свете жить, // Которому дают название большого* [А. Шаховской, «Урок кокеткам, или Липецкие воды», 1, 3 (1815)].

⁸ В других случаях, когда Пушкин говорит о любви, страсти и страстях, он обычно присоединяет к думам о «предмете» указания на сопутствующие им движения души и сердца. Вот своего рода программное его заявление: (...) *Когда тоска обманчивых желаний // Объемлет нас и душу тяготит, // И всюду нас преследует, томит // Предмет один и думы и страданий* (...) [«Гаврилинада», 105—108 (1821)]. То же в «Онегине»: *Но, получив посланье Тани, // Онегин живо тронут был: // Язык девических мечтаний // В нем думы роem возмущил* (...) *Быть может, чувствий пыл старинный // Им на минуту овладел* (...) (4, XI, 1—4, 9—10). Здесь определение старинный 'давнишний' отсылает не к его отношениям с «красавицами», а к потаенному юношескому роману Евгения с роковой женщиной, погрузившей его в пучину страстей [недаром он всерьез, без блессток мадригальных признается Татьяне, что нашел в ней свой прежний идеал (4, XIII, 9—10)]. Ср. в «Анджело» (1833): *День целый Анджело безмолвный и угрюмый // Сидел, уединясь, объят одною думой, // Одним желанием* (...) *Что ж это? — мыслит он, — // Ужель ее люблю, когда хочу так сильно // Услышать вновь ее и взор мой усладить // Девичьей прелестью?* (2, I, 1—7). Показательно также противопоставление «головных» дум Онегина «думам сердца» Ленского; ср. в рукописях 2-й главы романа: *Кто ж та была, которой очи // Он без искусства привлекал, // Которой он и дни и ночи // И думы сердца посвящал?* (6: 565, ср. 287).

⁹ Ср.: *Людей и свет изведal он // И знал неверной жизни цену. // В сердцах друзей нашeд измену. // В мечтах любви безумный сон* («Кавказский пленник», 1, 71—74). Сопоставление сделано Н. А. Бродским (1950, 97).

¹⁰ Таковы, например, неизвестно какие, чьи и по какому поводу написанные стихи (1, LIV, 11), неизвестно кому принадлежащие кольца (4, VIII, 12), неизвестно от кого исходящие и кому адресованные записки на шести листах (4, VIII, 11), угрозы, толки, предсказания (8, XXXVI, 12) и многое другое.

¹¹ Ср. полное и точное воспроизведение этой же ситуации в пушкинском «Мне вас не жаль...», написанном за три года до 1-й главы «Онегина»: [Мне вас не

жаль], неверные друзья, // Венки пиров и чаши круговые, — // Мне вас не жаль, изменницым молодые, — // Задумчивый, забав чуждаюсь я, — и в тогда же созданной элегии «Погасло дневное светило...»: Я вас бежал, питомцы наслаждений, // Минутной младости минутные друзья; // И вы, наперсницы порочных наслаждений, // Которым без любви я жертвовал собой, // Покоем, славою, свободой и душой, // И вы забыты мной, изменницым молодые, // Подруги тайные моей весны златые, // И вы забыты мной... Но прежних сердца ран, // Глубоких ран любви, ничто не излечило...

¹² Обличение «света» с конца XVIII в. стало одной из самых важных и живо-трепещущих тем русской литературы — во всех ее родах, жанрах и видах. На протяжении почти полувека в поэзии, художественной прозе и публицистике авторы не просто обличали «свет», — его изобличали, клеймили и предавали анафеме, причем делали это, глядя не со стороны, а изнутри, хорошо его зная. К 1840-м годам эта дежурная тема стала совершенно банальной и настолько себя изжила, что вызвала уже только иронию. Показательна в этом отношении позиция И. Тургенева, который, завершая характеристику Виктора, великосветского героя поэмы «Параша» (1843), писал: Вам гадко... но, читатель добрый мой, — // Увы! и я люблю большого света // Спокойный блеск и с радостью смешной // Любуюсь гордым холодом приветов — // Всей этой жизнью звонкой и пустой. // На этот мир гляжу я без желанья, // Но первый сам я хохотать готов // Над жаром ложного негодованья // Непризнанных, бесхвостых «львиц и львов»! // Да сверх того вся пишущая братия // На «свет и роскошь» сыпала проклятья... // А потому см(отри) творенья их (...) (417—428).

¹³ Об оценке Онегина А. Бестужевым обычно говорят, основываясь на его письмах Пушкину. Вот еще одно очень яркое его высказывание в письме к братьям (25 декабря 1828 г.): «Характер Евгения просто гадок». Это безстрастное животно-ное со всеми пороками страстей» (Семевский 1870: 249).

¹⁴ Заодно Набоков дал понять, что, сказав Шампанской обливать бутылкой (вместо бутылкой шампанского), Пушкин допустил «грамматическую погрешность» (Nabokov 1975: 2, 149). Погрешность, однако, допустил не Пушкин, а Набоков, не принявший во внимание, что в этом обороте отразилось общее для языка пушкинской эпохи явление свободного перевода родительного применного в согласованное определение: «За жарким наливалось почетнейшим из гостей по бокалу Шампанского (...) Менее почетным наливалось по бокалу Донского, а третьему разряду (...) наливалось бурое Цимлянское, но все таки в Шампанских бокалах» (Бутурлин 1897: 411); «(...) сказал сосед мой, адъютант, освежая усы в шампанской пене (...)» [Бестужев-Марлинский 1995: 143 («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», 1830)].

Из аналогичных языковых явлений той эпохи ср.: «приданая роспись» < роспись приданого (Дмитриев М. 1869: 10); «мѣховая торговля» < торговля мехами (Греч 1873: стб. 277); «овощной продавецъ» < продавец овощей (Сахаров 1873: стб. 906); «Турецкій, Итальянскій, Латинскій учитель» < учитель турецкого, итальянского,

латинского [языков] (Муравьев 1886, № 2: 132); «танцовальный, фортепианный учитель» < учитель танцев, [игры на] фортепиано (Бурнашев 18726: стб. 1791) — и даже «всевозможный знатокъ» < *знаток всего, что возможно [«Жеребцовъ, который особенно умѣлъ составить себѣ репутацію всевозможнаго знатока (...» (Инсарский 1873: стб. 584)]. Ср. также: «историческія лекціи» < лекции по истории (Кайданов 1832: т. л.); «логическія лекціи», «логич(ескія) тетр(ади)» < лекции (тетради) по логике [Снегирев 1902, № 7: 371; № 8: 574 (записи от 8 октября 1823 г. и 24 мая 1825 г.)]; «холерные слухи» < слухи о холере [Вяземский 1951: 213 (письмо Карамзиным от 30 мая 1831 г.)]; «за ужиным столом» < за столом, [накрытым для] ужина [Бестужев-Марлинский 1995: 134 («Вечер на Кавказских водах в 1824 году»)]. Ср. у Пушкина: голос лирный («Евгений Онегин», 1, LV, 3), говор ключевой (7, VI, 7), холод ключевой («Гроб юноши», 1821), подобно горсти пыльной [«Подражания Корану», VIII (1824)] и др. То же в случаях с именами собственными (там, где современная норма запрещает или не рекомендует образование производных прилагательных): Раевская батарея < батарея Раевского [«Пріѣхавши на Раевскую батарею, мы слѣзли съ коней и съ часть еще бесѣдовали о важномъ приключеніи, въ которомъ я участвовалъ. На Раевского батареѣ каждый изъ насъ взялъ на память посѣщенія нашего, кто шомполъ, кто киверъ, кто кость» (Муравьев 1886, № 4: 450)]; «ужасы Сухозанетские» < ужасы Сухозанета < ужасы, которые творил Сухозанет [дневник А. И. Тургенева, запись от 24 ноября 1834 г. (ПВС, 1: 194)]; «семейство Нессельродное» < семейство Нессельроде [Вяземский 1951: 309 (письмо В. Ф. Вяземской, 11 марта 1832 г.)].

То же (это особенно показательно) в отношении местоимений; ср.: Любовь на камне сем их память сохранила (В. Жуковский, «Сельское кладбище», 1802), — где их память значит 'память о них'; Еще твоей молвой наполнен сей предел (А. Пушкин, «К Овидию», 1821), — где твоя молва значит 'молва о тебе'; И твое воспоминанье // Заменил душе моей // Силу, гордость, упованье // И отвагу юных дней (А. Пушкин, «Предчувствие», 1828), — где твое воспоминанье значит 'воспоминанье о тебе'; И ни завистливые годы, ни отдаленные края // Не воспретят, чтоб в род и роды // Хвала промчалася твоя (П. Катенин, «Ахилл и Омир», 1826), — где хвала твоя значит 'хвала тебе (Омиру)'; Казни столп; над ним ва тучей // Брезжит трепетно луна; // Чьей-то сволочи летучей // Пляска вокруг его видна (П. Катенин, «Ольга», редакция 1832 г.), — где чья-то сволочь < «сволочь кого-то» (по той же модели, что и мальчишек радостный народ).

В современном русском языке модель такого преобразования сохраняется переложительно со значительными ограничениями. Ср., например, рыбная ловля (< ловля рыбы), но ловля раков (не *раковая ловля); сумасшедший дом (< дом сумасшедших), но дом престарелых (не *престарелый дом). Иначе в пушкинскую эпоху: безумный дом < дом безумных [«... Ну пусть бы прочих всех она в безумный дом // Погнала, как гусей, туда им и дорога (...» (А. Шаховской, «Урок кокеткам», 1, 2; 1815)]; убогий дом < дом убогих [«Священникъ (...) просилъ меня показать ему мою записку объ убогихъ домахъ, я обѣщаль» (Снегирев 1902: № 8: 572; запись от 8 мая 1825 г.)]; и т. п.

¹⁵ Ср. бой 'дуэль' (6, XXXIV, 7). Обратим внимание на то, что для обозначения дуэльных действий свободно использовались не только глаголы *стреляться*, *резаться* и *рубиться*, но также *биться* и *сражаться/сразиться*.

¹⁶ Это не распространяется на метафорическое употребление слов *брань*, *война* и их дериватов, например: (...) *Не принужден платить предубежденью дань // И в мятеже страстей вести с собою брань* (...) [П. Вяземский, «Деревня» (1817?)].

¹⁷ Отсюда (с понятным метонимическим сдвигом) поле 'дуэль'. А. Ф. Вельтман писал, что был «свидетелем издали одного (пушкинского. — А. П.) „поля“, и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики» (Гордин 1987: 13).

¹⁸ «Сердечная тоска», вызванная крушением всех жизненных надежд, и мощный патриотический порыв реально совместились в жизни Жуковского, который, будучи изгнан 3 августа 1812 г. из дома Протасовых, уже 12 августа записался в Московское ополчение, а 26 августа оказался на Бородинском поле. Неизвестно, искал ли он смерти, но вдохновение нашел, а русская литература получила благодаря этому «Певца во стане русских воинов».

¹⁹ Ни то/ни другое не предполагает, однако, обязательного вступления в службу. Онегин мог оказаться на войне 1812 года точно так же, как не вступившие в военную службу реальный князь Петр Вяземский или литературный Пьер Безухов, как позднее оказались на Кавказской войне не служившие (и лишь затем вступившие в службу) Лев Толстой и герой его рассказа «Набег».

²⁰ Здесь внимательный к слову читатель принужден остановиться и задуматься, поскольку пушкинское употребление слова *наконец* в контексте отрицательно оцениваемых субъектом речи событий резко расходится с живой современной нормой, открывающей этому слову только контексты с положительной субъектной оценкой. Ср.: *И так они старели оба. // И отворились наконец // Перед супругом двери гроба, // И новый он принял венец* (2, XXXVI, 1—4); (...) *Попагру б в сорок лет имел, // Пыл, ел, скучал, толстел, хирел. // И наконец в своей постеле // Скончался б посреди детей, // Плаксивых баб и лекарей* (6, XXXIX, 10—14); *Под небом голубым страны своей родной // Она томилась, увядала... // Увяла наконец, и верно надо мной // Младая тень уже летала*. Можно было бы привести десятки слов, лексические значения которых существуют для нас в жесткой связи с закрепленными за ними оценочными значениями, тогда как в пушкинскую эпоху они были аксиологически нейтральны и соединялись с позитивной или пейоративной оценкой только в том или ином контекстном окружении. Таковы, например, *бесцеремонно* (-ый, -ость), *вечно* (-ый), *возмездие*, *выпроводить*, *выспренне* (-ий, -ость), *выхвалять*, *домогательство*, *замечательно* (-ый), *исчадие*, *клевет*, *красивость*, *неповоротливо* (-ый, -ость), *отповедь*, *отродье*, *плодить*, *поветрие*, *поделом*, *по милости* (кого или чего), *поплатиться*, *постигнуть* (о несчастье и о счастье), *праздномыслие*, *предубеждение*, *развязно* (-ый, -ость), *рассадник*, *самодовольно* (-ый), *сборище*, *своточ*, *содрогание*, *сокровенный*, *судилище*, *толпа*, *умствовать* (-ние), *усугубить*, *честить*, *чудесный*, *шайка* и мн. др.

²¹ Ср. размышления В. С. Баевского: «Мог ли пылкий и мыслящий молодой человек остаться в стороне, вести рассеянную светскую жизнь, в то время как на полях сражений решалась участь России и Европы? Отвлеченно рассуждая, мог, но вероятность этого ничтожна (...) Даже если принять, что Пушкин представил в Онегине не распространенное, а исключительное явление — молодого думающего и чувствующего дворянина, не затронутого историческими событиями 1812—1815 гг., — совершенно невозможно предположить, что сам поэт обошел бы в первой главе эти события» (Баевский 1983: 118). Исходя из этих соображений, В. С. Баевский предлагает пересмотреть общепринятую хронологию романа, его «календарь» и, в частности, оспаривает традиционную датировку рождения Онегина. По убеждению исследователя, это событие произошло не в середине 1790-х годов, а лет на пять позднее (Баевский 1983: 119; ср. Тархов 1974). Здесь не место обсуждать этот чрезвычайно интересный и сложный вопрос [литературу предмета см. в работе Shaw 1980 (русский перевод: Шоу 1996); ср. Clayton 1985: 103; Briggs 1992: 25; Шварцбанд 1992; 1997; Кошелев 1994] — замечу только, что участие или неучастие в войне пригодного для боевого дела человека может иметь множество различных внешних и внутренних причин, а потому прямолинейные оценки и выводы недопустимы.

²² Увы, в числе «неосторожных» пушкинистов я должен назвать самого себя. Работая над первым изданием своей книги (Пеньковский 1999д) и не имея еще возможности познакомиться с комментарием Набокова, я, сомневаясь и колеблясь, но не оговаривая этого, также принял «дуэльную» интерпретацию обсуждаемого двустишия. Винюся и настоящей работой исправляю свою печальную ошибку.

²³ *Русская словесность*, 1999, № 2, 78—79 (составитель Л. А. Шевченко).

²⁴ Следует иметь в виду, что метонимическая линия развития, идущая от «свинца» к «пистолету», может завершаться не только выстрелом дуэлянта, но и выстрелом самоубийцы: (...) *И если в скорбях заточенья, // Вдали от ангела любви, // Оно (сердце) замыслит преступленье, — // Ты дивной силой укроти // Порывы страсти безнадежной // И от груди моей мятежной // Свинец безумства отврати* (Д. Веневитинов, «К моему перстню», 1826—1827). Поскольку мы знаем, что Онегин застрелиться, слава Богу // Попробовать не захотел (1, XXXVIII, 6—7), то наши размышления могли бы пойти и в этом направлении. Однако «брань» и «сабля» заставляют отказаться от такого движения мысли.

²⁵ Вспомним мнение Набокова, считавшего Онегина «бесстрашным (...) метким стрелком» [*a fearless (...) marksman*] (Nabokov 1975, 3: 41)].

²⁶ Пушкин сам в этом пункте сравнивал себя со своим героем: «A l'égard de mes voisins je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excedent pas — je jouis parmi eux de la reputation d'*Onéguine* — et voilà, je suis prophète en mon pays» = «Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слышу среди них Онегиным — и вот, я — пророк в своем отечестве» [письмо В. Ф. Вяземской, конец октября 1824 г.; 13: 114 (текст), 532 (перевод)].

²⁷ «В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь», — признавался Пушкин Вяземскому 27 мая 1826 г. (13: 280).

²⁸ Пушкин, который, не будучи ни записным дуэлянтом, ни бреттером, не переставал, когда представлялась возможность, — один или вместе с друзьями (см. послание «Здравствуй, Вульф, приятель мой!..», 1823) — тренироваться в стрельбе, отрабатывая твердость руки и меткость глаза, и всегда был готов встать к барьеру. А. Н. Вульф рассказывал М. И. Семевскому, что когда «Пушкин намеревался стреляться» с Ф. И. Толстым-Американцем, то, «готовясь к этой дуэли, упражнялся со мною в стрельбе» (ПВС, 1: 420). Хотя в подобных случаях речь, вероятно, должна идти не столько о любви Пушкина к дуэлям, сколько о предельно напряженном чувстве чести, с одной стороны, и о его неизменном роковом самоощущении «смертной бездны на краю», с другой.

²⁹ Не исключено, что в этом отношении Онегину просто повезло: среди его «друзей» и знакомых не нашлось своего Мартынова или Сильвио.

³⁰ Может быть, по той причине, что он, добившись «тайного свиданья», вопреки ожиданиям самой соблазняемой (и едва ли не всех читателей пушкинского романа) «давал ей уроки в тишине» (1, XI, 12—14), но уроки не любовные, как категорически утверждает Набоков (Nabokov 1975, 2: 64) и как думают очень и очень многие, а «нравственные».

³¹ Вспомним, что Пушкину в огромном Петербурге, где у него была тьма знакомых и достаточно много друзей, найти надежного секунданта для его последней, роковой дуэли — и то оказалось непросто. Только случай послал ему Данзаса.

³² Изложение хода этой дуэли с утверждениями, что «именно Онегин первым прицеливается, сделав только четыре шага, прямо Ленскому в грудь» и притом совершает это весьма «обдуманно» (Briggs 1992: 89), или прямая квалификация онегинского выстрела как «прицельного» (Кудрявина, Мальчукова 1995: 83) не имеют никаких обоснований в тексте романа.

³³ Вот как пишет об этом Ю. М. Лотман: «Поведение Онегина на дуэли неопровержимо свидетельствует, что автор хотел его сделать убийцей поневоле (...) тот, кто желает безусловной смерти противника, не стреляет с ходу, с дальней дистанции и под отвлекающим внимание дулом чужого пистолета, а, идя на риск, дает по себе выстрелить, требует противника к барьеру и с короткой дистанции расстреливает его как неподвижную мишень» (Лотман 1980: 100; ср. Востриков 1998: 236—238; Reufman 1999: 187). Напротив, утверждение М. О. Гершензона (1926: 106) о подсознательной «ненависти к Ленскому», которая «тлеет» «в сердце Онегина» и затем «вспыхивает пожаром», не находит, как мне представляется, никаких текстуальных подтверждений и, напротив, решительно опровергается прямыми словами повествователя: Евгений, // Всем сердцем юношу любя, // Был должен оказать себя // Не мячиком предрассуждений (...) (6, X, 10—13). Поэтому невозможно согласиться с И. Вейлем, считающим, что «Онегин не будет страдать из-за смерти поэта», равно как и с его утверждением, что «Владимир Ленский, поэт и влюбленный, гибнет

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

от онегинского дуэльного пистолета прежде всего потому, что юный поэт оказывается способным на те самые чувства и действия, которых пытается избежать Онегин» (Weil 1974: 271, 267; ср. Briggs 1992: 40—41). Ср. в этой связи замечание С. Сендеровича о том, что «на дуэли Онегин убивает Ленского нехотя, бесстрастно (...)» (1990: 105). Здесь явно имеет место резкое расхождение между тем, что хотел сказать исследователь, и тем, что у него «сказалось» (он хотел сказать, что Онегин убивает Ленского, сам того не желая и не испытывая к нему недобрых чувств, но вышло так, будто бы Евгений убил друга 'с ледяным спокойствием' и 'жестоким равнодушием').

³⁴ Вспомним рассказ Сильвио о его первой дуэли с графом Б. — дуэли не на жизнь, а на смерть. Граф метил противнику в голову, и только случай спас Сильвио от смерти: пуля пробила его «красную шапку с золотой кистью, с галуном» «на вершок ото лба» (8, 1: 68).

³⁵ «Под грудь навывает» — еще одна, уже посмертная, языковая дань Пушкина романтику Владимиру Ленскому. Аксиологически это выше, вопреки действительному положению вещей, чем «в висок», и еще выше, чем фразеологическая «пуля в лоб», не говоря уже о ранении «в ляжку». Такую же посмертную стилизованную услугу оказали самому Пушкину Кюхельбекер, Лермонтов и Тютчев, заменившие низкую дантесовскую пулю «в брюхо» возвышенными «пулей» в «чело» и «свинцом в груди» и в «сердце». В свою очередь, С. Шевырев, откликаясь на гибель Лермонтова («На смерть поэта», 1841), называет обе эти цели: «чело», когда предостерегает молодых от вступления на роковое поэтическое поприще (*Не призывай небесных вдохновений // На высь чела, венчанного звездой; // Не заводи высоких песнопений, // О юноша, пред суетной толпой. // Коль грудь твою огонь небес объемлет // И гением чело твоё светло, — // Ты берегись: безумный рок не дремлет // И шлет свинец на светлое чело*), и «грудь», когда говорит именно о Лермонтове (<...> *поэт, зажавши рану груди, // Бледнея, пал — и песни не допел*), — напомним, что пуля Мартынова «попала в правый бок, пробила легкие и вылетела насквозь» (Шан-Гирей 1989: 54). Еще один пример эвфемизации пушкинской раны находим в известном сонете В. Сирина (Набокова) «Смерть Пушкина» (1924), где о последствиях рокового выстрела Дантеса сказано: *Пробита печень* (ВП: 46), — тогда как из протокола вскрытия известно, что пуля попала в область тонкого кишечника (Щеголев 1916: 69).

³⁶ Ср.: «Послѣ обѣда (<...> поѣхалъ въ Панс(іонный) концертъ (<...> Пріятно играли на скрипкѣ, піано и гитарѣ (<...> пансіонеры, читали стихи выразительно и живо (<...> Глуховцевъ съ Мясоедовымъ прекрасно и искусно бились на сабляхъ. Танцевали хорошо» [Снегирев 1902, № 7: 383 (запись от 22 декабря 1823 г.)].

³⁷ Как писал Булгарин, «эта военно-кавалерійская молодежь не хотѣла покоряться ни какой власти, кромѣ своей полковой (<...> Буянство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ, условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не помор-

щатся. После таких дуэлей наступала обыкновенно мировая, потом пирь и дружба» (Булгарин 1848: 136—137). Понятно поэтому, что умение «рубиться» («биться на саблях») входило в круг навыков, обязательных для русского офицерства этой эпохи; 7 декабря 1812 г., накануне выпуска из корпуса, К. Рылеев писал отцу: «(...) прошу вас прислать мне при первом письме рублей 50, дабы нанять мне учителя биться на саблях» (1987: 267).

³⁸ Ср. яркий рассказ Н. Н. Муравьева об одной такой дуэли, состоявшейся в 1815 г.: «Ввечеру Александръ (Муравьев. — А. П.) отыскалъ квартиру Леслея, засталъ его дома и объявилъ ему, чтобы онъ готовился на другой день съ разсвѣтомъ быть на Маркуццишкяхъ, за городомъ, съ секундантами и пистолетами. „Я не дерусь на пистолетахъ“, отвѣчалъ Леслей: „мое оружіе сабля, и вы можете сказать Глазову, что ея я отрублю ему уши“ (...) „Обида слишкомъ значительна“, отвѣчалъ братъ Александръ, „и не можетъ удовлетвориться столь слабымъ оружіемъ. Г-нъ Глазовъ готовъ съ вами на смерть драться; онъ избираетъ сильнѣйшее оружіе, и вы должны на то согласиться по принятымъ правиламъ поединка“. „А я не соглашаюсь“, отвѣчалъ Леслей. „Хорошо“, сказалъ Александръ, „если вы боитесь стрѣляться, такъ я скажу о томъ Глазову и передамъ вамъ отвѣтъ его“ (...) Глазовъ настаивалъ, чтобы поединокъ былъ на пистолетахъ; но какъ противникъ его никакъ не соглашался, то уговорили Глазова удовольствоваться саблями». «На другой день Глазовъ пришелъ на назначенное для поединка мѣсто (...) Черезъ часъ прискакалъ Леслей въ четверомѣстной каретѣ (...) „Гдѣ онъ?“ закричалъ Леслей, выскочивъ изъ кареты. „Я здѣсь“, отвѣчалъ Глазовъ хладнокровно, „и дожидаюсь васъ болѣе часа. Вы боялись со мной стрѣляться; снисхожу вамъ и дерусь съ вами на сабляхъ на смерть“» (Муравьев 1886, № 2: 139—140).

³⁹ По воспоминаниям И. П. Липранди, «дуэли особенно занимали Пушкина» (ПВС, 1: 327). О пушкинских дуэлях см. Миронов 1999; Кацура 1999: 149—195; ср. Скрынников 1999.

⁴⁰ Дуэль на саблях, как ясно из сказанного, не украшала репутации дуэлянтов, и это позволяет понять, как использовались сообщения о такого рода событиях на московской и петербургской «фабриках слухов и сплетен». Одна такая сплетня связана с на шумевшей в свое время дуэлью между Лермонтовым и сыном французского посла в Петербурге Э. де Барантом, состоявшейся 18 февраля 1840 г. Начав на шпагах, они затем перешли на пистолеты, причем Барант, стрелявший первым, промахнулся, Лермонтов сделал выстрел в сторону, и противники примирились. [О ходе этой дуэли Лермонтов рассказал в объяснительном письме к Н. Ф. Плаутину (Лермонтов 1957: 451; Michailoff 1974: 280; Герштейн 1981: 149).] Дело о дуэли рассматривалось военным судом, и участники понесли положенное наказание (Гордин 1996: 253—284). Петербургское общество претензий к дуэлянтам не имело, что не мешало, естественно, одной его части стать на сторону Лермонтова, а другой защищать Баранта. Были, впрочем, и третьи, распространявшие порочащий Лермонтова и Баранта слух о том, что «эти господа дрались на сабляхъ и въ четырехъ стѣнахъ, и поединокъ кончился (...) безъ оцарапинки» (Бутурлин 1901: 408).

⁴¹ Д. Давыдов, «Бурцову. Призывание на пунш» (1804); «Бурцову» («В дымном поле, на биваке...», 1804); «Графу П. А. Строгонову» (1810); «Песня» (1815); «Песня старого гусара» (1817); «Гусарская исповедь» (1832) и др.; А. Пушкин, «Послание к Юдину» (1815); «Недавно я в часы свободы...» (1822) и др.

⁴² Е. Шахова, «К портрету Д. В. Давыдова» (1839).

⁴³ В. Бенедиктов, «Бранная красавица» (1835).

⁴⁴ Ср., с одной стороны: *Или болезнь наводит ночь и мглу // На очи прозорливцев вдохновенных, // Или рука любовников презренных // Шлет пулю их священному челу* (...) (В. Кюхельбекер, «Участь русских поэтов», 1845), — а, с другой: *Из чьей руки свинец смертельный // Поэту сердце растерзал?* (Ф. Тютчев, «29-ое января 1837»), и (...) *Он (Пушкин) вдунул, будто новый Прометей, // Живую душу в наш язык прекрасный... // Увы! погиб довременнo певец: // Его влодейский не щадил свинец!* (В. Кюхельбекер, «До смерти мне грозила смерти тьма...», 1845). Ср. также *чугун* как метонимию пушечного ядра [*Чугун кагульский, ты священ // Для русского, для друга славы — // Ты средь торжественных знамен // Упал горящий и кровавый, // Героев севера губя* (А. Пушкин, «Чугун кагульский, ты священ...», 1822)], *сталь* и *железо* как метонимии копья, меча и других видов военного оружия [*Твои отцы славяне были // Железом страшные врагам* (...) (Н. Языков. «Баян к русскому воину...», 1823)]. Ср. также *сталь* как метонимию аллегорической косы смерти (...) *И сталь плешивого косца, // Всему ужасная, не скосит // Тобой хранимого певца* (Н. Языков, «А. С. Пушкину», 1824—1825)]. Такова же *медь* как метонимия артиллерийского орудия.

⁴⁵ Ср. в поздней редакции: (...) *В кругу пирующих корнетов* (1: 362).

⁴⁶ И тогда же категорический отказ следовать призыву, чтобы, *славы // Стезю полетев, // Простясь с Анакреоном, // Спешил я за Мароном // И пел при звуках лир // Войны кровавый пир*, — и твердое заявление: *Бреду своим путем: // Будь всякой при своем* («Батюшкову», 1815; выделено Пушкиным. — А. П.).

⁴⁷ О том же ретроспективно, с высоты протекших лет, в «Воспоминаниях в Царском селе» (1829): *На юных ратников завистливо взирали, // Ловили с жадностью (мы) брани [дальний] звук, // И детство (...) негодуя проклинали // И узы строгие наук* (3, кн. 1: 190).

⁴⁸ Ср. в письме А. И. Тургенева П. А. Вяземскому, посланном 12 марта 1819 г. (то есть за три месяца до того, как было написано это послание): «Пушкинъ (...) не на шутку собирается въ Тульчинъ, а оттуда въ Грузію и бредить уже войною. Я имѣю надежду отправить его въ чужіе краи, но онъ уже и слышать не хочетъ о мирной службѣ» (ОА, I: 202).

⁴⁹ В первоначальной редакции: *отрясти* (Боратынский 2002, 2: 190).

⁵⁰ *Лететь душой* — перифрастический оборот, значение которого можно толковать так: «мысленно, в мечтах стремиться навстречу с приветствием, надеждой и верой». Ср. у Боратынского в ранней редакции «Финляндии» (1820): (...) *Люблю си-*

дѣтъ одинѣ надѣ сумрачною бездной, // Молчать — и въ даль летѣть душой.... (далее следуют картины героического прошлого) — и затем в первой редакции «Водопада»: (...) Куда-то вдаль душа моя // Летитъ надеждой и желаньемъ (2002, 1: 142, 212). Ср. еще раньше у Жуковского: Что жизнь, когда в ней нет очарованья? // Блаженство знать, к нему лететь душой, // Но пропасть зреть меж ним и меж собой; // Желать всяк час и трепетать желанья... («Певец», 1811); (...) Когда мы песнопеньем // Несчастного дружим // С сокрытым Провиденьем, // Жар славы пламенем // В душе, летящей к благу (...) («К Батюшкову. Послание», 1812).

⁵¹ Ср.: (...) Часы неизвѣстных наслаждений! // Они дают мне знать сердечную глубь, // В могуществе и немощах его, // Они [меня] любить, лелеять учат // Не смертные, таинственные чувства (...) (А. Пушкин, «Еще одной высокой важной песни...», 1829).

⁵² Ср.: «В первой молодости моей я был мечтателем: я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение» [Лермонтов 1957, 6: 343 («Фаталист», 1839)]. Ср. также: (...) Я знаю лишь себя, — и верная мечта // Лишь сердцу милое ласкает и лелеет (Е. Ростопчина, «Она все думает!», 1842).

⁵³ Разумеется, можно использовать глагол (по)любить и без сопровождающего имени объекта. Но в подобном случае отсутствие управляемого члена — это проявление эллипсиса, который, опуская имя объекта, не устраняет его ни из экстралингвистической реальности, ни из сознания субъекта речи. Именно так говорит о себе пушкинский Пленник, исповедуясь своей Черкешенке: Я полюбил — и сны молодые // Слетели с изумленных везд, // С тех пор исчезли дни златые, // С тех пор не ведаю надежд... (4: 325), — после чего следует описание его возлюбленной («Кавказский пленник», ч. II, черновая рукопись; 1820). То же и в других случаях абсолютного использования глагола любить у Пушкина, выделенных составителями «Словаря языка Пушкина» специальной пометой «без дополн(ения)» (СП, II: 520): Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель («Мечтателю», 1918) etc. Ср. еще в I главе романа «Арап Петра Великого» (1827—1828): «Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Другие сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил». «Графиня Д., уже не в первом цвете лет славилась еще своею красотою» (8, 1: 44). Даже с переносом этого действия в план будущего (например, в утешающих словах Онегина Татьяне) мысль о его объекте не устраняется полностью, а лишь затуманивается неопределенностью: Полюбите вы снова: но... // Учитесь властвовать собою; // Не всякой вас, как я, поймет (4, XVI, 11—13). Большей способностью к элиминации объекта обладают инфинитивы, сохраняющие свою именную природу и потому свободно используемые в генерализующих высказываниях (ср. Некрасовское: То сердце не научится любить, // Которое не может ненавидеть). Однако и они не утрачивают полностью объектную валентность и всегда готовы к ее актуализации; так, у Лермонтова: Любить... но кого же?.. на вре-

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

мя — не стоит труда, // А вечно любить невозможно («И скучно и грустно», 1840). Ср. то же в обобщенно-личном предложении: Нам строго, строго не велют // Дружиться с вами. Говорят, // Что вероломны, злобны все вы, // Что вас бежать должны бы девы, // Что как-то губите вы нас, // Что пропадешь, когда полюбишь; // И ты, я думала не раз, // Ты, может быть, меня погубишь [Боратынский, «Эда», 100—107 (1823)].

⁵⁴ Таков же грек Никита — один из персонажей мистерии Кюхельбекера «Ижорский» (1826—1841): В душе своей любовь к опасностям лелея, // Враждуешь, сын грозы, смиренной тишине. // И я, — я их люблю: аливаает пуль жужжанье, // И треск ружейного огня, // И сабель свист, и дротиков сверканье — // Неистовое обаянье, // Восторг роскошный, бешеный в меня; // Трепещут члены с нетерпенья // И сводит судорога длань, // Когда послушу зов на радостную брань (...)
(ч. III, д. II, явл. 1).

⁵⁵ Ср.: Я утолю твои печали (...) И сердца грустные скрижали // Забвенья мою я ручьем. // Ты вспомнишь прежние утраты, // Как помнят сон с восходом дня, // И вновь, надеждами богатый, // Полюбишь жизнь (...) (А. Хомяков, «Новый 1828 год»).

⁵⁶ Можно еще искать смерти, но глагол *искать*, в отличие от всех приведенных выше чисто ментальных глаголов, предполагает соединение ментального начала с активным практическим действием.

⁵⁷ Ср. у Пушкина: Любимцы счастья, наперсники судьбы // Смирненно ей несут влюбленные мольбы; // Но дева гордая их чувства ненавидит («Дева», 1821), — где *ненавидеть* значит 'презирать', что косвенно подтверждается ближайшим литературным источником пушкинской строки: А дева Русская Гаральда презирает (К. Батюшков, «Песнь Гаральда Смелого», 1816). Отсюда позднее о Татьяне: (...) Татьяна смотрит и не видит, // Волненье света ненавидит, // Ей душно здесь... (7, LIII, 5—7). То же в устах Ленского: — Я модный свет ваш ненавижу; // Милее мне домашний круг (...) (3, II, 3—4). Не замеченное нашими словарями (в том числе и «Словарем языка Пушкина»), это значение свидетельствуется достаточно многочисленными и не вызывающими сомнений употреблениями глагола *ненавидеть* у многих авторов конца XVIII — первой половины XIX в.: Один все счастье ставил в том, // Чтобы нажить огромный дом, // Деревни, знатный чин, — то и во сне лишь видел; // Другой богатств не ненавидел, // Однако ж их и не искал (...) (И. Дмитриев, «Искатели фортуны», 1794); Признаться, матушка, мне так наскучил свет, // И так я все в нем ненавижу, // Что то одно и сплю и вижу, // Чтоб как-нибудь попасть отсель // Хотя за тридцать земель (...) (И. Дмитриев, «Причудница», 1794); Много здесь цветочков вижу, // Но не нужны мне оне (sic!) // Без тебя все ненавижу — // Что мне прибыли в весне? (С. Марин, «Песня», не позднее 1813); «(...) вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия» [Гоголь 1940, X: 194 (письмо к матери, 16 апреля 1831 г.)]. Ср. также *возненавидеть*: (...) Когда людей повсюду видя, // В пустыню скрыть-

ся я хочу. // Их слабый глас возненавидя, — // Тогда забывшись я лечу // Не в светлый край, где небо блещет // Неизъяснимой синевой (...) [Пушкин 1977: 204 («Когда порой воспоминанье...», 1830)]; (...) И так я слишком долго видел // В тебе надежду юных дней // И целый мир возненавидел, // Чтобы тебя любить сильнее [М. Лермонтов, «К *» («Я не унижусь пред тобою...»), 1832]; и др.

⁵⁸ Ср. хотя бы: «Отчаяние войск его (Наполеона) невозможно из[об]разить, когда по взятии Москвы узнали они, что не должны надеяться мира. Это видно потому, что все их генералы, офицеры и солдаты, и даже сам Мюрат беспрестанно говорят о мире, но [у нас], к счастью нашему, о нем не помышляют» (письмо С. Н. Марина неизвестному, 2 октября 1812 г.); Наполеон «поддерживал войска свои надеждою, что обогатится в Москве и предпишет нам постыдный мир — теперь, напротив, видит, что всякий из нас охотно всем жертвует (...) Каждый не иначе как с ужасом о мире помышляет» (письмо П. А. Кикина брату, 7 октября 1812 г.); «Здесь прошел слух, что гр. Меттерних в звании австрийского посла поехал в Петербург с угрозами и предложением о мире. Какой мир! Что нам осталось? Что терять можно? Истребить злодея с его шайкою» [письмо И. В. Сабанеева М. С. Воронцову, 23 октября 1812 г. (КЧР: 125, 147, 157)]; «От Смоленска до Москвы Наполеон шел через огненное море, как же было ему мечтать, что в огненном потоке пожара московского он вынудит мир?» Наполеон «просит и перемирия и мира. Лористон, посол его, совещается с Кутузовым. А умный наш вождь, забавляя посла Наполеонова мечтами о мире, ждет вспомогательного войска (...)» «(...) providение в лице Наполеона, просящего в Москве мира, послало свету великий урок, урок смирения силы человеческой (...)» (Глинка С. 1987: 424, 443, 463).

⁵⁹ О развитии категории «масштаба» в русском языке см. в работах Пеньковский 2002а; Пеньковский 2004а.

⁶⁰ Ср. еще: «В детстве мне часто говорили об ангеле-хранителе (...) я люблю верить его присутствию, его покровительству (...)» [Жукова 1986: 80 («Вечера на Карповке», 1837)], — где оборот *люблю верить* соответствует французскому *j'aime à croire*.

⁶¹ Сходным образом вели себя такие глаголы, как *благоговеть* и *восхищаться*: а) *благоговеть* 'смотреть, слушать с благоговением': *Когда сивиллы слух смятенный // Глаголы Фебовы внимал // И перед девой исступленной // Призрак грядущего мелькал, — // Чело сияло вдохновеньем, // Глаза сверкали, глас гремел, // И в прахе с трепетным волненьем // Пред ней народ благоговел* (А. Хомяков, «Отзыв одной даме», 1828); «7-го июля был у нас, въ Воронежѣ, дорогой гость, великій князь, и съ нимъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Я былъ у него, онъ меня не забылъ (...) Дай Богъ ему добраго здоровья. Я благоговѣлъ передъ нимъ» [Кольцов 1909: 168 (письмо А. А. Краевскому, 16 июля 1837 г.)]; «Так, я помню, читая „Манфреда“, я плохо понимал главную идею, благоговел перед пышными метафорами, воображал, что понимаю идею разочарования (...)» [Дружинин 1986: 146 (запись в дневнике от 23 сентября 1845 г.)]; *Этот дом // На вас могильным хладом веет, // И, будто в склепе гробовом, // Душа тоскует и немеет, // Ей*

тяжело и страшно в нем, // И так она благоговейт, // Как будто что-то тут давно // Великое схоронено [Н. Огарев, «Юмор», ч. II, гл. 8 (1840—1841)]; ср. в ироническом абсолютном употреблении: «Ну-с, попав в кружок Покорского, я, доложу вам, Александра Павловна, совсем переродился: смирился, расспрашивал, учился, радовался, благоговей — одним словом, точно в храм какой вступил» [Тургенев 1980, 5: 257 («Рудин», гл. VI; 1855)]; 6) *восхищаться* 'смотреть, слушать с восхищением': «Однажды, когда я восхищался живым поэтическим творением Боровиковского (...) вдруг мое вдохновенное удивление было прервано сладостным голосом дѣвушки (...)» (Карлгоф 1832: 172—173).

В связи с этим следует, может быть, задуматься над одной не привлекавшей внимания комментаторов строкой Пушкина в повествовании о беседах Онегина с Ленским: *В любви считаясь инвалидом, // Онегин слушал с важным видом, // Как, сердца исповедь любя, // Поэт высказывал себя; // Свою доверчивую совесть // Он простодушно обнажал* (2, XIX, 5—10). «Словарь языка Пушкина» приводит выделенную фразу под третьим значением глагола *любить* — «испытывать чувство удовольствия от чего-н.», уточняя, что здесь представлен тот же семантический его вариант, что и в случаях: «Он (...) любил соколиную охоту»; Он *любит — по крутым скалам // Скользить, ползти тропой кремнистой* (...) — и т. п., где *любить* толкуется как «испытывать внутреннюю склонность, иметь пристрастие к чему-н.» (СП, II: 520). Однако если приведенные только что иллюстрации мы спокойно прочтем и без колебаний примем как безусловно соответствующие неким интуитивно осознаваемым нами современным нормам, то оборот *сердца исповедь любя* должен остановить на себе наше внимание как явно эти нормы нарушающий: во-первых, управляемое глаголом *любить* имя обозначает здесь объект, принадлежащий ментальному миру субъекта действия ('любить исповедь [своего] сердца'), а, во-вторых, действие глагола *любить* осуществляется здесь в «маломасштабном» времени, то есть в «актуальном» значении, тогда как в современном языке ему открыто лишь обобщенное, «большемасштабное» употребление. Замечу кстати, что *совесть* в обсуждаемых стихах Пушкина — это 'душа' (значение, также не отмеченное нашими словарями, в том числе «Словарем языка Пушкина»). Ср. аналогичное (с той же, что у Пушкина, рифмой *совесть : повесть*) словоупотребление Боратынского: *Елеукой в тягостную повесть // Минувших дней своих вступил, // Свою запутанную совесть // Он перед Верой обнажил* (...) [«Наложница», гл. V (1829)], — а также у Полежаева: *И пусть таит глухая совесть // Свою докучливую повесть* (...) («Ночь на Кубани», 1830—1831).

Говоря о «странностях» глагола *любить*, следует отметить и некоторые «странности» таких его производных, как *возлюбить* и *полюбить*, употребление которых в современном языке обнаруживает те или иные ограничения в отношении негации. Так, *возлюбить* (с вокализованным вариантом приставки *воз-*) вообще не используется при отрицании (*возлюбить* — *не возлюбить), образуя супплетивную пару с *невозлюбить* (*возлюбить* — *невозлюбить*), который, в свою очередь, не знает положительного соответствия (*невозлюбить* — *взлюбить). [Нам известно исключение из правила в рассказе Хармса «Власть» (1940), где обыгрывается запрещенная фор-

ма: «Возьмем любовь. Будто хорошо, а будто и плохо. С одной стороны, сказано: возлюблю, а с другой стороны, сказано: не балуй. Может, лучше вовсе не возлюблю? А сказано: возлюблю. А возлюблюшь — набалуешь» (1997: 150)]. Что касается *полюбить*, то его использование в контекстах с отрицанием имеет тенденцию к уходу из сферы прошедшего времени: (*никогда*) *не полюблю, не полюблюшь, не полюбят...*, но: **не полюбил, *не полюбила, *не полюбили*. Язык пушкинской эпохи этих ограничений еще не знал: а) «По какимъ-то закулиснымъ или внѣкулиснымъ обстоятельствамъ, содержательница ⟨французской труппы⟩ не возлюбила молодой актрисы, которая была любимицею публики» (Вяземский 1883, VIII: 224); *С тех пор мы немцев невалюбили. // С тех пор ввалюбили мы Москву ⟨...⟩* (М. Дмитриев, «Мономахи», 1849); *Эти-то самые зубы ввалюбила — // Такъ говорилъ онъ знакомымъ порой — // Марья Петровна!* [Случевский 1998, III: 282 («Ларчик»)]; б) «Ударилъ часть прощанія. Мы составили кругъ. Кутузовъ вошелъ въ него и сказалъ: „Господа, вы не полюбили меня за то, что я сказалъ вамъ, что буду обходиться съ вами, какъ съ солдатами. Но знаете ли вы, что такое солдаты?“» (Глинка С. 1895: 122); «Начальником моего отделения был тогда некто Кр(иста)фович ⟨...⟩ Он не полюбил меня с первого взгляда и с первого дня вступления моего в корпус уже обращался со мною как с записным шалуном» [Боратынский 1951: 464 (письмо В. А. Жуковскому, конец 1823)]. Такое же ограничение установилось или готово установиться и для глаголов *полюбиться* и *слюбиться*. Оба они, по-видимому, полностью утратили былую способность употребляться с отрицанием [ср.: «Это послѣднее предсказаніе Пушкина ⟨о будущем сына Н. И. Греча. — А. П.⟩ ⟨...⟩ очень не полюбилось тогдашней жѣнѣ Греча, немножко жеманной и педантичной, но доброй Варварѣ Даниловнѣ» (Бурнашев 1872б: стб. 1790)], причем второй фактически сохранил только изолированную форму 3 л. ед. ч. будущего времени в составе фразеологизованного оборота *стерпится — слюбится*. Кроме того, в пушкинскую эпоху, когда почти всё «безличное» широчайшим образом корреспондировало с «личным» (это предмет особого исследования), глагол *слюбиться* свободно использовался в «личном» употреблении: «И племянница моя, маленькая Анюта, перестанетъ удивляться и недоумѣвать ⟨...⟩ она свыкнется, а можетъ быть и слюбится съ такими разговорами» (Блудова 1872: стб. 1309).

⁶² Нужно было бы добавить: «...и привычно воплощает эту склонность или пристрастие в том или ином виде деятельности». Если о Татьяне говорится, что *Она любила на балконе // Предупреждать зари восход* (2, XXVIII, 1—2), то тем самым предполагается, что она делала это регулярно, и потому «час», когда *пробуждена // Вставала при свечах она*, назван «привычным» (2, XXVIII, 13—14). Не случайно утверждения типа: *Я люблю слушать музыку и Мне редко удается делать это* — могут быть соединены только противительно-уступительным образом (союзами *но* или *хотя*): *Я люблю слушать музыку, но/хотя мне редко удается делать это; Мне редко удается слушать музыку, но/хотя я люблю делать это*.

⁶³ В отличие от таких контекстов, как: *Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель* (А. Пушкин, «Мечтателю», 1818).

⁶⁴ Ср.: *Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час // Моей любимой мечтою становится (...)* (В. Жуковский, «К Филалету», 1809); *Одинъ съ любимой мечтою // Въ свѣтлицѣ я сидѣлъ (...)* [Боратынский 2002, 1: 202 («Бдение», 1821)]; (...) *иногда // Поэт, обиженный судом несправедливым, // Клянется с музами расстаться навсегда, // Навек прости сказать мечтам любимым (...)* (М. Загоскин, «Авторская клятва», 1821); (...) *Он — образ матери душой // И чистой прелестью лица, // Мечта любимая отца (...)* [Жуковский, «Шильонский узник», VIII (1821—1822)]; (...) *Пленен любимой мечтою, // Стремился я за ней одною (...)* (И. Козлов, «К другу В. А. Жуковскому»). По возвращении его из путешествия», 1822?); (...) *Увидеть свод небес иной, // Иной климат, иные воды // Бывало мне, в молодые годы, // Моей любимой мечтой* [В. Филимонов, «Дурацкий колпак», 1, V, 1 (1824)]; *Я безразсуденъ — и не диво! // Но разсудителенъ-ли ты, // Всегда преслѣдуя ревниво // Мои любимыя мечты?* [Боратынский 2002, 1: 256 («Д(ельвиг)у», опублик. 1825)]; «О! дай мнѣ только добраться до житія самостоятельнаго! Это составляет даже теперь, въ часы занятій сухихъ и скучныхъ, мою сладчайшую надежду, мечту любимую» [Н. М. Языков — П. М. Языкову, 5 февраля 1827 г. (ЯА: 306)]; *Благодарю вас за цветы: // Они священные мне; порою // На них задумчиво покою // Мои любимыя мечты (...)* (Н. Языков, «К П. А. Осиповой», 1827); *Вы изменили мне, любимыя мечты!* [А. Муравьев, «Смерть Данта», 1827 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 127)]; (...) *Для счастья вашего я жизнь отдать готов! // И с вами должен разлучиться. // Прощаясь навсегда с любимой мечтой!* [К. Масальский, «Модест Правдин, или Терпи казак — атаман будешь», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 515)]; «Любимая мечта британского поэта есть существо необыкновенное, высокое» [Киреевский 1979: 52 («Нечто о характере поэзии Пушкина», 1828)]; *Тебя, любовь, воображенье // По тайной прихоти творит. // Так небеса мечтой любимой // Оно умеет населять, // И думам образы давать* (И. Козлов, «Не на земле ты обитаешь...», 1828); *В тех звуках мир непостижимый, // И нега чувств, и пыл страстей... // Им быть навек мечтой любимой // Плененной памяти моей!* (И. Козлов, «К певцу Зонтага», 1830); *Давно ли с зеленью радушной // Передо мной стояло ты, // И я коре твоей послушной // Вверял любимыя мечты (...)* (М. Лермонтов, «Дереву», 1830); (...) *он посмотрит вдаль, // Увидит облака с лазурью волн, // И белый парус, и бегучий челн. // И мой курган! — любимыя мечты // Мои подобны этим* (М. Лермонтов, «1831 июня 11 дня»); «(...) я ухватился за любимую мечту мою, Хмельницкого; собрал об нем всё, что можно, и теперь его обдумываю и передумываю» [14: 217 (О. М. Сомов — А. С. Пушкину, 31 августа 1831)]; «(...) ты не слушаешь моих советов, не устроишь своей судьбы, не осчастливишь меня исполнением любимой моей мечты — видеть в тебе продолжение нашей фамилии» [Бестужев Н. 1983: 130—131 («Шлиссельбургская станция», 1830—1832)]; «Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества» [А. Пушкин, «„Путешествие к св. местам“ А. Н. Муравьева», 1832 (11: 217)]; «Княгиня Вера, которая целый год увлекала все сердца и все мысли Петербурга. Вера, любимая мечта моего брата!» [Бестужев-Марлинский 1995: 483]

(«Фрегат „Надежда“, Заключение; 1832)]; *Нет, нет! С моей любимой мечтою* // Она *смерть* меня не в силах разлучить... // Мне та мечта души была душою, // И должен я ее осуществить!.. [Н. Сатин, «Умиравший художник», 1833 (Повты 1820—1830-х годов, 2: 421)]; *Унеслись невозвратимые* // Дни тревог и милых бурь, // И мечты мои любимые, // И небес моих лазурь (Д. Давыдов, «Унеслись невозвратимые...», 1834—1835); *И кто тревогой не смущался, // Желанной цели достигал, // С мечтой любимой не прощался, // Кто слез долину миновал?* (И. Козлов, «Пловец», 1835); «Н. говорил мне беспрестанно о своем намерении оставить службу и поселиться в деревне с книгами и женою. Этот образ жизни почитал он самым покойным и приятным: это была его любимая мечта» [Павлов 1989: 20 («Именины», 1835)]; «Кичкене уж любила, не смея самой себе в том признаться. Искендер-бек стал любимую ее мечтой в день, приятнейшим сновидением ночи» [Бестужев-Марлинский 1995: 249 («Мулла-Нур», гл. VIII; 1836)]; *Я сердцем к ним стремлюсь, лечу воображеньем, // Моленье слышу их, — и сельская чета* // *Раздумья моего любимая мечта* (И. Козлов, «Жнецы», 1836); «*(...)* женитьба была давнишнею, любимую твою мечтою *(...)*» [Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу, 26 июля 1837 г. (Хандрос 1982: 344)]; «Снова нарушаю ваш покой, снова, может быть, в эту минуту я прерываю священных ваших трудов любимых мечты, которыми с давнишних пор воспалял и теперь воспаляю мою холодную душу» [Кольцов 1909: 180—181 (письмо В. А. Жуковскому, 2 мая 1838 г.)]; «Нередко у самого бедного москвича, если он женат, любимейшая мечта целой его жизни — когда-нибудь перестать шататься по квартирам и зажить своим домком» [Белинский 1955, VIII: 390 («Петербург и Москва», 1844)]; «*(...)* С любимой мечтою // Не хочется сердцу расстаться (А. Фет, «Как мошки зарею...», 1844); «*(...)* быть актрисой было всегда любимой мечтой ее» [Толстой Л. 2000, 1: 101 («Отрочество», гл. III; 1854)]; «*(...)* тот мирный уголок *(...)* Он населял *(...)* Любимыми души своей мечтами *(...)*» (А. Григорьев, «Титании», 1857); «*(...)* Сердца лучшие порывы // И любимые мечты // Осмеяла беспощадно. // В пух и прах разбила ты *(жизнь)*» (А. Плещеев, «Много злых и глупых шуток...», 1858); «— И так, вы желали бы быть профессором? — спросила Елена Берсенева. — Да, — возразил тот, втискивая между колен свои красные руки. — Это моя любимая мечта» [Тургенев 1981, 6: 174 («Накануне», гл. IV; 1860)]; «Любимой мечтой его стало накопить триста рублей, сшить себе новые брюки *(...)*» [Полонский 1984: 516 («Медный лоб», гл. VIII; 1862)]; «Николай *(...)* вел переговоры о выкупе отцовского Отрадного, что составляло его любимую мечту» [Толстой Л. 1933, 12: 254 («Война и мир», Эпilog, ч. 1, гл. VII; 1868)]; *И снова я люблю, и снова я любим, // Несусь вослед мечтам любимым* *(...)* (А. Фет, «В полуночной тиши бессонницы моей...», 1888); и мн. др.

Ср. также сочетания существительного мечта с прилагательными *милый*, *желанный*, *привычный*: «*(...)* И с *милою любви моей мечтой* // Последнее исчезло сновиденье [А. Пушкин, «Осеннее утро», 1816 (1: 381)]; *Надежды юности, о милые мечты, // Я тщетно вас в груди молодой лелеял!* (Н. Гнедич, «К И. А. Крылову...», 1821); «*(...)* Ты бродишь с *милою мечтой* // В тени дубравы молчаливой *(...)*

(Д. Веневитинов, «Веточка», 1823); (...) *И радостные взоры, // Согласные с душой* (...) *Встречаются с желанной // Воалюбленных мечтой* (В. Жуковский, «К Батюшкову. Послание», 1812); «Чрез несколько минут он должен был увидаться с женщиною, которая была постоянною его мечтою в продолжение нескольких лет (...)» [Лермонтов 1957, 6: 148 («Княгиня Лиговская», гл. IV; 1836)].

С другой стороны, ср. сочетаемость прилагательного *любимый*: *любимое виденье* (С. Шевырев, «Преображение», 1829; Я. Полонский, «Слепой тапер», 1876); *любимая дума* (А. Полежаев, «Тюрьма», 1837), *любимые думы* (А. Григорьев, «Отрывок из сказаний об одной темной жизни», 1845); *любимые заблуждения* [А. Бестужев (Марлинский), «Он был убит», 1834—1835]; *любимая забота* [«Евгений Онегин», 4, XXXVI, 6 (6: 648)]; *любимая задача* (П. Вяземский, «Князь Петр Борисович Козловский», 1840—1841); *любимый замысел* (В. Соллогуб, «Воспитанница», 1845); *любимая идея* (Н. В. Гоголь — А. О. Смирновой, 28 декабря 1844 г.), *любимые идеи* (П. Анненков, «Общественные идеалы А. С. Пушкина», 1880); *любимые мечтанья* (С. Нечаев, «Умиравший певец», 1824; И. В. Киреевский — А. И. Кошелеву, 1827); *любимая мысль* (Н. Павлов, «Маскарад», 1835; И. Панаев, «Белая горячка», 1840; В. Соллогуб, «Тарантас», 1840—1845; С. Аксаков, «Семейная хроника», 1856; И. Тургенев, «Фауст», 1856); *любимые мысли и мечтания* (И. Тургенев, «Фауст», 1856); *любимая надежда* (А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину, 24 сентября 1820 г.; А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, 5 апреля 1823 г.); *любимые впечатления* (П. Плетнев, «Безвестность», 1827); *любимая печаль* (И. Тургенев, «Откуда веет тишиной...», 1844); *любимый предмет* (А. Погорельский, «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», 1828; Я. Полонский, «К NN», 1843); *любимое предположение* (В. Даль, «Павел Алексеевич Игривый», 1847); *любимая привычка* (М. Погодин, «Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве», 1865; Послесловие к трагедии «Петр I», 1873); *любимые призраки* (А. Плещеев, «Много злых и глупых шуток...», 1858); *любимая причина* (Н. Павлов, «Маскарад», 1835); *любимый разговор* (Н. Павлов, «Маскарад», 1835; П. А. Плетнев — Я. К. Гроту, 13 апреля 1846 г.); *любимые склонности* [И. Великопольский, «Курная изба», 1824; А. Бестужев (Марлинский), «Он был убит», 1834—1835]; *любимые тайны* (В. Соллогуб, «Сережа», 1838); *любимые убеждения* (П. Анненков, «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху», 1873); *любимое упование* (А. Плещеев, «Страдал он в жизни много, много...», 1846); *любимое упражнение* 'занятие' (Н. Полевой, «Блаженство безумия», 1833); и др.

⁶⁵ Пушкин в соответствии с языковой нормой его времени сказал бы *мечты / мечтания любви*: (...) *Вмиг охладели. // Вмиг улетели // Толпою прочь // Любви мечтанья* («Пробуждение», 1816); *Мне вас не жаль, года весны моей. // Протекшие в мечтах любви напрасной* (...) («Мне вас не жаль, года весны моей...», 1820); ср.: (...) *Не долго снились мне мечтанья муз и славы* (...) («К Шишкову», редакция 1817—1819 гг.). Пушкин часто употреблял беспредложный родительный там, где мы пользуемся локативом с предлогом *о*. Ср. также *мечта потомства* 'мечта о потомстве' (В. Жуковский, «Письмо из уезда к издателю», 1808), *мысль смерти, думы будущего, память минувшего, воспоминанье усопших, рассказ со-*

бытия, повесть жизни, баснь кентавра 'басня о кентавре' и т. п. Л. А. Булаховский (1954: 373) связывал эти явления с французским влиянием (ср. конструкции с предлогом *de*).

⁶⁶ Ср.: *Минуты холодной скуки, // Сердечной пустоты, // Уныние разлуки, // Всегдашние мечты, // Мои надежды, чувства, // Без лести, без искусства // Бумаге передай...* (А. Пушкин, «К моей чернильнице», 1821); «*Душа моей души! ты была единственною радостью моей жизни; ты останешься единственной моею горестью, всегдашнею мечтою, последнею мыслию при смерти!*» [Бестужев-Марлинский 1995: 456 («Фрегат „Надежда“», гл. IV; 1832)].

⁶⁷ Ср.: «(...) она осталась моей постоянной мечтой, моим идеалом» [Тургенев 1980, 5: 77 («Яков Пасынков», 1855)]. Или еще: «Темная мечта — ехать в Германию и Италию — становилась постоянною моею мыслию» [Полевой 1986: 227 («Живописец», 1833)].

⁶⁸ Ср.: *Из милых жен, его любивших, // Одна быть может слезы льет // И память радостей почивших // Привычной думою зовет...* (А. Пушкин, «Гроб юноши», 1821); *Чего недостает? — О! многого здесь нет! // Нет вас! — привычных дум живого нет раздела!* [М. Дмитриев, «Деревенские элегии», XV (1849)].

⁶⁹ В подобных случаях, помимо несоответствия действующей норме семантической сочетаемости, представлено также обычное для пушкинской эпохи управление родительным беспредложным в отличие от современного управления дательным падежом с предлогом *к*: *любовь к чему vs любовь чего* (ср. франц. *l'amour de qch*). Та же конструкция в стихотворном посвящении «Сумерек» Боратынского «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»: (...) *Вамъ приношу я пѣснопѣнья, // Гдѣ отразилась жизнь моя: // Исполнена тоски глубокой, // Противорѣчій, слѣпоты, // И между тѣмъ любви высокой, // Любви добра и красоты* (Боратынский 1842: [8]); в современном академическом издании находим ненужную конъектуру: (...) *Любви, добра и красоты* (Баратынский 1982: 271). Ср. сказанное выше в примеч. 65.

⁷⁰ Целостная ситуация, представленная в этом тексте, разительно похожа на отношения между Онегиным — «инвалидом в любви», который ведал «волнения страстей» и «наконец от них отстал» (ср. Пеньковский 1999а; 1999д: 89—102; 2003: 104—112), и «пылким» юношей Ленским с его откровенными признаниями: *Когда любовник испуганный, // Тоскуя, плачет предо мной // И для красавицы надменной // Клянется жертвовать собой; // Когда в жару своих желаний // С восторгом изъясняет он // Неясных, темных ожиданий // Обманчивый, но сладкий сон // И, крепко руку сжав у друга, // Клянет ревнивого супруга, // Или докучливую мать, — // Его безумным увереньям // И поминутным повтореньям // Люблю с участием внимать; // Я льщу слепой его надежде, // Я молод юностью чужой // И говорю: так было прежде // Во время оно и со мной* (2, кн. 1: 229).

⁷¹ Странный оборот *разлюбил любовь* [ср. также параллельное *любил любовь*: *Вот здесь, друг мой, // Увидим дом, где я жил прежде, // Любил любовь, был юн душой // И верил жизни и надежде* (...)] (Н. Огарев, «Юмор», ч. I, гл. 3; 1840—

«...Но разлюбил он наконец // И брань, и саблю, и свинец»

1841)] с формально объектным, но актуально усилительным значением, представляет особый интерес. Усилительное значение целого, свойственное вообще всем тавтологическим структурам, приводит здесь к семантическому опустошению центрального глагольного члена и выдвиганию в нем на передний план фазового компонента — значения 'прекращения, устранения, отмены действия', которое несет в себе приставка *раз-*. Ср. в современном языке образования типа *расколдовать* 'устранить действие колдовства', *разочаровать* 'снять очарование' (калька с франц. *désenchanter*), *равъединить* 'устранить единство', *равдумать* 'отказаться от какой-либо мысли', *расхотеть* 'перестать хотеть', *разубедить* и *разубедить* и т. п. В пушкинскую эпоху эта модель была более продуктивной; ср., например: *Мы вдвоем тоску-кручину // Легче растоскуем* (А. Дельвиг, «Русская песня», 1823). В *разлюбить* любовь это значение приставки распространяется и на корневую часть этого слова, собственное значение которой поглощается управляемым членом: если *разлюбить* в грубом схематическом толковании значит 'перестать любить', то *разлюбить* любовь — это 'перестать любить любовь', то есть 'перестать любить'. Различие между этими тремя средствами выражения одного и того же значения заключаются в том, что *разлюбить* любовь — это поэтический оборот, *разлюбить* — нейтральное слово общепотребительного языка, а *перестать любить* — искусственная конструкция семантического метаязыка. Кроме того, *перестать любить* и *разлюбить* обязательно прямопереходны и неспособны к абсолютивному, безоъектному употреблению, тогда как *разлюбить* любовь благодаря формальному заполнению позиции объекта как бы обходит это жесткое требование. Впрочем, оборот *разлюбить* любовь может использоваться также и в рассмотренном выше сдвинутом значении 'перестать мечтать о любви': *Чтоб разлюбить любовь довольно попытаться // Прочестъ Матильду раз: // Каких наделала любовь смешных проказ!* (В. Жуковский, «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», III; 1818).

⁷² Ср.: *Все хладный опытъ изтребилъ! // Узналъ ли друга ты? Болѣзни и печали // Его состарили во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ; // Ужъ много слабостей тебѣ знакомыхъ нѣтъ; // Ужъ многія мечты ему чужими стали!* [Боратынский 2002, 1: 84 («К Креницыну», 1818—1819)]; (...) *Я оставляю все мечты // Моей души раввороженной...* (Д. Давыдов, «Жестокий друг, — за что мученье?...», 1834—1835).

⁷³ В сборниках 1826 и 1829 гг. вслед за «Войной» Пушкин печатает элегию «Я пережил свои желанья...», и это расположение текстов, наверно, не случайно.

⁷⁴ Ср.: «О себе же скажу (...) что восхищен всем, что (...) вижу. Наконец, я в своем месте и чувствую себя способным быть полезным отечеству. Живу я как нельзя лучше в походе. Очень здесь весело: военная музыка и гром орудий рассеивают всякую печаль» [письмо В. С. Норова родным, 10 октября 1812 г. (КЧР: 153)].

⁷⁵ Ср.: «(...) я рѣшился, и твердо рѣшился, отправиться въ армию, куда и долгъ призываетъ, и рассудокъ, и сердце (...) Военная жизнь и биваки меня выльчатъ отъ грусти» [Батюшков 1886, III: 205 (письмо П. А. Вяземскому, 3 октября 1812 г.)].

**«...НИ КАРТ, НИ БАЛОВ, НИ СТИХОВ»
(«Евгений Онегин», 1, LIV, 11)**

К числу важнейших особенностей стиля Пушкина-поэта и Пушкина-мыслителя относится «принцип исчерпывающего деления» (Пумпянский 1982). Одно из ярких его проявлений — перечислительные списки и перечни (Пумпянский 1982: 211—215; Виноградов 1941: 346—352). Многие такие комплексы, или «нагнетенные перечисления» (Томашевский 1956: 619—620, 653), обнаруживают в своем составе звенья, действительно или только на первый взгляд выпадающие из смыслового, тематического и/или логического ряда.

Один из таких случаев представляют, например, строфы VII—VIII главы осьмой. Здесь неожиданное появление на петербургском светском рауте долго отсутствовавшего Онегина, «безмолвного и туманного», который «для всех кажется чужим», вызывает в «толпе избранной» удивленные вопросы:

Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он?..

Когда же обеспокоенная память его бывших знакомцев подтверждает: Так, точно он, — они не без досады и раздражения вспоминают, каким он был в предотъездные годы:

Всё тот же он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?

«...Ни карт, ни балов, ни стихов»

Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится?

Отсюда — гадания о предполагаемых и возможных, с точки зрения гадающих, масках Онегина. Речь, конечно, идет не о масках, примериваемых к себе самим Онегиным, как иногда думают, но о масках, неблагоприятно примериваемых к Онегину:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малой,
Как вы да я, как целый свет?

Откуда, однако, в этом перечислительном ряду, между *Гарольдом* и *ханжой*, слово *квакер*? Какое отношение имеют к пушкинскому и онегинскому Петербургу, да и непосредственно к Онегину «члены одной из христианских протестантских сект, распространенной в Англии и в США» (МАС, II: 43)?

Другой случай такого рода находим в четвертой главе, VIII-я строфа которой, продолжая размышления-воспоминания о женской любви и о любви к женщинам, развернутые в первых шести опущенных строфах, представляет поток сознания, одновременно принадлежащий повествователю и Онегину [ср.: *Так точно* (= точно так же, как я) *думал мой Евгений* (...)] (4, IX, 1). В этом потоке разворачивается отчуждающе-обобщенное перечисление конкретных бытовых деталей и подробностей любовного опыта:

Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тёток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

Как оказались здесь *кольца* — единственное чисто предметное имя — в целостном многочисленном ряду акциональных имен, каковы угрозы, моления, клятвы, обманы, сплетни, надзоры, а также слезы, за которыми стоят «действенные» рыдания, дружба, которую легко понять, как 'назойливые,

навязчивые попытки установить дружеские отношения', и записки на шести листах, предполагающие письменное действие их автора и вызванную ими действительную реакцию адресата? По всей видимости, кольца также могут быть адекватно поняты только в акционально-процессуальном смысле.

Подобную же загадку находим и в строфе LIV главы первой, из которой мы узнаём, что, прилетев в имение дяди, в «глушь степных селений», Онегин с огорчением обнаруживает,

Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже (...)

Как оказались в этом ряду «стихи», поставленные (надо полагать, не случайно) в «сильную», конечно-ударную позицию? О каких и чьих «стихах» из оставленной им с облегчением, уходящей в прошлое и без радости вспоминающейся петербургской жизни мог подумать ставший «сельским жителем» (1, LIII) Онегин?

Поскольку совершенно очевидно, что нарушение смыслового и логического единства в указанных и других подобных случаях (следует заметить, что все они без исключения связаны с Онегиным) не может объясняться недосмотром, просчетом или ошибкой пушкинского пера, мы обязаны попытаться понять и объяснить себе, что руководило Пушкиным и каков был его скрытый замысел. Отсылая за ответом на первые два из поставленных выше вопросов к предшествующим работам¹, попытаемся разрешить третью из заданных нам загадок.

* * *

Итак, что это за стихи, поставленные в конце строки и тем самым ритмически выделенные в качестве замыкающего члена в отрицательно-перечислительном ряду — после «улиц», «дворцов», «карт» и «балов» — в общей для всех них связи с онегинской «скукой»-«хандрой»?

Н. Л. Бродский (1950), Д. И. Чижевский (Čiževsky 1953) и Ю. М. Лотман (1980) обходят своим вниманием эти непонятные строки, не задумываясь над выпадающими из логического ряда «стихами», а В. В. Набоков категорически утверждает, что «„стихи“ отсылают (allude) к альбомам

модных дам, описанным в 4: XXVII—XXX» (Nabokov 1975, 2: 204). Но в четвертой главе строфа XXVII и продолжающая ее XXXI посвящены Ленскому, рисующему и оставляющему *нежный стих* в альбоме Ольги, что не может иметь никакого отношения к мысли о «стихах», вспомнившихся Онегину на третий день по приезде в деревню, поскольку в мире Онегина еще нет ни самого Ленского, ни его стихов, ни Ольги, ни ее альбома. Впрочем, Набоков, вероятно, имел в виду альбомы, подобные тем, что будут описаны Пушкиным в главе четвертой. Однако и строфы XXVIII—XXIX, развивая и обобщая сюжет об альбоме Ольги, трактуют об «альбоме уездной барышни» как об особом феномене русской провинциальной культуры, вызывающем искреннюю симпатию у повествователя (*В такой альбом, мои друзья, // Признаться, рад писать и я (...)*). Но и альбомы такого сорта тоже не могут иметь отношения к мыслям Онегина, никогда прежде с уездными барышнями не встречавшегося и ничего об их альбомах не знавшего. Мысль о стихах возникает в потоке воспоминаний героя о Петербурге.

Из набоковских отсылок остается, таким образом, только строфа XXX — злая «эпиграмма» на принадлежащие «блистательным дамам»

разрозненные томы
Из библиотеки чертей,
Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей (...)²

Действительно, в то время альбомы, как засвидетельствовал, например, Н. Ф. Павлов в пространной иронически-издевательской рецензии на книгу В. Н. Григорьева о Т. Н. Грановском, «были в большом употреблении», и «не находилось ни одного чувствительного существа, которое не завелось бы (sic!) альбомом», связывая «с летучими листками много дум и много чувства» (Павлов 1989: 421)³. Однако Онегина это обстоятельство непосредственно затрагивать не могло. Он не был ни поэтом⁴, ни даже «модным рифмачом»⁵ и, следовательно, не мог быть страдательным объектом «поэтических» ожиданий и претензий владельцев альбомов, да и сам он, по складу души и характера, говоря словами Павлова о Грановском, «к альбомной деятельности ни малейшего сочувствия не обнаруживал» (1989: 421). Его собственный «альбом» был, как мы знаем, чем-то вроде дневника, его тайным «искренним журналом», *В который душу изливал // Онег(ин) в дни свои молодые* [7, XXII, 10—

11 вариант (6: 614)]. Нужно учесть, что альбомы «блистательных» (и не только блистательных) дам были если не целиком, то преимущественно принадлежностью их домашнего быта. На балы, маскарады и великосветские приемы их с собой обычно не приносили (это было и неудобно, и, учитывая интимный характер многих записей, просто небезопасно; не случайно многие альбомы впоследствии предавались огню). А у хозяек бала имелись и другие возможности получить в свой *in-quarto* (1, XXX, 10) вожделенную запись от руки интересующего их лица⁶. Кроме того, в альбомы писали не только стихами, но и прозой, и не только писали, но и рисовали, и вклеивали аппликации и вышивки, засушенные цветы и карты, что невозможно было сделать в бальных залах (ср. Вацуро 1979а; Ковалевская 1979; Сандомирская 1979; Корнилова 1982; Михайлова 1996)⁷. Разумеется, не исключено, что юные девы, движимые невинным тщеславием и столь же невинным любопытством, привозили с собой на бал свои миниатюрные альбомы, чтобы себя показать и на других посмотреть (Корнилова 1982: 52—55), но совершенно очевидно, что такие альбомные «демонстрации»-«смотрины» никак не могли бы оставить заметный след в сознании Онегина, так что думать об «альбомных стихах» в связи с «картами» и «балами» Онегин, по всей вероятности, не мог.

Итак, пушкинский текст не оставляет ни малейшей возможности понять интерпретируемый фрагмент по-набоковски. Что говорит автор? Что Онегина в деревне ожидала «та же скука», несмотря на отсутствие «дворцов», «карт», «балов» и «стихов». Но, во-первых, жанр альбомных стихов прочно вошел в повседневный быт уездных барышень, а во-вторых, именно эти образцы жанра способны разогнать тоску и позабавить — по крайней мере, повествователя. Значит, речь идет о каких-то других стихах, ни к альбомам вообще, ни к альбому Ольги со стихами Ленского никакого отношения не имеющих. По тем же причинам еще меньше оснований связывать обманутые ожидания Онегина с поэтическим творчеством Ленского в целом: Онегин, как мы знаем, принял романтическую поэзию своего юного друга вполне доброжелательно, хотя и не без мягкой иронии, снисходительно «прощая» горячке юных лет // *И юный жар, и юный бред* (2, XV, 13—14). Поэтому, когда *Поэт в жару своих суждений // Читал, забывшись, между тем // Отрывки северных поэм*, Онегин, *Хоть их не много понимал, // Прилежно юноше внимал* (2, XVI).

Остается одно: наши загадочные «стихи» — это стихи, читавшиеся или певшиеся в виде куплетов по тому или иному поводу на балах: в честь

устроителей, в честь именинников и юбиляров, в честь именитых гостей и заезжих знаменитостей и — last but not least — в честь «прекрасных дам», которые были украшением, а иногда и центральными фигурами бала. Так, написанные для костюмированного бала в Аничковом дворце 4 января 1830 г. стихи и куплеты (16 на французском и 3 на русском языке) были изданы типографией А. Плюшара в виде брошюры «Vers, chantés et recités» = «Стихи, пропетые и продекламированные» (Локотникова 2000). Участники этого праздника были наряжены древнегреческими мифологическими существами (с обычной для маскарада травестией: женщины — богами, а мужчины — богинями); Е. Ф. Тизенгаузен, дочь приятельницы Пушкина Е. М. Хитрово, представ в облике Циклопа, приветствовала императора стихами, специально для этого случая написанными Пушкиным («Язык и ум теряя разом...»). Как правило, однако, это были «стихи», очень далекие от настоящей поэзии. Например, рассказывая в письме родным о празднестве в Калуге 1 декабря 1846 г., И. С. Аксаков подтвердил справедливость вспомнившегося ему замечания Гоголя о том, что «ни один губернский бал не обходится без стихов», и поведал, что и на сей раз «каким-то старичком-чиновником были написаны стихи: прелесть что такое. Он говорит, что это торжество,

Чего б не выразил и Цицерон-оратор,
Составил, произвел... сам вице-губернатор! —

которого он потом сравнивает с солнцем, летней зарей и ангелом» (Аксаков 1988: 338).

Но ведь за четверть века перед тем, как на калужском бале были прочитаны повеселившие И. С. Аксакова стихи «старичка-чиновника», в самом пушкинском романе, 12 января 1821 г., на именинном балу Татьяны, в присутствии Онегина, пропел ей свой поздравительный куплет приехавший с семьей Панфила Харликова

мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос, знаемый детьми:
Réveillez-vous, belle endormie.
Меж ветхих песен альманаха

Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело вместо belle Nina
Поставил belle Tatiana.

(5, XXVII)

Описывается это так:

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает; пред ним собрание
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел, фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

(5, XXXIII)

Совершенно очевидно, что и в том, и в другом, и в третьем случае мы имеем дело с одной и той же конкретной деталью, мелкой подробностью русской бытовой культуры — чтением стихов / исполнением куплетов на балу, будь то бал в императорском и великосветском Петербурге, в первопрестольной⁸, в губернской Калуге или в помещичьем именье в «степном» уездном захолустье⁹. Но одно дело — пустячный забавный эпизод в биографии И. С. Аксакова, с улыбкой рассказавшего о нем по горячим следам, чтобы никогда более не вспоминать, и нечто совершенно иное — такой же по видимости «пустячок» в жизни романного героя, имеющий свое значение в составе художественного целого. Тем более у Пушкина, в поэтике которого конкретная бытовая деталь всегда больше самой себя и в этом качестве может приобретать фундаментальные — конструктивные, сюжетные, смысловые, символические функции. Если же мы учтем еще и другую важнейшую особенность поэтики пушкинского романа, который строится на образующих «двойчатки» и «тройчатки» регулярных

повторах, на отражениях и переключках, на предметных, мотивных и сюжетных «рифмах», то мы сможем прочесть эти раздраженно вспоминаемые и тоскливо отвергаемые Онегиным «стихи» рядом с «балами» как важнейшее предвестие одного из главных эпизодов романа — именинного бала Татьяны со стихами Трике, имеющими явиться онегинскому слуху в главе пятой¹⁰.

Но сказать, что «стихи» рядом с «балами» в первой главе не отсылают к строфам об «альбомах» в главе четвертой, как думал Набоков, а предвосхищают эпизод с куплетом Трике в главе пятой, значит сказать очень мало. Ибо дело здесь, конечно, не только в самой по себе связи двух далеко отстоящих друг от друга компонентов романного текста (1, LIV ↔ 5, XXVII—XXXIII), хотя и это в высшей степени важно, поскольку (как, впрочем, и многие другие «увязки» такого рода) безусловно свидетельствует о степени и глубине пушкинской разработки «плана», его «формы» и отделки — тех составляющих художественного текста, которые были предметом постоянного внимания и самого Пушкина, и современной ему критики¹¹. Еще важнее то, что пронизывающие весь текст связи между взаимосотнесенными элементами разных частей романа — не просто переключки и удвоения равнозначных и формально симметричных мотивов. Все такие повторы — это отсылки, это предсказания и напоминания, связи между которыми существуют в режиме постоянной пульсации, благодаря чему, как в вольтовой дуге, их соединенные осциллирующим напряжением полюса взаимно освещают, разъясняют и с каждым новым реверсом углубляют заложенные в них смыслы. Понять эти смыслы можно только при условии, что анализ, соответствуя специфике своего объекта, также осуществляется в активном, реверсивно-челночном движении.

Так, устанавливаемая нами на первом же шаге анализа связь между всплывшими в тоскливо раздраженном сознании Онегина бальными «стихами» времен его петербургской жизни и гротескно-комическим эпизодом с куплетами Трике на именинном балу Татьяны тут же получает не только безусловную поддержку со стороны самого Пушкина, который именно тут, в пятой главе, после эпизода с Трике, на переходе от XXXIX строфы к XL, намечает со- и противопоставление двух типов и двух образов бала (бала в доме Лариных и великосветского бала в Петербурге), давая эксплицитную, императивную отсылку к первой главе:

⟨...⟩ И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

XL.

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось в роде мне Альбана
Бал петербургский описать (...)

Следуя этому указанию Пушкина, читатель не может не вернуться к оставленному им позади тексту первой главы. Перечитав его, он обнаружит, что картина петербургского бала, начатая было в строфе XXVIII, недорисована, и Пушкин устами повествователя объясняет, почему:

Но, развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.

(5, XL, 5—7)

Всё, что нам известно о посещении Онегиным великосветского бала, сводится к рамочным указаниям на его отбытие [... *стремглав в ямской карете // Уж мой Онегин поскакал* (1, XXVII, 3—4)], прибытие (*Вот наш герой подъехал к сеням; // Швейцара мимо он стрелой // Взлетел по мраморным ступеням (...)* *Вошел* (1, XXVIII, 1—5)) и возвращение домой [*Полусонный // В постелю с бала едет он (...)* (1, XXXV, 1—2)]. Единственное, что прямо говорит о его психологическом состоянии, — это слова об утомленности «шумом бала» (1, XXXVI, 1). И о том же в следующей строфе: (... *Ему наскучил света шум (...)* (1, XXXVII, 2), — что нужно читать, исходя из нормы поэтического языка романа, как еще одно напоминание о неизбывной онегинской тоске.

Поэтому так важна обнаруженная нами связка: с одной стороны, «стихи» рядом с «балами» в анализируемом перечислительном ряду объединенных по принципу «матрешки» источников онегинской тоски (Петербург — «улицы» в Петербурге — «дворцы» на «улицах» — «карты» и «балы» во «дворцах» — «стихи» на «балах»), с другой стороны — балльные «стихи» в куплете Трике. Эта ассоциация играет не только формальную, но и важнейшую содержательную роль. Хотя пока еще и не вполне проясненная, она, будучи обращенной назад, говорит нам нечто о жизни Онегина в Петербурге, а заглядывая вперед, дополнительно мотивирует загадочное поведение Онегина на именинном балу Татьяны.

Дважды информированные повествователем о тоске, источником которой для Онегина были не только сами петербургские «балы», но и одно

только воспоминание о них, мы можем в полной мере осознать степень тоскливого раздражения, овладевшего им, когда оказалось, что он обманулся. Надеялся, что уж в деревне-то, где и без балов *скука та же*, он будет спасен хотя бы от них — и вот пожалуйста! Понятно поэтому, что *Чудак, попав на пир огромный, // Уж был сердит* (5, XXXI, 5—6). А прямым виновником того, что Онегин вновь оказался против воли втянутым в ненавистный ему бальный мир с его «траги-нервическими явлениями», был, конечно, не кто иной, как Ленский. Вот почему Онегин, *С досады взоры опустив, // Надулся <...> и негодуя // Покаялся Ленского взбесить // И уж порядком отомстить* (5, XXXI, 8—11).

Казалось бы, всё понятно и ясно, всё обосновано и мотивировано. Всё, кроме одного: остается загадкой неадекватность болезненно, до бешенства острой онегинской реакции на, казалось бы, совершенно ничтожное и безобидное событие. Ведь Онегин, с его холодным, трезвым, желчным и насмешливым умом, с его сознанием, пораженным постоянной тоской и хандрой (не скукой!), не был ни капризным, ни взбалмошным человеком. И демонического, вопреки популярной в пушкинистике точке зрения, в нем решительно ничего не было. Он мог бы испытать отчуждение, огорчение, досаду, раздражение, даже обиду, — всё что угодно, но «мечь» Ленскому? И если бы только Ленскому — ведь он отомстил и Татьяне, напрочь забыв о своей «братской» любви к ней! Так что же всё-таки случилось? Какое темное облако застлало сознание и помрачило душу Онегина?

Конечно, Онегина рассердила не сама по себе «огромность» этого «пира», вопреки успокоительному заверению Ленского, что там будет только своя семья (4, XLIX, 8), — какая уж там огромность в сравнении с петербургскими балами! Онегина рассердила прежде всего, если так можно выразиться, бессильная претензия этого праздничного собрания быть настоящим «балом». Это был, как ему увиделось, не просто провинциальный именинный пир, а совершенно неуместная в этом «прелестном уголке» жалкая и убогая провинциальная пародия на столь памятные и опостылевшие ему светские балы¹². И гости на этом балу, *карикатуры* которых он стал чертить в душе своей (5, XXXI, 13—14), те самые соседи, которые ославили его как «опаснейшего чудака», «неуча» и «фармазона» (2, IV, 14; V, 9—10), были отвратительной пародией на ставших ему ненавистными участников петербургских балов. И бедная Татьяна, днем именин своих поставленная в положение царицы бала, тоже была

пародией. Пародией на слишком памятных ему цариц петербургских балов, иные из которых не только были «готовы» «упасть», но и воочию, на людях, закатывали публичные сцены и скандалы своим настоящим и бывшим любовникам, падали в обмороки и содрогались в конвульсиях и спазмах. У Онегина был на этот счет свой собственный горький опыт: *Траги-нервических явлений, // Девичьих обмороков, слез // Давно терпеть не мог Евгений: // Довольно их он перенес* (5, XXXI, 1—4). И гротескная фигура Трике с его поздравительными стихами-куплетами, которые он пропел *фальшивя* и передал имениннице, тоже была пародией на записных виршеплетов и рифмачей с их стихами, без которых, как мы знаем, ни один великосветский бал не обходился.

Всё так, и тем не менее всего этого мало. «Балы», «гости», «девицы», «обмороки», «слезы», «стихи» — это нивелирующие формы множественного числа, которые называют массовые явления, самой своей массовостью дискредитируемые и лишаемые значения и значительности (ср. Пеньковский 1989). В этом своем качестве они могли бы вызвать лишь ироническую улыбку или легкое раздражение. Для онегинского бешеного взрыва нужен был более сильный, индивидуально значимый, остро конкретный раздражитель. И в поисках его мы должны повнимательнее приглядеться к Татьяне и к эпизоду с куплетом Трике. Ведь сразу же после куплета Трике Онегин загадочным образом перенес свой план «мщения» с «виновного» Ленского на вроде бы ни в чем не повинную Татьяну. Рассерженный герой, искушенный в «науке страсти нежной», прибегнул к испытанной стратегии и тактике обманного любовного обольщения (5, XXXIV), которое завершается точно рассчитанным оскорбительным ударом (5, XLIV, XLV). А это заставляет нас вновь обратиться к бальным «стихам», поставленным и подчеркнуто выделенным в ряду важнейших источников онегинской тоски в первой главе.

Почему, в самом деле, какие-то жалкие «стихи», слышанные им на каких-то петербургских балах, так засели в сознании Онегина, что он продолжал помнить о них по прошествии столь длительного времени, уже после того, как он порвал все свои связи с большим светом, прошел через затворничество и попытки спастись от тоски запойным чтением и неудавшимся творчеством (ср. Пеньковский 1999а); после встречи и завязавшейся дружбы с повествователем, пытавшимся прийти ему на помощь; после того, как, похоронив отца и разделавшись с кредиторами, он покинул Петербург; после того, как предал земле дядю и вступил в права на-

следства? Не можем же мы предположить, что эти «стихи» сверх меры оскорбили его поэтическое чувство. Онегин, который, вопреки общепринятому пониманию, отнюдь не был врагом поэзии, с другой стороны, не был и поэтическим Сальери, способным гневно воскликнуть: {...} *Мне не смешно, когда фигляр презренный // Пародией бесчестит Алигьери* (7: 126).

Понять эту странную памятьливость (чтобы не сказать злопамятность) Онегина можно, только допустив, что за его мыслями о «балах» и «стихах» стоит не вообще феномен бальных стихов, который мы обсуждали выше, а какое-то совершенно конкретное, навсегда запомнившееся Онегину бальное торжество и какое-то совершенно конкретное, задевшее его за живое и принятое им близко к сердцу стиховое выступление в честь кого-то, к кому Онегин был неравнодушен. И поскольку адресатом этих стихов, несомненно, не мог быть ни он сам, ни, скорее всего, какое-либо другое лицо мужеска пола, остается думать, что так больно уколотившие и занозой засевавшие в онегинской памяти стихи были посвящены женщине.

Иными словами, мы можем предположить, что некогда состоялся бал, горько запомнившийся Онегину среди множества других балов. И была царица бала, в честь которой в его присутствии были прочитаны или спеты, а затем, наверное, поднесены «стихи», запомнившиеся ему потому, что она была роковой героиней его юношеской страсти. Может быть, именно на этом балу между ним и ею произошло что-то ужасное, что навсегда сломало ему жизнь и сделало его таким, каким мы его знаем. Слово «стихи» здесь, как и многие другие слова у Пушкина, — это не сырое слово общего лексикона. Это — романное слово, которое обозначает не только обобщенное понятие или конкретный предмет, но и совершенно определенную ситуацию с конкретными героями и связывающим их уникальным сюжетом — в данном случае с «теньвым» сюжетом о скрытой от героев романа любви юного Онегина.

Примечания

¹ См. Пеньковский 1999в; 1999д: 132—136; 2003: 146—151, 232—234.

² А. М. Каратыгина в своих воспоминаниях о Пушкине (1879), цитируя по памяти эти строки ({...}) *Разрозненные томы // Из библиотеки чертей* {...}), ошибочно расширяет объект их приложения: «В „Онегине“ Пушкин жестоко нападает на альбомы провинциальных барышень и великосветских барынь {...}» (ПВС, 1: 194).

Между тем противопоставление этих двух типов «альбомов» принципиально важно для Пушкина. Он повторит и разовьет его в стихотворении «И. В. Слëннну» (1828): *Я не люблю альбомов модных: // Их ослепительная смесь // Аспазий наших благородных // Провозглашает только спесь. // Альбом красавицы уездной, // Альбом домашний и простой, // Милей болтливостью любовной // И безыскусной пестротой.*

³ Ср. в цитированных выше воспоминаниях Каратыгиной: «(...) в то время альбом был такой же неизбежной принадлежностью каждой барышни, как во времена наших бабушек — опахала. Я завела себе хорошенький альбом еще в бытность мою в пансионе» (ПВС, 1: 194). «Хотя альбомы и до сих пор сохраняют права свои, — писал в конце 40-х годов В. П. Горчаков, — но в настоящую минуту они более составляют украшение письменных столов, на которых почасту ничего не пишут, — отличаются более щеголеватостию наружной отделки, нежели внутренними вкладками; а в описываемый мною период времени, то есть 21-го года, страсть к альбому и списывание стихов были общею страстью: каждая девочка от пятнадцати лет возраста и восходя до тридцати, непременно запасалась альбомом (...)» (ПВС, 1: 258). Свидетельства такого рода легко было бы умножить.

⁴ Ср. в письме Ф. Малевского сестрам от 15 сентября 1826 г.: «Я должен вам рассказать о том, что теперь очень занимает Москву... Пушкин, молодой и известный поэт, здесь. Альбомы и лорнеты в движении; он сначала за свои стихи был сослан в свою деревню. Теперь государь позволил ему вернуться в Москву» (Летопись, 2: 175; оригинал по-французски).

⁵ Ср. свидетельство одного из них: «Напишите другие стихи на голос: „Винят меня в народе...“, — сказала мне одна из моих дам (...) Вот невыгода лестного титула поэт! Если вы хотя немного прослыли стихотворцем, то вам никак невозможно в обществе отделаться — чтоб не сочинить того, о чем вас попросят. Отказав — сделаете неучтивость или заставите сомневаться в таланте своем; исполнив — подвергнетесь критике (...)» [П. Шаликов, «Путешествие в Малороссию», 1803 (ЛМВ: 547)]. Ср. даже более острое переживание такого рода, высказанное от лица живописца: «Вот еще острый нож для художника — альбомы, эти толстые, бессмысленные альбомы, готовые без всякой жалости высосать последнее вдохновение!» «Меня замучили ими!» «Как будто звание художника вменяет уже в обязанность рисовать в альбом! (...) Бог с вами, друзья мои, только оставьте меня в покое! Я решительно отказался от всех альбомов на свете!» [Тимофеев 1989: 303—304 («Художник», 1833—1834)].

⁶ Такие записи обычно делались на месте, во время частных визитов, в доме владелицы (владельца) альбома, прямо на альбомной странице или на отдельном листе, который затем вклеивался в альбом. Так, посетив Карамзиных 24 ноября 1827 г. в день именин Екатерины Андреевны и Екатерины Николаевны, Пушкин вписал в альбом Е. Н. Карамзиной стихотворение «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» (Летопись, 2: 322); ср. также сведения о записях и рисунках Пушкина в альбомах, принадлежащих другим лицам (Летопись, 2: 197—198, 216, 344, 446;

3, 17, 42, 100, 131, 231, 263, 462, 511). Но альбом мог также доверенно передаваться в руки пишущего или пересылаться ему, а позднее возвращался по принадлежности. Так, 1 марта 1828 г. Пушкин нанес визит пианистке Марии Шимановской и, взяв с собой ее альбом, вписал в него строки из «Моцарта и Сальери», а 6 марта вернул альбом владелице (Летопись, 2: 354, 356).

⁷ Показательно, что среди многочисленных свидетельств об альбомных записях Пушкина нет ни одного, связанного с балом.

⁸ Ср. свидетельство С. П. Жихарева: «В Английском клубе делаются большие приготовления к принятию князя Багратиона, которого на днях ожидают. Сказывали, что стихи заказаны П. И. Кутузову и Николеву: мало одного стихотворца, надобно двух. Не знаю, почему не составили уже полного парнасского триумвирата, присоединив к ним и графа Хвостова?» [Жихарев 1955: 184 (запись от 16 февраля 1806 г.)].

⁹ Ср. принадлежащую перу П. И. Шаликова картину празднества в богатом малороссийском имении, где после балетного спектакля, данного в честь генерал-губернатора князя Алексея Борисовича Куракина, высокому гостю пропел оду хор «нимф, аккомпанируемый оркестром», а затем одетая Купидоном «осьми- или девятилетняя девушка с прекрасным органом» «сказала благодарную речь» и вручила ему «некоторую жертву сердца» — сочиненные Шаликовым торжественные стихи «на случай его посещения Буды»: *Вельможа! властью не гордяся. // Сердцами хочешь ты владеть...* [ЛМВ: 535, 566—567 («Путешествие в Малороссию», 1803)].

¹⁰ По всем этим соображениям приходится отвергнуть высказанное мною ранее (Пеньковский 1999д: 157) предположение о том, что за обсуждаемыми «стихами» стоит горькое воспоминание Онегина о его собственных неудачных стихотворческих попытках [*Хотел писать — но труд упорный // Ему был тошен; ничего // Не вышло из пера его, // И не попал он в цех зазорный // Людей, о коих не сужу, // Затем, что к ним принадлежу* (1, XLIII, 9—14)].

¹¹ «Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает», — писал Боратынский в конце февраля 1828 г. (14: 6). И справедливо: не говоря уже о принципиальных противниках Пушкина, с порога отвергавших любое пушкинское слово, даже многие из тех, кто признавал высокие достоинства его творчества, категорически отказывали ему в способности и умении «планировать». «На сих днях вышла новая поэма Пушкина, или только первая глава романа, „Евгений Онегин“, — сообщал 19 февраля 1825 г. А. Е. Измайлов П. А. Яковлеву. — Плана вовсе нет, но рассказ прелесть» (Левкович 1978: 170). По мнению М. П. Погодина, нет плана и в последующих главах романа; 9 февраля 1828 г. он записал в «Дневнике»: «Перечитал „Онегина“. — Пушкин забалтывается, хотя и прекрасно, и теряет нить. При множестве прекрасных описаний, четвертая и пятая песнь очень несвязны, и голова у читателя в дыму по прочтении» (ПВС, 2: 23). Профессиональному литератору вторит рядовая читательница: «(...) мне кажется, с некоторого времени стало слишком очевидно, что он пишет стихи только для денег, и у меня создается впечатление, что его поэма „Онегин“ так затрудняет его, что (...) он

пишет без плана, без цели, без определенной устоявшейся идеи» [А. П. Голицына — П. А. Вяземскому, 28 ноября 1828 г. (ЛН 1952: 84; подлинник по-французски)]. Недостатки или вообще полное отсутствие плана критика обнаружила уже в первом «большом стихотворении» Пушкина — в поэме «Руслан и Людмила», и с этого времени такого рода упреки, обвинения и претензии, как в печати, так и в переписке современников и в письмах к самому Пушкину, преследовали его до конца жизни, повторяясь с выходом каждого нового произведения.

¹² В воспоминаниях В. П. Бурнашева есть рассказ о полковнике лейб-гвардии уланского полка Лизогубе, который «на походѣ во время дневки полка въ какомъ-то нашемъ Русскомъ городѣ, да чуть ли не во Псковѣ въ 1831 году, когда гвардія шла въ Царство Польское», попал на «даваемый въ этотъ день мѣстнымъ градскимъ главою» бал, поразивший его «всею эксцентричностью провинціальности, въ тѣ времена особенно наивной и рельефной» (Бурнашев 1872а: стб. 1607).

«НО НАКОНЕЦ ОНА ВЗДОХНУЛА...»
(«Евгений Онегин», 3, XLI, 1)

В третьей главе романа Татьяна при виде Евгения, не выдержав душевного напряжения, убежала в сад

И задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала...¹

Она никак не может успокоиться.

⟨...⟩ Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,
И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит ⟨...⟩

XLI.

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей ⟨...⟩

Слово *вздохнула* в этих строках как будто ничем не привлекает к себе внимание. Читатель, увлекаемый стремительным поэтическим потоком, конечно, не останавливается на этом родном и вполне понятном слове. Комментаторы обходят молчанием и само слово, и его ближайший контекст. Переводчики пушкинского текста автоматически передают его значение

и смысл стандартными эквивалентами, например, английским *to sigh* 'вздыхать, вздохнуть': *But finally she sighed // and from her bench arose* (...) (Nabokov 1975, 1: 173) — или аналитическим *to heave a sigh* 'испустить вздох': *But at last she heaved a sigh, // And slowly from the bench she rose* (...) (Эммет, Макуренкова 1999: 214); *But finally she heaves a sigh, // And from the bench gets up to walk* (...) (Ledger 2001: 49). Текст интерпретируется в точном соответствии с толкованием, которое предлагает «Словарь языка Пушкина», первой же иллюстрацией отсылающий к стихам из третьей главы «Онегина»: «**ВЗДОХНУТЬ** (...) *Испустить вздох*. Но наконец она *вздохи́ла* (...)» (СП, I: 267)².

Всё здесь как будто бы ясно, понятно и просто, и нет не только загадки, но даже никакого предмета для обсуждения. На самом деле, однако, это лишь видимость ясности, кажущаяся понятность и иллюзия простоты, поскольку при таком толковании пушкинского слова и рядовой читатель, и переводчики, и лексикографы входят в противоречие с контекстом, выбирая первое попавшееся, а на деле — самое частотное значение слова (ср. ТС, I: стб. 279; и др.). Действительно, сочетание *испустить (сделать) вздох* значит 'сделать глубокий вдох и выдох', что происходит (в отступление от обычного, нормального, естественного дыхания, в особых условиях) либо произвольно — по просьбе врача при прослушивании, при попытке наблюдения над собственными легкими, при физкультурных упражнениях и т. п., либо непроизвольно — как отражение и проявление тех или иных внутренних, физических и душевных, состояний, когда физиологический акт выступает в своей вторичной, знаковой функции — в качестве знака-симптома. Подобные знаки могут работать в пределах своей собственной сферы (таковы, например, кашель как симптом простуды и специфически легочных заболеваний, как следствие «першения» в горле и т. п. или икота как симптом нарушений пищеварения или медикаментозных отравлений), но могут подниматься на более высокий, ментальный уровень. Так, хрипота или перехват голоса могут быть не только симптомом простуды, но и знаком неконтролируемого волнения и, следовательно, для постороннего наблюдателя нуждаются в интерпретации. Ср., например, крыловское объяснение: *Вещунья с похвал вскружилась голова, // От радости в зобу дыханье сперло* (...)

К такого рода знакам-симптомам принадлежат вздохи³, и возможно, один из них — вздох Татьяны. Но поскольку Пушкин не объяснил его кровавого значения и смысла⁴, мы должны задуматься и попытаться

«Но наконец она вздохнула...»

понять, (1) что обозначают слова *вдох* и *вдохнуть/вдыхать* в живом речевом употреблении и (2) что стоит за словом *вдохнула* в интересующем нас месте романа. Это тем более требует размышления, что *вдох* многозначен и многосмыслен. Как писал поэт,

Воды немного, несколько солей,
Снабженных слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и попросту слезою...
Но разве в том определенье ей?

А тихий вдох людской? То — груди содроганье,
Освобожденье углекислоты?!
Определения, мутящие сознание
И полные обидной пустоты!

(К. Случевский, «Воды немного...», 1899)

Действительно, есть неподконтрольные сознанию вздохи во сне⁵, есть безадресные, невольные⁶, но поддающиеся осознанию и контролю вздохи скорби и отчаяния, сокрушения и тоски, грусти и печали⁷, соболезнования, сочувствия и сострадания⁸, вздохи разочарования, обманутых ожиданий и безнадежности⁹ — и есть вздохи облегчения и избавления от опасности¹⁰, вздохи радости, блаженства, сладострастия и др.¹¹ Такие вздохи могут «вырываться»¹², «сдерживаться» и «удерживаться», «подавляться»¹³ и «задушаться»¹⁴. Именно о таких «случайных» вздохах¹⁵ (в противопоставлении намеренным, искусственным) может быть сказано, что их «обронили» или «потеряли»¹⁶.

В обширном репертуаре смыслов, передаваемых вздохами, первое место, конечно, принадлежит вздохам тоски¹⁷. Именно так — как выражение тоски — поняли «вдох» Татьянаны переводчики и, проясняя пушкинский текст, отразили такое понимание в своих переложениях: *But finally she heaved a yearning // sigh* («Но наконец испустила тоскующий вздох»), *and stood up, began to pace* (...) (Johnston 1979: 108); *At last she curbed her savage yearning* («Наконец она обуздала свою дику тоску»), *// From bench arose and, with a sigh, // Set off* (...) (Hofstadter 1999: 51)¹⁸. Такую расширяющую пушкинский текст интерпретацию «вздоха» Татьянаны (как будто вполне соответствующую ее ожиданию мучительного объяснения с Онегиным, который вот-вот должен появиться перед героиней) можно было бы принять, если бы не два коротких слова, открывающие строку о «вдохе», — *Но наконец...*

Как было показано ранее (Пеньковский 1999/2000: 46—47; см. наст. изд., с. 20—21), наречие *наконец* имело в языке пушкинской эпохи, как и ныне, три основных значения — это характеристика определяемого действия (1) как завершающего этапа длительного нецеленаправленного процесса, (2) как результата другого, целенаправленного действия и (3) как последнего наиболее показательного действия в более или менее длинном ряду действий. Очевидно, что глагол *вздохнуть*, если считать, что им названо неконтролируемое физиологическое действие, являющееся выражением тоскливого состояния души Татьяны, не соответствует ни одному из трех указанных выше типов действий, которые могут быть охарактеризованы как совершившиеся *наконец*¹⁹. Не соответствует так понимаемое *вздохнуть* и целостному смыслу высказывания, открывающегося противительным *но*, поскольку в предтексте нет другого действия, которому его можно было бы противопоставить²⁰. Зато в этом предтексте есть нечто другое — подробнейшее описание душевного состояния и физических действий Татьяны, которая с нетерпением и одновременно с тоской ожидала приезда Онегина (3, XXXVII, 9 — XXXVIII, 2), но лишь только это событие свершилось, она в ужасе бросилась в паническое бегство:

«Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью (...), —

а далее следует уже цитировавшееся: *И задыхаясь, на скамью // Упала... Задохнувшись* и от долгого стремительного бега, и от охватившего ее отчаяния, Татьяна, даже полулежа на скамье, никак не могла восстановить дыхание и — со стиснутым горлом, с трепещущим сердцем — безуспешно пыталась справиться с волнением²¹. Пушкину понадобилось еще немало наполненных консонантными повторами строк, где, помимо «трепета сердца» и «трепетанья персей», есть еще одно *трепет* (в сравнении Татьянинного сердцебиенья с «зайчиком в озими»), чтобы дать героине время овладеть собой и отдышаться. Но на-

концу она вздохнула... означает: «но наконец-то ей удалось вздохнуть». В этом широком контексте находят свое непротиворечивое объяснение и противительное *но*, и наречие *наконец*, употребленное во втором из перечисленных выше значений²², и предмет наших размышлений — загадочное *вздохнуть*.

Здесь это слово, в отличие от *вздохнуть*¹ 'сделать вдох и выдох' (ТС, I: стб. 277) и от обычного общеупотребительного *вздохнуть*² 'сделать вдох' должно пониматься, несомненно, как *вздохнуть*³ в его устаревшем, прямом, чисто физиологическом значении — 'преодолеть состояние задыхания', то есть 'восстановить дыхание, отдышаться'. Иначе говоря — осуществить то, что обозначается идиоматическими оборотами *перевести дыхание* или *перевести дух*. Ср. показательные толкования словарей: «Переводить (перевести) дух (дыхание) (...) Делать вдох, свободно вздохнуть» (БАС, 9: стб. 490), «глубоко вздохнуть, отдышаться» (МАС, III: 51), а также обычную связку: *вздохнуться/выдохнуться* — *перевести дыхание*²³. Ср. устар. *отвести дух* в том же значении²⁴.

Восстановление сбитого дыхания, как подтверждают и приведенные словарные толкования, начинается не с выдоха (задохнувшегося просто нечего выдохнуть), а с вдоха, которому препятствует спазм дыхательных путей, требующий усилий и времени для преодоления. Вот прямые описания этой ситуации: *Взгляни ж на землю! Вот она — // Как из насильственных объятий // Освобожденная жена (...)* *Коса и локоны развиты, // Глаза в слезах, уста раскрыты, // И тщетно силится вздохнуть* // *Ее истерзанная грудь* [А. Подолинский, «Смерть Пери», 3; 1834—1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 308)]; *Ее (смерти) десница мне на грудь // Легла — и я как тряпка смят! // Освободи, брат! дай вздохнуть!..* (Я. Полонский, «На Черном море», 1855). Или (с иной этиологией): «Легким не хватало воздуху, что-то изнутри мешало ему войти. Арбузов судорожно раскрывал рот, стараясь вздохнуть, но не умел, не мог этого сделать и задышался» [Куприн 1994: 47 («В цирке», гл. III; 1901)]²⁵. Здесь, таким образом, очевидно доминирует фаза вдоха, и *вздохнуть*³, собственно говоря, значит «[преодолевая затруднение, сделать вдох, чтобы получить возможность] восстановить спокойное дыхание» (в квадратных скобках помещена пресуппозитивная часть значения). Ср.: *Люблю появление ткани, // Когда после двух или трех, // А то четырех задыханий // Придет выпрямительный вздох* (О. Мандельштам, «Люблю появление ткани...», 1933—1935).

Важно отметить такие характеристики действия, называемого глаголом *вздохнуть*³, как «глубина» и «свобода», которые выделяются и подчеркиваются именно потому, что к ним приходится пробиваться через препятствие. Это глубокий и свободный *вдох* — вдох до глубины груди (ср. *вздохнуть всей/полной грудью*), и собственно физическая глубина²⁶ отличает его от метафорически глубокого тоскливого *вздоха-выдоха*, который идет из самой глубины души и сердца: «„Ах, Мария!“ — воскликнул он; вздохнул из глубины сердца, и голова его склонилась ко груди» [Жуковский 1960, 4: 370 («Марьяна роща», 1809)]; *Возьмет он руку, к сердцу жмет, // Из глубины души вздохнет <...>* [А. Грибоедов, «Горе от ума», I, 5 (1824)]. Физическая же глубина легко трансформируется в ширину: *И грудь вздыхает радостней и шире, // И вновь кого-то хочется обнять* (А. Фет, «Еще весна, — как будто неземной...», 1847), а *вдох-вдох* переходит в естественное дыхание²⁷.

Отсюда энергетическая сила такого *вздоха-вдоха*, подготавливающего новое активное действие и обеспечивающего его осуществление, а с другой стороны, — сжатая повествовательная энергия глагола *вздохнуть*³, для которого нетипична позиция абсолютного исхода фразы. *Вдох-вдох* (не только при физическом задыхании, но также и в ситуациях нравственных затруднений, когда приходится преодолевать себя и, что называется, «собираться с духом») позволяет сконцентрироваться для приступа к действию и/или к делу и этим напоминает крестное знамение или его словесные аналоги. Если *вдох-выдох* как знак горестного чувства, выражением которого может завершаться определенная жизненная и речевая ситуация, это *вдох* с коннотацией финальности²⁸, то, напротив, *вдох-вдох* требует себе дальнейшего разрешения и получает его в действии и повествовании. Такого рода *вдох-вдох* типичен перед предстоящим физическим или нравственным испытанием, например (а) перед публичным выступлением, перед трудным объяснением, или (б) перед тем, как войти в помещение, где входящего ожидает нечто волнующее, тревожащее, или (в) перед тем, как отправиться туда, куда неприятно или опасно отправляться, и т. д.:

а) «Наташа подала ему (Пьеру) руку и вышла. Княжна Марья, напротив, вместо того чтоб уйти, опустила в кресло и своим лучистым, глубоким взглядом строго и внимательно посмотрела на Пьера <...> Она тяжело и продолжительно *вздохнула*, как будто приготавливаясь к длинному разговору» [Толстой Л. 1933, 12: 227 («Война и мир», т. IV,

ч. 4, гл. XVIII)]; ср. также: *И уж грезит он: минута, — // Вдох — и крылья зашумят, // И его свободной песни // Звуки утро возвестят* (Я. Полонский, «Лебедь», 1888);

б) «Весною 1868 года, часу в первом дня, в Петербурге, взбирался по черной лестнице пятиэтажного дома в Офицерской улице человек лет двадцати семи, небрежно и бедно одетый. Тяжело шлепая стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тело, человек этот достигнул наконец самого верха лестницы, остановился перед оборванной полураскрытой дверью и, не позвонив в колокольчик, а только шумно вздохнув, ввалился в небольшую темную переднюю» [Тургенев 1982, 9: 135 («Новь», ч. 1, [гл.] I; 1876)];

в) *⟨...⟩ я вздохнул // Так глубоко, как только может мертвый — // И полетел к своей могиле* (М. Лермонтов, «Ночь. I», 1830).

Именно такова ситуация с восстанавливающим дыхание вздохом Татьяны, за которым следует ее движение вперед, навстречу Онегину:

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла *⟨...⟩*²⁹

*   *
              *

Предложенное толкование глагола *вздохнуть*³, сколь бы парадоксальной ни казалась постулируемая пресуппозиция, полностью соответствует как структуре обозначаемого действия, так и семантическому устройству русских глаголов дыхания, общим свойством которых является переход от значения единого комплекса физиологически двунаправленных («в себя» — «из себя») и логически равноправных актов вдоха-выдоха — к сдвинутым, асимметричным, специализированным употреблениям со значениями актуализованного и акцентированного выдоха в одних случаях и актуализованного и акцентированного вдоха в других. Так, глагол *дышать* имеет три взаимосвязанных семантических варианта, и на базе каждого формируются различные «сдвинутые» вторичные и третичные значения:

(1) *дышать* — «делать вдохи и выдохи»³⁰, вбирать и испускать воздух легкими» (ТС, I: стб. 822; ср. МАС, I: 459); «вбирать и выпускать воздух (о человеке и животных)» (БАС, 3: стб. 1205); «при помощи органов дыхания втягивать в организм воздух (кислород) и удалять углекислый газ» (ОШ: 184)³¹;

(2) дышать 'делать выдох', или, согласно неполному определению большого академического словаря, «выпускать струю воздуха из легких на что-либо» (БАС, 3: стб. 1205); ср. дышать на кого (что): {...} Татьяна пред окном стояла, // На стекла холодные дыша, // Задумавшись, моя душа, // Прелестным пальчиком писала // На затуманенном стекле // Заветный вензель О да Е («Евгений Онегин», 3, XXVII, 9—14)³² — и дышать на кого (кому) чем, например дышать в лицо перегаром³³.

(3) дышать 'делать вдох'; ср.: Дышал ли запахом цветов — // В нем скорбь о неизвестном {...} (В. Жуковский, «Вадим», 1814—1817); ср. также нечем дышать.

Такова же семантическая структура глагола дохнуть и его просторечного варианта дыхнуть 'сделать вдох и выдох' (ср. НС, I: 436), представляющих однократное соответствие к дышать: {...} Я счастлив, ядохнуть не смею... (Н. Огарев, «Тюрьма», 1857—1858); {...} Глядела я, не в силах взгляда // Спустить с безвестного обряда, // Не в силах тронуться,дохнуть (К. Павлова, «Кадриль», 1859). Оба эти глагола также могут употребляться либо с актуализацией выдоха: «Фельдшер подбежал к нему и подал два скальпеля, причем не уберегся и дыхнул в его сторону» [Чехов 1977, 7: 143 («Неприятность», 1896)], — либо с актуализацией вдоха: «Петру Ивановичу особенно приятно былодохнуть чистым воздухом после запаха ладана, трупа и карболовой кислоты» [Толстой Л. 1936, 26: 68 («Смерть Ивана Ильича», 1886)]; «Еще однажды увидеть ее, дыхнуть одним с нею воздухом, наслушаться ее голоса, молвить последнее „прости!“» [Бестужев-Марлинский 1995: 352 («Страшное гаданье», 1830)].

В свете сказанного отчетливо проясняется и семантическая структура интересующего нас глагола вздохнуть, которому также присущи указанные выше типовые значения, и в том числе значение, связанное с актуализацией вдоха³⁴. В отличие от вздохнуть², за которым стоит произвольное, хотя и поддающееся контролю действие (мы не принимаем во внимание производство искусственных, рассчитанных на эффект, вздохов), вздохнуть³ обозначает намеренное, волевое, контролируемое действие, осуществляемое — в отличие от беспрепятственно реализуемого, естественного, рефлекторного, субъектно-ориентированного вдыхать/вдохнуть³ [ср.: Целый день сырой осенний воздух // Я вдыхал в смятении и тоске (О. Мандельштам, «Золотой», 1912)]³⁵ — в условиях и с целью

преодоления физического (физиологического) препятствия, каким является задыхание.

Противопоставление действий, называемых глаголами *вздохнуть*³ и *вдохнуть*¹, находит свое внешнее, в сущности иконическое, выражение в противопоставлении приставок *вз-* и *в-* (ср. отношения в парах *въехать* — *въехать*, *вздеть* — *вдеть*, *вздернуть* — *вдернуть*, *вспрыгнуть* — *впрыгнуть*, *востекать* — *втекать* и др.). *Вздохнуть*³ — это, как было сказано, действие, имеющее целью обеспечение свободы дыхания, представляющееся его субъекту необходимым (нередко — жизненно необходимым) или, во всяком случае, желательным³⁶. Ср: «Она сделала движение — клубок скатился с ее колен. Она вздрогнула, оглянулась на него и, заслоня свечу рукой, осторожным, гибким и точным движением изогнулась, подняла клубок и села в прежнее положение. Он смотрел на нее, не шевелясь, и видел, что ей нужно было после своего движения *вздохнуть* во всю грудь, но она не решалась этого сделать и осторожно переводила дыхание» [Толстой Л. 1933, 12: 62 («Война и мир», т. IV, ч. 1, гл. XVI)]. Это действие обнаруживает себя контекстными показателями:

а) затрудненности дыхания: «Лукерья *вздохнула* с трудом. Грудь ей не повиновалась — так же, как и остальные члены» [Тургенев 1979, 3: 333 («Живые мощи», 1874)];

б) стремления, желания, а в случаях, когда это зависит от других, просьбы, мольбы или требования *дать*, *разрешить*, *помочь* «перевести дыхание»: «Но перестаньте гнать несчастного! Лишите меня дневного света, и только в ночное время позвольте мне бедному *вздохнуть* на свежем воздухе!» [Карамзин 1984: 182 («Письма русского путешественника», январь 1790)]; *Что сделала вам я! Молю я! // Четыре кинжала мне в грудь! // Молю вас, колени целую... // Покров мой!.. О дайте *вздохнуть*!* (Д. Ознобишин, «Покров», 1839); {...} *И так же вновь теснится грудь, // И так же хочется *вздохнуть** [Н. Огарев, «Юмор», ч. II, гл. 9 (1840—1841)]; *В Дуняше кровь вся к сердцу прилила, // Потом к лицу. Так хорошо, так больно // Ей стало вдруг... бедняжка не могла // *Вздохнуть*, как бы хотелось ей, довольно // Глубоко...* [И. Тургенев, «Андрей», ч. 1: LIX (1845)]; *Он тихо встал и два шага потом // К дверям он сделал... он хотел *вздохнуть*, // И зарыдал, как женщина...* (А. Григорьев, «Видения», 1846); *Чтобы *вздохнуть*, кругом я взоры обвожу* (А. Майков, «Рыбная ло-

вля», 1855); *В груди восторг и сдавленная мука, // Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть // И, на волне ликующего звука // Умчась вдаль, во мраке потонуть* (А. Фет, «Грезы», 1859); *Постой... рыдания давят грудь, // Дай мне очнуться и вздохнуть, // Чтоб передать любви той повесть <...>* [А. Григорьев, «Вверх по Волге», 1 (1862)] и т. п.; ср. также: *<...> Распахни мне объятия твои, // Густолистый, развесистый лес! // Чтоб в лицо и горячую грудь // Хлынул вздох твой студеной волной, // Чтоб и мне было сладко вздохнуть <...>* (А. Фет, «Солнце ниже лучами в отвес...», 1863, — с игрой на столкновении противоположных дирекциональных значений слов *вздох* и *вздохнуть*).

*Вздохнуть*³ (в отличие от *вздохнуть*¹ и *вздохнуть*²) может иметь при себе управляемую форму творительного падежа имени, которая в одних случаях получает инструментальное (*вздохнуть полной грудью*), а в других — объектное значение:

а) «Положение записных ученых и литераторов было очень неловко в этом великосветском литературном салоне. Они обыкновенно с робостью, с замирающим дыханием пробирались через салон, преследуемые дамскими лорнетами и мужскими стеклышками, в кабинет радушного хозяина и там уже, забравшись куда-нибудь в уголок, *вдыхали полной грудью*» [Панаев 1988: 36 («Воспоминание о Белинском», 1860)];

б) «О, так бы лётю и полетела туда душа моя, туда, где священный холод простерся границею между земным и небесным! Сердце просит и жаждет *вздохнуть* воздухом небожителей» [Бестужев-Марлинский 1995: 77 («Аммалат-бек», гл. X; 1831)]; *Страшен путь, как взглянуть; // Но свежей дышит грудь, // Сладко небом вздохнуть!* (Д. Ознобишин, «Ездок», 1833); *<...> вместо страсти хочет грудь // Вот этим воздухом вздохнуть* (А. Фет. «Какая ночь! Как воздух чист...», 1857?); «*<...> ох, как хорошо поглубже вздохнуть холодным воздухом <...>*» [Бунин 1999, 2: 208 («Сосны», 1901)]; «Ивлёв *<...>* свободно *вздыхнул* пахучей сыростью поля» [Бунин 1999, 4: 150 («Грамматика любви», 1915)]. Ср. также усилительный оборот *вздохнуть* (*глубоким, вольным*) *вздохом*: «Она *<лошадь>* уже вся потемнела от горячего пота, похудела в ребрах, в пахах, но я знал ее выносливость, то, что ей достаточно единственного *глубокого вздоха*, которым она *вздыхнула*, остановясь, чтобы снова пуститься в путь *<...>*» [Бунин 1999, 5: 144 («Жизнь Арсеньева», кн. 3, гл. XI)].

Отсюда — переход от идеи обретения свободы дыхания к идее обретения свободы физических действий и душевных движений (с акцентом на обретении свободы): *Да. // Моя душа — вот это море, Джулия, // Когда, забыв мои страдания, я // Вздохну свободно после долгой // Борьбы с самим собой (...)* (И. Тургенев, «Стено», 1834); «(...) она захотела подышать свежим воздухом и отворила окно. В противоположном доме окно уж было отворено. У окна стоял вчерашний юноша. Настенька гневно захлопнула ставень и не отворяла его уж несколько дней. Наконец как-то нечаянно взглянула к соседу: у соседнего окна никого не было. Настенька вздохнула свободно (...)» [Соллогуб 1983: 469 («Старушка», 1850)]³⁷. Отсюда также идея облегчения или легкости: «— Велик бог милостью, ваше высокоблагородие! Он утешил вас за долгое терпение! — проговорил капрал с облегчающим вздохом, которым он как будто перевел дыхание после продолжительного, тяжкого труда» [Сомов 1984: 213 («Сказки о кладах», 1829)]; «Но посмотрим, что делает Любаша, опомнившись после обморока (...) Открыв глаза и облегчив удрученную грудь свою несколькими глубокими вздохами, она долго смотрела как спросонья (...)» [Даль 1987: 324 («Павел Алексеевич Игривый», 1847)].

Идея свободы дыхания как обретения физической свободы и душевного успокоения преобразуется в идею физического отдыха: *вздохнуть*³ получает значение, которое наши словари (все, кроме большого академического) квалифицируют как «разговорное» и толкуют следующим образом: «**ВЗДОХНУТЬ** (...) Передохнуть, отдохнуть» (ТС, I: стб. 277; ср. БАС, 2: стб. 304; МАС, I: 166; ОШ: 78; НС, I: 171). Значение фиксируется еще в текстах XVIII века: «(...) только б ему (олению) давали через 20 верст немалое число вздыхать, поестъ снегу и высцаться» (СЯ XVIII, вып. 3: 124). Это толкование словари обычно подкрепляют фразеологизмом, гиперболически говорящим о предельной занятости и потому — от противного — подсказывающим мысль об отдыхе: *вздохнуть* (дохнуть, дыхнуть) некогда (невозможно, нет времени). Ср.: «Я не сплю и не ъм; когда служишь публикѣ, то нѣкогда и вздохнуть» (СЯ XVIII, вып. 3: 124); «Кроме головной боли, мне дыхнуть сегодня не было времени» [Полевой 1986: 499 (письмо С. Д. Полторацкому, 24 ноября 1828 г.)]³⁸.

Та же линия семантического развития обнаруживается в истории речений, толкующих *вздохнуть*³: речь идет о глаголе *передохнуть* (*переды-*

хоть) и о фразеологизованных оборотах *перевести* (*переводить*) дыхание (*дух*) и не переводя духа (*духу*, *дыхания*), которые на базе исходного («дыхательного») сформировали вторичное переносное («отдыхательное») значение: **ПЕРЕДЫХАТЬ** (...) 1. Делать глубокий вдох и выдох при затрудненном дыхании; переводить дух (...) 2. Делать короткий перерыв для отдыха во время каких-либо движений, работы и т. п.» (БАС, 9: стб. 592); «*Переводить (перевести) дух (дыхание)* (...) Делать вздох, свободно вздохнуть (...) *Перен.* Делать краткий перерыв в чем-либо, отдых, передышку» (БАС, 9: стб. 490). Ср., с одной стороны: «(...) Старожилов воскликнул, с трудом переводя дух и отдыхая на первых ступенях: „Боже мой! какая крутая лестница! И как она узка, и как безобразна!“» [Батюшков 1977: 80 («Прогулка в Академию художеств», 1814)], — а с другой, примеры, где «переведение духа» никак не связано ни с дыханием, ни с задыханием: «С тех пор, как я здесь (...) я до того был завален делами (...) что решительно не имел времени дух перевести (...)» [Тургенев 1989, 6: 100 (письмо Н. С. Тургеневу, 28 января 1865 г.)]. Ср. дальнейший семантический сдвиг 'отдохнуть' > 'успокоиться': «Только три или четыре дни по приезде моем на родину я чувствовал себя хорошо. Потом непрерывные расстройства в желудке, в нервах и в голове от этой адской духоты, томительнее которой нет под тропиками. Всё переболело и болеет вокруг нас. Холера и все роды поносов не дают перевести дух» [Гоголь 1952, XIV: 78 (письмо С. Т. Аксакову, 12 июля 1848 г.)]. По-видимому, семантика отдыха у глагола *вздохнуть* обнаруживает действие механизма регулярной многозначности, который объясняет и генезис значений возглавляющих эту группу глаголов *отдыхать/отдохнуть*, сделавших весь путь от 'отдыхаться' = *вздохнуть*³ 'перевести дух, дыхание' до 'успокоиться, восстановить душевные силы, отдохнуть душой' > 'восстановить физические силы, отдохнуть телом'³⁹.

*   *
*

Фиксируемое словарями значение *вздохнуть*² 'немного отдохнуть, передохнуть', иллюстрируемое такими примерами, как: «Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галереи, чтоб *вздохнуть* под ее тенью (...)» (Лермонтов 1957, 6: 266); «Поступил я в гостиницу и немного *вздохнул*. Обязанность легкая — сиди и пиши

отъезжающим счета» (Куприн 1994: 245), — не связано с ситуациями физиологического задыхания и, следовательно, не тождественно пушкинскому *вздохнуть* 'отдышаться'. Замечу, что в предпушкинскую и пушкинскую эпоху это значение глагола *вздохнуть* обычно передавалось не имеющим видовой пары однокоренным *отдохнуть*: мальчишка в голубя *Для шутки камешек лукнул // И так его зашиб, что чуть он отдохнул* (...) (И. Дмитриев, «Два голубя», 1795); *Схвативши // Шляпу, стрелглав пустилась к гостинице Эми. Бледнее // Смерти в двери вбежала она и долго промолвить // Слова не в силах была; отдохнув, наконец рассказала // То, что ей в замке привиделось* (В. Жуковский, «Две были и еще одна», 1831); «— Друг мой, успокойся! *отдохни!* — говорила мать рыдающей дочери...» [Станкевич 1982: 82 («Несколько мгновений из жизни графа Т***», 1833)]; «Эйзенберг пробежал мимо дома и выбежал на дорогу. Вдали ехала телега. Он догнал крестьянина, который сидел в ней и уговорился с ним, чтобы он довез его до города (...) Крестьянин поглядел на него с участием, помог ему усесться и погнал лошадь. Вальтер *отдохнул* немного; он закрыл глаза, взял себя за голову и лег на спину, стараясь заснуть, но не мог» [Аксаков 1986: 505 («Вальтер Эйзенберг», 1836)]; «(...) как-то раз, встретив на улице девушку, слегка похожую на нее, пустился бежать без оглядки и *отдохнул* только в кондитерской, за пятым слоеным пирожком» [Тургенев 1980, 4: 32 («Андрей Колосов», 1844)]; «Вы иногда так глубоко *вдыхаете*... вот как усталый, очень усталый человек *вдыхает*, которому никак не удастся *отдохнуть*» [Тургенев 1979, 2: 317 («Месяц в деревне», 2; 1850)] — и т. п.⁴⁰

Особо должно быть отмечено использование такого *отдохнуть/отдыхать* в описаниях ситуаций, связанных с задыханием при долгой напряженной речи, с судорожным смехом и т. п. Ср.: «*Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?* // *От смеха ты почти не можешь говорить* (...)» (...) «*Ах, дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!* (...)» (Д. Давыдов, «Сон», 1803); «Нѣсколько разъ останавливался, и *отдыхалъ* по нѣсколько мгновений Юрій, произнося свою длинную рѣчь (...)» [Полевой 1832, ч. III: 142 (гл. III)]; «(...) Степан Петрович упал, наконец, на диван в судорогах истерического смеха (...) Наконец Степан Петрович умолк, приподнялся, *отдохнул* и начал ходить по комнате» [Тургенев 1980, 4: 366 («Два приятеля», 1853)] и т. д. Отсюда — с переносом в ментальную сферу — *отдохнуть* 'восстановить ду-

шевные силы, успокоиться': Как ты, мой друг, в неопытные лета, // Опасною прельщенный суетой, // Терял я жизнь и чувства и покой; // Но угорел в чадуге большого света // И отдохнуть убрался я домой (А. Пушкин. «Послание к кн. Горчакову», 1819). Со сна идет к окну сенатор // И видит в лодке по Морской // Плышет военный губерна-тор // Сенатор обмер: Боже мой! // Сюда, Ванюша! стань немножко // Гляди: что видишь ты в окошко // — Я вижу-с: в лодке генерал // Плышет в ворота, мимо бутки. // — Ей богу? — точно-с — кроме шутки? // Да так-с. — Сенатор отдохнул // И просит чаю: Слава богу! // Ну! Граф наделал мне тревогу // Я думал: я с ума свихнул [«Медный Всадник», черновик; 1833 (5: 491)]; «На другой день (после несостоявшейся дуэли) Владимир Сергеич уехал очень рано к себе в Сасово. Целое утро провел он в волнении, чуть было не принял приезжего купца за секунданта и отдохнул только тогда, когда лакей принес ему письмо от Стельчинского» [Тургенев 1982, 4: 438 («Затишье», 1854)]; «(...) все его томило, все казалось ему в черном виде, и все ожидал он чего-то ужасного в будущем». «Но несмотря на это, когда бывал он в нашем кругу, то сердце его как бы отдыхало, он оживлялся (...)» (Скалон 1989: 333). Ср. еще пример из IV главы «Тараса Бульбы» (ред. 1835 г.), в сцене, где Андрий встречается с татаркой, служанкой его возлюбленной, и когда Бульба в предсонье едва не разоблачает его измену: «Если бы кто-нибудь в то время посмотрел на Андрия, то бы почел его за мертвеца, вставшего из могилы». «„Эй, смотри, сын! ей богу, отделаю тебя батогом так, что до представления света будет болеть спина. Бабы не доведут тебя к добру.“» «Сказавши это, Бульба (...) повернулся на другую сторону и заснул». «Андрий отдохнул» (Гоголь 1937, II: 316).

Как ни странно, даже наши академические словари, вопреки их принципиальной «ближнедиахронической» ориентации, не фиксируют эти значения глагола *отдыхать/отдохнуть*, несмотря на чрезвычайно высокую частотность и безусловную авторитетность таких словоупотреблений. Они знают лишь современное «восстанавливать силы (после работы, утомления) изменением или прекращением деятельности, пребыванием в состоянии бездействия, покоя» (БАС, 8: стб. 1359; ср. НС, I: 1169); «провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом» (МАС, II: 676) и т. п. То же — в «Словаре языка Пушкина»: «Восстановить силы (после утомления), передохнуть; некоторое время побыть без

занятий, утомительного дела, без чего-н. обременительного, тягостного» (СП, III: 203). Под это значение подводится здесь и пример из стихотворения «Дон» (1829): *Отдохнув от злой погони, // Чуя родину свою, // Пьют уже донские кони // Арпачайскую струю*, — хотя контекст делает предпочтительным другое прочтение: *отдохнув*² 'отдышавшись'. Ср. близкое *вздохнуть*: «Перевязав последних (пленных) (...) я дал вздохнуть лошадям и, отправя пехоту в Ермаки, выступил к Лосмину» [Давыдов Д. 1962: 342 («Дневник партизанских действий 1812 года»)]; «Слава Богу, долина за нами! Мы едем уже по суходолу. Кони храпят и дымятся; дайте вздохнуть коням!» [Бестужев-Марлинский 1995: 279 («Мулла-Нур», Заключение; 1835—1836)].

В этих глаголах мы не узнаём теперь ни их первичных прямых физиологических значений 'вздохнуть-вдохнуть' и 'отдышаться; перевести дыхание' (а потому не понимаем и того, что стоит за «вздохом» Татьяны), ни их вторичных «высоких» значений, как в лермонтовском *Подожди немного, // Отдохнешь и ты* (и потому ошибочно «понижаем» их). Тем более закрыты от нас такие нередкие в поэтическом языке пушкинской эпохи употребления глагола *вздохнуть*, которые могут быть адекватно поняты лишь при учете типичного для этого языка феномена лабильной, текучей семантики поэтического слова, способного совмещать в каждом данном употреблении весь спектр или часть спектра значений, которыми оно обладает. Ср., например, у Батюшкова:

(1) *Очистите поле, возницы! // Спешите! Залейте студеной струей // Пылающи оси и спицы; // Коней отрешите от тягостных уз // И в стойлы прохладны ведите; // Вы, пылью и потом покрыты бойцы, // При пламени светлом вздохните* («Гезиод и Омир, соперники», 1816—1817);

(2) *Пускай и в синах, но с бодрою душой, // Беспечен, как дитя всегда беспечных граций, // Он некогда придет вздохнуть в сени густой // Своих черемух и акаций* («Беседка муз», 1817);

(3) *Помедлите, венки! Еще не увядайте! // Но если явится, — пролейте на нее // Все благовоние свое // И локоны ее слезами напитайте. // Пусть остановится в раздумье и вздохнет* (из брошюры «О Греческой антологии», опубл. 1820).

Если в примере (1) императив *вздохните* призывает уставших бойцов расслабиться после боя, отдышаться и передохнуть, то в примере (2) за выдвинутым на передний план значением 'отдохнуть' мерцает

индуцируемая указанием на «густую сень черемух и акаций» мысль об аромате этих растений и о поглощающем их *вздохе-вдохе*. В примере (3) оба этих значения осложняются еще и третьим, связанным с возможностью воспринимать в контексте «раздумья» и «слез» глагол *вздохнет* как глагол горестного чувства.

В этой связи естественно было бы задаться вопросом о возможности распространения такого понимания и на обсуждаемый «вдох» Татьяны. Но ответить на него, вследствие акцентированной ситуации задыхания, пришлось бы отрицательно: глагол *вдохнуть* характеризуется здесь целостной, полной и чистой семантикой восстановления дыхания — в отличие от другого *вдохнуть* в той же главе «Онегина», имеющего значение физического действия как выразителя сложного комплекса чувств и переживаний Татьяны:

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.

(3, XXII, 1—4)

* * *

В качестве приложения — два небольших размышления о *вдохе*.

Вдох как единичный акт естественного дыхания, представляющий единство двух действий — вдоха и выдоха, осуществляется в условиях вялой работы дыхательного аппарата действием так называемых эластических сил при расслабленных голосовых связках. Такой вдох беззвучен или, точнее говоря, слабозвучен, поскольку состоит только из шумов, воспринимаемых невооруженным слухом лишь при переходе через некоторый порог шумности при затрудненном — «тяжелом» — дыхании (при одышке, воспалении легких и других заболеваниях либо в условиях тяжелой физической работы, при неудобном положении во сне, в состоянии глубоких душевных переживаний и т. п.). Поэтому принятое в наших словарях введение в толкования *вздоха* определений «усиленное» [«усиленное вдыхание и выдыхание воздуха» (БАС, 2: стб. 304)] и «протяжное» [«усиленное, протяжное вдыхание и выдыхание воздуха» (ТС, I: стб. 277)] следует признать ошибочным, равно как и отождествление двух разных

вздохов: вздоха как одного из бесчисленных актов в процессе естественного дыхания (*вдох*¹) и вздоха как знака-симптома (*вдох*²)⁴¹.

*Вдох*² осуществляется с включением в работу межреберных мышц и — по мере нарастания напряжения — брюшного пресса, чем обеспечивается большая интенсивность шумов при сохранении глухости. Другой физиологический вариант того же вздоха образуется при напряженных голосовых связках и, кроме шумов, включает еще и голос⁴². Отсюда — учитывая возможные различия в длительности и интенсивности фаз вдоха и выдоха, а также различия, связанные с участием/неучастием во вздохе работы голосовых связок на фазе выдоха, — различение и противопоставление вздохов (а) *коротких и долгих (продолжительных, протяжных)*, (б) *легких (слабых) и тяжелых (тяжких, глубоких)*⁴³.

Большая интенсивность фазы вдоха, когда вздох заставляет грудь вздыхающего подниматься, делает вздох видимым, более или менее заметным постороннему наблюдателю: *Трудным вздохом подымая// Человеческую грудь, // Разом Пери молодая // Хочет крылья распахнуть* (...) [А. Подолинский, «Смерть Пери», 11; 1834—1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 327)]; *Поникнув робко головою, // Не смея и боясь взглянуть, // Она присела; вся пылает, // И вздох невольный воздымает // Ее девическую грудь* [Д. Ознобишин, «Виденье (Из Парни)», 1844]; *Опустив глаза // И наклонив печальную головку, // Она проходит мимо... слабый вздох // Едва заметно грудь приподнимает...* (И. Тургенев, «Один, опять один я. Разошлась...», 1844); «(...) я взял ее безжизненно висевшую вдоль бедра руку (...) и она стала бледнеть, приоткрыла губы, подняла вздохом грудь (...)» [Бунин 1999, 6: 380 («Ворон», 1944)]⁴⁴. Возможен «обрыв» вздоха на вдохе в случае «последнего вздоха»: «(...) изнемогший конь грянулся под ним на землю, кровь хлынула из оскаленного рта, и последний вздох его порвал седельную подпругу» [Бестужев-Марлинский 1995: 18 («Аммалат-бек», гл. II, 1831)]; «(...) большая грудь, приподнятая последним вздохом, точно закаменела, а ниже ее, в глубокой впадине живота, лежат большие восковые руки» [Бунин 1999, 2: 211 («Сосны», 1901)]⁴⁵. Можно подобрать примеры, в которых описание видимого проявления вздоха (подъема груди, плеч, движения одежды и др.) заменяет указание на сам вздох⁴⁶.

Между тем вздох — это акустический сигнал, и делает его таковым, прежде всего, интенсивность выдоха. Именно выдох (особенно при его

озвученности) позволяет нам услышать или подслушать вздох: *Но весело, должно быть, господа, // Разгар любви следить в душе прекрасной, // Подслушать вздох, задумчивую речь, // Подметить взгляд доверчивый и ясный, // Былое сбросить всё, как ношу с плеч...* [И. Тургенев, «Параша», XLI (1843)]; ср. шумно, громко (тихо) *вздохнуть / вздыхать*; шумный, громкий (тихий) *вздох*⁴⁷.

Соответственно, если вздыхающий контролирует свое поведение на людях, он может стараться сделать вздох — в отличие от обычного вздоха *вслух* (Б. Пастернак, «Спекторский», гл. 5; 1925—1930) — неслышным, «немым» вздохом «про себя»: *(...) И долгий взгляд, и вздох немой — // Всё говорит мне: ты любим!* (И. Тургенев, «Разговор», 1844); «Почти всегда приходил он к чаю. Посидит подле круглого стола, выпьет две чашки китайского нектара, разливаемого Зоей (...) посмотрит на головку Зои Романовны, потом на ручки и на ножки, по-вздыхает про себя...» [Вельтман 1986: 145 («Сердце и Думка», ч. III, гл. II; 1838)]. Вздох, как было сказано выше, можно также удерживать⁴⁸ или подавлять⁴⁹. Но именно потому, что вздохи подконтрольны сознанию, вздыхающий может вздыхать намеренно, рассчитывая на определенного слушателя, с заранее продуманными целью и эффектом. Отсюда светская «наука вздохов» как составная часть более широкой науки светского обольщения — науки, *// Как бросить вздох иль томный взор (...)* [М. Лермонтов, «Тамбовская казначейша», 149—150 (1837)].

С доминирующей фазой *выдоха* семантически согласуются такие предикаты *вздоха*, как *вылетать / вылететь*⁵⁰, *вырываться / вырваться*⁵¹, *срывать / сорваться (с уст)*⁵², *нестись (вослед / вслед кому)*⁵³, *лететь (вослед / вслед кому)*⁵⁴, *долететь, доходить* и др. С фазой *выдоха* связаны также:

(1) синтаксическое расширение церковнославянизмов *воздыхать / вздохнуть* посредством управляемого члена со значением направления⁵⁵ и представление вздоха как адресованного послания⁵⁶;

(2) описание вздоха в терминах «подъема из груди»⁵⁷, «вызывания» его «из (глубины, со дна) души и сердца»⁵⁸;

(3) переносное употребление слова *вздох* применительно к звукам ветра и различных воздуходушных механизмов: мехов, парового молота, паровоза и т. п.⁵⁹

В высокой поэзии тот же образ передает благоухание растений⁶⁰, различные эманации земли и воды⁶¹. Ср. образ «окрыления» поэтической

речи, сопровождаемой вздохом: (...) *И, вздохом окрылен, трепещущий, стыдливый, // Сольется с шепотом любви моей счастливой* (...) [А. Подлинский, «Стих», 1837 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 339)], — а также уникальную в русской литературе персонификацию крылатого духа-вздоха у Боратынского: (...) *И ношушь, крылатый вздох, // Меж землей и небесами* («Недоносок», 1835).

*   *

*

Вздох как носитель ряда указанных выше значений — это невербальная речевая единица, или звуковой жест, который может функционировать как самостоятельно⁶², так и в свободном взаимодействии с другими невербальными единицами речи, с эквивалентными телесными жестами и параязыковыми явлениями⁶³ и, наконец, с вербальными средствами речи, аккомпанируя им (*вздохнуть и сказать; вздохнув, сказать; сказать и вздохнуть; сказав, вздохнуть; сказать со вздохом*)⁶⁴.

Вздохам огорчения, грусти и печали могут сопутствовать стоны и слёзы⁶⁵. Порой вздохи сопровождаются семантически согласующимся с ними жестом сокрушенного «покачивания головой»: «(...) Настасья Ивановна даже от жалости к такой махонькой твари прослезилась и, глубоко вздохнувши, покачала головой (...)» [Даль 1987: 126 («Вакх Сидоров Чайкин», гл. IV; 1843)]. То же в случаях с выражением «удивленного восхищения»: *Он был с чувствительной душой // Рожден; и в старческие годы // При зрелище красот природы // Вдыхал, качая головой* (И. Тургенев, «Помещик», VII; 1845).

Наконец, вздохи могут подкрепляться междометными «охами», которые есть не что иное, как «вербализация» звукового комплекса вздоха, пропущенного через фонологический фильтр русского языка, — ср. фразеологизованные рифмопары *охи и вздохи*, с *охами и вздохами*, без *охов и вздохов*: «Все рассуждения, однако ж, оканчивались отчаянным вопросом — „Неджелих (Что ж будем делать)?“ А затем на миг воцарялось молчание; а затем взлетала на воздух стая *охов и вздохов*» [Бестужев-Марлинский 1995: 279 («Мулла-Нур», гл. II; 1835—1836)]; Умиравшая Лукерья «рассказ свой вела почти весело, без *охов и вздохов*, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [Тургенев 1979, 3: 329 («Живые мощи», 1874)]. Сюда же надо добавить

оборот *вздохи* и *оханье*: «На вопрос: всё ли вы в добром здравье? эти господа отвечали вздохами и оханьем» (Греч 1930: 294). Ср. также *охать* о ком-чем 'вздыхать о ком-чем' > 'горевать, тосковать, тревожиться о ком-чем': «(...) но я охаю о Россіи, о моей родимой сторонѣ, и что не могу болѣе, надолго служить моему Государю» (Гераков 1813: 295); «Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верьхом, читаю романы В.(альтер) Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе» [А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 25 сентября 1835 г. (16: 51)]⁶⁶.

Вздых предполагает ответную реакцию сочувствия [*Друг, на земле великое не тщетно; // Будь тверд, а здесь тебе не изменят; // О милый, здесь не будет безответно // Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд* (В. Жуковский, «Голос с того света», 1817)], а, в случае его отсутствия, нарушающего указанную этическую норму, вздох характеризуется как *тщетный*, *пустой* и *бессильный* [*Не тронет вздох тебя бессильный, // Не омрачит земли тоска* (...) (А. Фет, «Горная высь», 1886)]. В то же время вздох и сам иногда служит откликом на воздействия окружающего мира: *вздохнуть в ответ, вздохнуть вместо ответа, только вздохнуть* (ср. Пеньковский 1995а)⁶⁷. Вздых может предварять высказывание или его сопровождать, эмоционально усиливая содержание речи (*сказать со вздохом*), но может также вступать со сказанным в противоречие: (...) *Потом стал длинный ус крутить, // Вздохнул, и начал говорить* (...) (М. Лермонтов, «Тамбовская казначейша», 503—504; 1837)]; «Княжна Марья тяжело вздохнула и этим вздохом признала справедливость слов Наташи; но словами она не согласилась с ней» [Толстой Л. 1933, 12: 223 («Война и мир», т. IV, ч. 4, гл. XVII)]. Связь между вздохом и речью отражается также в поэтически фразеологизованном *ни слова, ни вздоха*⁶⁸.

Отметим в этой связи специальный прием, используемый в русской художественной речи со второй половины XIX в.; с его помощью речевое действие предстает как поглощенное сопутствующим вздохом. Достигается это благодаря глаголу *вздохнуть* 'сказать со вздохом': «— Куда же ребенка-то снесла?

— В пруд снесла, — вздохнула она» [Достоевский 1974, 10: 117 («Бесы», ч. I, гл. IV; 1871—1872)]. Рассказ Чехова «Конь и трепетная лань» (1885) начинается и завершается репликами героини: «— Не спится! — вздыхает она»; «— Незачем писать дяде! — вздыхает она» (Чехов 1976, 4: 97, 100).

Примечания и экскурсы

¹ Об этом межстрофном переносе см. Шапир 2000б: 344; 2004: 553.

² Рядом помещена цитата из «Сказки о царе Салтане» (*Лебедь тут, вздохнула глубоко, // Молвила (...)*), хотя ее следовало бы поместить среди примеров к оттенку значения, которое определяется: «Вздохом выразить печаль, сожаление» (СП, I: 267). И только иллюстрация из «Бориса Годунова» (*Не смел вздохнуть, не только шевельнуться*) соответствует принятому в словаре толкованию.

³ Ср.: «— Дети?

— Трое, — сказала она с тяжелым вздохом.

— Почему ты вздыхаешь, добрая женщина?

— Потому, — сказала она, помолчав немного, — что я должна прийти к ним с пустыми руками, — а они... они уже другой день сидят без хлеба...» [Бестужев Н. 1983: 244 («Русский в Париже 1814 года», 1840)].

⁴ Ср.: (...) *Младую грудь к волненью принуждать // И страстью небывалой объяснять // Летучий вздох и влажный пламень глаз (...)* [М. Лермонтов, «Литвинка», 107—109 (1832)]; *В ту ночь два-три страдальца окружали // Отжившего изгнанника кровать; // Смолк вздох его, разгаданный едва ли (...)* (К. Павлова, «Зовет нас жизнь; идем, мужаясь, все мы...», 1846); а также: *Горé душа летит, // Все необъятное в единый вздох теснится, // И лишь молчанье понятно говорит* (В. Жуковский, «Невыразимое», 1819).

⁵ Ср.: «Наталя Николаевна (...) услышала верно своим материнским ухом, что Соня не шевелится, и вышла взглянуть. Она взяла подушку и, подняв своей большой белой рукой раскрасневшуюся спутанную голову девушки, положила ее на подушку. Соня глубоко, глубоко вздохнула, повела плечами и положила свою голову на подушку (...)» [Толстой Л. 1936, 17: 13—14 («Декабристы», гл. I; 1856)]; «Он разъединил ее ноги, их нежное, горячее тепло — она только вздохнула во сне, слабо потянулась и закинула руку за голову...» [Бунин 1999, 6: 258 («Таня», 1940)]. Ср. также редкий пример сопоставления двух типов вздоха: «Тутъ глубокийъ вздохъ вашего сiятельства прервалъ нить моего разсказа; въ первомъ движенiи я обрадовался этому непритворному созвучiю къ моему слову; но пооглядѣвшись хорошенько, вижу, что вздохъ вашъ былъ не слѣдствiемъ моеi геремiады о дорогѣ, а просто произвольность сна (...)» (Бартенев 1886: 163).

⁶ Точнее было бы говорить о вздохах в отсутствие свидетелей, поскольку наличие стороннего наблюдателя делает верификацию «невольности» вздоха затруднительной или невозможной. Ср.: «Верно, много горя пришлось тебе измыкать на своем веку?

— Век прожить — не поле перейти, — отвечал он, вздохнул, как бы невольно и кулаком утер слезы, нагнувшись у него на глазах» [Погодин 1984: 40 («Нищий», 1826)].

⁷ Примеры многочисленны; ср. хотя бы: «(...) он бросился на траву, залился слезами и целый день пролежал на одном месте неподвижно, вадыхал и терзался»

[Жуковский 1960, 4: 377 («Марьяна рожа», 1809)]; *Неутолимая печаль // Ее, тягча, снедала тайно; // Ее тоски не зрел москаль; // Она ни разу, и случайно // Врага страны своей родной // Порадовать не захотела // Ни тихим вздохом, ни слезой* [К. Рылеев, «Войнаровский», ч. 2 (1823)]; «Он подстережет вздох грусти, слезу сожаления — сожаления, предтечи любви, — и упадет к ногам своей тронутой любовницы» [Бестужев-Марлинский 1995: 483 («Фрегат „Надежда“, Заключение; 1832)]; *А гроб другой был мал, и в нем лежало // Дитя (...) Печально мать-красавица молчала, // То плакала, то тяжело вздыхала* (Н. Огарев, «Fatum», 1849). «Не могу забыть и без жестокого укора совести вспомнить, как я несколько раз отказывал ей в деньгах на эти лакомства и как она, грустно вздыхая, умолкала» [Толстой Л. 1952, 34: 366 («Воспоминания», гл. VI; 1903—1906)]. Ср. также: Наталья Ласунская «чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и в детстве редко плакала, а теперь даже вздыхала редко, и только бледнела слегка, когда что-нибудь ее огорчало» [Тургенев 1980, 5: 239 («Рудин», гл. V; 1855)]; «Лука Иванович болезненно вздохнул. Он решительно не мог выносить больше всех этих вопросов» [Боборыкин 1984: 42 («Долго ли?», гл. V; 1875)]; и мн. др.

⁸ Ср.: «Пастух посмотрел на него с состраданием, вздохнул (...)» [Жуковский 1960, 4: 377 («Марьяна рожа», 1809)].

⁹ Ср.: «Я вгляделся: то была молодая крестьянская девушка (...) Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоумения перед собственной грустью. Она, видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она тотчас подняла голову и оглянулась (...) Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась (...)» [Тургенев 1979, 3: 241—242 («Свидание», 1850)].

¹⁰ Ср. *вздох облегчения, вздохнуть облегченно, с облегчением*, устар. *вздохнуть облегчительно*: «Князь Андрей облегчительно вздохнул, улыбнулся и протянул руку» [Толстой Л. 1932, 11: 385 («Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXXII; 1868)]. Ср. также: «(...) при взгляде на меня глубокий вздох вылетел из ее груди и, казалось, облегчил ее» [Полевой 1986: 110—111 («Блаженство безумия», 1833)]; «(...) так вздохнут, как будто бы у них гора с плеч свалилась» [Жукова 1987: 247 («Дача на Петергофской дороге», гл. I; 1845)]; *Кто же вздохнул у могилы, // Чья облегчается грудь? // Скорбную душу помилуй, // Господи! Дай отдохнуть* (А. Блок, «Кто-то вздохнул у могилы...», 1902).

¹¹ Ср.: (...) *Княгини мамушка седая // Перед иконою стоит, // И вот уж, набожно вздыхая, // Земной поклон она творит* [Е. Боратынский, «Бал», 557—560 (1825—1828)]; *Вздох волшебный сладострастья // С стоном девы пролетел* (...) [А. Полежаев, «Романсы», 2 (1831)]; (...) *Всей душой, душой освобожденной, // Набожно и радостно вздохну* (И. Тургенев, «Грустно мне, но не приходят слезы...», 1838); «Марианна поняла его — и коротко и блаженно вздохнула» [Тургенев 1982, 9: 271 («Новь», ч. 1, гл. XXII; 1876)]; «И он, презрительно вздохнув,

опять переменял положение» [Толстой Л. 1930, 9: 22 («Война и мир», т. I, ч. 1, гл. IV)]; «И он уходил, самодовольно вздыхая, опять в гостиную» [Толстой Л. 1930, 9: 44 («Война и мир», т. I, ч. 1, гл. VII)]; *Так звени стрелой в тумане, // Гневный стих и гневный вздох* (А. Блок, «Русский бред», 1918—1919); и др.

¹² Ср.: «(...) задумчивость его час от часу увеличивалась. Когда казалось ему, что за ним никто не примечает, вздохи вырывались из груди его (...)» [Погорельский 1985: 61 («Двойник, или Мои вечера в Малороссии», ч. I; 1825)].

¹³ Ср.: «— Ах, дитя мое, дитя мое! — сказал он мне однажды, подавляя вздох, — я молчу, потому что мне не поверят (...)» [Полонский 1986: 90 («Признания Сергея Чалыгина», гл. XVI; 1867)].

¹⁴ Ср.: «(...) клики веселых пиршеств, и стук заздравных ковшей заглушали тихие вздохи горести, задушаемые в груди бѣднаго сосѣда» [Полевой 1832, ч. II: 182 (гл. VI)].

¹⁵ Ср.: *Въ ней говоритъ // И жаръ ланитъ // И вздохъ случайной. // О! я знаю // Съ симъ языкомъ // Любви тайной!* [Боратынский 2002, 1: 259 («Любви приметы...», 1822)]. Ср. также не учтенный словарями фетовский *случайный полу-вздох* («Еще одно забывчивое слово...», 1884).

¹⁶ Ср.: (...) *Но если бледный вялый цвет ланит // И равнодушный молчаливый вид, // Но если вздох, потерянный в тиши, // Являют грусть глубокую души, — // О, не завидуйте судьбе такой* [М. Лермонтов, «Джюлио», 17—21 (1830)].

¹⁷ Понятна связь такого рода вздохов с другими проявлениями горестного чувства: «„Как все переменялось с тех пор, как я тебя видел здесь!“ — прибавил Старожил с тяжелым вздохом, от которого морщины на его лбу сделались еще глубже» [Батюшков 1977: 78 («Прогулка в Академию художеств», 1814)]; *Вдохнул отец; со вздохом мать // Пошла в свою светлицу; // Ей долго ночь в слезах встречать, // В слезах встречать денницу* (...) (В. Жуковский, «Вадим», 1814—1817). Именно на базе этого наиболее распространенного типа вздоха сформировалось переносное, чисто ментальное, значение глагола *в(о)здыхать* 'тосковать, горевать, грустить; с грустью мечтать' о ком (чѣм), по ком (чѣм), по кому (чему): «(...) вы не удивитесь, что русские *воздыхают* об этом крае, обетованном для юношей» [Бестужев-Марлинский 1995: 165 («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», 1830)]; «(...) между ними, в высшем кругу их, была одна, которая посередине золоченых зал, в роскошных кабинетах, упитанных запахом гиацинтов и лилий (...) *вздыхала* о светленькой маленькой горенке (...)» [Жукова 1986: 207 («Вечера на Карповке», ч. 2; 1837)]; «(...) въ такихъ и имъ подобныхъ заявленіяхъ Бѣлинскаго сквозило желаніе имѣть дѣло съ общественной литературой, занимающейся насущными вопросами дня (...) (онъ *вздыхалъ* по литературѣ этого рода и въ одномъ изъ тогдашнихъ своихъ годовичныхъ обзорѣй словесности) (...)» [Анненков 1881: 133 («Замечательное десятилетие», гл. XXVIII)]; *И, разлучась навеки, мы пойдем. // Что счастья взрыв мы промолчали оба // И что вдыхать обом нам по нем. // Хоть будем врознь стоять у двери гроба* (А. Фет, «Светил нам день,

будя огонь в крови...», 1887). Во многих такого рода словоупотреблениях обнаруживается дальнейшая интеллектуализация чувственного значения: 'горевать, тосковать о чем-л.' > 'с грустью думать о чем-л.'; ср.: «Всем сердцем благодарю вас (...) за песнь Онегина, хотя я вздохнул, что она последняя (...)» [И. И. Дмитриев — А. С. Пушкину, 1 февраля 1832 г. (15: 8)]. Ср. также *вздохнуть* с двойным нарушением норм управления (о чем → кому про что): (...) *Зефир (...) с цветком играет // И цветку вдыхает // Про любовь свою (...)* (В. Туманский, «Судьба цветов», 1819). Отсюда далее — с новым семантическим сдвигом — не имеющий видовой пары глагол *вдыхать* (о ком) 'быть (безответно) влюбленным в кого-л.' (ср. франц. *soûpirer pour qn*), имена *вдох*, *в(о)здыхание* как знаки страдающей влюбленности [*Пройдет в печалих жизнь моя. // Тебя не тронут вздохи страстны, // На что смущать твои дни ясны — // Пускай один страдаю я!* (С. Марин, «К Н. А. К.», не позднее 1813); *Но, гордая, она не замечала вдох, // И про любовь мою ей напевали струны, // Что на словах бы ей я высказать не мог* (Д. Ознобишин, «Гречанка», 1839)], а также *в(о)здыхатель*, -ница, поддержанные французским *soûpirant* [ср. слова, приписанные Шаликову в батюшковском «Видении на берегах Леты» (1809): *Увы, я пастушок, // Вдыхатель, всегда готовый*; ср. также: «Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора (...)» (А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 27 сентября 1832 г. (15: 32))]. К этому же ряду принадлежит не зафиксированное нашими словарями производное *вдыхательный*: «Гдѣ истинная любовь? Нѣтъ ея! Я вѣрю одной вздыхательной, петраркизму, то-есть живущей въ душѣ поэтовъ, и болѣе никакой» [Батюшков 1886, III: 46 (письмо Н. И. Гнедичу, 19 сентября 1809 г.)]; (...) *Но вдруг к дверям его вниманье обратила // Личина вшедшая, вдыхательна, уныла* [А. Шаховской, «Расхищенные шубы», III (1811)]; (...) *тот вид. // С которым окружась вдыхательной толпою, // Графиня, кажется, всем бедным нам велит, // Как пред богинею упасть перед собою* [А. Шаховской, «Урок кокеткам, или Липецкие воды», 2, III (1815)].

Со «вздохами горестного чувства» (ср. также *воздыхания* 'жалобы, сетования') и со «вздохами неразделенной любви» связана особая глава в истории русской литературы и культуры — глава о сформированной русским сентиментализмом культуре вздохов. Ср. в «Горе от ума»: *Берем же побродяг, и в дом и по билетам, // Чтоб наших дочерей всему учить, всему — // И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам! // Как будто в жены их готовим скоморохам* (I, 4). В качестве иронической реакции появляются смеховые антропонимические маски героев этого культурного и психологического типа: *Ахалкин* как эпиграмматическое прозвище Карамзина и *Вдыхалов* как эпиграмматическое имя князя Шаликова [ср. стихотворения Вяземского «Отъезд Вдыхалова» (1811) и «Первый отдых Вдыхалова» (опубл. 1827)]. Эти антропонимические маски — пародийное отражение специального языка, выработанного культурой русского сентиментализма. Ср., например:

а) представление *вздоха* как некой самостоятельной предметной сущности, пребывающей в груди в готовом виде, и даже во множестве: «Да, мой друг, Мария уехала, и я не мог с нею проститься, не мог облить слезами ее груди и, слыша

тайный вздох, исшедший из глубины ее души, не мог принять сего вдоха моими устами» [М. Сушков, «Российский Вертер», до 1792 г. (ЛМВ: 118)]; «Я заключаю в свои объятия любезную — на сердце моем слышно было биение ее сердца, каждый вздох ее влетал в грудь мою и вырывался оттуда с моим вздохом» [В. Измайлов, «Ростовское озеро», 1795 (ЛМВ: 82)]; несчастный Улад, «потупив голову, стараясь удерживать стеснившиеся в груди вздохи, пошел назад, чтобы никогда, никогда не возвращаться в то место, где все, что радовало его в жизни, погибло навеки» [Жуковский 1960, 4: 377 («Марьяна роцца», 1809)]; «(...) прерывистый, томный вздох, подобный шептанью майского вѣтерка, засыпающего на цвѣтахъ, вылетѣлъ изъ груди ея, вылетѣлъ... и замеръ на пламенныхъ устахъ любовника» [Батюшков 1885, 2: 58—59 («Предслова и Добрыня», 1810)]; «(...) У пола нѣжнаго въ безсмѣнной будь услугъ; // Наполни вздохами растерзанную грудь (...)» [Боратынский 2002, 1: 83 («Дамон! ты начал — продолжай...», 1819)];

б) представление сердца или души источником/субъектом вздохов: «(...) Лилу страсть моя не может огорчить. // Не оскорбит ее, вздох сердца сокрушенна (...)» (С. Марин, «К N. N.», не позднее 1813); *Вздох, еще из сердца страстно // Еще вздох к тебе летит* [С. Марин, «Песня („Вздох, еще из сердца страстно...“», не позднее 1813)]; «Тут невольный вздох вылетел у меня из сердца» [Карамзин 1984: 46 («Письма русского путешественника», 6 июля 1789 г.)]; «(...) невольный и потаенный вздох вылетел из внутренности души его» [А. Клушин, «Несчастный М—в», 1793 (ЛМВ: 44)]; «Тяжелый вздох как будто хотел разорвать сердце...» [Бестужев-Марлинский 1981, 1: 175 («Изменник», гл. V; 1825)];

в) вряд ли возможные сегодня «приглашения к вздоху»: «(...) Они беспечно шли тропинкою своей. // И здесь спокойно спят под сенью гробовою — // И скромный памятник (...) Прохожего зовет вздохнуть над прахом их (В. Жуковский, «Сельское кладбище», 1802); надпись на могильной плите: «Прохожий, если ты имеешь чувствительное сердце, вздохни об участи несчастных (...)» [Карра-Какуэлло-Гуджи, «Бедная Хлоя», 1804 (ЛМВ: 222)]; «(...) Сядь на плачевную могилу, // Задумайся, вздохни (...)» (К. Батюшков, «Мечта», редакция 1802?—1806 гг.); «Вздохнем, любезный друг, от глубины сердца и скажем (...)» [Батюшков 1977: 383 («Прогулка по Москве», 1811—1812)]; «(...) На камень оперишься рукою // Вздохни — и прах почти слезой! (С. Марин, «К Н. А. К.», не позднее 1813); Подруги милыя! вздохните: // Онъ сколько мозъ любви служилъ [Боратынский 2002, 1: 92 («Прощанье», 1819)]. Ср. также: «(...) И, слушая бряцание твое, // Пускай вздохнут задумчивые девы (А. Пушкин, «Разлука», 1816); Намъ судьба велитъ разлуку... // Какъ же быть, друзья? вздохнуть (...)» [Боратынский 2002, 1: 195 («Больной», 1821)]. То же в виде вопроса как обращенной формы императива: *Вздохнули ль вы, внимая тихой глас // Певца любви, певца своей печали? (...) Встречая взор его потухших глаз — // Вздохнули ль вы?* (А. Пушкин, «Певец», 1816). Отсюда представление этого действия как желаемого и ожидаемого: *И не придет друг сердца незабвенный // В последний раз мой томный взор сомкнуть, //*

И не придет на холм уединенный // В последний раз с любовью вздохнуть! (А. Пушкин, «Князю А. М. Горчакову», 1817);

г) неизвестное современному языку выражение *посвятить вздох кому-нибудь*: «(...) Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятить искренний вздох Лизе своей» [Карамзин 1964: 619 («Бедная Лиза», 1792)]; Своим пенатам возвращенный, // Владимир Ленский посетил // Соседа памятник смиренный, // И вздох он пеплу посвятил (...) («Евгений Онегин», 2, XXXVII); «Ты привел меня на могилу тетки, и сам пришел посвятить последний вздох свой благодарному о ней воспоминанию» [Сомов 1984: 104 («Юродивый», 1827)]; ср. также: *Друзья! вам сердце оставляю // И память прошлых красных дней (...) Мои стихи дарю забавенью. // Последний вздох, о други, ей!* (А. Пушкин, «Мое завещание друзьям», 1815); «Пусть судит его (императора Александра I) потомство, от меня же признательность и сердечный вздох над его прахом!» [Дмитриев И. 1986: 340 («Взгляд на мою жизнь», кн. V)].

д) такие вторичные семантические комплексы, как *повздыхать на кого-л.* 'полюбоваться на возлюбленную с тоской от невозможности соединиться': «Он убедительно просился съездить еще раз в Хунзах *повздыхать* на свою красавицу — и я отказал ему, отказал для его же пользы» [Бестужев-Марлинский 1995: 76 («Аммалат-бек», гл. X; 1831)].

¹⁸ Тот же или близкий смысл как результат ошибочного превращения однократного действия (*вздохнула*) в многократное несет, по-видимому, неудачный перевод У. Мея: *But then, at last she started sighing* ('Но наконец она начала вздыхать'), // *And from her bench began to rise* (May 1999: 246). Сходное решение принято в переводе Дж. Фейлена, который считается сегодня лучшим, однако в этом месте явно не оправдывает своей репутации: *But finally she rose* (...) *And, sighing, started home* (...) ('Но наконец она поднялась и, вздыхая (или: вздохнув), отправилась домой') (Falen 1990: 91).

¹⁹ Ср. показательный пример из Тургенева, где связка *наконец... вздохнуть* также не находит текстуального оправдания и поддержки: «Погасив свечку, он (Лаврецкий) долго глядел вокруг себя и думал невеселую думу (...) Наконец он вздохнул, натянул на себя одеяло и заснул» [Тургенев 1981, 6: 63 («Дворянское гнездо», гл. XIX; 1858)]. Можно предположить, что строя этот фрагмент своего текста, Тургенев вместо: «Наконец он, вздохнув, натянул на себя одеяло и заснул» — неосознанно подчинился литературной памяти, услужливо подсказавшей ему рассматриваемую нами пушкинскую формулу из 3-й главы «Евгения Онегина». Ср., с другой стороны, вполне оправданное *наконец* у Боратынского в ситуации, близкой к ситуации пушкинской Татьяны: *Лицо княгини между тем // Покрыла бледность гробовая. // Ее дыханье отошло, // Уста застыли, посинели; // Увлажил холодный пот чело, // Непомертвелье блестили // Глаза одни. Вещать хотел // Язык мятежный, но коснел, // Слова сливались в лепетанье. // Мгновенье долгое про-*

шло, // И наконец ее страданье // Свободный голос обрело (...) [«Бал», 311—322 (1825—1828)].

²⁰ Ср. хотя бы: «(...) один только полицеймейстер долго еще слушал, думая, не будет ли, по крайней мере, чего-нибудь далее; но наконец и рукой махнул, сказавши: „Чорт знает, что такое!“» [Гоголь 1951, VI: 209 («Мертвые души», гл. X)].

²¹ Ср. пример, где та же физиология объясняется исключительно душевным волнением: «(...) И чувство робости прекрасной овладело: // Невольно вздрогнула, не в силах вздохнуть (А. Пушкин, «Леда», 1814).

²² «Словарь языка Пушкина» указывает шифр интересующих нас строк под первым значением этого слова [«после всего, под конец, напоследок, в конце концов» (СП, II: 701)] и ошибается, так как в тексте нет необходимого для такого наконец перечислительного ряда действий.

²³ Например: «Перевести дух или дыхание (разг.) (...) вздохнуть свободнее (о запыхавшемся, расстроившемся)» (ТС, III: 103); «Наконец, запыхавшись, о блаженство! он достигал до последней залы, чтобы перевести дух, сядил на окно (...)» [Панаев 1987: 88 («Белая горячка», гл. I; 1840)]; «Игривый шел скоро (...) он бежал, придумывая, куда бы ему укрыться; наконец, запыхавшись, остановился, поднес руку ко лбу, перевел дух (...)» [Даль 1987: 324 («Павел Алексеевич Игривый», 1847)]; Агафья «несмело подошла к нам, остановилась и тяжело перевела дыхание. Запыхалась она не столько от ходьбы, сколько, вероятно, от страха и неприятного чувства, испытываемого всяким при переходе в ночное время через брод» [Чехов 1976, 5: 29 («Агафья», 1886)].

²⁴ Ср.: «(...) через полчаса вдруг шасть к двери названная мать моя, старуха Катерина. Она вошла запыхавшись и (...) едва успела отвести дух, как залилась слезами и начала причитывать по мне, как по покойнике (...)» [Даль 1987: 132 («Вакх Сидоров Чайкин», гл. V; 1843)].

²⁵ Обратная ситуация (примеры чуть ниже), когда грудь наполнена воздухом и расширена, а выдох осуществить не удается, противоречит физиологической реальности (если только персонаж не страдает легочным заболеванием) и объясняется стремлением «ультраромантика» Марлинского к предельной экспрессии в описании трагических обстоятельств жизни: «Поручик закрыл лицо, но не слезы свои руками... Грудь его стояла надувшись, но он не вздыхал... он не мог вздохнуть!...» [Бестужев-Марлинский 1995: 400 («Латник», 1831)]; «Левая рука ее сжата была на колене, между тем как правой упиралась она в грудь свою, будто желая выдавить оттуда удушающий ее вздох; в очах, в устах ее замирал укор небу» [Бестужев-Марлинский 1995: 456 («Фрегат „Надежда“, гл. IV; 1832)].

²⁶ Ср.: «Она долго лежала неподвижно; но открыла наконец глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, как человек, только что спасенный от неминуемой смерти (...)» [Тургенев 1982, 10: 61 («Песнь торжествующей любви», гл. IX; 1879, 1881)].

²⁷ Понятно, что вздох-вдох, наполняя грудь воздухом, поднимает и расширяет ее, в отличие от выдоха-выдоха, который, напротив, заставляет грудь опуститься и сжа-

ться. Исходя из этого, *вдох* в карамзинском *облегчить вздохом стесненную грудь* должен пониматься как *вдох-вдох*: «Деревенской начальник лежал на земле, и не кричал уже для того, что почитал себя мертвым (...) Приятель мой (...) показал ему свой паспорт, и говорил с ним так тихо и ласково, что бедный храбрец перестал дрожать, облегчил вздохом стесненную грудь свою, бросился обнимать Б* (...)» [Карамзин 1984: 206—207 («Письма русского путешественника», март 1790)].

²⁸ Ср. финал первой части «Идиота» (1868): «— (...) Боже, что бы могло быть из такого характера и при такой красоте! Но, несмотря на все усилия, на образование даже, — все погибло! Неошлифованный алмаз — я несколько раз говорил это...» «И Афанасий Иванович глубоко вздохнул» (Достоевский 1973, 8: 149).

²⁹ *Вдоху-вдоху*, выполняющему функцию «приступа», может быть со- и противопоставлен специфический *вдох-вдох-всхлип*, которым избываются плач и рыдание: «Он очень похудел с тех пор, как я его видел в последний раз, взгляд его бегал. Он изредка вздыхал, как дитя после плача» [Тургенев 1983, 11: 216 («Силев», 1870-е годы?); «(...) он смолк, закрыл лицо руками и затрясся от беззвучных рыданий. А наплакавшись, глубоко вздохнула, снял темный широчайший халат (...) и (...) лег спать» [Бунин 1999, 4: 52 («Свет зодиака», 1907)]. По-видимому, нужно учитывать, что при сильном плаче и рыданиях имеет место специфическое состояние «задыхания» (ср. стандартный образ слез, которые «душат»). Ср. в этой связи *всхлипывание* как особый декламационный прием сценической речи в русском театре конца XVIII — начала XIX в.: так, А. И. Храповицкий, который «принадлежал к старой классической школе», «был убежден, что для истинного трагического актера необходимы: протяжное чтение стихов, декламация, дикие завывания и неизбежные всхлипывания, или, как тогда выражались, *драматическая икота*» (Н. Мундт, «Попытка Гоголя», 1861 (ГБС 1952: 67)].

³⁰ Форму *выдох* «Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова квалифицирует как «неправ(ильную)» [ТС, I: стб. 450 (з. v. *выдых*)].

³¹ Отсюда переход от *дышать* 'осуществлять процесс дыхания' к обобщающему и обобщенному *дышать* 'жить': (...) Скажите: *милая слезою // Ваш услужит ли долгой сон?* // Но для меня никто не дышит, // Меня настигнет тишина... (А. Пушкин, «Наездники», 1816); (...) *Вели — умру: вели — дышать я буду // Лишь для тебя...* (А. Пушкин, «Каменный гость», сцена IV). Далее естественно дыхание 'жизнь', а далее — дыхание 'живое существо': (...) *тому, чье даянье // Все блага земные, и сила, и честь, // Кому не помедлю на жертву принести // И силу, и честь и дыханье* (В. Жуковский, «Граф Гапсбургский», 1818); (...) *Да хвалят торжественно господа сил // И солнце, и месяц, и хоры светил, // И всякое в мире дыханье!* (А. К. Толстой, «Иоанн Дамаскин», 12, 1858); (...) *Дух божий, жизни дух могущий, — // Ты не забудешь нас, о нет!.. // Дающий всякому дыханью, // Что нужно естеству его* (...) (Е. Ростопчина, «В майское утро», 1857). Характерны фразеологизованные *дышать одним воздухом с кем* и *дышать одним дыханием с кем* в параллель с *жить одной жизнью с кем*: «Иметь друга, иметь существо, усваивающее каждое движение души твоей, дышащее одним с тобой ды-

ханием, живущее одною с тобой жизнью {...}» [Тимофеев 1989: 300 («Художник», 1833—1834)]. Ср. также *дышать (одною) жизнью* у Боратынского: {...} *Но пылкой жизнью юных дней, // Пока дышалось — дышали* [2002, 1: 219 («Булгарину», 1821)]; *Съ природой одною онъ жизнью дышалъ* {...} [2002, 2: 278 («На смерть Гете», 1832)]. Отсюда не *дышать*, *перестать дышать* в значении 'умереть' и *переставать дышать* в значении 'умирать': {...} *Я слышать мог, как он дышал, // Как он дышать переставал* {...} [В. Жуковский, «Шильонский узник», VII (1821—1822)].

³² Сравнительно редко используемое в финитных формах, это значение вполне обычно в номинализированном дыхании 'выдохи': «Молодой человек подвинул кресла к камину, посадил на них прекрасную женщину, разул ее и старался согреть прелестные ножки своим дыханием» [Одоевский 1981, 2: 252 («Княжна Мими», гл. V; 1834)]. Ср.: *Его согревало дыханье вола* (Б. Пастернак, «Рождественская звезда», 1947) — и далее уже вполне опредмеченное значение 'след от дыхания': *На стекла вечности уже легло // Мое дыхание, мое тепло* (О. Мандельштам, «Дано мне тело — что мне делать с ним...», 1909).

³³ Отсюда выразительный художественный образ «смешения» дыханий влюбленных: «Красавица обнимала его лилейными руками, сердце ее билось, билось так близко его сердца {...} дыхание ее смѣшивалось съ его дыханіемъ {...}» [Батюшков 1885, 2: 55 («Предслава и Добрыня», 1810)]. Отсюда же не *дышать* (бояться дышать/дохнуть) на кого (что) со сдвинутыми значениями (1) 'молча, так, чтобы не помешать, не пропустить что-либо' и (2) 'так, чтобы не причинить ни малейшего вреда или беспокойства кому-либо' (примеры многочисленны); ср. в этой связи также фразеологизованное *затаить (притаить)* дыхание. Ср. также не отмеченный словарями и, по-видимому, принадлежащий лишь поэтическому идиолекту Огарева глагол *сдыхаться* в значении 'слетать вместе с дыханием', которое также акцентирует фазу выдоха: {...} *с ваших уст, как веянье весны, // Сдыхались Шиллера мечтательные сны* («Buch der Liebe», XXXVI; 1843); *Еще до слуха и до сердца не касаясь, // Слова уже остынут, с уст моих сдыхаясь* («Разговор», перевод стихотворения А. Мицкевича «Rozmowa», не позднее 1843).

³⁴ То же можно сказать о его менее употребительном высоком соответствии с вокализованным вариантом приставки — *воздохнуть/воздыхать*, за единым графическим комплексом которого стоят три значения: (1) 'сделать вдох и выдох' [ср.: {...} *красавица младая // Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая* {...} (А. Пушкин, «Леда», 1814)]; (2) 'сделать вдох' [ср.: {...} *Не в силах в страсти воздохнуть* {...} (А. Пушкин, «Кольна», 1814)]; (3) 'сделать вдох, преодолевая затруднение дыхания' [ср.: {...} *И чувство робости прекрасной овладело; // Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть* (А. Пушкин, «Леда», 1814)]. Ср. также: *Певцы любви! младую пойте радость* {...} *Стихи любви тихонько воздыхайте!* (А. Пушкин, «Любовь одна — веселье жизни хладной...», 1816), — где *воздыхать* с нестандартным объектным расширителем может быть понято в сдвинутом значении 'вздыхая, произносить стихи' (ср. СП, I: 326). Заслуживает внимания и усилительный оборот

воздохнуть *вадохом смерти* 'испустить последний (смертный) вздох' (А. Пушкин, «К молодой вдове», 1817).

³⁵ Ср. *вдыхать в себя* с эксплицитной субъектной ориентацией [«— Давненько-таки я у вас здесь, голубчики, не бывала! — молвила она, вдыхая в себя вместо воздуха какую-то отвратительную смесь сивухи, тютюна и прокислых овчин» [Салтыков-Щедрин 1972: 51 («Господа Головлевы», 1875—1880)], — а также объектно-ориентированное *вдыхать*³ в двух его семантических вариантах: редком физическом (об искусственном дыхании) и обычном ментальном (переносном) значении 'внушать, вселять что-л. в кого-л. / кому-л.': «(...) *Явьсь: вдохни восторг и рвенье // Полкам, оставленным тобой!* (А. Пушкин, «Перед гробницею святой...», 1831); «Сюжетов и планов нагромодилось во время езды ужасное множество (...) Но жар *вдыхает* страшную лень (...)» [Гоголь 1940, X: 369 (письмо В. А. Жуковскому, 15 июля 1835 г.)]; «(...) величая трагедия, *вдыхающая* невольно высокие ощущения в согласные сердца сей безмолвно слушающей толпы» [Гоголь 1952, VIII: 180 («Петербургские записки 1836 года», II)]. Отсюда возникает *вдыхать* 'вдохновлять'; ср.: «Кстати, „Последний день осужденного“ — ужасная прелесть!.. Это *вдохнуто* темницей, писано слезами, печатано гильотиной...» [Бестужев-Марлинский 1981, 2: 507 (письмо Н. А. Полевому, 18 мая 1833 г.); *Воспой святая муза, ты издревле* // *На высотах Синая и Горева // Вдохнувшая все песни пастырю* (...) *приди, прошу // И оживи мой голос вдохновенья...* [Жуковский 2000: 17 («Грехопадение, плод запрещенный...», перевод из «Потерянного Рая» Мильтона, 1836—1837); в оригинале: «(...) *Muse, that* (...) *didst inspire* (...) 'Муза, ты, которая вдохновила']. То же в редком (не отмеченном словарями) абсолютном употреблении: «(...) живая природа — бог. Она свежит, она *вдыхает*, она сама расстилается слогом» [Бестужев-Марлинский 1981, 2: 505 (письмо Н. А. Полевому, 18 мая 1833 г.)]. Ср. преобразование оборота *вдыхать в себя* путем синонимической замены его глагольного компонента: «Иногда легкая пара, ища отдыха, мелькнет подобно теньям к неосвещенному корабельному борту, и (...) тщетно тяжелыми *вздохами* вбирают в себя прохладу — сердца их бьются сильнее, волнение чувств становится больше (...)» [Бестужев Н. 1983: 26 («Об удовольствиях на море», 1824)].

³⁶ Следует отметить видовую асимметрию глагола *вдохнуть*³ при *дохнуть* / *дыхнуть* — диал. *дохать*, устар. *дыхать* (ср. у Ломоносова в «Оде на день рождения Ея Величества ... 1746 года»: «(...) *Из уст Зефирами дыхая* (...)). Действительно, во всем известном нам материале глагол *вдыхать*³ представлен единственным употреблением: «(...) вещьественность (...) обхватывала меня, как змей, забавляющийся своею добычею: то разовьет он свои кольца, и добыча его, *вдыхая* свободно, мыслит о победе и свободе, — то снова стискивает он ее в своих губительных объятиях» [Н. Иванов — А. С. Пушкину, 2 ноября 1835 (16: 60)].

³⁷ Ср. еще примеры, позволяющие различать (а) физические и (б) ментальные варианты рассматриваемого значения:

а) *Оставив шум войны, Градив, // Изранен весь, избит, чуть жив, // К пол-ночным с южных стран склонился, // Искал к покою гор, пещер, // У финских*

спать залез озер. // Тростник подстлав, травой покрылся; // «Теперь уж, — молвил, — я вздохну: // Изойдут язвы толь глубоки (М. Ломоносов, «Первые трофеи Его Величества Иоанна III», 1741); «Наконец, не имея силы побеждать душевного волнения, Татьяна вышла из хижины вздохнуть свободнее на чистом воздухе (...)» [В. Измайлов, «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», 1818 (ЛМВ: 212)]; Один в своих чертогах он; // Свободней грудь его вздыхает (...) (А. Пушкин, «Бакчисарайский фонтан», 1822); ср., однако: «Гирей остался один и вздыхает свободнее» [А. Воейков, «О поэмах А. С. Пушкина и в особенности о „Бакчисарайском фонтане“, 1824 (ППК: 220)]; «Прошедши две трети, то есть верст пять в гору, мы были остановлены, и я имел полный досуг вздохнуть, дать разгул очам своим» [Бестужев-Марлинский 1995: 124 («Письма из Дагестана», 1831)]; «В это время в третьем ряду кресел два человека учтиво пробирались на свои места (...) Наконец они, положив шляпы на кресла свои, вздохнули и обзрелись свободно» [Бестужев-Марлинский 1995: 481 («Фрегат „Надежда“, Заключение; 1832)]; (...) сон мятежный, // Волнуя девственную грудь. // Мешал свободно ей вздохнуть (М. Лермонтов, «Каллы», 1830—1831); «Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ее вздохнула свободно, то казак повторил прежние свои вопросы» (М. Лермонтов, «Вадим», 1832);

б) «Бедная Любаша и сама понимала, что ей необходимо вздохнуть на свободе или задохнуться в этом чаду» [Даль 1987: 324 («Павел Алексеевич Игривый», 1847)]; «(...) борьба съ людьми для него скучна (...) Лучше три дня вздохнуть безъ нихъ на свободѣ, самобытно и потомъ погибнуть, чѣмъ склонить гордую голову передъ ними (...)» (Огарев 1861: LXVI); «Ходатайство имело успех, и Пушкин вздохнул свободнее» [А. Урусов, «Канцлер князь Горчаков о Пушкине», 1883 (ПВС, 1: 377)]; «Тогда Арина Петровна решилась на крайнюю меру: она „выбросила сыну кусок“ (...) Кусок этот состоял из дома в Москве, за который Арина Петровна заплатила двенадцать тысяч рублей». «В первый раз в жизни Степан Головлева вздохнул свободно» [Салтыков-Щедрин 1972: 13 («Господа Головлевы», 1875—1880)]. Ср. рассказ И. И. Пущина о его встрече с Пушкиным в Михайловском и о мучительном для обоих разговоре, в котором всплыли «подозрения насчет общества»; Пушкин сперва разволновался, а потом, «успокоившись, продолжал: „Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою, — по многим моим глупостям“. Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть» (ПВС, 1: 94).

Ср. фрагмент, где в близком соседстве представлены два рассмотренных семантических варианта глагола *вздохнуть*: «Князь Семень вздохнулъ тяжело — хороша была Княжна Евпраксія — посадилъ ее въ возокъ, насыпаль ей досканецъ золота, и отправилъ ее къ отцу. Выѣхала она изъ Москвы, и въ первый разъ вздохнула, какъ живая» [Полевой 1832, ч. II: 213 (гл. VI)].

³⁸ Ту же связь значений обнаруживает и глагол *раздышаться*, отмеченный лишь в большом академическом словаре: 1) «отдышаться, начать дышать легко, свобод-

но»; 2) *перен.* «отдохнуть, успокоиться» (БАС, 12: стб. 318—319; переносное значение можно проиллюстрировать более ранними примерами, чем в словаре).

³⁹ Ср.: «(...) гора лежала у меня на сердце (...) Вчера возвращаюсь домой и нахожу письмо от тебя и Загоскина. Я вспрыгнул от радости и *отдохнул*» [Полевой 1986: 531 (письмо К. А. Полевому, 21 января 1838 г.)]. Ср. также пример, где значение 'успокоиться' выражено оборотом *перевести дыхание*: «Бумага пылала; она смотрела, опершись обеними руками на стол, и, когда потух огонь, дотлелся малейший клочок, самый глубокий, самый тяжелый вздох вырвался из ее груди, тут только казалось, она *перевела дыхание* (...)» [Павлов 1989: 149 («Маскарад», 1835)]. В том же (не отмечаемом словарями) значении мог использоваться и глагол *передохнуть*: «Зачем я остановился здесь? Неужели разрешать нравственные задачи жизни человеческой?» «Нет! мое сердце было так полно чувствами, что я не мог ехать далее — мне надобно было *передохнуть* здесь — мир счастья душил меня!» [Полевой 1986: 444 («Дурочка», гл. I; 1839)].

⁴⁰ Из редких случаев использования соотносительной формы несовершенного вида *отдыхать* в нашем материале лишь один указывает на «выход из задыхания». Уникальное словоупотребление может объясняться тем, что это значение перекрывается здесь значением «восстановления физических сил»: «Сначала ретивые кони рвались один перед другим; но, пробежав верст двадцать, стали призадумываться и наконец, поднявшись с трудом на крутую гору, пошли смиренным шагом (...) Пока усталые кони, идя шагом, *отдыхали*, Заруцкий рассказывал мне про настоящее свое житье-бытье (...)» [Загоскин 1987: 287 («Вечер на Хопре», 1834)]. Другой случай представляет выход из задыхания, вызванного сильным душевным волнением, и поворачивает физическое значение глагола *отдыхать* в ментальную сферу 'успокоения': «Я во сне говорил всё то, что было в моей душе и чего я не знал прежде (...) Когда я говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробегал трепет восторга; когда я замолкал, толпа, *отдыхая*, как один человек, тяжело переводила *дыхание*» [Толстой Л. 1949, 60: 247 (письмо В. П. Боткину, 4 января 1858 г.)]. Ср. также в переносном смысле о целой стране: «Вступление на престол императора Александра было самое благодатное: он прекратил царство ужаса, уничтожил Тайную канцелярию; восстановил права Сената, дворянства и — человечества, отменил строгую и разумеется нелепую и бестолковую цензуру. *Россия отдохнула*» (Греч 1930: 191—192).

Дальнейшее развитие семантики глагола *отдохнуть/отдыхать* ведет его к значению кратковременного *перерыва действия* (перерыва, а не прекращения) — без акцента на восстановлении физических или душевных сил субъекта: «Осененные облаком, с глиняными трубками в зубах собеседники также пьют, но молча и *отдыхая* только, чтоб всасывать и выпускать из себя табачный дым» [Корнилович 1957: 122 («Андрей Безыменный», гл. XV; опубл. 1832)]. То же устаревшее значение у соотносительного имени *отдых* в ментальном контексте в составе фразеологизованного оборота *без отдыха*: «Он сделал себе общественное положение своими нападками и заставил бесхарактерное общество терпеть розги, которыми он

хлестал его без отдыха» [Герцен 1956: 237 («Былое в думы», ч. 2, гл. XIV; 1852—1853)]. В этот же ряд входит социализированное значение слов *отдых* и *отдохновение* 'пауза' в метаязыке литературного деда в Предпушкинскую эпоху. Вся сия заповедати детищу поне трижды неотрочно т нощенденство прочнтати чинно, не мяти, ниже смешивати часть с частию во разделяти совершенными отдохновеньми в Символе член от иного члена» [Н. Гнедич, «Символ веры в Беседе при вступлении сотрудников», 1811 (Арзамас, 1: 165)]; «Всякой предмет имеет единство и, несмотря на обширность свою, может быть заключен в единой речи. Препинания, отдыхи, отсечения должны употребляться в предметах, различных между собою <...>» [Батюшков 1989: 264 («Об искусстве писать», 1805)]; ср. франц. *geras* 'отдых, пауза'.

У того же Батюшкова встречается слово *отдых* (также в форме множественного числа) в значении франц. *halte* 'стоянка, привал; остановка, перерыв': «(...) свежие ландшафты Руинсдаля, отдыхи (*haltes*) Вовермана, своенравные черты Сальватора Розы и величественные вымыслы самого Пюссеня» [Батюшков 1977: 396 («Воспоминание мест, сражений и путешествий», 1816)]. В этой связи может быть понято также находящееся за пределами нормы новейшее современное значение *отдыхать/отдохнуть* 'развлекаться/развлечься' (с дальнейшим сужением и специализацией — о процессе выпивки).

⁴¹ *Вдох*¹, поскольку он принадлежит естественному и в норме непрерывному процессу дыхания, выделяется из него лишь как виртуальная дискретная единица и предстает нам как физическая и физиологическая реальность (дыхательный «квант») только в случае так называемого «последнего вдоха» — ср. оборот *испускать/испустить вдох*, используемый также в значении 'умереть' (*en pendant испустить дух, последнее дыхание*), откуда далее *услышать, принять чей-либо последний вдох*: «(...) умереть так, что никто не услышит и последнего моего вдоха» [Дмитриев И. 1986: 377 (письмо П. П. Бекетову, 25 ноября 1798 г.)]. То же в переносном употреблении: *Ты (цвет) сорван был моей рукой (...) Останься ж на груди моей, // Пока любви не замер в ней // Последний вдох* (Ф. Тютчев, «Сию задумчив и один...», 1830-е годы). Ср. *последнее дыхание*: «(...) едва они успели войти в комнату, как государыня тихо и едва приметно испустила последнее дыхание (...)» (Благово 1989: 300). К этому, не отмеченному словарями, значению слова *дыхание* 'вдох' ср. также: «Смертный час, видимо, близился, — и ужасна казалась кончина умирающему (...) Каждое дыхание его было вдохом тоски неизъяснимой, и хриплые стенания вырывались из уст» [Бестужев-Марлинский 1995: 141 («Вечер на Кавказских водах в 1824 году», 1830)]; «(...) каждый взор ее черных глаз блестит грустью, будто слеза; каждое дыхание вырывается вдохом (...)» [Бестужев-Марлинский 1995: 435 («Фрегат „Надежда“, Заключение; 1832)]; «(...) Я б сумела каждое дыханье, // Каждый трепет сердца подстеречь (А. Апухтин, «Королева», 1860-е годы); то же в случае переносного употребления членов этой пары: «(...) Вдохи дня есть в дыханье ночном (...)» (А. Фет, «Вечер», 1855). Ср. также: *Травы спят красивые, // Полные росы (...) Этих трав дыханья // Нам обманчив сон* (А. Блок, «Травы спят красивые...», 1902). В параллель

К «последнему вздоху» и «последнему дыханию» ср. также «последнее издыхание», во фразеологических оборотах до последнего издыхания я при последнем издыхании в ассиметричной стилистически-оценочной связи с которыми становится понятна внутренняя форма глагола издыхать/издохнуть испустить последний вздох > перестать дышать > умереть (с осложняющей отрицательной оценочной коннотацией). Ср. проясняющее этот сдвиг редкое переносное употребление глагола ихдохнуть: «Бура издохла с последним ударом своей ярости, Ветер упал вдруг» [Бестужев-Марликовский 1981, 2: 302 («Мореход Никитин», 1854)]

⁴² Именно с этим звонким («голосовым») вариантом вдоха связана возможность его использования в качестве эталона сравнения и базы метафорического обозначения звуков певческого голоса и струнных инструментов: *Ромль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, // Как и сердца у нас за песню твою (. .) И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь. // И вест, как тогда, во вдохах этих звучных, // Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь* (А. Фет, «Сняла ночь. Луной был полон сад. Лежали...», 1877).

⁴³ Ср.: *Но тяжелый вздох и шепот // Ей послышались в тиши (...); (...)* *Вдохнула тужко грудь, уста затрепетали (...)* [А. Подолнский, «Смерть Пери», 7, 8; 1834—1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 316, 317)]; «Она опомнилась, вспыхнула и тяжело вдохнула» [Толстой Л. 1933, 12: 252 («Война и мир», Эпизод, ч. 1, гл. VI)]; ср. также: (...) *Вам не узнать, что в мире есть несчастный, // Который жизнь отдал за мимолетный вздох (...)* (А. Блок, «Душа моя тиха. В натянутых струнах...», 1898).

⁴⁴ То же в отрицании: *Его ланит не орошали слезы, // И персей вздох не волновал (...)* [А. Шишков, «Бард на поле битвы», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 408)].

⁴⁵ Сюда же относится пропущенный словарями первый вздох: *О Б(аратынски)й мой! печали // Всегда знакомы будут нам! // Мы с первым вздохом их познали!* [М. Бестужев-Рюмин, «Ужель находишь, друг мой милый...», 1824; цит. по кн. В. Э. Вацура (2000: 333)]. Ср. фразеологизованный оборот от первого до последнего вдоха (см. также выше, примеч. 41).

⁴⁶ Ср.: *Насильно слов уста искали, // Грудь поднялась — и как ручей, // Из голубых ее очей, // Сверкая, слезы побежали!..* [К. Бахтурин, «Насильный брак», 1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 351)]; «(...) *Поверишь ли, он мне приснился... // Я после не могла уснуть...*» // *И тут девическая грудь // Косынку тихо поднимает (...)* [М. Лермонтов, «Тамбовская казначейша», 90—93 (1836)]. Ср. также: «Сначала голос Ольги был тверд и выразителен, но когда речь коснулась до братской привязанности, он стал тише и нежнее, дыхание прерывалось, замирало; тоска высоко вдымала грудь (...)» [Бестужев-Марликовский 1981, 1: 250 («Испытание», гл. VIII; 1830)].

⁴⁷ При большой звучности и силе вздох может долетать и доноситься до слушателя издали; отсюда слышимость вдоха как мера расстояния: Ср.: (...) *И до тебя*

в блаженства рая // Их вздыхания дошли (В. Жуковский, «Молитвой нашей Бог смягчился...», 1839); (...) Но — я на севере, а ты под солнцем юга — // И мой тяжелый вздох к тебе не долетит (Я. Полонский, «Туман», 1856). Вдох способен также колебать легкие предметы; ср.: (...) листок, // Дрожащий от вздохов Поэта!.. (Д. Ознобишин, «Я понял! Не бьется лишь сердце в одной...», 1847).

⁴⁸ Ср.: «— Поздно! — отвечал Василь, как бы удерживая вздох» [Сомов 1984: 97 («Юродивый», 1827)].

⁴⁹ Ср.: «Что, что с тобою, друг бесценный?» — // Вскричал Арсений. Слух его // Внял только вздох полустесненный (Е. Боратынский, «Бал», 1825—1828); Пока спокойною стою // Иду, и мыслю, и пою, // Смеюсь над жалкою толпою // И вздохов ей не отдаю (А. Блок, «Пока спокойною стою...», 1899).

⁵⁰ Ср.: «Взор Эльвирин, встречаясь с моим, опускался к земле или обращался на небо. Два вдоха вылетали, соединялись и, мешаясь с зефиром, исчезали в пространствах воздуха» [Карамзин 1964: 675 («Сиерра-Морена», 1795)].

⁵¹ Ср.: «(...) тяжелые вздохи вырывались из его груди; меня самого объело уныние» [Погорельский 1985: 137 («Двойник, или Мои вечера в Малороссии», ч. II; 1825)]; (...) Тяжелый вздох из груди вырывался (...) [М. Лермонтов, «Сашка», ХСVIII, 10 (1839)]; Над крейсером взвился сигнал (...) Он вырвался, как вздох // Со дна души (...) [Б. Пастернак, «Лейтенант Шмидт», ч. 2 (1926)].

⁵² Ср.: (...) И тщетный вздох сорвется с уст [К. Павлова, «Дума» («Когда в раздор с самим собой...»), 1843].

⁵³ Ср.: Что нужды вам (...) Что вам вослед несется вздох страданья? [А. Григорьев, «Дневник любви и молитвы», 2, VI (1850-е годы)].

⁵⁴ Ср.: (...) Надежда сердцу изменила, // И вздох за нею вслед летит! [К. Батюшков, «Элегия» («Как счастье медленно приходит...»), 1804—1805].

⁵⁵ Ср.: (...) Быть с тобою неразлучным, // Вздыхая к небесам (Вяч. Иванов, «Песнь потомков Каиновых», опубл. 1903).

⁵⁶ Ср.: И часто к затворнице сонной // Я страстные вздохи свои посылал // По ветру, в струе благовонной (Я. Полонский, «Соловьиная любовь», 1856).

⁵⁷ Ср.: Тяжелый вздох поднялся из груди больной, но вздох, не кончившись, превратился в кашель [Толстой Л. 1935, 5: 54 («Три смерти», 1858)].

⁵⁸ Ср.: Тобой забытым быть скорее б я желал, // Чем вызвать памятью из сердца вздох глубокий! (Д. Ознобишин, «К ***», 1841).

⁵⁹ Ср.: Света бледно-нежного // Догоревший луч, // Ветра вздох прибрежного, // Край далеких туч... (В. Соловьев, «На смерть Я. П. Полонского», 1898); На всех парах несется поезд. // Колеса вертит паровоз (...) Машина выпускает вздохи // В дыму, как в шапке набекрень (...) (Б. Пастернак, «Поездка», 1958). Ср. традиционный стертый образ дыхания ветра (примеры многочисленны) и параллельный образ дыхания паровоза: С призраком дыханья паровоз докучный //

Мчится и грохочет мертвыми громами (...) (В. Соловьев, «На поезде утром», 1896); «(...) и вот как-то космато зачернел вдали паровоз, показался медленно идущий под его тяжелое дыхание страшный треугольник мутно-красных огней» [Бунин 1999, 5: 214 («Жизнь Арсеньева», кн. 5, гл. VI)]. Ср. более сложный случай, где «вздохи паровоза» находятся в широком олицетворяющем контексте всеохватной тоски: *Бред — или воочью // Мы на полустанке // И забыты ночью? (...) Уж туда ль зашел ты, // Паровик усталый? // Тишь-то в лунном свете, // Или только греза // Эти тени, эти // Вздохи паровоза* (...) (И. Анненский, «Лунная ночь в исходе зимы», 1906). Ср. также другие образные повороты, раскрывающие связь *вздоха* и *ветра*: «Рассказывал ей про чужбину, слушал ее с восхищением; и обыкновенно горький вздох развеивал ('развеивал') его блестящие замки, и он со слезами на глазах провожал взорами свою любезную (...)» [Бестужев-Марлинский 1981, 1: 134 («Ревельский турнир», гл. II; 1825)].

⁶⁰ Ср.: (...) *Тут шепоты ручьев, // Здесь розы воздыханье!* (Г. Державин, «Прогулка в Сарском Селе», 1791); (...) *И стаи призраков причудливых и странных, // И вздохи ров благоуханных* (Я. Полонский, «А. А. Фет», 1888); а также: (...) *Блестя росой там пышет роза, // Вдыхая негою садов* (Д. Ознобишин, «Космогония», 1829).

⁶¹ Ср.: *Братствуя с паром, // Ветру наш парус раздался недаром: // Пенясь, глубоко вздохнул океан!* (Е. Боратынский, «Пироскаф», 1844).

⁶² Ср.: (...) *Повесы на коней вскочили // И думы мрачные свои // Друг другу вздохом сообщили* [М. Лермонтов, «Монго», 255—256 (1836)].

⁶³ Ср.: *Мой друг, уста скушают тщетным излияньем, // А я хочу мои уста с твоими слить, // Хочу с тобой биеньем сердца говорить, // Да вздохом только, да лобзаньем* (...) (Н. Огарев, «Разговор», 1843).

⁶⁴ Ср.: «(...) хозяин, обратясь к соседу, молвил, глубоко вздохнув: — Дожили мы до поры, Лука Матвееч! И детям рад не будешь!» [Корнилович 1957: 61 («Андрей Безыменный», гл. II; 1832)]; «Вошедши в свою комнату, майор, усталый и печальный, бросился в кресла, и наконец после нескольких вздохов сказал:

„Боже мой! боже мой! За что это такое несчастье? (...)“» [Гоголь 1938, III: 64 («Нос», 1832—1835)].

⁶⁵ Ср.: «Ах, вокруг меня все страждет, все вздыхает, все стонет!..» [И. Георгиевский, «Евгения, или Письма к другу», ч. II; 1818 (ЛМВ: 286)]; «Когда же увидел, что Варенька (...) вместо вздохов и слез являет решимость и сопротивление его воле, совершенно потерялся» [Корнилович 1957: 89 («Андрей Безыменный», гл. VII; опубл. 1832)]; *За чьмъ же томный вздохъ и слезы на глазахъ?* [Боратынский 2002, 2: 161 («Есть милая страна, есть угол на земле...», опубл. 1835)]; *Мы тогда откроем двери, // И заплачем, и вздохнем, // Наши зимние потери // С легким сердцем понесем...* (А. Блок, «На весенний праздник света...», 1902). Ср. также градуальное сопоставление слёз и вздоха: «Он (...) хотя и не выронил слезы

{...} но вздохнул, и вздохнул очень глубоко» [Бестужев-Марлинский 1981, 1: 344 («Лейтенант Белозор», гл. I; 1830)].

⁶⁶ Наряду с «ох»-вздохами, которые характеризуются слабо лабиализованным [о]-образным вокалическим центром и заднеязычным либо гортанным поствокальным консонантным элементом, существуют еще:

(1) «Ах»-вздохи с факультативным гортанным взрывом и широким открытым [а]-образным вокалическим центром: «Любовь Аполлоновна была что-то сердита; она бросилась в кресла внутри палатки и глубоко вздохнула с восклицанием совершенно ненужным: „Ах, как я устала!“» [Вельтман 1986: 137 («Сердце и Думка», ч. II, гл. XVI; 1838)]. Такие экспрессивно-эмоциональные «ахи» нужно отличать от «ахов», являющихся средствами передачи интеллектуальной информации, связанной «с параметром знания»; эти последние могут производиться не только на выдохе, но и на вдохе (Безяева 2001: 239—240). Ср. также: «— Ах, какая чудная луна! — томно вздохнула Вера. Соня засмеялась.

— Вот смотри, Митя, она всегда такая: просто не может равнодушно видеть месяца (...) Такая сентиментальная» [Вересаев 1929: 86 («Без дороги», 1892—1894)]. Отсюда Ахалкин как антропонимическая маска сентиментального вздыхателя, и в частности шутовское эпиграмматическое прозвище Карамзина: *Пускай наш «Ахалкин» стремится в новый путь, // И, вздохами свою наполнив томну грудь, // Опишет свойства плакс, дав Игорю и Кию // И добреньких славян и милую Россию* (С. Марин, «М(илонову) М(арин) здравия желает», 1811). Ср. также ахалка: «Не смѣйся надо мною, Князь! Самъ я всегда смѣялся надъ зазнобами и ахалками — почитальъ это (любовь) бабьимъ дѣломъ» [Полевой 1832, ч. IV: 96—97 (гл. III)].

(2) Сильно напряженные [ʔх]-вздохи с [ъ]-образным вокалическим центром и с обязательным гортанным взрывом, которые — в связи с особенностями русской графики, не имеющей специальных средств ни для обозначения «средних» (так называемых редуцированных) гласных, ни для обозначения гортанного взрыва, — не получают орфографической фиксации и потому ускользают от нашего сознания, оказываясь за границами научного описания (ср. Добродомов 2003). Между тем можно предполагать, что этот тип вздохов представлен в широком ряду звуковых образований, которые русский человек привык называть *кряхтением*. Если свести во едино различающиеся лишь деталями свидетельства наших словарей, то мы получим следующее определение глагола *кряхтеть* — «издавать негромкие, глухие, неясные, отрывистые, стонущие звуки (при боли, усилии, физическом напряжении, неудобном положении и т. п.)» (ср. ТС, I: стб. 1537; БАС, 5: стб. 1769; МАС, II: 142; ОШ: 311; НС, I: 748). Данное определение восходит к Далю, который ввел также в этот толковательный ряд слово *охать* — глагол чистой семантики «вздоха» (Даль 1881, II: 193). Вообще в текстах обращает на себя внимание регулярное соединение глаголов *вздыхать* и *кряхтеть*, *кряхтеть* и *охать*, *стонать* и *кряхтеть* и такое же соединение их номинализаций: «Они (жители дома) часто слышат, как оно (привидение) ходит по чердаку, *вдыхая* и *кряхтя*, как будто на плечах у него тяжелая ноша, которую оно сбрасывает иногда с таким шумом, что полы в доме трещат и окна дрожат» [Погорельский 1985: 56 («Двойник, или Мои вечера в Мало-

россии», ч. I; 1825)]; «Молча дошли они до Алупки. Дедушка всю дорогу кряхтел и вадыхал (...)» [Куприн 1994, 165 («Белый пудель», гл. VI; 1903)]; «Телега все перекачивалась со стороны на сторону. Сережа курил, кряхтел и охал, бранил своего человека за то, что дурна дорога, ругал ямщика и мечтал о красавице» [Соллогуб 1983: 25 («Сережа», 1838)].

(3) Вздохи с сильно лабиализованным [y]-образным центром и губно-губными, придыхательными или заднеязычными пред- и поствокальными консонантными элементами типа [фу:] // [фу:х] ~ [фу:h] // [hy:h] // [у:х] ~ [у:h] // [у:ф:] и т. п.; их стандартными условным и фонологизованными представителями являются междометия *уф* и *ух*. Ср.: «В девятом часу возвратился его высочество к себе. Поздравляли мы все его, что он столь отлично себя в своем знании показать изволил. Приняв поздравления, изволил он поваливаться на канаве и потягаться, говоря: *уф*, как гора теперь свалила! Как же я устал!» [Порошин 2004: 276 (запись от 12 сентября 1765 г.)]; «— Уф! — звучно вздохнула она (с трудом выпроводив назойливого гостя. — А. П.) и жестом руки пригласила Луку Ивановича сесть поближе» [Боборыкин 1984: 97 («Долго ли?», гл. XX; 1875)]; «— Уф! — сказал он, выпуская из легких весь воздух. — То есть, вот как замучился!» [Чехов 1976, 6: 222 («Ненастье», 1887)]. Словарные толкования либо сводят значение этого междометия к выражению «усталости, утомления, истомы» (ТС, IV: стб. 1027), либо нагружают противоположным значением «облегчения, успокоения» (БАС, 16: стб. 1096; МАС, IV: стб. 538; НС, II: 881). Едва ли, однако, следует жестко противопоставлять одно другому: «облегчение» и «успокоение» могут пониматься как разрешение и выход из «усталости» и «истомы». То же можно сказать и о междометии *ух*: «Вот едет ко мне Безобразов — прощай». «Ух, на силу отвязался. Два часа сидел у меня» [А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 15 сентября 1834 г. (15: 192)]. В этой связи можно было бы обратить внимание на необходимость разграничения *ух*¹ и *ух*² в зависимости от соотношения с *уф*. Ср. *Ух/уф* как *устал!* и *Ух/*уф* как *здорово!* (какая красота!). Ср. также свидетельство прямой связи междометий *ох* и *уф* в отражающем живую речь письме П. В. Нащокина Пушкину от 10 января 1836 г.: «(...) и теперь такие слухи носят по Москве, что *уф* (переделано из *ох*) [для меня] как не хороши» (16: 75). Можно предположить, что описанные «уф»-вздохи-выдохи с их сложной семантикой утомления и облегчения связаны с тем респираторным действием, которое мы называем глаголом *отдыхаться*, значение которого словари сводят к физическим характеристикам дыхания ('тяжело и шумно дышать'). О широком комплексе проблем, связанных с фонетикой русских междометий, см. в работе Пеньковский 1973.

⁶⁷ Ср.: «„Скажите, чтоб полк шел; я останусь здесь на полчаса“, — сказал он (полковник), тяжело вздохнув. „О чем вы вздохнули, полковник? Разве вы не охотно возвращаетесь на родину?“ — спросила я. Вместо ответа полковник еще вздохнул» [Дурова 1983: 220 («Кавалерист-девица», ч. II; 1836)].

⁶⁸ Ср.: *Лет ты много // Прожил строго, // Память в сердце истребя; // Для былого // Нет ни слова, // Нет ни вадыха у тебя* (К. Павлова, «Монах», 1840);

«Но наконец она вздохнула...»

Молчанье—молчанье—ни слова // Ни вздоха... (Я. Полонский, "Тишь и мрак", 1856—1860); Ни слова, о друг мой. ни вздоха... // Мы будем с тобой молчаливы... (А. Плещеев. «Молчание», 1861). Ср. еще: «И каждый раз потом, когда нетвердый еще разум его хотел разгадать ее появление оно сливалось с неясными грезами горячки, так что первым вздохом, первым словом его, когда он очнулся, было: "Это сон"» [Бестужев-Мардинский 1995: 22 («Аммалат-бек», гл. III; 1831)]. Или: О, Святая, как ласковы свечи, // Как отрадны Твои черты! // Мне не слышны ни вздохи, ни речи. // Но я верю: Милая—Ты (А. Блок, "Вхожу я в темные храмы...", 1902).

О «ЧЕРДАКАХ», «ВРАЛЯХ» И МЕТАЯЗЫКЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ДЕЛА («Евгений Онегин», 4, XIX, 4—5)

Чердак и враль для нас, если воспользоваться любимой пушкинской цитатой, это «слова, которые вопиют, поставленные рядом»¹. Соединение их выражает некое комплексное понятие, совершенно неизвестное современному культурному сознанию, но весьма актуальное в культуре пушкинской эпохи и существенно важное для понимания уже упоминавшегося пассажа о врагах и друзьях из четвертой главы «Онегина»:

(...) Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

XIX.

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только в скобках замечаю,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,

Без всякой злобы и затей,
Не повторил сто крат ошибкой <...>

Что стоит за выделенными строками о «чердачном вралье» и рожденной им «презренной клевете»? Н. Л. Бродский и Ю. М. Лотман единодушно и без колебаний связывают их с обстоятельствами, изложенными Пушкиным в письме Вяземскому от 1 сентября 1822 г.: «Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого, мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было <не> заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякой раз, как представлялся тому случай. Ему по(ка)за(лось) <за>бавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к.<нязя> Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достягает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против утрюмой злости тяжелого пасквиля» (13: 43).

Сопоставительный анализ этих двух пушкинских текстов и установление связи между их узловыми, опорными элементами приводят комментаторов к выводу, что враль, автор и «распространитель клеветы на своего друга; — это Ф. И. Толстой-американец»; презренная клевета — «приводивший Пушкина в бешенство» слух, «будто он был высечен в тайной канцелярии за свои вольнолюбивые стихи», а чердак — «место встреч петербургской молодёжи у князя А. А. Шаховского, упомянутого в I главе романа» (Бродский 1950: 205; ср. Лотман 1980: 238—239). Казалось бы, всё ясно и вопрос закрыт.

Тем не менее есть в этом материале то, что вызывает сомнения и толкает к размышлению, что заставляет перечитывать пушкинские строки, вдумываясь в каждое слово, и заново соотносить их с жизнью. И в то же время вникать в свидетельские показания о жизни, заново соотнося их с художественным словом. Первым, кто попытался сделать шаг в этом направлении, и на сей раз был В. В. Набоков. Согласившись с изложенным выше пониманием строк четвертой главы, он заметил: «Однако правда и то, что (1) „враль“ разродился клеветой не на „чердаке“, а передал ее из Москвы завсегдашам „чердака“, и что (2) „чердак“, фр. *grenier*,

есть lieu commun (= общее место) в отношении к сплетням» (Nabokov 1975, 2: 426).

Эти осторожные возражения Набокова заставляют задуматься над отнесением оценочно-характеризующего имени «враль» к личности Толстого-Американца и над пониманием «чердака» в этом тексте как намека на «чердак князя А. А. Шаховского».

*   *

*

Начнем с чердака, но будем исходить при этом не из франц. *grenier* (хотя принимать его во внимание, учитывая русско-французское двуязычие этого времени, конечно, необходимо²), а из русского слова *чердак* и его истории.

В семантической структуре этого слова современные толковые словари фиксируют прямое номинационное значение 'помещение между потолком и кровлей (крышей) дома', предлагая в качестве первой иллюстрации пушкинское: «Баба, развешивая белье на чердаке, нашла старую корзину, наполненную щепками, сором и книгами» («История села Горюхина»). Кроме того, фиксируется метонимически сдвинутый смысловой оттенок: 'жилое помещение под самой кровлей (крышей) дома' (БАС, 17: стб. 855; МАС, IV: 662; НС, II: 977). Это последнее значение малый академический словарь иллюстрирует такими безусловно убедительными примерами, как: Ордын, «подымаясь на лестницу, вошел наконец на чердак в свою комнату» (Ф. Достоевский, «Хозяйка»); «В верхнем этаже дед оставил большую комнату для себя (...) а бабушка поселилась со мною на чердаке» (М. Горький, «Детство»). Большой же академический словарь, приводя ту же цитату из Достоевского, прежде всего вновь обращается к Пушкину («К другу-стихотворцу»): (...) *Лачужка под землей, высоки чердаки — // Вот пышны их (писателей) дворцы, великолепны залы* (см. БАС, 17: стб. 855—856).

«Словарь языка Пушкина» рисует, казалось бы, сходную картину, но, во-первых, вслед за Толковым словарем под редакцией Д. Н. Ушакова (ТС, IV: стб. 1253) выделяет в самостоятельное значение то, что другие словари квалифицируют как вариант (или оттенок) основного значения, а, во-вторых, к определению: «*Жилое помещение под кровлей дома*» — добавляет в высшей степени существенное замечание: «*часто о жилище бедного поэта, писателя*» (СП 1961, IV: 895). Это «часто» получает

в словаре точную количественную характеристику: 11 из 13 такого рода словоупотреблений (при всего лишь двух случаях в качестве прямой номинации³). Однако,

(1) если исключить из общего счета метафорический чердак *Панкá* как название одного из разделов альманаха под названием «Тройчатка, или Альманах в три этажа», который совместно с Пушкиным предполагали издавать В. Одоевский и Гоголь⁴,

(2) если принять во внимание, что у Пушкина вообще нет примеров, где бы слово чердак относилось к жилищу не-поэта и не-писателя,

и (3) если учесть, что в обоих случаях, называя квартиру не «бедного», а богатого литератора, оно употребляется не самостоятельно, а в составе целостного предложения чердак князя *Шаховского* (о чем позже),

то определение «Словаря языка Пушкина» придется подправить, вместо «часто» поставив «только»: «Жилое помещение под кровлей дома (только о жилище бедного поэта, писателя)». А еще можно прибавить, что в этом значении слово чердак употребляется лишь в поэтической речи и преимущественно в лицейский период творчества Пушкина⁵. Наконец, содержательные и стилистические особенности релевантных поэтических контекстов требуют еще одного лексикографического уточнения: интересующее нас слово употребляется у Пушкина либо в стиле высокой сатиры, либо в легком бурлескном или шутивно-ироническом стиле (в частности, в его эпиграмматическом варианте) — оба унаследованы от XVIII в. Именно таков контекст и жанрово-стилистические коннотации чердака в XIX строфе четвертой главы «Онегина»: это своего рода стилевая реминисценция или автореминисценция из лицейских произведений.

Вчитаемся в иллюстративный материал «Словаря языка Пушкина»:

- 1) Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы (...)
(«К другу-стихотворцу», 1814)

- 2) Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,

Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.

(«Моему Аристарху», 1815)

- 3) Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я как смерть и тощ, и бледен.
Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякой день,
Тянешь вины на свободе,
И тебе не редко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажу за сто с чердака
За нуждой бегу известной.

(«Ты и я», 1820-е годы?)

Разумеется, во всех трех случаях можно понимать чердак в общерусском смысле как 'жилое помещение под кровлей дома', но сделанные выше оговорки об исключительной принадлежности этого жилья бедному поэту заставляют взглянуть на дело иначе.

В основе специфической семантики данного слова в поэтическом языке Пушкина лежит то обстоятельство, что чердак как техническое помещение между потолком и крышей⁶ плохо приспособлен для жизни, и следовательно, он сдавался под жилье за самую низкую плату и снимался либо теми, кто не имел средств для найма обычной, даже самой дешевой городской квартиры⁷, либо теми, кто, разорившись, был вынужден переселиться ближе к небу⁸, — и в том числе, конечно, бедствующими поэтами и писателями⁹. Но ведь не только и не прежде всего людьми этого «зазорного цеха»!¹⁰

Между тем все пушкинские «чердаки» населяют *rauvres poètes*, в том числе его собственный лирический герой или, точнее, маска, как в третьем из приведенных текстов — в стихотворении «Ты и я». «Я» этого текста именно маска, ибо сам Пушкин, хотя, по собственным словам, бывало,

«погибал от нищеты»¹¹, на чердаке никогда не жил, на соломе не спал и не питался черствым хлебом, запивая его сырой водой. И так же, как «солома» здесь — это условное поэтическое имя нищенской постели¹², как «черствый кусок» и «сырая пресная вода» — условные поэтические имена скудного и трезвого рациона, так и «чердак» в прямом противопоставлении «богатому дому» — это условное поэтическое имя убогого жилища¹³. В первом примере (из послания «К другу-стихотворцу») «высоки чердаки» приравняются к столь же условной и не связанной ни с какими биографическими реалиями «лачужке под землей»¹⁴. Поэтому фразе из этого же произведения о Кострове, который «на чердаке безмолвно умирает», не обязательно понимать буквально: скорее всего, она просто говорит об одинокой и горестной смерти в нищете.

К сходным выводам приводит анализ второго примера — из послания «Моему Аристарху». Пушкин опирается здесь на стихотворение Грессе «La Chartreuse» («Обитель»), где описывается не монастырская келья, как иногда думают, исходя из буквального понятого заглавия (ср. Томашевский 1949: 477), а мансарда иезуитского колледжа в центре Парижа, «возвышающаяся над крышей пятого (по русскому счету — шестого) этажа» (Добрицын 2001: 277; Пильщиков, Шапир 2005: 48)¹⁵. И поскольку мансарда есть помещение, предназначенное для жилья, в отличие от чердака, лишь приспособляемого под жилье, то чердак в пушкинской реминисценции Грессе оказывается все тем же условным поэтическим именем убогого жилища бедного поэта. Это значение подчеркивается и усиливается контрастно высоким эпитетом *уединенный*¹⁶.

Все прочие пушкинские контексты, связанные с «чердаком», подтверждают и углубляют сказанное. При этом образ обитателя чердака носит двусторонний характер.

Тут, с одной стороны, неизбежная бедность поэта, чья несчастная страсть к стихотворству, не способному обеспечить достойного заработка, обрекает его на «чердачное» прозябание. Ср. у Пушкина в уже цитированном послании «К другу-стихотворцу» и в поэме «Монах» (III, 1—6; 1813):

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак (...)

На чердаках поселяют поэтов не только Пушкин, но и другие русские авторы, например Грибоедов в «Отрывке из Гёте» (1824):

Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной,
Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак¹⁷.

Тот же мотив встречается у поэтов конца XVIII — начала XIX вв.:

Уж ночь на Петербург спустила свой покров;
Уже на чердаках у многих из творцов
Погасла свечка и курилась,
И их объятая восторгом голова
На рифмы и слова
Сама собой скатилась —

(И. Дмитриев, «Картина», 1790)

Иной из них (поэтов) окончил век,
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке широко,
Голоден, наг и утомлен
Упрямой рифмой к светлу небу¹⁸.

(К. Батюшков, «Видение на берегах Леты», 1809)

В «Отрывке» 1830 г. Пушкин с горечью писал об «обыкновенном гражданском ничтожестве и бедности» стихотворцев, «вошедшей в пословицу; о зависти и клевете братьи, коих они делаются жертвами, если они в славе, о презрении и насмешках, со всех сторон падающих на них, если произведения их не нравятся (...)» (8, кн. 1: 409). До Пушкина об этом порядке вещей как о естественном и неизбежном говорил Жуковский («Писатель в обществе», 1808): «Лишенный способов играть одинаковую роль с людьми, одаренными избытком (...) писатель — которому вместе с дарованием досталась в удел и бедность — принужден являться в общество изредка; и то не иначе, как зритель, не имеющий никакой тесной связи с действующими на сцене его лицами» (Жуковский 1960, 4: 399). А в послании Жуковского «К князю Вяземскому» (1814) в изложение той же темы вплетается мотив «чердака»:

И в наши бедственные леты
Не только лирами поэты

О «чердаках», «вралях» и метаязыке литературного гела

Не строят новых городов,
Но сами часто без домов,
Богатым платят песнопеньем
За скудный угол ч е р д а к а
И греются воображеньем
Ввиду пустого камелька.

Жуковскому вторит Гнедич («Иностранцам — гостям моим», 1824):

Вот скифского певца приют уединенный:
Он, как и всех певцов,
Ч е р д а к возвышенно-смиранный.
Не красен, темен уголок,
Но видны из него лазоревые своды;
Немного тесен, но широк
Певцу для песней и свободы!
Не золото, не пурпур по стенам;
Опрятность — вот убор моей убогой хаты ¹⁹.

Так объясняется перифрастическое именование поэта — *тощий Пинда гражданин* [А. Крюков, «Полночь в городе», 1829 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 547)], и потому *жить поэтом* значит 'жить в нищете'. Как писал из Нижнего Новгорода В. Л. Пушкин, потерявший все свое состояние в сгоревшей Москве,

Теперь пред целым светом
Могу и я сказать,
Что я живу поэтом:
Рублевая кровать,
Два стула, стол дубовый,
Черильница, перо —
Вот все мое добро!

(«К Д. В. Дашкову», 1813)

Отсюда, как в пушкинском «Ты и я», обычное в тогдашней литературе противопоставление самодовольного богача и бедного поэта, маску которого автор надевает на себя или которому он, по крайней мере, сочувствует: *Послушай, — говорил богач, — // Я знаю, ты учен, философ и рифмач (...)* *Я барином живу, а ты на чердаке (...)* (В. Л. Пушкин, «Преимущество дарований», 1817); «(...) мы встречаем питомцев Фебовых в изношенных и забрызганных чернилами платьях, а нищем — на черда-

ка х» [Сомов 1984: 36 («Гайдамак», гл. I; 1827)]. Ср. также сатиру Рылеева «Путь к счастью», снабженную подзаголовком «Разговор поэта с богачом — старинным его знакомцем» (1821)²⁰.

Другая ипостась «чердачного поэта», типичная для дружеских посланий в позднеклассическом стиле и для эпиграмматических, пародийных и сатирических текстов, — это жалкий «стихоплет», который не только беден, но еще и абсолютно бездарен. Ср. в пушкинской «Тени Фон-Визина» (1815) описание чердака Кропова (его прототипом послужил А. Ф. Кропотов, бесталанный писак, издатель журнала «Демокрит»):

Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокой;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи {...}

«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить,
И далее полет направить
К певцам российским записным?

Этот чердак подсказан писаниями самого Кропотова, спародированными во втором номере рукописного журнала «Лицейский Мудрец» (1815):

А хотите, — я ни слова.
Только перышкомъ вожу;
Съ чердака мово сквознова
Глупымъ фигу я кажу.

К выделенным строкам сделано пояснение: «Слова изъ пьянаго Г-на Демокрита» (Грот 1911: 270; Пушкин 1999: 652).

В «Тени Фон-Визина» не один Кропо(то)в, но и другие бездарные литераторы населяют многочисленные чердаки:

Меж тем поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Путал российских стиходеев.

В соответствии с традицией на чердаках проживают и рифмоторцы, слагающие оды во славу Баркова, — так они описаны в пушкинском «Городке» (1815): *Намаранные оды, // Убранство чердаков, // Гласят из рода в роды: // Велик, велик — Свистов (= Барков)!* (ср. Пушкин 1999: 629; Цявловский 2002: 316 примеч. 203).

Пушкин следует традиции, сложившейся еще в XVIII веке. Так, в сатире «Чужой толк» (1794) И. Дмитриев рассказывает, как бездарный *стихотворитель* берется сочинять оду: *Бежит на свой чердак, чертит, и в шляпе дело! // И оду уж его тисненью предают, // И в оде уж его нам ваксу продают!* У того же Дмитриева, в переводном сатирическом «Послании от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1798), повествователя преследует назойливый одописец, *Гонимый голодом и стужей с чердака*²¹. У Батюшкова в «Послании к стихам моим» (опубл. 1805) эквивалентом чердака как условного имени бедного жилья бездарных стихотворцев является перифраз *под кровлей*:

Куда ни погляжу, везде стихи марают,
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал,
Не знаю для чего, теперь поэтом стал²²;
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет
И грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край (...)

И в цитированных выше текстах, и в других, им подобных, бездарные стихотворцы получают такие шутивно-иронические и пренебрежительные имена, как *рифмотор*, *стиходей*, *стихотворитель* и т. п.²³ Вышучивание и высмеивание горе-поэтов на протяжении полувека — причем особенно широко в 1810-е годы, когда «стихотворство было въ ходу» и «проникало во всё круги свѣтскаго общества» (Дмитриев М. 1869: 92), за-

хватывая и социальные низы²⁴, — нужно признать заметным явлением литературной жизни.

Но была в те же годы и еще одна — третья — категория «чердачных» писателей, к которой относились все те, чья литературная и человеческая бездарность оборачивалась низкой завистью к талантам и, вызывая бес- сильную злобу против более способных и успешных, превращала неудач- ников в жалких зоилов и клеветников²⁵. В таких случаях приходилось думать не только об отсутствии поэзии в их «мараниях»: как говорил по сходному поводу Вяземский, «тут дело идет не о даровании писателя, а о гнусном умысле человека» (13: 12). Со своих чердачных «высот» эти окололитературные «писачки» распространяли о своих противниках недо- стойные вымыслы, преследовали их мелкими уколами и ядовитыми уку- сами. По словам Катенина, «много на свете плохих стихотворцев, еще более несправедливых и неосновательных судей» (1981: 200). Добродуш- но шутить или даже иронизировать по их адресу невозможно. Но и пре- увеличивать их значение не следовало бы: *Нелепое суждение вралей // Нимало не обидно* (<...>) (В. Пушкин, «Завистники соловья», 1815). Они не заслуживали ничего, кроме презрения. На этих жалких писак не требо- валось сильных и крепких слов. Они были припечатаны коротким, легким, как щелчок по носу, и звучным, как пощечина, именем *враль*: *Молчать мне — тяжело; назвать чистосердечно // Писателя в глаза вралем — бесчеловечно* (И. Дмитриев, «Послание ... к доктору Арбутноту») ²⁶. Вот показательная выборка из писем К. Н. Батюшкова, демонстрирующая упо- требление слова *враль* в указанном значении: «Къ несчастію, я не *враль* и не *геній* (<...>» [Н. И. Гнедичу, ноябрь 1810 г. (Батюшков 1886, III: 64; разрядка источника. — А. П.)]; Державину «все простительно (<...> затѣмъ что онъ истинный *геній* и... не смѣю сказать — *враль*!» [Н. И. Гнедичу, 13 марта 1811 г. (1886, III: 112)]; «(<...> ты, любезный другъ, рѣшилъ и подписалъ, что я *враль*, ибо перевожу Парни» [Н. И. Гнедичу, апрель 1811 г. (1886, III: 117)]; «(<...> нашъ Орфеичъ (Державин), сей божественный стихотворецъ и чудесный *враль*» [П. А. Вяземскому, ноябрь 1811 г. (1886, III: 153)]; «Я не философъ, но по крайней мѣрѣ имѣю драхму разсудка, а я *враль* въ твоихъ глазахъ, потому что мелю вздоръ на рѣомахъ, *враль*, потому что говорю то, что мыслю, *враль*, потому что тебя въ томъ увѣрили умные люди, ко- торые мастера давать совѣты, когда ихъ не просятъ, мастера сожалѣть и злословить» [Н. И. Гнедичу, 27 ноября — 5 декабря 1811 г. (1886, III:

158)]. Характерно, что в иных контекстах слово *враль* у Батюшкова вообще не встречается.

Заметим, что клеймо бездарного писаки-клеветника — не *лгун*, не *лжец*, а именно *враль*! Или — в функции смеховых антропонимических масок — производные от этого слова фамилии, построенные по русской или немецкой словообразовательной модели: *Вралёв*²⁷, *Вралин*²⁸, *Вралькин*²⁹, *Вральман*³⁰. Таким образом, слово *враль*, которое сегодня используется столь редко, что оказывается за порогом частоты, отражаемой частотными словарями (Засорина 1977: 108), в пушкинскую эпоху обнаруживает поразительно высокую употребительность и уже по одному этому заслуживает специального рассмотрения.

*   *
              *

Толковые словари дружно свидетельствуют, что в современном литературном языке *враль* — это «врун, болтун, пустослов» (ТС, I: стб. 393); «лжец, болтун» (БАС, 2: стб. 795); «тот, кто любит рассказывать вздорные, нелепые и т. п. вещи, выдумывая их на ходу; лгун, пустослов» (МАС, IV: 225); «тот, кто постоянно врет, выдумывает вздор, нелепости; лгун, пустослов» (НС, I: 223).

«Словарь языка Пушкина» обоснованно не включает в толкующий синонимический ряд слова *лгун* и *лжец*, неоправданно укрупняющие значение поясняемого слова, утяжеляющие его и наделяющие силой, которой оно не имело прежде, как не имеет сейчас. Однако тот же словарь сохраняет ушаковские дефиниции «пустослов, болтун» (СП, I: 381), утверждая тем самым для слова *враль* двухсотлетнюю семантическую себя-тождественность. Первый приводимый пример (из «Анджело») вполне подтверждает такое толкование: {...} *Луцио, гуляка беззаботный, // Повеса, вздорный враль, но малый доброхотный*. Здесь «враль» — действительно, не более, чем безвредный и безобидный болтун и пустослов³¹. Но, увы! две другие цитаты под определение, принятое составителями пушкинского словаря, подведены быть не могут.

1) Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,
Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то в р а л я,

Которому досуг петь рощи да поля,
Да связь утрата в них, ищи ее с начала {...}

(«Послание к цензору», 1822)

2) {...} О классик Депрео, к тебе взываю я {...}
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор.
[Новейшие в рали вралей старинных стоят —
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели всё молчать, да слушать? О беда!....
Нет, всё им выскажу однажды за всегда.]

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша {...}
[Вельможе пошлые [кропая] мадригалы,
Над меньшей собратей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки...]

(«Французских рифмачей суровый судия...», 1833)

К примерам словоупотребления, зарегистрированным в «Словаре языка Пушкина», мы добавим варианты (3, кн. 2: 898) цитированного выше 14-го стиха из неоконченного послания к Буало (*Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор*):

Вралям минувших дней, Хвостовым прежних пор
Сумбуру модному, вралям тогдашних пор
Глупцам минувших лет, вралям тогдашних пор

Непредвзятый взгляд на эти тексты убеждает, что в обоих посланиях слово *враль* использовано не в современном его значении, то есть не как общее наименование лгуна и болтуна. *Враль* здесь — это *враль*², тот, кто (воспользуемся поэтической терминологией пушкинской эпохи) «врет пером», в противопоставлении общеупотребительному *враль*¹, обозначающему того, кто «врет словом». Ср. у Вяземского в эпиграмме 1831 г.: *Вот*

враль! подобного ему не знаю чуда! // Врет словом, врет пером (...) (РЭ: 286)³². Противопоставление двух типов «вралей» не сводится только к различиям формы их «болтовни» и «пустословия». За нею нужно увидеть сущностные различия двух типов речевой деятельности.

Болтовня вралю, работающего языком, обнаруживает все конститутивные признаки спонтанной устной речи: она не обдумана, не подготовлена заранее и потому легковесна, беззаботна и безответственна; она не обязательно преднамеренна и злонамеренна и может не иметь своим предметом другого (чаще она обращена на мир вообще и самого говорящего); она адресована заведомо ограниченному кругу слушателей-собеседников и не рассчитана на тиражирование и долговечность. Ср.: «(...) кликнуть парикмахера, говоруна, вралю, который наскжет вам множество забавного вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаете, намажет вашу голову прованскими духами и напудрит самую белую, самую легкую пудрою (...)» (Карамзин 1984: 244). Или: «(...) перевод из Оссиана: „Сражение при Лоре“, незрелый труд незрелого члена-сотрудника Олина, одного из молодых наших трагиков, о котором старый враль Дмитриевский говорит: *в нем есть много Корнелевского!!*» [Д. В. Дашков — Д. Н. Блудову, 15/27 октября 1813 г. (Арзамас, 1: 212)]; комедия Загоскина „Урок волокитам“ «была недурна, особливо как скороспелка. В ней, хотя не совсем остроумно, досталось всем, а более всех мне. Пожалуй, я мог бы не узнать себя в Фольгине, большом вралю, ветреном моднике, каким я никогда не бывал, если бы некоторые из слов и суждений моих не были вложены в уста его» (Вигель 1928: 63). Таковы же «врали» в шутке И. Дмитриева «На смерть попугая» (1791). Таков и пушкинский Луцио, вполне соответствующий уже цитированному определению малого академического словаря: «Тот, кто любит рассказывать вздорные, нелепые и т. п. вещи, выдумывая их на ходу (...)»³³.

Иное дело *враль*², действующий пером. «Перо» здесь не только и не столько технический инструмент письма, сколько метафора отравленного оружия бездарных и безнравственных писак: *Как друг, боюсь их од, как недруг — клеветы (...)* (И. Дмитриев, «Послание ... к доктору Арбутноту»). *Жужжащий враль, комар с замашками орла, // Чужих достоинств враг за неимением личных,* — говорит о таком Вяземский («Дом Ивана Ивановича Дмитриева», 1860). В то же время перо — символ осознанного, обдуманного творческого процесса, который в этом случае оборачивается злонамеренным «писачеством», порождающим очернительные, изоби-

люющие «личностями» тексты, адресуемые *urbi et orbi*. Ср. в переводе Дмитриева из Мольеровой комедии «*Les femmes savantes*» («Триссотин и Вадюс», опубл. 1810):

В а д ю с

Но ни один журнал меня не оглашал,
А ты уже давно добычей критик стал.

Т р и с с о т и н

Я тем-то и горжусь, рифмач, перед тобою,
Во всех журналах ты пренебрежен с толпою
Вралей, которые не стоят и суда,
А я на вострие пера их завсегда,
Как их опасный враг!

В а д ю с

Так будь и мой отныне
Сейчас иду писать в стихах о Триссотине!

Т р и с с о т и н

И только их прочтут, зеваючи, друзья.
Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я
И гряну сам в стихах!³⁴

Понятно, что *враль*¹ — это оценочная характеристика одного из общечеловеческих психологических типов, и приведенные выше строки Пушкина, сопоставляющие «новейших вралей» со «старинными», по отношению к вралям-болтунам не имели бы никакого смысла, — они, конечно, целят во вралей-писак. Наоборот, противопоставление «умных» вралей вралям-«глупцам»³⁵ может быть понято, только если имеются в виду болтуны: пишущие врали глупы по умолчанию и, так сказать, «сплошь»³⁶. Отсюда их красноречивые антропонимические маски: *Бессмыслов* (М. Милонов, «К моему рассудку», 1812), *Глупон* (К. Батюшков, «Послание к стихам моим», 1804; С. Марин, «Послание к Саше», начало 1810-х годов); *Глупениус* (А. Бестужев, «К некоторым поэтам», 1819), *Глупницкий* и *Дураков* (Неизвестный автор, «Галлоруссия», 1813), *Глупов* (М. Милонов, «На модных болтунов», 1818) и др.³⁷

Обычные в текстах предпушкинской и пушкинской эпохи противопоставления вралей истинным поэтам, талантливым и даровитым авторам также понятны лишь при условии, что *враль* — это именно *враль*², строящий свои «враки» в стихах, *подлый стиховраль* (И. Дмитриев, «По-

слание ... к доктору Арбутноту): *Поэты есть у нас, есть скучные врали; // Они не вверх летят, не к небу, но к земли* (К. Батюшков, «Послание к стихам моим», 1804); *Рубеллию тверди, что он рожден вельможей, // Жене его шепни, что всех она пригожей, // А Балдусу, вралю, что первый он поэт (...)* (М. Милонов, «К Луказию», 1811); *Иной, не зная ни аза, // Прослылъ вдруг критикомъ-поэтомъ, // И кто ни попадись въ глаза, // Всѣхъ судить, всѣхъ рядить предъ свѣтомъ, — // Да докажи, что ты поэтъ, // Пустымъ вралею быть не годится* [«Лицейский мудрецъ», 1815, № 4 (Грот 1911: 298)]; *На нем хоть будь клобук, хоть кивер, хоть кокошник, // Он будет все поэт, не враль и не ветошник* (В. Пушкин, «(Дорожные стихи)», буриме, 1816—1817)³⁸; *Тот драмой бьет челом иль речью, сей журналом (...)* *Родится и растет марателей отвага, // Суд здравый заглушен уродливым судом, // И на один талант мы сто вралей сочтем* (П. Вяземский, «Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения», 1819); (...) *Врали не престают злословить дарования, // Печатать вадорные свои иносказанья, // И в публике читать, наперекор уму, // Похвальных кучу од, не годных ни к чему!* (В. Пушкин, «К князю П. А. Вяземскому», 1814).

В то же время становится понятным разграничение вралей-стихоплетов и вралей-прозаиков, среди которых выделяются:

а) ежедневные (поденные, суточные) врали, врали-газетчики: «(...) *Чем отомщу ему? Орудьем клеветы!*» — // *Сказал поденный враль и тискать стал листы; (...)* *Заветов опыта потомкам проповедник, // О суточных вралях ему ли помышлять?* (П. Вяземский, «Послание к М. Т. Каченовскому», 1820); *Так, Вяземский, ты прав: презрителен Зоил, // Который не разбор, а пасквиль сочинил // И, испестрив его весь низкими словами, // Стал точно наряду с поденными вралями!* // *О, как легко бранить, потом печатать брань (...)* (С. Аксаков, «Послание к кн. Вяземскому», 1821)³⁹;

б) ежемесячные (помесячные) врали-журналисты, те, кто может пользуясь всеобщим снисхождением, // *Нас ежемесячным тиранить сочиненьем (...)* (С. Марин, «С тобой, мой ум, теперь беседу начинаю...», 1812): *Ах, кто бы мог без сей Всевышнего помощи // Снести (...)* *И дерзких крикунов не дельное сужденье, // И сплетни мелких душ, и зависти шипенье, // И площадную брань помесячных вралей, // И грозный приговор в кругу невежд-судей (...)* (К. Рылеев, «Путь к счастью», 1821)⁴⁰.

Итак, перед нами устоявшаяся, подробно и с почти терминологической строгостью разработанная типология *вралей*, понять которую можно только исходя из существовавшего тогда «цехового» писательского метаязыка, манифестированного в дружеских стихотворных посланиях (с выходом в эпистолярный и публицистический), а также в оригинальных и переводных сатирах и эпиграммах⁴¹. Именно в лоне этого метаязыка общерусское *враль* пережило вышеописанное семантическое преобразование: *враль*¹ 'болтун, пустослов' > *враль*² 'бездарный и злобный писака'⁴². То же можно сказать о слове *вралиха* и о других словах этого гнезда: *врать* (*соврать, наврать...*), *вранье, враки*. Пушкин в «Тени Фон-Визина» (1815) так рекомендует А. Бунину: «... Вралих Петрополя богиня (...) Конечно, вралиха здесь — 'бездарная поэтесса', а не «Женск. к враль» («Пустослов, болтун»), как толкует это место «Словарь языка Пушкина» (СП, I: 381)⁴³. Ту же ошибку он допускает, интерпретируя *вранье, вралей* и *враки* из неоконченного послания к Буало («Французских рифмачей суровый судия...», 1833): составители словаря не замечают, что семантика «вранья» осложнена тут металитературным компонентом⁴⁴.

Таким образом, в недрах специализированного «метаязыка литературного дела» параллельному семантическому преобразованию подверглись два общерусских слова: *чердак* стал условным именем убогого жилья бездарного (и часто беспринципного) литератора — *враля*. А его вздор, выдумки или *бредни*⁴⁵, направленные против более талантливых собратьев по цеху, есть, по сути, не что иное, как 'несправедливая критика', 'злословие' и 'клевета'⁴⁶. Всё это необходимо иметь в виду, размышляя над смыслом онегинских строк о «презренной клевете», на *чердаке вралем* рожденной. Вопреки мнению Набокова, который уверенно причислял автора этого вранья к разряду Репетиловых, Ноздревых и Хлестаковых, пушкинский *враль* — не просто «пошлый лгун, распространитель лжи, бездельничающий плут, un drôle qui divague, хвастливый болван, безответственный дурак» (Nabokov 1975, 2: 426). На самом деле это бездарный чердачный писака и мелкий клеветник.

*   *
*

Взглянем теперь по-новому на строки четвертой главы «Онегина». Отметим прежде всего, что образ «враля на чердаке» носит предельно обобщенный характер; он не допускает никакой конкретизации ни

в отношении места действия, ни в отношении действующих лиц. Понятно, что речь идет о городе (чердак — принадлежность исключительно городского топоса), и поскольку в действии принимает участие светская (не обязательно великосветская) чернь — о достаточно большом городе. Но у Пушкина нет никаких прямых указаний ни на Москву, где жил граф Ф. И. Толстой, ни на Петербург, где жил князь А. А. Шаховской и принимал избранное общество в своем литературно-театральном салоне (он располагался на втором этаже двухэтажного дома и получил название «чердака Шаховского»⁴⁷).

Это комплексное именование, однако, семантически отнюдь не тождественно простому имени, которое является его основой и грамматическим центром. «Чердак Шаховского» — принятое в дружеском кругу драматурга шутовое название, возникшее на основе самоуничижительной шутки и представляющее особый, не выделявшийся до сих пор теоретическим языкознанием прием художественной речи, для которого, кажется, хорошо подошел бы термин «применение имени».

Легко представить себе, как князь Шаховской, приглашая друзей на открытие своего салона, сказал им: «Жду вас на моем чердаке». Мой чердак в устах его владельца естественно превратился в «чердак князя Шаховского» в устах приглашенных, а затем и всех посвященных⁴⁸. Именно так (может быть, подражая Шаховскому) называл свой рабочий кабинет другой поэт и князь — П. И. Шаликов, который писал Пушкину 5—20 мая 1836 г.: «Ах! как я жалел, жалею и буду жалеть, что поспешил вчера сойти с чердака своего, где бы мог принять бесценного гостя и вместе с ним сойти в гостиную, где жена и дочь моя разделили бы живейшее удовольствие моего сердца (...)» (16: 119). К сожалению, пока остается неизвестным, находился ли в действительности кабинет Шаликова этажом выше гостиной, как это было, например, у Пушкина в его царскосельской квартире в доме Китаева на Колпинской улице, где он поселился с молодой женой в 1831 г., вскоре после переезда из Москвы. А если нет, значит, мы имеем дело с еще более высокой степенью условности применения имени, когда происходит полная редукция всех первичных и основных компонентов значения, а сохраняется лишь вторичная, специализированная добавка — чердак 'кабинет поэта, писателя'⁴⁹. Яркий пример такого словоупотребления мы находим у Набокова, который, проявляя глубокое (скорее интуитивное, чем рассудочное) знание языка пушкинской эпохи, в конце статьи «Пушкин, или Правда и правдоподобие»

писал: «Нет, решительно, так называемой социальной жизни и всему, что толкнуло на бунт моих сограждан, нет места в лучах моей лампы; и если я не требую башни из слоновой кости, то только потому, что доволен своим чердаком» (Набоков 1996: 423).

В отличие от метафоры, от метонимии и синекдохи, которые живут необъявленным переносом значения, применение с первой же минуты заявляет о себе открыто и прямо и пользуется в этих целях обязательным сигнальным словом, обычно — местоимением или собственным именем. В рассматриваемом онегинском тексте слово *чердак* не имеет при себе такого сигнала, позволяющего опознать применительное использование имени, — следовательно, речь идет о чердаке заурядного, безымянного «враля», бедного, бездарного, злобного и завистливого писаки.

Ни одна из этих характеристик не может быть отнесена к протагонистам реальной истории с клеветой о телесном наказании, коему якобы подвергся Пушкин. Не был заурядным вралем Шаховской, «в наше время единственный комик» (13: 16), «Князь хороших комедий» (Кипренский 1817: 19), которого даже, пусть и полушутя, называли «le père de la comédie» (ПЛП: 441). В лицейские годы Пушкин мог вступить за обиженного Шаховским Карамзина и высмеять обидчика под маской «Шутовского», мог сочувственно внести в свой дневник под 28 ноября 1815 г. вышедший из-под пера Д. В. Дашкова издевательский гимн «Венчанье Шутовского», мог составить общий список своих к Шаховскому литературных претензий («Мои мысли о Шаховском», 1815). Но уже в 1819 г. Пушкин говорил о нем лишь с легкой иронией (письмо П. Б. Мансурову от 27 октября). Еще через три года (26 сентября 1822 г.) поэт заинтересованно запрашивал Я. Н. Толстого из Кишинева: «Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской?» (13: 48), — а в письме Вяземскому от 14 октября одобрительно откликнулся на сообщение о дружеских отношениях последнего с Шаховским: «Дружба твоя с Шаховским радует миролюбивую мою душу. Он право добрый малой, изрядный автор и отличный сводник» (13: 70). Вскоре последовали общеизвестные строки о «колком Шаховском» («Евгений Онегин», 1, XVIII, 10—11). При этом, не забывая о связи между «клеветой» Ф. И. Толстого и «чердаком князя Шаховского» (13: 43), Пушкин никогда не преувеличивал роли самого комедиографа в этой истории, а о его «чердаке», где он в конце 1818 — начале 1819 г. бывал почти ежедневно, вспоминал с теплотой и нежностью. Так,

извещая Катенина о том, что «4 песни Онегина» у него «готовы» — а значит, готова и четвертая глава, где Пушкин намеревался было рассчитаться с Толстым (см. 13: 163), — он писал (12—14 сентября 1825 г.): «Прочел в Булг(аринском театральном альманахе) твое 3-е действие, прелестное в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?... На чердаке Шаховского» (13: 225). Добрая память о прошлом объясняет обращение Пушкина к графу В. В. Мусину-Пушкину (Брюсу) с просьбой свести его с Шаховским, что и произошло 3 января 1830 г. на дружеском обеде у графа, где были также Жуковский, Крылов, Гнедич и где «после обниманий и некоторых полуизвинений» Пушкин пригласил Шаховского участвовать в «Литературной Газете»⁵⁰.

Не был заурядным вралем и Ф. И. Толстой, который во всем, что делал (в том числе в своих поэтических опусах), был по-настоящему крупным и значительным человеком, яркой и выдающейся личностью (см. Толстой С. 1926; Бонди 1978). И «рожденная» им «клевета» — пущенный слух о полицейской порке Пушкина — была (по крайней мере, в тогдашнем восприятии поэта) настолько чудовищной, что он почувствовал себя на краю бездны. В черновом, так и не отправленном письме к императору он писал: «Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri dans l'opinion, je suis découragé — je me battais, j'avais 20 ans en 1820 — je délibérais si je ne ferais pas bien de me suicider (...)» = «До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 (году) — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой (...)» (13: 227, 548). Назвать такую клевету «презренной», то есть жалкой, ничтожной, не стоящей внимания, Пушкин, понятно, не мог. И сам он сказал об этом совершенно недвусмысленно. В письме от 2 января 1822 г., упрекая Вяземского за его публичную схватку с Каченовским, Пушкин объяснил, почему сам он «задел» «этого хилого кулачного бойца» в своем послании к Чаадаеву: «(...) это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее» (13: 34).

Таким образом, в период с конца 1824 г. по 6 января 1826 г., когда поэт работал над четвертой главой романа (6: 660), подлинная история с чудовищной клеветой Толстого и ее распространением была сознательно

и намеренно подвергнута Пушкиным обесценивающему обобщению — так сказать, понижена в ранге. Все реальные участники событий в «Онегине» словно забыты, а в фокус читательского внимания вместо оказавшегося клеветником «приятеля» (13: 43), который волею поэта был превращен в постороннего и заурядного «чердачного» *враля*, попал некий *друг*, тоже безымянный и безликий, — обобщенный образ простодушного распространителя клеветы (*ваш друг*, то есть 'такой, какой есть и у меня, и у каждого из читателей').

Набоков предположил, что этим другом в реальности был Рылеев, который, поверив слуху, «в антиправительственном угаре» говорил о порке Пушкина как о свершившемся факте и тем самым невольно способствовал распространению сплетни (Nabokov 1975, 2: 433). Дело кончилось дуэлью, о которой Пушкин глухо упомянул в письме А. А. Бестужеву 24 марта 1825 г. и в более позднем неотправленном письме императору (см. выше; ср. Миронов 1999: 21, 30—31). Даже если так, можно не сомневаться, что, оказавшись по недоразумению (*ошибкой, без всякой злобы и затей*) причастным к распространению сплетни, Рылеев не «повторял стократ» никаких «небылиц» о Пушкине и уж, конечно, «в кругу порядочных людей» не читал о нем «площадных эпиграмм». Известная эпиграмма Толстого на Пушкина-«Чушкина», явившаяся ответом на злые тексты, в которых Пушкин «в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью» (13: 43), была сочинена в 1821 г., спустя год после дуэли Пушкина с Рылеевым. Так что мы и тут имеем дело с широким обобщением, в котором от живой реальности осталась только неясная тень Рылеева.

*   *
*

А как же граф Федор Толстой? Обещая брату в письме от 22—23 апреля 1825 г., что «Толстой явится (...) во всем блеске в 4-ой песне *Онег(ина)*, если его пасквиль этого стоит» (13: 163), Пушкин в конце концов отказался и от дуэли с обидчиком, надеждой на которую он жил шесть лет, и от мстительного замысла отхлестать его на страницах знаменитого романа. Но, примирившись с Толстым, искренне простив его⁵¹ и даже сделав поверенным лицом в своем сватовстве к Н. Н. Гончаровой, Пушкин ничего не забыл. Хотел забыть, но не смог — и сам рассказал об этом.

Сформулировав одну из самых гневных и парадоксальных своих инвектив против друзей-врагов (*«...» Что, может быть, одно и то же <...> и горестно воскликнув: Уж эти мне друзья, друзья! — повествователь намекает читателю: Об них недаром вспомнил я (4, XVIII, 9, 13—14). Понимая, что читатель ждет разъяснения этого недаром, Пушкин отвечает на выражающий читательское ожидание вопрос: А что? — специфически русской формулой «умаления значимости» и мягкого ухода от ответа: Да так (ср. Пеньковский 19956). И затем, что типично для этой коммуникативной ситуации, развивает тему собственной уклончивости: Я усыпляю // Пустые черные мечты <...>*

Ключом к пониманию этой высокой поэтической фразы, в которой Ю. М. Лотман почему-то услышал торжественно звучащую «ироническую цитату (?) из какой-то посторонней (?) официальной (!) речи» (1980: 238), является слово *мечта* — одно из самых употребительных и много-смысленных в поэтической речи пушкинской эпохи. В каком же значении оно здесь употреблено? Ю. М. Лотман уверенно диагностировал в этом слове «исконное церковнославянское значение — ложные мнения, обманные призраки» (1980: 238). Это понимание так же плохо согласуется с широким контекстом, как и лотмановская интерпретация управляющего глагола *усыплять* — «„опровергать“, „отбрасывать“» (Лотман 1980: 238).

«Словарь языка Пушкина» расценивает обсуждаемое словоупотребление как один из вариантов первого и основного значения слова *мечта*: «Создание, содержание воображения; то, что кто-н^ибудь себе представляет» (СП, II: 572), — что будто бы вполне совпадает с нынешним значением слова: «То, что создано воображением, фантазией» (БАС, 6: стб. 945; ср. МАС, II: 263); «Нечто созданное воображением, мысленно представляемое» (ОШ: 354); «Что-л. воображаемое или мысленно представляемое; создание воображения» (НС, I: 864). Достаточно для современного языка, это толкование недостаточно для пушкинской эпохи, ибо не позволяет различать два основных варианта значения:

*мечта*¹ 'то, что кто-нибудь себе представляет, связывая это представление с будущим': *«...» Ты пьешь волшебный яд желаний, // Тебя преследуют мечты: // Везде воображаешь ты // Приюты счастливых свиданий <...> («Евгений Онегин», 3, XV, 9—12); <...> Сменит не раз младая дева // Мечтами легкие мечты <...> (4, XVI, 6—7); и др.*

*мечта*² 'то, что кто-нибудь себе представляет, связывая это представление с прошлым': *«...» Мне памятно другое время! // В заветных*

иногда *мечтах* // *Держу я счастливое стремя* // *И ножку чувствую в руках* (...) («Евгений Онегин», 1, XXXIV, 1—4); (...) *Так уносились мы мечтой* // *К началу жизни молодой* (1, XLVII, 13—14); *Быть может, в мысли нам приходит* // *Средь поэтического сна* // *Иная, старая весна* // *И в трепет сердце нам приводит* // *Мечтой о дальней стороне, // О чудной ночи, о луне...* (7, III, 9—14)⁵².

Второе значение мечты, обращенной в прошлое, не известно современному языку; оно противопоставлено первому по скрытым категориальным признакам «реальности vs ирреальности» и «временной направленности действия или временной сферы проявления действительного признака». По тонкому и точному определению Вяземского, *мечта*² — это *обратная мечта* (высокий поэтический эквивалент стилистически нейтрального воспоминания)⁵³; ключами к его семантике регулярно выступают знаки памяти и прошедшего времени⁵⁴. Именно так обстоит дело в анализируемых строках «Онегина» (*Я усыпляю // Пустые черные мечты* (...)). Мечты здесь — это, конечно, 'воспоминания', и такое чтение подсказывается словом вспомнить в предтексте (*Об них недаром вспомнил я*). Воспоминания, а вовсе не «оценка авторских горьких наблюдений над эгоизмом окружающего света» (Лотман 1980: 238) составляют скрытое содержание обсуждаемой фразы. Пушкин, сливающийся здесь с повествователем, называет эти мечты-воспоминания «черными», поскольку они связаны с одной из самых мрачных страниц его жизни.

Однако всё уже в прошлом. Удар, нанесенный 20-летнему молодому человеку, и муки оскорбленного самолюбия давно потеряли свою остроту. То, что вызывало нестерпимые душевные страдания, теперь, с высоты прожитых лет, можно бы счесть мелким и неважным, «пустым». Но в памяти это прошлое все еще жило, и мысли о нем приходилось подавлять, а сохраняющие горечь чувства успокаивать, «усыплять»⁵⁵. Чтобы осуществить этот трудный психологический процесс, нужно было подвергнуть собственное прошлое дискредитирующей генерализации, представить казавшееся трагедией жизни как заурядную неприятность, с ее обычными участниками и обстоятельствами. В этой обобщенной, типичной истории биографическая реальность размыта; здесь уже нет ни графа Ф. И. Толстого, пустившего оскорбительный для Пушкина слух, ни проявившего «нескромность» князя А. А. Шаховского⁵⁶, ни попавшего впро�ак К. Ф. Рылеева, поплатившегося за это дуэлью⁵⁷. Нет здесь и мо-

лодого Пушкина, ставшего жертвой клеветы. И рассказана эта «обыкновенная история» без нажима, между прочим: она подается как замечание в скобках.

Мы попытались пушкинские «скобки» раскрыть и надеемся, что это позволило не только глубже и точнее понять несколько строк онегинского текста, но и, заново истолковав значения ряда слов, прочесть еще одну страницу в истории русского литературного языка первой трети XIX в.

Примечания и экскурсы

¹ Из письма П. А. Вяземскому от 1 сентября 1822 г.; в подлиннике: «(...) des mots qui hurlent de se trouver ensemble» [13: 44 (текст), 523 (перевод)]. Эту шутку приписывают Вольтеру и Фонтенелю.

² Ср.: «(...) человек, изрядно одетый, который сидит в Café de Chartres за чашкою баваруза (...) знаете ли, чем живет? продажей афиш, или всякого рода печатных объявлений, которыми здесь бывают облеплены стены. Ночью (...) он (...) сдирает со стен печатные листы, относит их к пирожникам, имеющим нужду в бумаге, получает за то несколько копеек, ливра два, или целый эку, ложится на соломенный тюфяк в каком-нибудь *гренье*, и засыпает покойнее многих Крезов» (Карамзин 1984: 278).

³ Первый случай — в «Истории села Горюхина», второй — в тексте «Домика в Коломне» («...» мяуканье котов // По чердакам «...»).

⁴ См. об этом в письме В. Ф. Одоевского Пушкину 28 сентября 1833 г. и в ответном письме Пушкина В. Ф. Одоевскому 30 октября 1833 г.

⁵ Исключения — «онегинский» пример и стихотворение «Ты и я», традиционно датировавшееся 1817—1820 гг., но, скорее всего, написанное еще позже (см. Вацура 1999). К 13 случаям переносного употребления слова чердак, учтенным в «Словаре языка Пушкина», следует добавить 14-й, не зарегистрированный ни «Словарем языка Пушкина», ни «Новыми материалами» к нему (см. НМСП), ни «Конкордансом к стихам А. С. Пушкина» (Шоу 2000: 1226), — из отрывка «В мои осенние досуги» (1835): «(...) Рисуи и франтов городских // И милых барышень своих, // Войну и бал, дворец и хату, // Чердак, и келью, и харем (...)» [Пушкин 1977, 3: 323; в большом академическом собрании это словоупотребление зафиксировано только в разделе вариантов (см. 3, кн. 2: 995; ср. кн. 1: 397)].

⁶ По определению Я. Буткова, «превыспреннее помещение (...) между карнизом и крышею пятиэтажных домов в равном расстоянии от земли и луны» [«Первое число», гл. II; 1845 (РО: 275)].

⁷ В противопоставлении городской жизни сельский топос, обычно рисуемый в пасторально-идиллических красках, предоставлял бедному поэту другие виды убогого

жилища (приют укромный, смиренная обитель, пустынный кров, бедный уголок, забвенный угол и т. п.) — иногда реальные, а чаще условные смиренную хижину (хижинку), скромную хату (хатку, избушку), убогий домик, шалаш простой и низкой и т. п.

⁸ Ср.: Правдин весь день и часто ночь трудился, // Всё продал, что имел, в аренду отдал дом // И к дяде на жилой чердак переселился [К. Масальский, «Модест Правдин, или Терпи казак — атаман будешь», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 514)].

⁹ Ср.: Я на чердак переселился: // Жить выше, кажется, нельзя! // С швейцаром, с кучером простился // И повара лишился я. // Толпе заимодавцев знаю // И без швейцара дать ответ: // Я сам дверь важно отворяю // И говорю им: дома нет! (Д. Давыдов, «Моя песня», 1811). Одно из самых поздних отражений этой «чердачной» темы в поэзии — стихотворение Л. Мея «Дым» (1861): (...) Вот и я, пиитом чердачка, // Столицу обозрел, конечно, свысока (...) Весьма симптоматично также рассуждение А. Н. Майкова: «На поэзии — никогда не делайте денежных расчетов».

„Отдаться литературе“ — значит: начать с репортера, газетная работа по строчкам, чердак, кружок, узкоумие, а дальше — грязь и — нередко шантаж.

Вот куда часто приводят Музы, когда их употребляют как рабочую силу. Резко выражаюсь, но — по совести и в виду многочисленных примеров» [Майков 1980: 206 (письмо неустановленному лицу, 24 января 1890 г.)].

¹⁰ Ср.: «И несмотря на численную незначительность блаженной частицы (петербургского населения), она исключительно слывет Петербургом, всем Петербургом, как будто прочее полумиллионное население, родившееся в его подвалах, на его чердаках, дышащее одним болотным воздухом, лечащееся болотными испарениями, не значит ничего, даже вовсе не существует!» [Я. Бутков, «Назидательное слово о петербургских вершинах», 1845 (РО: 221)].

¹¹ Ср.: «(...) le fait est que je crevais de misère» [черновое письмо И. Н. Инзову, около 8 марта 1824 г. [13: 90 (текст), 528 (перевод)]].

¹² Ср. иного рода контексты, где тот же оборот должен пониматься в прямом значении: Ты трезв, трудолюбив, спишь на пуку соломы (...) (А. Воейков, «К моему старосте», 1807); «В тесной лачуге, на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба (это не вымысел), в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану» [Батюшков 1977: 400 («Воспоминание о Петине», 1815)]; Живет Балда в поповом доме, // Спит себе на соломе (...) (А. Пушкин, «Сказка о попе и о работнике его Балде», 1830). В этой связи показателен пример из «Стихов для начертания на гробнице Суворова» А. С. Шишкова (1805): Жил в хижинах простых, и покорял столицы (...) Сажал царей на трон, и на соломе спал. Предвидя возможность ошибочного понимания оборота спать на соломе в его переносном значении, Шишков счел необходимым разъяснить читателю: «Он (Суворов) не любил мягких перин и пуховиков; сено и солома служили ему вместо оных» (Поэты 1790—1810-х годов: 359—361). Ср. также под ковром не

просто как метонимию богатой постели, но как символ роскошной жизни: *Не под персидским шелковым ковром // Родился Исамаил (...)* [М. Лермонтов, *Исамаил-Бей*, 846—847 (1832)]. Ср. также уникальный оборот *под соломой* в метонимически смещенном значении 'под соломенной крышей': *О, как весело живется // Под соломой в бедной келье! // Там без умолку поется, // Там не куплено веселье* (Д. Ознобишин, «Поселянин», 1845).

¹³ Двудеинство «жить на чердаке и питаться одним хлебом» как символическое представление жизни нищего поэта очень долго еще сохраняло в русском культурно-языковом сознании свою выразительную силу. Ср.: «Милый Полонский в Петербурге — с женой. Он зацепил ее в Париже, — прекрасное энергическое существо, судя по лицу. Полонский, сватаясь, спрашивал ее, в состоянии ли она будет жить на чердаке и питаться одним хлебом. Она отвечала: в состоянии — и, верно, не солгала» [Некрасов 1999, 14, кн. II: 114 (письмо И. С. Тургеневу, конец сентября 1858 г.)]. Через три года Полонский сам горестно-иронически напишет о нищей жизни на чердаке: (...) *знаю, о чем тайно плачет бедняк, // Когда, запирая свой пыльный чердак, // Лежит он, и мрачен, и вол оттого, // Что даже не смеет любить никого (...)* («Признаться сказать, я забыл, господа...», 1861).

¹⁴ Ср. параллельный ход в лицейской эпиграмме А. Д. Иличевского (1813—1814), где эквивалентом чердака на противоположном полюсе «жилой» вертикали дома оказывается погреб: *Титиръ, убогій нашъ поэтъ, // Любовны пѣсенки сплетаетъ; // А самъ-то въ погребу живетъ, // То въ мракѣ чердаковъ высокихъ обитаетъ; // Отъ этого-то, знать, и въ пѣсенкахъ бѣднякъ // Какъ погребъ — холоденъ, и темень — какъ чердакъ* (Гастфрейнд 1912: 149). То же позднее у И. С. Тургенева как проявление неосознанной стилизации под хорошо усвоенные им нормы языка пушкинской эпохи: «В течение целых шестидесяти лет, с самого рождения до самой кончины, бедняк боролся со всеми нуждами, недугами и бедствиями, свойственными маленьким людям; бился как рыба об лед, недоедал, недосыпал, кланялся, хлопотал, унывал и томился, дрожал над каждой копейкой (...) и умер наконец не то на чердаке, не то в погребе, не успев заработать ни себе, ни детям куска насущного хлеба» [Тургенев 1979, 3: 280—281 («Чертопханов и Недопюскин», 1849)].

¹⁵ Иной чердачно-мансардный топос сложился у французов XIX в. — от «Чердака» нелюбимого Пушкиным Беранже (1828) до «Мансарды» Теофиля Готье (1840-е годы), героями которых являются не бедные и/или бездарные поэты, как в русской поэзии пушкинской эпохи, а гризетки и студенты. В 1840-х годах Флобер резко выступал «против Беранже с его любовью на чердаках и идеализацией посредственности» (Флобер 1984: 106).

¹⁶ Ореол уединенности, отчужденности от мира в сочетании с крайней бедностью, закрепившийся за словом чердак в поэтическом языке, в равной степени свойствен слову келья. Это последнее, расширяя область своего применения, освобождается от терминологической «монастырской» приуроченности. Ср. у Пушкина: *Один в камерке тесной // Вечерней тишиной // Хочу, мудрецъ любезный, // Беседовать с*

тобой. // Уж темна ночь объемлет // Брега спокойных вод; // Мурлыча, в келье дремлет // Спесивый, старый кот («Послание к Галичу», 1815); Пылай, камин, в моей пустынной келье; // А ты, вино, осенней стужи друг. // Пролей мне в грудь отрадное похмелье. // Минутное забвенье горьких мук («19 октября», 1825); Моя студенческая келья // Вдруг оварилась (...) («Евгений Онегин», 8, I, 9—11) и др. Ср. также рядоположение чердака и кельи в отрывке «В мои осенние досуги...» (см. примеч. 5) и келью Кострова у С. П. Жихарева — pendant его чердаку в стихотворении Пушкина: «Не забуду тебя, скромный обитатель бедной кельи незабвенного нашего поэта Кострова, которого наследовал ты талант, но не наследовал его слабостей» [Жихарев 1955: 143 (запись от 20 декабря 1805 г.)].

Другим поэтическим эквивалентом чердака является, как показывает приведенный выше пример из «Послания к Галичу», слово *каморка* (коморка). Таковы же и *кану́ра* (не *конура́!*) с уменьшительным *канурка* (не *конурка!*): Бахметьева наместник, // Законов провозвестник, // Смиранный Иоанн (...) [К моей канурке] строгой // Приставил караул (А. Пушкин, «Мой друг, уже три дня...», 1822). Ср. также в отредактированной Пушкиным эпиграмме Боратынского «Журналист Фиглярин и Истинна» (1827): А это что за дура?.. // Вдѣ Истинна, ей ей! // Давноль его канура // Знакома стала ей? (Пушкин 1997: 109). «Словарь языка Пушкина» указанное специализированное значение не выделяет и оставляет все эти слова без толкования, понуждая думать, что их семантика тождественна той, какую они имеют в современном языке.

¹⁷ В подлиннике — вступлении к «Фаусту» — никакого «чердака» нет.

¹⁸ О том, что это за рифма, см. Шапир 2000а: 213.

¹⁹ В цитированном тексте Гнедича заслуживает внимания использование слова *хата* не в общеизвестном значении 'изба, хижина, небольшой дом вообще' (СП, IV: 802), а в сдвинутом значении 'приют', которое не зафиксировано словарями. Об этом убедительно свидетельствует эквивалентность лексем *приют*, *чердак* и *хата*, относящихся к единому денотату. Та же триада — с дальнейшим развитием и укреплением указанного окказионального значения — обнаруживается в «Моем уединении» Н. Языкова (1823), где «хата» оказывается... «на чердаке»: От света вдалеке, // Я моему пенату // Нашел простую хату // В пустынном чердаке; // Здесь лестница крутая, // Со востока по стене // Улиткой завитая, // Впотьмах ведет ко мне (...) Умеренность благая // Приют мой убрала, // Здесь роскошь выписная // Приема не нашла (...) Это очевидное подражание «Моим Пенатам» Батюшкова (1811—1812), где сменяют друг друга «обитель» («приют странника», нашедшего в ней «норы» и «темны кельи» для «отеческих Пенатов»), далее «убогая хижина», «моя хижина», «смиранный уголок», «беспечная сень», «шалаш простой», «мирная сень», «смирная хата», «мой домик», но нет «чердака» и «хата» — это всё-таки 'отдельный дом', а не 'укромное место в доме'.

²⁰ Ср. свидетельства современников о бескорыстном и небесталанном «служителе Феба» — Л. А. Якубовиче (1805—1839), который жил и умер в «маленькой комнате на чердакѣ, въ Семеновскомъ плацу» (Сахаров 1873: стб. 953; ср. Пана-

ев 1988: 94). На московском чердаке в нищете жил и в отчаянии покончил с собой другой способный поэт-самоучка, обративший на себя внимание Жуковского и вывезенный им из Сибири, Е. А. Милькеев (1815—1846): *Стоял той порой он в своем чердаке. — // Души разбивалась сила, — // Стоял он, безумный, с веревкой в руке... // В тот вечер спросить о больном бедняке // Нам некогда было* (К. Павлова, «Памяти Е. М(илькеева)», 1855).

²¹ В оригинале («Epistle to Dr Arbuthnot», 1734) *the man of rhyme* приходит не с чердака, а *from the Mint* — неоднократно упоминаемого у Поупа места, где скрывались от своих кредиторов несостоятельные должники.

²² Таков же герой приписываемой Пушкину-лицеисту сатирической «Исповеди бедного стихотворца» — бедный однодворец, который *Сперва подъячий был, а после стихотворец*.

²³ Вот лишь малая часть длинного ряда синонимичных обозначений этого рода деятелей массовой стиховой культуры: *виришписец* (А. Н. Вульф о Н. М. Коншине, запись в дневнике от 11 октября 1828 г.); *виришник* (К. Бахтурин, «Барон Брамбеус. Баллада», 1838—1839); *марака* (Е. Боратынский, «Богдановичу», 1824); *маратель* (К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу, 1 ноября 1809 г., 27 ноября — 5 декабря 1811 г.; П. Вяземский, «Послание к И. И. Дмитриеву, приславшему мне свои сочинения», 1819); *одомаратель* (К. Батюшков, «Новый род смерти», 1814); *одорифмодель* (К. Н. Батюшков — П. А. Вяземскому, 10 января 1815 г.); *пероносец* (Ф. Вигель, «Записки», ч. VI, гл. IV); *писачка* (Е. Боратынский, «Писачка в Фебов двор являясь...», 1830); *писачка и рифмоплет* [«(...) нет никого жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета (...)» — слова Карамзина в передаче Вяземского (1982: 261); ср.: «(...) писатели и писачки, поэты и рифмоплеты (...)» (Вяземский 1982: 136)]; *писец* [И. Дмитриев, «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», 1798; П. Вяземский, «К подруге», 1813, ранняя редакция (см. Батюшков 1886, III: 311); и мн. др. Ср. также: *бездарные писцы-хлопотуны* (Е. Боратынский, «Коттерие», 1842)]; *рифмач* [А. Сумароков, «Сова и рифмач», опубл. 1762; М. Милонов, «К моему рассудку», 1812; П. Вяземский, «Как мастерски пророков злых подсел...», 1810-е годы; «Спасителя рождением...», 1814—1817; «В альбом Неелову», 1815; «Ухаб», 1817; А. Пушкин, «Несчастье Клита», 1813; «Тень Фон-Визина», 1815; «Домик в Коломне», 1830, варианты; «О муза пламенной сатиры...», 1820-е годы; «Начало I песни „Девственницы“», 1825; «Французских рифмачей суровый судия...», 1833; и мн. др.]; *рифмодей* (лицейские куплеты на слова «С позволения сказать», 1816); *рифмодул* (П. Вяземский, «Кибитка», 1828); *рифмокропатель* (И. Дмитриев, «Взгляд на мою жизнь», кн. 2); *рифмоплет* [Е. Боратынский, «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», 1823, ранняя редакция; ср. стихи из письма А. С. Пушкина В. Л. Пушкину, 28(?) февраля 1816 г.], *рифмотвор* (К. Батюшков, «Послание к стихам моим», 1804; А. Пушкин, «К Галичу», 1815); *рифмотворец* (А. Сумароков, «Время», опубл. 1781; В. Одоевский, «Княжна Эзиз», 1839); *рифмоткач* (В. Пушкин, «Меркурий и умершие», 1808; «Собственная речь члена Вот», 1816); *стиховраль* (И. Дмитриев, «Послание ... к доктору Арбутноту», 1798);

стихотворений [В. Пушкин, «Письмо к И. И. Дмитриеву», 1795; «Меркурий и умершие», 1808; «Кабуд-путешественник», 1818; Н. Карамзин, «К бедному поэту», 1796; А. Пушкин, «Тень Фонвизина», 1815; В. Жуковский, «(Послание к П. А. Вяземскому)» («Хоть мы в такие дни живем...»), 1816?]; *стихотворец* [В. Жуковский, «(К П. А. Вяземскому)» («Князь Петр, жилец московский!...»), 1812]; *стихотворитель* (Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву, 6 сентября 1794 г.; К. Рылеев, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821); *стихотворитель* (В. Пушкин, «К В. А. Жуковскому», 1810); *стихотворитель* (М. Н. Загоскин — Н. И. Гнедичу, 2 декабря 1821 г.); *стихосплетатель* (А. Бестужев, «Подражание первой сатире Буало», 1819); *стихотвор* [В. Пушкин, «Какой-то Стихотвор (довольно их у нас)...», 1798; К. Батюшков, «Перевод 1-й сатиры Боало», 1804—1805; «Новый род смерти», 1814; С. Уваров, «Ответ В. В. Капнисту на письмо его об экзаметре», 1815]; *стихотворитель* (И. Дмитриев, «Чужой толк», 1794; В. Кюхельбекер, «О направлении нашей поэзии, особенно лирической...», 1824); *стихоткач* [А. Сумароков, «Сова и рифмач», опубл. 1762; И. Крылов, «Сочинитель в прихожей», II, 7 (1786); В. Жуковский, «Плещепуту», 1813; А. Пушкин, «Городок», 1815]; *стопосложитель* (А. Пушкин, «К Жуковскому», 1816) и др. Некоторые из этих обозначений нашли место в словаре Даля: «*Риёмачъ* м., *риёмачка* ж., *риёмоторець* или *риёмоткачъ*, *риёмоплетъ* или *риёмопрядъ*, плохой стихотворецъ, стихотворитель» (Даль 1882, IV: 97). Ср. аналитические варианты приведенных выше композитов: *Злодея князя Шаховскова*, // *Стихов марателя презлова*; // *Клянусь заставляю замолчать* (С. Марин, «Ода на приезд Дм. Вас. Ар(сеньева), не позднее 1807); (...) *толмач* (...) что *преж сего стихов был русский ткач* [А. Нартов, «Вывеска», 1761? (РЭ: 94)]; (...) *поэт Пестов*, // *Неутомимый ткач стихов* (...) (В. Жуковский, «Плач о Пиндаре», 1814) etc. Ср. еще не отмеченные нашими словарями акциональные производные: а) *рифмоплетство* и *рифмосплетение* 'рифмованное произведение' (отражающее видовой параллелизм *плести* — *сплести*) из письма И. И. Дмитриева Д. И. Языкову (январь 1806 г.): «Что мне лестного, наконец, быть членом академии, университета, когда всякий пачкун может быть моим сотоварищем! Недавно одного из них глупое *рифмосплетение* читали даже на кафедре университетской» (Дмитриев И. 1986: 382); б) также не зафиксированное в словарях *стихоткропление* в автоироническом пассаже из письма И. И. Дмитриева А. И. Тургеневу (18 мая 1806 г.): «Теперь остается мне (...) забыть навсегда милую двадцатилетнюю привычку к *стихоткроплению* и лестное ободрение публики» (Дмитриев И. 1986: 384).

Перечень нарицательных именований может быть дополнен «говорящими» именами собственными (чаще фамильными) в функции типовых или индивидуализированных антропонимических масок: *Ахтикропалов* (А. Полежаев, «День в Москве», между 1829 и 1831), *Бавий* [К. Батюшков, «Новый род смерти», 1814; П. Вяземский, «К перу моему», 1816; К. Рылеев, «Безделок несколько наш Бавий накропав...», 1820 (имя *Бавий* восходит к Virg. Ecl. III, 90)]; *Балдус* [В. Пушкин, «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг, какая прибыль в том...»), 1810; М. Милонов, «К Луказию», 1811; «К моему рассудку», 1812; К. Батюшков, «Всегдашний гость,

мучитель мой...» (опубл. 1817); ср. *Балдусы* в его же «Послании к А. И. Тургеневу», 1813? (опубл. 1827)] и *Бардус* [И. Дмитриев, «О Бардус! не глуши своим насмешным звоном...», 1793; «Послание ... к доктору Арбутноту», 1798; П. Шаликов, «Решительность», 1815; об именах и *Балдус* и *Бардус* см. Батюшков 1886, III: 677 (комментарий Л. Н. Майкова)]; *Балобонов* (от *балабон*, вариант *балабол* 'болтун') [Ф. Иванов, «Послание к А. Ф. Мерзлякову», 1811?; ср. прозвищное имя *Балабан*, которое Ломоносов дал одному из своих зоилов, И. П. Елагину («Златой молодых людей и беспечальный век...», 1753); в комментарии Г. П. Блока оно без ссылок на лексикографические источники и едва ли справедливо толкуется как «балбес, болван» (Ломоносов 1959: 1024)]; *Безрифмин* (К. Батюшков, «Послание к стихам моим», 1804; «Безрифмина совет...», 1805; А. Пушкин, «Послание к Галичу», 1815); *Бессмыслов* (М. Милонов, «К Луказию», 1811; «К моему рассудку», 1812); *Бестолков* [А. Пушкин, «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...»), 1815]; *Вадий*, *Вадоркин* [М. Милонов, «К моему рассудку», 1812 (*Вадий* — имя педанта из «Les femmes savantes» Мольера)]; *Вязгов* (А. Пушкин, «Городок», 1815); *Графов* (игра на греч. γράφω и, при отнесении к Д. И. Хвостову, на его графском титуле) [А. Пушкин, «К другу стихотворцу», 1814; «Исповедь бедного стихотворца», 1814 (*dubia*); «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...»), 1815; «Моему Аристарху», 1815; А. Измайлов, «„Что ты так похудел?“ — „Не сплю вот третью ночь...“», 1814; Е. Боратынский, «Поэт Графов в стихах тяжеловат...», ред. 1827 г.]; *Элослов* (М. Милонов, «К моему рассудку», 1812); *Мевий* [М. Милонов, «К моему рассудку», 1812; А. Пушкин, «К Жуковскому», 1816 (имя *Мевий* восходит к Virg. Ecl. III, 90 и Ног. Erod. X, 2)]; *Писцов* [Е. Боратынский, «Поэт Писцов в стихах тяжеловат...», редакция 1835 г. (о дублете *Писцов* — *Графов* см. Боратынский 2002, 1: 347—348)]; *Рифматов* (от рифма + *Шихматов*) (А. Пушкин, «К другу стихотворцу», 1814); *Рифмин* [И. Дмитриев, «Дамон! Кто бытию всевышнего не верит...», 1795; К. Батюшков, «Послание к Н. И. Гнедичу, 1805 (опубл. 1809)]; *Рифмов* (А. Пушкин, «Городок», 1815); *Рифмодей* (И. Дмитриев, «Эпиграмма на притчу „Госпожа и ткачи“...», 1805); *Рифмокласт* ('тот, кто разрушает рифмы', ср. *Безрифмин*) (М. Милонов, «Послание к А. Е. Измайлову», 1820); *Рифмохват* (И. Крылов, «Сочинитель в прихожей», 1786; «Недовольный гостями стихотворец», 1788); *Свистов* (А. Пушкин, «Городок», 1815; «Моему Аристарху», 1815); *Стихокрапов* (Н. Всеволожский, «Отрывок из комедии „Стихокрапов“», 1819); *Тянислов* [И. Крылов, «Проказники», 1787—1788; К. Батюшков, «Послание к А. И. Тургеневу», 1813? (опубл. 1827)]; и др. Ср. в пушкинском послании «К другу стихотворцу» анаграмму фамилии журналиста Макарова — *Рамаков*, которая, обнажая прием, позволяет читателю восстановить другую, скрытую анаграмму этого имени, несущую уничижительное значение (*Мараков).

²⁴ Ср. замечание Вяземского об «уличных» или, как называл их И. И. Дмитриев, «шинельных» поэтах, находивших благожелательный прием в доме поэта-министра: «Он благосклонно выслушивал их стихи и помогал им денежными пособиями» (Вяземский 1988: 261). Впрочем, были поэты, находившиеся в еще более трудном положении, — бесшинельные: *Ужель не видим мы Боянов наших дней, // Влачащих*

жизнь свою без денег, без друзей, // Весной без обуви, а в зиму без шинели (...)
(А. Бестужев, «Подражание первой сатире Буало», 1819); Увы! я и теперь, как видишь, без шинели; // И столь хвалимое тобою ремесло // Одно превращение и стыд мне принесло! [К. Рылеев, «Путь к счастью. Сатира (Разговор поэта с богачом — старинным его знакомцем), 1821].

²⁵ Ср. в одной из лицейских эпиграмм 1814 г.: Чердакожитель Алциндорь // Со свайкою навёкъ простился, // И чтобъ хоть слабый дать отпоръ — // Писать стихи на всѣхъ пустился (...) (Грот 1911: 310). Тогда же у Вяземского: Грудистых крикунов, в которых разум скудный // Запасом дерзости с избытком заменен, // Перекричать нельзя. Язык их — брань, искусство — // Пристрастьем заглушать священной правды чувство, // А демон зависти — их мрачный Аполлон! («Ответ на послание Василию Львовичу Пушкину», 1815). Ср. также у М. Милонова: Зависть, злоба // Для рифмачей одних — эгид («В. И. П(анаев)у, который просил меня написать стихи для его альбома»). Литературное «местожительство» этих злобных и завистливых рифмачей — всё тот же чердак, как это видно, например, из процитированной эпиграммы «Чердакожитель Алциндорь...».

²⁶ В этом послании соположены (стихо)враль и его обиталище — чердак: Какой стеной, какой древ тенью защититься, // Чтoб этот скучный рой не мог ко мне пробиться? (...) Гонимый голодом и стужей с чердака, // Не даст спокойно мне и хлеба свести куска! // То подлый стиховраль, в котором, без рожденья // Иль смерти богача, нет силы воображенья (...)

²⁷ Ср.: В боях щадила смерть его (...) А умер отчего? // Да только выслушал одну Вралева оду; Каких лишились бы прекрасных мы стихов, // Когда бы не писал Вралева [А. Измайлов, эпиграммы на Д. И. Хвостова, 1814, 1816 (РЭ: 232)]; Вралева забегу с пренизким ты поклоном: // Ему не в первый раз вступаться Цицероном // За скаредных певцов, уродство их хвалить, // Дерзну его хоть раз с Горацием сравнить — // И он, не усташась, провозгласит пред светом // Тебя и Пиндаром, и классиком-поэтом! (М. Милонов, «К Луказнию», 1811); Вралева упрекнешь — все ахнут: боже мой, // Что труд Бессмыслова возносит он хвалой! // Чего же хочешь ты? Вражды между друзьями, // Которые живут взаимными хвалами? (М. Милонов, «К моему рассудку», 1812); Скорей луна светить в подлунную престанет, // Вралева писать стихи, а словить Клит устанет (...) (А. Бестужев, «Подражание первой сатире Буало», 1819); Пускай завистники вокруг тебя шипят! (...) Зачем тревожиться, когда твоих трудов // Не вздумает читать какой-нибудь Вралева, // Иль жалкий Азбукин, иль Клит-стихокропатель, // Иль в колпаке магистр, или Дамон-ругатель? (К. Рылеев, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821); Под холодной кочкой сей Вралева холодный прах, // Бог с ним! Он был и сам так холоден в стихах [И. Дмитриев, «Эпиграфия», 1828 (РЭ: 162)].

²⁸ Ср.: Скорее Сен-Жермень восстанет // И целый свет опять обманет; // Скорей Вралин переродится, // Стихи картавить устыдится // И будет всеми так любим, // Как ныне мил одним глухим (...) (И. Крылов, «К другу моему», 1793).

²⁹ Ср.: <...> *Но Вралькин сам себе большой, // И на смех прочим одевает // Он Талию на свой покрой* (П. Вяземский, «Всякий на свой покрой», 1822); *«Эаживо гляжу в потомки! // Я на пир бессмертья эван!» // Вóпит Вралькин, так же громкий // И пустой, как барабан. // Счастлив он, пока в нем бродит // Самолюбия дурман; // Но одних вралей ли вводит // Самолюбие в обман?»* (П. Вяземский, куплеты к комедии А. Грибоедова «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», 1823).

³⁰ Имя этого персонажа из фонвизинского «Недоросля» позже использовалось для обозначения враля — поэта, писателя и журналиста. Так, 10 марта 1805 г. С. П. Жихарев занес в дневник запись о «глупейших стихах остроумного враля Бородулина» (1955: 35), а 2 мая 1806 г. о том же Бородулине писал: «В палатке Е. Е. Ренкевича дым коромыслом: весь город, начиная от губернатора и обер-полицеймейстера до вральмана Бородулина <...>» (1955: 211). Ср.: *Пусть Феб умножит в Двадцать первый <год> // На рифмы у тебя расход, // И кляп наложится Минервой // Всем русским Вральманам на рот* (П. Вяземский, «Василий Львович милый! здравствуй!..», 1820).

³¹ Прибавим еще не учтенный в словаре черновой вариант 336-го стиха VI песни «Руслана и Людмилы»: *И с <ним> наш враль* [о Фарлафе (4: 270 примеч. 8)].

³² Неизвестное современному литературному языку противопоставление «слова» «перу» как выражение противопоставления устной и письменной речи — яркая особенность языка пушкинской эпохи. Ср. то же в адъективных и адвербиальных парах словесный 'устный' vs письменный и словесно 'устно' vs письменно, образующих стандартные сочинительные сочетания: «Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного» [А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 4 декабря 1824 г. (13: 127)]; «Император Наполеон, войдя со мною в большой разговор <...> отвечал письменно и словесно, что он, войдя уже в пределы наши, выдти не согласен прежде заключения мира» [А. Д. Балашов — Ф. В. Ростопчину, 28 июня 1812 г. (КЧР: 47)]; «<...> я ему еще в исходе 1806 и в начале 1807 года письменно и словесно представлял, дабы быть осторожну от Наполеона <...>» [Г. Р. Державин — В. С. Попову, 16 июля 1812 г. (КЧР: 52)]. Ср. еще: *Я сам — хоть в книжках и словесно // Собратья надо мной труднят — // Я мещанин, как вам известно, // И в этом смысле демократ* (А. Пушкин, «Езерский», 1833). Ср. колебание между старым письменно vs словесно и новым письменно vs изустно у Вяземского: «Дмитріевъ тотъ ли письменно, что и изустно? Я одинъ, можетъ быть, исключеніе, то-есть былъ преждѣ исключеніе изъ этого правила: я задорнѣе письменно, нежели словесно <...>» [ОА, III: 285 (письмо А. И. Тургеневу, 19 января 1836 г.)], — а также словами в значении 'вслух': «Я мысленно и словами часто бранилъ Франц(узскихъ) переводчиковъ <...>» [Карамзин 1866: 299 (письмо И. И. Дмитриеву, 11 ноября 1820 г.)].

³³ Такова же переносная пушкинская характеристика журнала Н. Полевого «Московский Телеграф» в письме Вяземскому (начало июля 1825 г.): «Телеграф человек

порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен» (13: 185).

³⁴ Этот фрагмент лишь в общих чертах следует французскому оригиналу, но имена прециозных поэтов-педантов воспроизведены точно. Напомним, что *Тресотиниусом* и *Трисотином* современники называли Тредиаковского (А. Сумароков, «Тресотиниус», 1750; М. Ломоносов, «Искусные певцы всегда в напевах тщатся...», 1753). Ср. *Сотин* — прозвище Тредиаковского в стихотворении Ломоносова «Злобное примирение господина Сумарокова с господином Тредиаковским» (1759) и *Сотиньус* — прозвище Шишкова в «Пародии» И. Дмитриева (1803). Основным элементом всех этих имен является франц. *sot* 'глупец'. Кстати, у Ломоносова в эпиграмме, направленной против Тредиаковского, встречается, по всей видимости, первое употребление слова *враль* в обсуждаемом значении 'плохой и завистливый поэт, писатель-клеветник': Безбожник и ханжа, подметных писем *враль!* // Твой мерзкой склад давно и смех нам и печаль: // Печаль, что ты язык российской развращаешь, // А смех, что ты тем злом затмить достойных чаешь. // Наплюем мы на страм твоих поганых врак: // Уже за 20 лет ты записной дурак (...) («Зубницкому», 1757).

³⁵ Ср.: (...) Ты здесь, Амфитрион веселый, // Счастливцев добрый, умный *враль!* [А. Пушкин о Н. Всеволожском (2, кн. 2: 770)] — (...) Не всякий знаниям честь должну воздаст // И часто *враль*, *глупец* разумником сlyвет (...) (В. Пушкин, «Вечер», 1798); (...) Вот добрых *глупый* друг, гостинных мерзкий *враль*, // Ума ни искры тут (...) [Неизвестный автор, «Галлоруссия», 1813 (Поэты 1790—1810-х годов: 786)].

³⁶ Ср. характеристику, какую в раздражении Пушкин дал И. И. Дмитриеву, чей резкий отзыв о «Руслане и Людмиле» некогда больно задел самолюбие поэта: «О Дмитриеве спорить с тобо(ю) не стану, хоть все его басни не стоят одной хоро(шей) басни Крыловой, все его сатиры — одного из твоих посланий (...) а все прочее (...) первого стихотворения Жуковского. Ерм.(ак) такая дрянь [что] мочи нет, — сказки (...) писаны в дурном роде, холодны и растянуты — по мне, Дмитриев ниже Нелединского — и (...) стократ ниже стихотворца Карамзина (...); «(...) ты один мог бы прикрикнуть на лево и на право, порастрясти старые репутации (...) а ты покровительствуешь старому вралю (...)» [письмо П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г., черновик (13: 381)].

³⁷ Ср. также условное фамильное имя бездарного поэта *Фофанов* — производное от несущего отрицательную экспрессию двух-эфного имени *фофан* «простака, простофила, дурак, глупец» (Даль 1881, IV: 538): Напрасно до поту лица // О слава Фофанова хлопочетъ; // Ему отказанъ даръ Пѣвца; // Трудится онъ — а Фебъ хохочетъ! [Боратынский 2002, 1: 216 («Кто жаждет славы, милый мой!..», 1821)].

³⁸ *Не враль и не ветошник* — реминисценция из Дмитриева:

Вадиус

Пачкун!

Триссотия

Ветошник!

Вадиус

Враль!

Значение слова *ветошник* в этом контексте проясняет «Парнасский Адрес-календарь» А. Воейкова (1817), где Н. Грамматин охарактеризован так: «(...) *ветошник русских писателей, перекраивает новые пьесы из старых лоскутьев и перекрашивает в свои чужие поношенные стихотворения*» (Арзамас, 2: 9).

³⁹ Ср. также: (...) *Да будет <кров> охранять // Тебя от шайки скучной // Вралей, вестовщиков, // И прозы и стихов // Работников поденных, // Невежеством клейменных // Пристрастия рабов!* (П. Вяземский, «К Батюшкову», 1816).

⁴⁰ Ср. также: *Там к Бавию иди: сей ждет тебя бедняк, // Отец помесичных нелепостей и врак <...>* (М. Милонов, «К Луказию», 1811); *Ермил в журнале врак, судья всего и всех, // Он мерит ум своим аршином <...>* [Ф. Иванов, «Послание к А(лексе)ю Ф(едоровичу) М(ерзьяко)ву», 1811? (Поэты 1790—1810-х годов: 340—341)]; *Клеветник без дарованья, // Палок ищет он чутьем, // А дневного пропитанья // Ежемесячным враньем* (А. Пушкин, «(На Каченовского)», 1821); (...) *Сказать Измайлову: болтунъ еженедѣльной. // Ты сдѣлалъ свой журналъ Парнасской богадѣльной <...>* [Боратынский 2002, 2: 14 («(Гнедичу от Баратынского)», ранняя редакция, 1822—1823)].

⁴¹ С другой стороны, *врали*-журналисты вырабатывали свой собственный вариант языка. Вяземский писал М. А. Максимовичу в 1831 г.: «Охота вам держаться терминологии *вралей* и вслед за ними твердить о литературной аристократии (...) Оставьте это „Северной Пчеле“ и „Телеграфу“, — у них свой *argot*, что называется, свой воровской язык <...>» (Пушкин 1935: 170). Сам Вяземский в «Парнасском Адрес-календаре» Воейкова получил титул «главноуправляющего смирительными заведениями для завистников, *вралей* и бездельников» (Арзамас, 2: 7).

⁴² Указанное изменение в семантической структуре слова *враль* шло путем сужения сферы его референтной отнесенности. Ср. отмеченное в языке XVIII в. и впоследствии утраченное употребление этого слова в качестве характеристики «краснобая, мастера рассказывать разные истории» или «школьного учителя» (СЯ XVIII, вып. 4: 124; отсюда фонвизинский *Вральман*).

⁴³ Образцом для пушкинской «богини *вралих*» мог стать князь *вралей* — характеристика Шаликова в батюшковском «Видения на берегах Леты» (1809), заимствованная отсюда в «Парнасский Адрес-календарь» Воейкова (1817).

⁴⁴ Ср. сходное словоупотребление: *И сочиняют — врут и переводят — врут! // Зачем же врете вы, о дети! — Детям прут! // Шалите рифмами, нализывайте стопы <...>* (А. Грибоедов, «Эпиграмма», 1824); *Он, говорят, наврал комедию?* (А. Шаховской, «Аристофан», 1824); *Устроив флюгер из пера, // Иной так пишет, как подует: // У тех, на коих врал вчера, // Сегодня ножки он целует*

(П. Вяземский, «Семь пятниц на неделе», 1825); (...) Радковского *вранье* поэмою считать, // С российским Пиндаром Бессмыслова равнять (...) (М. Милонов, «К Луказию», 1810); «Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздвигъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? (...) Пишите, браните и наказуйте! Должно вранью сдѣлать конецъ!» [Батюшков 1886, III: 391 (приписка В. А. Пушкина в письме К. Н. Батюшкова Н. И. Гнедичу, август 1816 г.)]; «Ты спрашиваешь моего мнения насчет Булгаринского вранья — чорт с ним. Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме» [А. С. Пушкин — Л. С. Пушкину, 13 июня 1824 г. (13: 97)]; (...) *Хвалю тебя за то, что под враньем твоим // Утаена твоя фамилья* [П. Вяземский, «Клеврет, журнальный аноним...», 1825 (РЭ: 281)]; (...) *всѣ мараки // Ударились потомъ въ задумчивыя враки* (...) [Боратынский 2002, 2: 69—70 («Богдановичу», 1824)]. Яркий пример игры на двух значениях глагола *поврать* 'поболтать; посочинять стихи' находим в черновом письме Пушкина Вяземскому от 21 апреля 1820 г.: «Мы все по большей части привыкли смотреть на поэзию, как на записную прелестницу, к которой заходим иногда поврать и поповесничать (...)» (13: 366). Это один из многих случаев шутливой (дружески иронического или самоуничижительного) использования данной лексики: «(...) самъ Гомеръ, который вралъ шестистопными стихами отъ искренняго сердца, какъ простякъ» [Батюшков 1886, III: 86 (письмо Н. И. Гнедичу, 1 апреля 1810 г.)]; «(...) в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке (...)» [А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, 29 ноября 1824 г. (13: 124—125)].

⁴⁵ Ср.: «(...) я начинаю чувствовать другую болезнь, стократ опаснее горячки — пиитическую желчь от славянских бредней» [К. Н. Батюшков — Д. Н. Блудову, март 1812 г. (Арзамас, 1: 182)]. Тот же семантический сдвиг претерпели отлагольное *бред* и производящее *бредить*: *Зачем опять другой, усердный раб Славена // Свой мелкомысленный славено-русский бред // За образец ума и вкуса выдает?* [Я. Галенковский, «(Подражание сатире В. В. Капниста)», 1805 (Поэты 1790—1810-х годов: 487)]; «Я же съ моей стороны не прошу и при первомъ удобномъ случаѣ выведу на живую воду Славянъ, которые бредятъ, Славянъ, которые изъ зависти къ дарованію позволяютъ себѣ все (...)» [Батюшков 1886, III: 217 (письмо П. А. Вяземскому, 27 февраля 1812 г.)]. Пушкин играет на двух значениях этого глагола: [Словесность русская больна] // *Лежит в истерике она // И бредит языком мечтаний* (...) («Словесность русская больна...», 1825).

⁴⁶ Сдвиг значения, аналогичный тому, что произошел в истории слова *враль*, могли бы пережить близкие ему по исходной семантике слова *болтун*, *говорун*, *пустослов*, *пустомеля* и др. Действительно, в поэтической практике конца XVIII — первой трети XIX в. единичные попытки провести эти имена по пути *враля* предпринимались, но широкого распространения не получили. Ср. *болтунъ* еженедѣльной в послании «(Гнедичу от Баратынского)» (1822—1823) или стих из сатиры Марина: *Пусть в неизвестности век пустослов кончает* (...) («С тобой, мой ум, теперь беседу начинаю...», 1812). Дальше других продвинулось в этом отношении слово *пустомеля*. В конце 1803 или в начале 1804 г. С. Н. Марин сообщал М. С. Ворон-

О «чердаках», «вралях» и метаязыке литературного гелла

цову: «Маленькому Давыдову (имеется в виду Д. В. Давыдов. — А. П.) мыли за стихи голову; он написал Сон, где всех ругает без милосердия. Аргамаков написал ответ (...)» (Марин 1948: 303). В нем есть такие строки (цит. по Марин 1948: 305):

Вчера я лег в постелю
И страшный видел сон:
Мальчишку пустомелю
Сек розгой Аполлон.

Как бог, он без притворства
Ему так говорил (...)

Чего не поминаешь,
О том ты так же врешь
И ночи заставляешь
Болтать нам вздор и ложь (...)

Тут мальчик побоялся,
Что врать не будет он.

Поденный враль из послания Вяземского Каченовскому (1820) в следующем стихе назван ревнивым *пустомелей*. Ср. у Рылеева: *На лоне праздности дремавший долго гений (...) Ширяясь, как орел, на небеса парит // И с высоты на низ с презрением глядит, // Где клеветой его порочит пустомеля* («Послание к Н. И. Гнедичу», 1821). То же у Пушкина: «(...) Шихматов (...) бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля» [13: 248 (письмо В. К. Кюхельбекеру, 1—6 декабря 1825 г.)].

⁴⁷ Двухэтажный дом Шаховского, в 1840 г. надстроенный третьим этажом, стоял на Малой Подьяческой, 12 (позднее Малая Морская, ныне ул. Гоголя), на углу Исаакиевской площади (Шубин, Фабисович 1982: 154—155; Лотман 1980: 239), а не на Средней Подьяческой, как указывает Набоков (Nabokov 1975, 2: 426).

⁴⁸ Сказать: *Жду вас на чердаке* — Шаховской не мог бы, как и его гости, вспоминая о проведенном там вечере, не могли бы сказать: *Вчера мы были на чердаке*.

⁴⁹ Та же связка *чердак* — *кабинет* обнаруживается в рукописях поэмы «Езерский» (1832—1833), герой которой был сочи(нитель) и свои статьи (вариант: стихи) печатал (...) В Соревнователе. Строчки: (...) *Иван Езерской, мой чудак // [Вошел] (и) отпер свой чердак (...) — в следующей редакции стали читаться: (...) Домой приехав, мой сосед // Вошел в свой скромный кабинет (...)* (5: 413, 406, 394).

⁵⁰ См. об этом ЛН 1952: 93; Черейский 1988: 275, 492; Шаврыгин 1996: 42—43, а также Летопись, 3: 130 (где вместо графа В. В. Мусина-Пушкина по оплошности упомянут граф В. А. Мусин-Пушкин).

⁵¹ Вспомним об участии Пушкина в написании коллективной дружеской записки Толстому в конце 1828 — начале 1829 г. и о его черновом письме Толстому от 27 мая — 10 июня 1829 г.

⁵² Значение временной направленности в семантических вариантах слова *мечта* обусловлено контекстуально. Видимо, собственной семантике их инварианта принадлежит лишь указание на сам ментальный акт или его продукт, суть которых — не «мысленный образ чего-либо желаемого» (БАС, 6: стб. 945) и не «мысль, дума о чем-либо сильно желаемом, манящем» (МАС, II: 264), а просто 'мысль, размышление, дума', без ограничивающих уточнений. Указанное значение обнаруживается:

а) в случаях, когда телеологическое понимание ментального акта полностью исключается: *О Гнедич, может быть, с тобою // Навек, мой друг, простился я! // Увы! сей грустною мечтою // Полна теперь душа моя!* (М. Загоскин, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821); *Есть час блаженства для поэта, // Когда мгновенною мечтой // Душа внезапно в нем согрета // Как будто огненной струей* (А. Хомяков, «Два часа», 1831);

б) в случаях совмещения в одном контексте обоих семантических вариантов, когда происходит «взаимопогашение» их временной ориентации: *«...» Свой одр в мечтах я окружал // Судьбой отнятыми друзьями, // В последний раз им руки жал, // Молил последними словами // Мой бедный гроб не провожать, // Не орошать его слезами, // Но чаще с лучшими мечтами // Мечту о друге съединять* (А. Дельвиг, «К Софии», 1823); *«...» Кипит, кипит беседа их, // И носятся в мечтах живых // Они к грядущему, к былому «...»* [М. Лермонтов, «Измаил-Бей», 479—481 (1832)]; *«...» Татьяна смотрит и не видит, // Волненье света ненавидит; // Ей душно здесь... она мечтой // Стремится к жизни полевой, // В деревню к бедным поселянам «...»* («Евгений Онегин», 7, LIII, 5—10);

в) при неопределенности контекста, не дающего достаточных показаний о телеологии и временной ориентации действия: *«...» В поле чистом, // Луны при свете серебристом, // В свои мечты погружена, // Татьяна долго шла одна «...»* («Евгений Онегин», 7, XV, 5—8).

Ср. аналогичную ситуацию с отыменным глаголом *мечтать* 'думать, мыслить, размышлять': *«До какого униженья, — // Он мечтал, потупя взор, — // Довели нас заблужденья // И погибельный раздор!»* (К. Рылеев, «Михаил Тверской», 1822); *В давно минувших временах // Крылатой думою летая, // О прошлых он мечтал боях, // Гремевших на берегах Дуная* (К. Рылеев, «Святослав», 1822); *«Она мечтала о трудном положении отца, о милом друге, о счастье быть с ним вместе «...»* [Корнилович 1957: 30 («За Богом молитва, а за царем служба не пропадают», опубл. 1825)]; *Сидит, и бури вой мятежный // Уныло слушает она, // Мечтая: «нет со мною друга; // Ты мне постыл, печальный свет! «...»* [Е. Боратынский, «Эда», 593—594 (1823)]; *Царевна смотрит и мечтает: // «Она ли мне предпочтена!»* [Е. Боратынский, «Переселение душ», 245—246 (1828)]; *«О море, море! — я мечтал // В раздумье грустном и глубоком. — // Кто первый мыслил и стоял // На берегу твоём высоком?»* (А. Полежаев, «Море», 1831); *«...» воспоминаю // Минувшей битвы гул и звук // И с удивлением мечтаю: // О воин гор, о Герменчуг!* (А. Полежаев, «Герменчуг», 1832).

⁵³ Ср.: *«...» Чем жизнь скупее на цветы, // Тем умильней и слаще // Души обратные мечты* (П. Вяземский, «Родительский дом», 1830)

О «чердаках», «вралях» и метаязыке литературного гела

⁵⁴ Ср.: Сижу задумавшись; в душе моей мечты; // К протекшим временам лечу воспоминаньем... (В. Жуковский, «Вечер», 1806); звезда Врачует грудь мечтой целебной! // Предавшись ей, я вижу вновь // Мои потерянные годы. // Дни счастья, дружбы и свободы. // И помню первую любовь (А. Полежаев, «Звезда», конец 1820-х годов?); (...) Унынием встревоженный, в мечтах // Платил я прошлой жизни дани (В. Туманский, «Видение», 1822); Быть может, некогда твой счастливый поэт, // Беседуя мечтой с прошедшими веками, // Расскажет стройными стихами // Златые были давних лет; // И, вольный друг воспоминаний, // Он станет петь дела отцов (...) (Н. Языков, «Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих», 1822); Одною памятью еще мы в свете живы, // Елишь призраки наш мертвый красят сон; // Всё счастье в мечтах; и подлинно счастливы, // Что не всего лишил нас злой судьбы закон. // И на крылах воображенья, // Как ластница, скиталица полей, // Летит душа, собирая наслажденья // С обильных жатв минувших дней (П. Катенин, «Мир повта», 1822); Не знаю, милая, как ты, // Но я не позабуду про былое: // Мне утешительны, мне сладостны мечты, // Безумство юных дней, тоска и суеты (...) (К. Рылеев, «Воспоминания», 1823); (...) много вспомню я — // И умиленно мечтою // Душа разнежится моя! (Н. Языков, «На смерть няни А. С. Пушкина», 1830); То, возвратясь мечтой в тот возраст свой веселый, // Когда он отроком счастливо расцветал (...) (П. Вяземский, «Дом Ивана Ивановича Дмитриева», 1860); и др.

⁵⁵ Как видим, мечты-воспоминания (и равным образом подозрения, опасения, страхи etc.) можно усыплять; ср. еще: «О, мой почтенный друг! зачем тревожите вы терзательные мечты, которые задушил — у с п и л я, по крайней мере!» [Полевой 1986: 185 («Живописец», 1833)]; Счастливый сынъ уединенья, // Гдѣ сердца вѣтренные сны, // И мысли праздные стремленья // Разумно мной усыплены (...) (Боратынский 1842: [8]—[9]). С другой стороны, их можно будить и пробуждать: О ком, мой сын, напомнил ты? // Что от меня узнать желаешь? // Какие страшные мечты // Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!.. (К. Рылеев, «Рогнеда», 1822); ср.: (...) И я напрасно упованье // Въ душѣ измученной бужу [Боратынский 2002, 1: 111 («Элегия», 1819)]; ср.: Явленьем пасмурным своим // Ты будишь грустные мечтанья, // Любви напрасные страданья // И гордым разумом моим // Чуть усиленные желанья (А. Пушкин, «Месяц», 1816).

⁵⁶ В октябре 1822 г. Пушкин писал брату: «(...) вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности к.(нязя) Шаховского» (13: 51).

⁵⁷ Для сравнения еще один пример пушкинской генерализации как средства освобождения от «личностей и неприличностей». В черновом варианте отрывка «Участь моя решена...» (1830) было: «Так поэма, обдуманная в уединении (...) потом (...) продается в книжной лавке (...) и (...) критикуется в [Северн(ой) Пчеле] журнале дураком» (8, кн. 2: 957). Конец этой фразы переработан: «(...) и критикуется в журналах дураками» (8, кн. 1: 408).

«БЕСКОНЕЧНЫЙ КОТИЛЬОН»
(«Евгений Онегин», 5, XLIII, 14 — 6, I, 7)

Что знает сегодняшний читатель о котильоне? «Ничего или очень мало». И это малое держится, как правило, на двух строках из «Евгения Онегина»¹. В последних строфах главы пятой, на именинном балу Татьяны, вальс [*Однообразный и безумный; // Как вихорь жизни молодой, // Кружится вальса вихорь шумный; // Чета мелькает за четой* (5, XLI, 1—4)] сменяется мазуркой [*Мазурка раздалась* (5, XLII, 1)], а за мазуркой следует котильон, который завершается уже в первой строфе главы шестой:

〈...〉 Поэт конца мазурки ждет
И в котильон ее 〈Ольгу〉 зовет.

(5, XLIII, 13—14)

〈...〉 И бесконечный котильон
Ее 〈Ольгу〉 томил как тяжкий сон.
Но кончен он.

(6, I, 7—9)

Автор романа, углубляя и эмоционально обогащая наше представление о хорошо знакомом вальсе и о значительно менее знакомой мазурке, которая давно вышла из быта и исполняется только профессиональными танцорами, в то же время почти ничего не говорит нам о котильоне. Дойдя до последних строк пятой главы, современный читатель может оказаться в затруднительном положении. Он не понимает, что стоит за словом

котильон, и ему приходится рассчитывать лишь на показания контекста, который между тем не дает опоры и необходимых семантических ориентиров. Не владея языком пушкинской эпохи, и в частности его фрагментом, обслуживавшим сферу танцев, читатель не знает такого, как в романе, использования глагола *звать* и не знаком с таким выбором между предложениями *в* и *на*. Зато он твердо знает, что сегодня, обращаясь к будущей партнерше по танцу, ее приглашают *на* вальс, танго, фокстрот..., а не *зовут в...*², и потому, подсознательно ассоциируя *котильон* с *павильоном*, может решить даже, что Ленский зовет Ольгу в какое-то специальное помещение в доме или вне дома³.

Прочитав в первой строфе следующей главы о «бесконечном котильоне», читатель преодолевает свои заблуждения. Но из того, что Ленский уехал, а Ольга и Онегин не покидали бальной залы, он поймет только одно: *котильон* — это какой-то бальный танец. И поскольку сегодня котильон не танцуют, значит, танец старинный. Именно такое определение — «старинный танец», только с уточнением «разновидность кадрили», предложит рядовому читателю самый доступный из толковых словарей (Ожегов 1972: 276). Здесь же можно справиться, что *кадриль* — это «танец из шести фигур, исполняемый четным количеством пар, а также музыка к этому танцу» (Ожегов 1972: 239)⁴.

Несомненно, однако, что, выводя читателя из состояния полной неопределенности, эта информация почти ничего не дает ни уму его, ни сердцу, ни воображению. Она слишком мало влияет на восприятие конкретного романного эпизода, на понимание психологии и действий каждого из трех его участников. Действительно, котильон, если видеть в нем только старинный бальный танец, — это всего лишь самодовлеющая частная подробность русской бальной культуры первой трети XIX в., мелкая деталь, которая для понимания «Евгения Онегина» значит не больше, чем предшествующие котильону вальс и мазурка. По всей вероятности, именно так и относятся к онегинскому котильону пушкинисты — иначе чем объяснить, что комментаторы «романа в стихах» дружно обходят обсуждаемый эпизод полным молчанием?

Н. Л. Бродский окончил комментарий к пятой главе пояснением к имени живописца Альбана, упомянутого в строфе XL, полагая, видимо, что последующие четыре строфы (те самые, где разыгрывается танцевальная история с триадой *вальс — мазурка — котильон*) не содержат в себе ничего, что могло бы доставить читателям затруднение. Не обмол-

вился он и о первой строфе шестой главы, в которой танцевальная часть именинного бала завершается (см. Бродский 1950: 235, 236).

Ю. М. Лотман (1980: 285) свои пояснения к главе пятой заключает истолкованием строки о «пошлом мадригале» (5, XLIV, 7) и тоже до котильона не доходит. Это по-своему мотивировано: тема «бал» вынесена в специальный раздел предпосланного «Комментария» «Очерка дворянского быта онегинской поры» (Лотман 1980: 79—91; о котильоне см. с. 89). Из «Очерка» неопровержимо следует, что для Ю. М. Лотмана котильон был не более чем бытовой подробностью, к развитию романного действия не причастной. Связывая описание танца в строфе XLIII белой рукописи с описанием начала именин (5, XXV), а всю эту картину в целом — с «дьявольским шабашем сна Татьяны», Лотман высказывает затем важную мысль о том, что в inferнальном свете этого «странного сна» можно увидеть, как «в недрах» «каждодневного мелкопоместного быта, подготавливая возможность трагической развязки», «созревает убийство Ленского и обстоятельства, разбившие жизнь Татьяны» (1980: 284—285). Однако подготовка трагедии происходит, по мнению исследователя, на пространстве «между куплетами Трике и мазуркой Буянова» (Лотман 1980: 284). Таким образом, котильон исключается из числа сюжетно и психологически значимых элементов текста.

В. В. Набоков щедро посвятил три страницы своего «Комментария» Альбану, сравнил строку о вальсе с описанием «безумного вальса» у Боратынского, отметил «тавтологические элементы» в «неудачных» строках 11—12 строфы XLI (*Спустя минуты две, потом // Вновь с нею вальс он продолжает*) и галлицизм в обороте *Не верит собственным глазам* (5, XLI, 14). Миновав строфу XLII (посвященную мазурке), комментатор сообщает сведения об исключенной строфе XLIII (где описывается продолжение мазурки); объясняет, что русской пословицей *Чем дальше в лес, тем больше дров* (6, XLIII, 10) «Пушкин подчеркивает грубую вульгарность провинциальных балов», и проч. (Nabokov 1975, 2: 541—547). Но о котильоне ни слова, хотя именно Набоков, сохранивший о нем живые впечатления, мог бы понять и объяснить, что связывал Пушкин с этой, казалось бы, частной деталью бального быта.

Чтобы приблизиться к этому пониманию, заметим прежде всего, что общепринятый «устав» бала как ритуализованной формы светского праздника регламентировал, хотя не жестко, и количество, и стилистику, и порядок следования танцев. По справедливому замечанию О. Ю. Захаро-

вой, «бальный ритуал сравним с законченной по смыслу художественной фразой» (1999: 8). По нормам своей собственной «грамматики» бал открывался полонезом, за которым следовали вальс, мазурка, французская кадрили⁵ и котильон.

В ходе вечера отдельные танцы могли повторяться, но всё же порядок их следования был настолько определенным, что каждый из них мог становиться метой времени. Если события повседневной жизни соотносились во времени с трапезами (до, во время и после завтрака, обеда и ужина) или с церковными службами (перед, во время и после заутрени, обеден и вечерен), то события бала (приезд и отъезд того или иного участника и всякие происшествия на балу) соотносились с началом, серединой и концом номеров танцевальной программы. Так, 29 апреля 1834 г. Пушкин получил письмо от жены из Москвы, утешившее его сообщением о том, что она и дети здоровы, что, участвуя в пасхальных московских праздниках, она не загуливается и с бала уезжает рано, «прежде мазурки» (15: 136). Ср. также в рассказе А. Я. Булгакова о бале у Лазаревых 15 января 1831 г.: «Ну ужь балъ задали Лазаревы вчера, хоть куда! Какъ я легъ вчера (по возвращении. — А. П.), такъ было пять часовъ, а мы поѣхали, такъ начинался котильонъ» [Булгаков 1902, № 1: 47 (письмо К. Я. Булгакову 16 января 1831 г.)]; «Вѣчеромъ потѣшили Катеньку и повезъ ее на баликъ къ имянинницѣ кн. Вяземской. За то и она меня потѣшила и уѣхала преждѣ окончанія котильона» [Булгаков 1902, № 2: 308 (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 19 сентября 1832 г.)].

С мазуркой как центральным танцем бального торжества соотносится приезд Онегина на петербургский бал, когда тот был в самом разгаре (1, XXVIII, 6), — тем самым «подчеркивается модное опоздание Онегина» (Лотман 1980: 83). «Но и на балу у Лариных, — продолжает Ю. М. Лотман, — полонез опущен, и описание праздника начинается со второго танца — вальса» (1980: 83). Из этих слов не ясно, что имел в виду ученый, говоря о полонезе: «опущен» ли он Пушкиным в описании или в фабуле, в самой программе ларинского бала?

Анализ пушкинского текста заставляет думать, что верно второе: полонеза у Лариных не было. Строфа XXXIX говорит об этом явно:

Но чай несут: девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Флагот и флейта раздались.

Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блестит во всей красе.

Полонез⁶ представлял собой «торжественный бальный танец-шествие», участники которого «двигались парами мягким, изящным шагом, акцентированным на третьей четверти плавным приседанием. После торжественного шествия П(олонез) исполнялся с разл(ичными) фигурами, сохраняя при этом церемониальный характер» (ЭМС, 211—212), и «умчать» в такой танец Пустякову, при всей «заложенной» в ее имени пустоте и легкости, не мог бы даже Буянов с его фамильно означенной неумейной энергией. Конечно, Буянов «умчал» Пустякову в вальс, описание которого (после строфы XL, содержащей лирическое отступление с воспоминанием о петербургском бале) продолжается в строфе XLI:

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.

Очевидно, Пушкин намеренно исключил полонез из программы ларинского бала, превратив оставшиеся три танца в три акта разыгравшейся здесь трагедии. И именно с котильоном связан ее третий, завершающий акт.

Это произошло не потому, что котильон просто волей случая оказался последним танцем ларинского бала, а потому, что он должен был быть последним, завершающим бальное празднество: это его свойство предопределялось и неписаными светскими правилами, и «писаными» танцевальными пособиями (учебниками, «учителями» и словарями танцев), а следовательно, входило в круг общих, фоновых знаний пушкинской эпохи о бале вообще и о котильоне в частности. «Известно, какое важное место занимал котильон в танцевальных собраниях: известно, какое воодушевление и какое разнообразие развивал он на окончании балов,

которые считались бы неполными, если бы не имели эпилогом котильона», — писал автор одного из таких танцевальных пособий, «славный парижский танцмейстер» Целлариус (Ивановский 1948: 145). Ср. в позднейшем руководстве о правилах хорошего тона: «Котильонъ, какъ извѣстно, требуетъ много времени, и потому его назначаютъ самымъ послѣднимъ и по окончаніи его идутъ къ ужину» (ХТ 1881: 367; ср. также ЭС: стб. 439; БЭС: 417—418). Таковы же прямые свидетельства современников: «К концу бала стали собираться пары на котильон; Мельский подле Софьи, и, благодаря длинным расстановкам бесконечного танца, острые их замечания в полной свободе переливались от одного к другой и наоборот»; «Всему бывает конец: и котильон, иногда продолжающийся до утра, особливо в провинциях, на этот раз кончился довольно скоро» [Сомов 1984: 94, 95 («Юродивый», 1827)]. Принося радость и веселье танцующим (*Я буду веселей, — // Лишь только б котильон начался поскорей!*), этот бесконечный, затягивающийся далеко за полночь танец был мучением для уставших оркестрантов: *Оркестр усталый, полуспящий // Давно уж проклял котильон* [К. Масальский, «Модест Правдин, или Терпи казак — атаман будешь», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 506)]. Всего этого, конечно, не мог не учитывать автор «Онегина», и «Словарь языка Пушкина» оправданно включает данный признак в определение котильона: «*Кадриль, перемежающаяся разными другими бальными танцами, которой обычно заканчивались балы*» (СП, II: 383). Поэтому формулировка Ю. М. Лотмана: «Котильон — вид кадрили, один из заключающих бал танцев (...)» (1980: 89; разрядка в источнике. — А. П.) — закрывает от нас понимание ситуации с котильоном в «Онегине», требуя существенного уточнения: не «один из заключающих», а *з а к л ю ч а ю щ и й!*

Онегин, приглашая Ольгу на котильон, и Ольга, обещая котильон Онегину, не могли не сознавать, что, лишая Ленского котильона, они тем самым лишают его последней надежды на бальную близость с Ольгой в этот вечер вообще. И все-таки они поступили так, как поступили. Оказавшийся во власти призрака и забывшийся Онегин — из ложной идеи «мести», овладевшей его помраченным сознанием (а отнюдь не для развлечения от скуки, как думают многие). Заигравшаяся Ольга — конечно, не по развращенности и не из склонности к изменам, в чем готов был обвинить ее Ленский, сколько по безответственной ветрености, по детски легкомысленной бездумности. Но получившему один за другим два двой-

ных и ничем в его понимании не спровоцированных удара Ленскому, находящемуся в состоянии полного душевного смятения, было, конечно, не до глубин психологии показавшегося предателем друга и «изменившей» возлюбленной. В запальчивом отчаянии он думал лишь о том, что, отказав ему в вальсе, а затем в мазурке⁷, Ольга хотя бы в котильоне загладит свою вину, но теперь не осталось и этой надежды: после котильона не может быть ничего — это конец! Вот откуда этот крик души:

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...

(5, XLV, 1—4)

Больше того, Ленский еще знал, как знали и все другие, что котильон — не просто последний танец, завершающий бальное празднество. Это веселый и радостный игровой танец. Давая котильону определения вроде: «Кадриль, перемежающаяся разными др(угими) танцами» [ТС, I: стб. 1488 (с пометой «истор(ическое)»)]; «Старинный танец, состоявший из нескольких фигур, близкий к вальсу в быстром темпе; позже — кадриль, между фигурами которой вставляются другие танцы: мазурка, вальс, полька» (БАС, 5: стб. 1536); «Старинный танец — кадриль, фигуры которой перемежаются вальсом, полькой и другими танцами, а также музыка к этому танцу» (МАС, II: 115) и т. п., — словари (и в том числе «Словарь языка Пушкина») упускают одну из важнейших характеристик котильона — его связь с игрой.

Определение котильона как «танца-игры» (СИС: 258; Лотман 1980: 89; ОШ: 301; Крысин 1998: 364; и др.) — безусловно, правильное, но и оно недостаточно ясно и требует уточнения. Называя этот танец «игрой» и характеризуя его как «самый непринужденный, разнообразный и шаловливый» (Лотман 1980: 89), мы всё еще не говорим главного: в котильоне объединяются «самостоятельные танцы и игры» (СИС: 370; ЭМС: 118). Строго говоря, это не «танец-игра», а танец с играми. Как говорится в одном из описаний котильона (1825), «там делают и крест, и круг, и сажают даму, с торжеством приводя к ней кавалеров, дабы избрала, с кем захочет танцевать, а в других местах и на колена становятся перед нею; но чтобы отблагодарить себя взаимно, садятся и мужчины, дабы избрать себе даму, какая понравится (...) Затем следуют фигуры

с шутками, подавание карт, узелков, сделанных из платков, обманывание или отскакивание в танце одного от другого, перепрыгивание через платок высоко (...)» (Лотман 1980: 89)⁸. Ср. яркое свидетельство современника: «Танцовали без устатку: из кавалеров особенно отличился мой товарищ по Дерпту А. Н. Татаринов. Он явил при сей верной оказии чрезвычайную неустойчивость ног своих и, что еще важнее и реже, невероятную изобретательность ума при составлении фигур в котильоне, новых, трудных, иногда даже заимствованных и из жизни поселянина и из грозного быта воина! Эффект был блистательный! Знай наших дерптских! Всего разительнее была фигура, в которой — вообрази себе! — кавалер держит в правой руке обнаженную саблю и между тем вальсирует с дамою, его избравшею! Этим, так сказать, прекрасно-страшным подарком котильону обязаны мы, вероятно, подвигам графа Дибича-Забалканского и даже благополучному миру с турками, давшему нам возможность *потешаться* орудием брани, употребляя оное уже не на карание врагов отечества, а на увеселение наших любезных соотечественниц! На этом бале, который, конечно будет славен в летописях здешних потех, пробыли (...) до 2 часов пополудни» [Языков 1978: 152—153 (письмо к П. М. Языковой, 5 февраля 1830 г.)]. Не зная об этой особенности котильона, мы не сможем понять, что значил котильон с Ольгой для Ленского, какие надежды он с ним связывал и чего лишился⁹. Не сможем мы также оценить всю глубину контраста между тем, чем мог быть котильон для Ольги (при спокойном и естественном развитии событий), и тем томительным «страшным сном», каким он для нее обернулся.

Но и это еще не всё. Котильон, как свидетельствуют источники, был не только самым последним, самым веселым танцем бального празднества, но и самым длинным его танцем. Он мог длиться от полутора до двух часов и более¹⁰, что было мукой для нетанцующих участников бала; так, в 20-х числах апреля 1819 г. В. А. Пушкин писал Вяземскому: «Шаровской трудится над спектаклем, который завтра будет у Потемкиных. Графиня празднует свои именины; после спектакля будет бал, без сомнения, несносный *cotillon* и прекраснейший ужин...» (Арзамас, 2: 437—438). Котильон был мукой и для посторонних друг другу людей, волею случая сведенных в котильонной паре: «Попурри и котильон (которые сливаются ныне воедино) — роковые танцы для незнакомых между собою. Я всегда называл их двухчасовую женитьбою, потому что каждая пара испытывает в них все выгоды и невыгоды брачного состоя-

ния» [Бестужев-Марлинский 1981, 1: 209 («Испытание», гл. III; 1830)]. Но он был радостью для большинства его непосредственных участников и счастьем для влюбленных, кому котильон предоставлял законное право для долгого tête-à-tête: «{...} подъ шумокъ котильона (танца, котораго изобрѣтеніе я ставлю наравнѣ съ паровою машиною, компасомъ и летианіемъ по воздуху) рѣчи льются, улыбки расцвѣтають, и вотъ красавицѣ снятся эполеты суженаго, а тамъ и кольца, какъ въ руку сонъ. Завтра же, не далѣе какъ завтра, буду я танцовать котильонъ съ нею, и — прости мнѣ мое ребячество — мнѣ ужъ воображается, будто я собираюсь на балъ, верчусь передъ зеркаломъ, рву съ нетерпѣнья перчатки... Минуты длятся, часы стоятъ, кажется, вѣкъ не придетъ пораніе...» [Марлинский 1906: 36 («Роман в семи письмах», 1824)]. Ср. рассказ Вяземского о завязке любовного романа с развернутой характеристикой котильона в матримониальном ключе: «Онъ сталъ ухаживать за нею и, казалось, не совѣмъ безуспѣшно: молодая дѣвица отличала его между другими. На балахъ долгіе танцы, какъ безконечный котильонъ, о которомъ графъ Фикельмонъ сказалъ (цитируя Ж.-Б. Руссо):

Cette image mobile
De l'immobile éternité

(= этот подвижный образ недвижимой вечности) — почти всегда ихъ соединяли. Частые котильоны двухъ молодых людей были въ своемъ родѣ предварительныя помолвки» (Вяземский 1883: 144). И тут же находим запись воспоминания набожной польской аристократки, поведавшей, что «въ молодости ея, молитва на всякій обиходъ дня, была ей такъ нужна и такъ привычна, что, готовясь быть вечеромъ на балѣ, она поутру молила Бога въ косціолѣ, чтобы такой-то кавалеръ, который занималъ ея думы, пригласилъ ее на котильонъ {...}» (Вяземский 1883: 229). Заметим: на котильон! ¹¹

Вот почему Ленский покинул бал: *Не в силах Ленской снести удара; // Проказы женские кляня, // Выходит, требует коня // И скачет* (5, XLV, 9—12). Он скрылся (6, I, 1) сразу же, как только понял, что котильон для него потерян. Остаться и долгие часы быть свидетелем того, как предатель-друг и изменница-возлюбленная танцуют, играют и радуются, казалось ему совершенно невыносимым ¹².

Вот почему для Ольги, которая, сидя рядом с «погрузившимся в думу» Онегиным ¹³, в душевной тревоге и беспокойстве смотрит на танцующих

со стороны, веселый танец-игра обернулся «страшным сном», а его объективная длительность превратилась в субъективную «бесконечность» (6, I, 7). И если эта последняя как феномен сознания героини прямо названа в тексте, усилена субъективизирующим сравнением и подчеркнута случайным созвучием с назойливым носовым ассонансом (*«...» И бесконечный котильон // Ее томил, как страшный сон. // Но кончен он*), то объективная длительность котильона, выделяющая, как и его финальное место, этот бальный танец среди всех прочих, получает у Пушкина иконическое воплощение специальными композиционными средствами.

Длительность долгого вальса (с тройною сменой партнеров) в начале ларинского бала и длительность долгой мазурки в середине празднества зримо выражены их искусно растянутыми описаниями, каждое из которых перешагивает через строфическую границу (причем строфы, посвященные вальсу, разделены еще вставной XLV строфой). Подобно этому сверхдлительность котильона получает столь же зримое выражение: две посвященные ему строфы расположены по обе стороны границы между главами романа. В «Евгении Онегине» это случай уникальный: все остальные «межглавные» границы, сопровождаемые лирическими отступлениями, рассекают длящееся течение жизни; лишь граница между пятой и шестой главами рассекает длящееся событие дня, и первая строфа новой главы непосредственно продолжает повествование, которое было прервано в последней строфе главы предыдущей (ср. Винокур 1941: 174—175; Сидяков 1978: 16).

Эти мощные пласты смысла скрыты в одном только слове: котильон.

Примечания

¹ Как показал специально проведенный мною опрос, о котильоне в другом тексте из школьной программы — в романе «Война и мир» (т. II, ч. 3, гл. XVII) — не вспоминает никто. Ср.: «Один из веселых котильонов, перед ужином, князь Андрей опять танцевал с Наташей» (Толстой Л. 1930, 10: 203).

² Ср. еще: «Графиня подала руку кавалеру и рассеянно повела его в ту кадрили, которая составила недалеко от входа в залу {...}» [Павлов 1989: 112 («Маскарад», гл. I; 1835)]; {...} Она, презрев толпою скучной, // Ко мне, ребенку, подошла // И тихо в польский увела (Н. Огарев, «Зимний путь», 1854—1855). Отмечу заодно, что в ту пору танц-партнеры не только *звали и вели*, но и брали друг друга в тот или иной танец: «Я узнал от нея (Ольги), что послѣ князя П. М. Волконскаго брали ее танцовать П. П. Новосильцовъ, графъ Чернышовъ

и Бенкендорфъ»; «Государь, оттанцовавъ съ классными дамами, началъ брать другихъ безъ разбора чиновъ (...)»; «Въ Собраніи Государь взялъ Катеньку на Польскій уже послѣ ужина (...)»; «Государыня танцовать изволила со мною Фр(анцузскій) кадрили и нѣсколько разъ брала меня вальсировать съ собою (...)» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 27 октября, 28 октября и 16 ноября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 114, 118, 141)]; «Но и его увлекали в танцы (...) Г... (...) никогда, однако ж, не брал самой княжны (...)» [Павлов 1989: 213 («Миллион», гл. IV; 1839)]. А поскольку дамы обычно сидели в ожидании приглашения на танец, кавалеры их поднимали: «(...) почтенный старичекъ (...) велѣлъ играть польскій и, поднявъ первую Нѣмку, пошелъ танцовать съ нею. За нимъ послѣдовали прочіе, и балъ закипѣлъ» (Греч 1873: стб. 330). В этой связи следует отметить и такие неизвестные современному языку явления, как:

а) использование названий танцев в формах множественного числа не только в значении рассредоточенного множества [ср.: «Если поедешь на бал, ради бога, кроме кадрили не пляши ничего» (14: 246; А. С. Пушкин — Н. Н. Пушкиной, 8 декабря 1831 г.)], но и в тех случаях, когда танец исполнялся несколькими обособленными группами участников бала: *Но полночь бьет, и вмиг мазурки // К отrade многих, начались. // Я взял Наташу. Понеслись // Мы с нею вихрем по паркету!* [В. Пушкин, «Капитан Храбров», гл. III (1828—1829)]; государь и государыня «вышли въ залу. Начались Польскіе (...) Ольга сѣла отдыхать возлѣ княгини. Начались Французскія кадрили». «Кадрили кончились, начались опять Польскіе» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 27 октября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 113—114)]. Отсюда также смещенное значение кадрили 'круг танцующих этот танец': «(...) я недолго остался на бале (...) Мне наскучило смотреть на французскіе кадрили, в которых не было ни одного для меня занимательного лица» [Вульф 1999: 109 (запись в дневнике от 24 ноября 1829 г.)]; «(...) В лад упоительным смычкам // Кадрили вьются здесь и там [Е. Боратынский, «На ложница», гл. III (1830—1831)]; гости «робкою толпою окружали блестящие кадрили и ели мороженое (...)» [Лермонтов 1957, 6: 184 («Княгиня Лиговская», гл. IX; 1836)];

б) беспредложное употребление названий танцев при глаголе *пойти* и возвратном *пройтись* 'станцевать, пройти танцуя': «Послѣ ужина Государь къ ней подошелъ (...) и пошелъ съ нею Польскій» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 21 октября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 106)]; «(...) мы с вами, сударыня, польскую пройдемся» [Островский 1949: 221 («Бедная невеста», V, 11; 1852)]; *Обращусь к соседке вашей: // Вальс со мной идете ль вы?* (К. Случевский. «Помню: как-то раз мне снился...», опубл. 1899);

в) беспредложное употребление названий танцев при глаголах со значением 'танцевать' (прыгать, скользить etc.): «Другая (двоюродная сестра) в Твери, вероятно, с моими сестрами прыгает французскую кадрили (...)» [Вульф 1999: 108 (запись в дневнике от 24 ноября 1829 г.)]; *Кадриль не прыгаешь*; *Кадриля не скользишь в собраньи*; «(...) Галоп не прыгаешь в собранье...» [А. Пушкин, «Калмычке», 1829, варианты (3, кн. 2: 727; 3, кн. 1: 159)].

«Бесконечный котильон»

³ Сказанное — не досужие домыслы, а отражение проведенного опроса, в котором участвовали студенты-филологи, преподаватели русского языка и литературы, кандидаты и доктора филологических наук, а также лица, не получившие специального филологического образования, — музыканты, историки и представители технической интеллигенции (всего около 100 человек). Что касается нередких в этом материале сближений *котильон* — *павильон*, то здесь срабатывает дежурный механизм осмысления непонятого слова через основанную на фонетической аттракции попытку включения его в ряд производных ближайшей словообразовательной модели. Ср. размышления Д. Н. Ушакова: «Студент, хороший студент, говорит мне: „Вот, Дмитрий Николаевич, не понимаю пушкинской фразы: он советует прислушиваться к говору московских просвирен“. Студент не знает, что такое *просвирня*. Он думает, что это, очевидно, какая-то мастерская: *столярня*, *слесарня* и т. д.» (Ушаков и др. 1983: 152). В качестве «ложных друзей» переводчика с пушкинского языка на современный могут выступать и другие паронимы. С. В. Шервинский, вспоминая, «как кие курьезы бывають на экзаменах или в сочинениях», говорил, что «нельзя винить юношу, который, излагая „Онегина“, написал, что на балу у Лариных Евгений пригласил Ольгу „в котельную“, чем и вызвал ревность Ленского. Откуда было ему знать, что такое „котильон“?» (Шервинский 1967: 336).

⁴ Как и другие имена танцев, слово *котильон* обозначает также музыку, под которую этот танец исполняется. Среди забытых произведений этого рода можно назвать «Котильон» М. И. Глинки; он был опубликован в «Лирическом альбоме на 1829 год», изданном в Петербурге Глинкой и Н. И. Павлищевым.

⁵ Или *французский кадриль* — в соответствии с мужским родом франц. *le quadrille*. У Пушкина мы находим примеры употребления только этого (ныне устаревшего) родового варианта (ср. СП, II: 269): «Французский кадриль заменил Адама Смита, [всякой] волочится и веселится как умеет» [«Роман в письмах», 1829 (8, кн. 1: 55)]; *Кадриля не скользишь в собраньи* [«Калмычке», 1829, вариант (3, кн. 2: 727)]; «Это всё равно, заметил он (Крылов), что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль» [Дневник, запись от 22 декабря 1834 г. (12: 334)]. Неправомерна поэтому конъектура большого академического собрания: «Я славно танцую, я танцую фр.(анцузскую) кадриль» [«Альманашиник», 1830 (11: 138)], — принятая в последующих изданиях, где этот текст подается как пушкинский, без угловых скобок.

⁶ От французского (*danse*) *polonaise* 'польский (танец)'; в пушкинские времена его называли *польский*. Ср. ремарку в «Борисе Годунове»: «Музыка играет Польской. Самозванец идет с Мариною в первой паре» (7: 55). То же в живом употреблении: «Государыня открыла балъ съ княземъ Дм(итріемъ) Вл(адимировичемъ) Голицынымъ», а Императоръ съ княгинею Т(атьяной) В(асильевной) (...) Случилось, что Польскій этотъ долго продолжался (...)» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 21 октября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 105)].

⁷ В этой связи заслуживают особого внимания пушкинские строки о начале мажурки, когда *Буянов, братец мой задорный, // К герою нашему подвел // Татьяну*

с Ольгой: проворно // Онегин с Ольгой пошел (...) (5, XLIV, 1—4). Не ясно, что за этим стоит: сознательное отвержение одной партнерши и столь же сознательный выбор другой — или же выбор через угадывание «условного имени» («качества»), загаданного либо самими танцорами, либо распорядителем танцев, когда не столько соображение, сколько случай решает дело и становится орудием судьбы. Вот — в дополнение к двум примерам Ю. М. Лотмана (1980: 89) — несколько картинок такого течения танцевальных событий. На балу в Московском Дворянском Собрании 22 октября 1831 г. «Урусова подвела Императриц^ю меня и фл(игель)-адъютанта Монрое. Que voulez vous, Pétersbourg ou Moscou? (= Что выбираете? Петербург или Москву?) — Moscou, отв^ечала тотчас Императрица, и, подходя ко мн^е сь жестомъ начинать вальсъ, сказала: Je parie que c'est vous qui êtes Moscou (= Держу пари, что это вы Москва). Также Государю подвели Катю и графиню Протасову, спрашивая: Jamais ou toujours? (= Никогда или всегда?) — Oh! Toujours plutôt (= О! Лучше всегда). Вышло, что Катенька была Toujours (= Всегда), и Государь, вальсируя с нею, сказалъ очень милостиво: Не беру слова своего назадъ, je ne demanderais pas mieux, que de valser toujours avec vous (= мне только и нужно, что всегда вальсировать с вами)» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 23 октября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 109)]. То же в пушкинском описании другого бала: «Подошедшие к ним (Томскому и Лизавете Ивановне) три дамы с вопросами — oubli ou regret? (= забвение или сожаление?) — прервали разговор, который становился мучительно любопытен для Лизаветы Ивановны». «Дама, выбранная Томским, была сама княжна ***» [8, кн. 1: 244 (Пиковая дама, гл. IV; 1833)]. Ср. еще: «Опершись у колонны, высокий молодой человек, разряженный со всей изысканностью английского денди, смотрел довольно презрительно на окружающую толпу (...)»

— Сомнение или надежда? — сказал вдруг флигель-адъютант, подводя ему двух дам.

— Сомнение, — отвечал он небрежно.

Выбранная дама улыбнулась» [Соллогуб 1983: 125 («Большой свет», 1840)];

«Надежда Алексеевна хотела было продолжать свои расспросы, но в это мгновенье девица, хозяйская дочь, подвела к ней Стельчинского и другого кавалера в синих очках.

— Жизнь или смерть? — спросила она ее по-французски.

— Жизнь! — воскликнула Надежда Алексеевна, — я не хочу еще смерти.

Стельчинский наклонился; она пошла с ним.

Кавалер в синих очках, назвавшийся смертью, пошел с хозяйской дочерью» [Тургенев 1980, 4: 430 («Затишье», 1854)].

Принимая во внимание стремительность пушкинских описаний, их предельный лаконизм и возникающую в результате смысловую и сюжетную неопределенность, трудно с уверенностью предпочесть какой-либо из вариантов интерпретации эпизода с мазуркой в «Онегине».

⁸ Из множества игровых фигур котильона Целларнус называет «Променад», «Круг втроем», «Цветы», «Колонны», «Подушка», «Карты», «Пирамида», «Змея», «Таинственные руки» и др. (Ивановский 1948: 146—149). Котильон с большим

«Бесконечный котильон»

количеством фигур назывался «високосным» («высокосным»); ср.: «На бале у австрийского посланника он напевал ей что-то на ухо в продолжение высокосного котильона: вероятно, читал седьмую главу „Онегина“!» [Бестужев-Марлинский 1995: 438 («Фрегат „Надежда“», гл. II; 1832)].

⁹ Ср.: «Богач Потемкин переходит в новый свой дом и в будущую пятницу, т. е. в день гулянья на Пречистенке, дает огромный бал, на котором, я думаю, только птичьего молока не будет. Жаль, что ты не в Москве. Ты бы на этом бале повеселился, *et comme vous aimez le cotillon* (= поскольку вы любите котильон), ты танцевал бы *cotillon* до упаду» [Пушкин В. 1990: 61 (В. А. Пушкин — П. А. Вяземскому, 28 марта 1818 г.)].

¹⁰ Цитированные выше правила хорошего тона о котильоне гласят: «Онъ продолжается иногда часа 2 и долъше (...)» (ХТ 1881: 367). Теория соответствует практике: «Ну, сударь, балъ былъ славный, человекъ съ 400 (...) Послѣ ужина начали котильонъ, который продолжался часа полтора. Государь ушелъ почивать, а Императрица пробытъ изволила до половины третьяго» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 9 ноября 1831 г. (Булгаков 1902, № 1: 133)].

¹¹ Ср. у того же Вяземского запись анекдота о москвиче, отце подрастающей дочери, который «жаловался на необходимость ѣхать на годъ за границу: „Да зачѣмъ же ѣдете вы?“ — спрашивали его. „Нельзя, для дочери!“ — „Развѣ она нездорова?“ — „Нѣтъ, благодаря Бога, здорова, но видите ли, теперь ввелись на балахъ долгие танцы, напримѣръ котильонъ, который продолжается часъ и два. Надобно, чтобы молодая дѣвица запаслась предметами для разговора съ кавалеромъ своимъ. Вотъ и хочу показать дочери Европу. Не все же болтать ей о Тверскомъ бульварѣ и Кузнецкомъ мостѣ“» (Вяземский 1883: 216).

¹² Была едва не закончившаяся дуэлью ссора в жизни восемнадцатилетнего Пушкина, когда в Михайловском, летом 1817 г., его дядя по матери «в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову, в которую (...) Александр Сергеевич по уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировой и... новыми увеселениями да пляской» (Павлицев 2003: 43; Летопись, 1: 117, 484 примеч. 103). Другая подобная история произошла между лицейскими друзьями поэта, когда обидчивый и вспыльчивый Кюхельбекер рассердился на сестру Пушкина Ольгу за то, что «она на танцевальном вечере у Трубецких выбрала в котильоне не его, а Дельвига» — но и в этот раз тоже обошлось без дуэли (Павлицев 2003: 50; Тынянов 1934: 369).

¹³ Сидение — это общая исходная позиция для всех участников котильона: «Для составления котильона нужно сесть вдоль стен вокруг зала полукрутом или полным кругом, смотря по числу танцующих. Все садятся парами; каждый кавалер должен иметь свою даму по правую сторону; между стульями не должно оставаться промежутка» (Ивановский 1948: 145). Кроме того, сидение — это специальная позиция для таких котильонных туров, как «Стулья» и «Заседание» (Ивановский 1948: 147). Ср.: «Сидя подле Полины в кругу котильона, я мечтал, что нас только двое в про-

странстве; все прочее представлялось мне слитно, как облака, раздуваемые ветром; ум мой крутился в пламенном вихре» [Бестужев-Марлинский 1995: 366 («Страшное гаданье», 1830)]. Приведем также описание современника, который, рассказывая о бале 9 августа 1833 г., устроенном в честь великого князя Михаила Павловича, считал необходимым заметить: «Мы пили здоровье е(го) в(ысочества); послѣ ужина начались уже не танцы, а истинные фарсы. Сперва присутствіе дорогого гостя удерживало всѣхъ, никто не садился даже въ котильонѣ, а тутъ уже пошла республика, молодежь же имѣла Шампанскаго сколько душѣ угодно» [А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 10 августа 1833 г. (Булгаков 1902, № 4: 596)]. Отсюда ясно, что Ольга и Онегин выпали из игры, и это позволяет нам глубже проникнуть в их душевное состояние.

**«...КАК СОЛЮ, ХЛЕБОМ И ЕЛЕЕМ,
ДЕЛИЛИСЬ ЧУВСТВАМИ ОНИ»
(«Полтава», I, 264—265)**

Встречающееся в «Полтаве» (1828) странное и, насколько можно судить, уникальное в русском поэтическом языке соединение фразеологизованной народной формулы *хлеб-соль* (*хлеб, соль*) с высоким славянизмом *елей* составляет образно-смысловой центр того фрагмента пушкинской поэмы (стихи 262 сл.), где говорится о бывшей дружбе ее героев — Мазепы и Кочубея, ставших заклятыми врагами:

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солю, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они (...)

На первый взгляд, этот пассаж как целое кажется безусловно понятным. Но если мы, преодолев инерцию легкого скольжения по уносящему нас потоку поэтической речи, медленно перечитаем его еще и еще, то обнаружим несколько узлов формального и смыслового напряжения, создаваемых нарушениями языкового стандарта, — для своего разрешения они потребуют ощутимых интеллектуальных усилий¹. Однако, даже справившись с этой задачей, читатель в недоумении остановится перед трехчленным сравнением третьей строки, где загадочный *елей* появляется в одном ряду с *солью* и *хлебом*.

Действительно, *хлеб-соль* (*хлеб и соль, хлеб да соль*) — в современном языке выражение уже устаревшее, восходящее к древнему, но по сей день искусственно сохраняемому славянскому обычаю подносить высокому гостю при торжественной встрече каравай хлеба и сосуд с солью в знак уважения и приветствия². Это выражение используется как обобщенное образное обозначение радушно предлагаемого угощения³, затем — домашней пищи вообще⁴ и (расширительно) полного жизненного обеспечения⁵. Отсюда:

а) *хлеб-соль* как этикетное приглашение к столу того, кто вошел во время еды⁶;

б) *хлеб-соль* как этикетное приветствие вошедшего, адресованное тем, кого застали за едой⁷;

в) целая серия таких фразеологизованных единств, как *вместе хлеб-соль есть* 'быть близкими приятелями, есть за одним столом'⁸; *благодарить за хлеб-соль* 'благодарить за угощение'⁹; *водить хлеб-соль* (с кем) 'бывать в гостях у кого-либо; поддерживать дружеские отношения с кем-либо'¹⁰; *забыть (чью или какую) хлеб-соль* 'проявить неблагодарность по отношению к тому, чьим гостеприимством пользовался' и т. п., а также (*раз*)*делить хлеб-соль* (с кем) и *делиться хлебом-солью* (с кем) 'быть в дружеских отношениях и питаться вместе с кем-либо'¹¹. Именно этот последний оборот (*делиться хлебом-солью*) и представлен в тексте «Полтавы» (в составе сравнения *делились..., как солью, хлебом...*). При этом, поскольку первая, связанная с дружбой компонента его семантики уже выражена в предыдущих строках (*⟨...⟩ с Кочубеем // Был друг Мазепа ⟨...⟩*), на собственную долю оборота остается и тем самым подчеркивается только идея совместной трапезы.

Больше того, инверсия, вызванная, вероятно, соображениями благозвучия (как *хлебом-солью...* → как *солью, хлебом...*), из-за нарушения фиксированного порядка членов фразеологизма расшатывает его смысловую целостность, возвращая этим членам утраченную или ослабленную семантическую самостоятельность (*хлебом-солью* 'пищей' → *солью, хлебом* 'солью и хлебом'). Семантический сдвиг может быть мотивирован условиями военного времени, в которых находились герои, когда при недостатке провианта могли возникать трудности даже с хлебом, а соль уж наверняка была чуть ли не в цене золота¹².

Эта реальная жизненная ситуация позволяет понять семантический механизм, надстраивающий над конкретным и обобщенным значениями рас-

считываемого двучлена еще и третье значение, которое в «Словаре языка Пушкина» в статьях «Соль» и «Хлеб» формулируется как «символ самого необходимого для существования» (СП, IV: 280, 813). Но это же символическое значение составители словаря без каких бы то ни было объяснений распространяют и на третий член рассматриваемого пушкинского комплекса — елей (СП, I: 756), предоставляя читателям самостоятельно решать загадку елея в этом тексте: и как реальной вещи, и как слова-символа. Показательно недоуменно-ироническое замечание осознавшего эту странность Н. И. Надеждина: «У нас на Руси — хлеб точно неразлучен с солью; но о елее упоминается только вместе с вином — да и то в одних святцах!..» (2001: 174) ¹³.

В самом деле, если елей (ц.-сл. *ѣлей* от греч. *ἐλαιον*) — это 'оливковое масло' (СП, I: 756) или — с уточнением — 'растительное, преимущественно оливковое масло, употребляющееся в церковном обиходе' (БАС, 3: стб. 1258; Ожегов 1972: 172; ОШ: 187), в сакральных обрядах елеопомазания ¹⁴ и соборования (елеосвящения) ¹⁵, то в какой функции оно могло бы так войти в быт и сознание Мазепы и Кочубея, чтобы они имели потребность и возможность делиться им в условиях кочевой, полной ратных трудов жизни? Тем более непонятно, как это оливковое масло могло оказаться в кругу предметов первой жизненной необходимости, а слово, его обозначающее, подняться на столь высокий символический уровень?

Нужно ли предполагать здесь использование елея (вместе с хлебом и солью) в качестве важнейшего пищевого продукта, как это имеет место в регионах естественного произрастания дикой маслины и ее культивирования в масличных садах (Суд 15, 5; 1 Цар 8, 14; Неем 5, 11; 9, 25), не говоря уже о промышленном производстве оливкового масла? ¹⁶ По-видимому, нет, поскольку для Малороссии конца XVII — начала XVIII в. оливковое масло было в еще большей мере, чем сегодня, предметом ограниченного и (особенно в годы военного лихолетья) чрезвычайно дорогого импорта.

В таком случае, может быть, следует думать об известном с древнейших времен применении елея в качестве «лампадного масла» — горючего вещества в осветительных приборах? Это «елей чистый, выбитый из маслин», используемый «для освещения, чтобы горел светильник во всякое время» (Исх 27, 20). О таком елее говорится в пушкинских «Подражаниях Корану»:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале¹⁷.

Имея в виду условия военного быта героев, и это маловероятно, так же как известное в старину использование елея (обычно низшего сорта) в качестве бытового косметического средства для умащения волос¹⁸.

Не подсказывают пути к искомому решению и лексикографические источники: в них мы не находим никаких прямых указаний на промежуточные семантические звенья, которые могли бы связать приписываемое слову елей символическое значение («самое необходимое для существования») с исходным предметным его значением. Приводимое словарями второе, переносное значение этого слова: «О чём-н(ибудь) утешающем, целящем душевные муки» (СП, I: 756); «О чем-н(ибудь) успокаивающем, исцеляющем душевные боли» (ТС, I: 833); «Утешение, успокоение, умиротворение» (БАС, 3: стб. 1258); «То, что успокаивает; средство утешения» (МАС, I: 465) — тоже как будто не может служить основой для интересующей нас символизации: трудно предположить, что два мужественных воина постоянно, как в хлебе и соли, нуждались в утешении, успокоении и умиротворении. Едва ли сказанное об их привычке «делиться чувствами» (о «разделе чувств», как сказали бы в пушкинское время¹⁹) может быть истолковано в таком ключе.

И тем не менее пушкинские строки, которые во всех указанных источниках приводятся в качестве иллюстрации переносного значения:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей, —

(«В часы забав иль праздной скуки...», 1830)

наводят на размышления и заставляют задуматься, во-первых, о том исходном прямом значении, которое могло быть физической первоосновой семантического переноса в ментальную сферу, и, во-вторых, о предлагаемых словарями средствах передачи вышеуказанного переносного значения.

Проясним логические отношения семантических элементов, лежащие в основе тропеической конструкции разбираемого фрагмента «Полтавы».

«...Как солью, хлебом и елеем, // Делились чувствами они»

Данное в тексте
(вторичная ментальная сфера)

врачевание души
елей речей благоуханных
отраден
ранам совести

Реконструируемое
(первичная физическая реальность)

врачевание тела
* благоуханный елей
* целебен
* телесным ранам

В адекватности предложенного понимания можно убедиться, взяв другой пушкинский текст, который легко подвергается аналогичному преобразованию. Этой цитатой «Словарь языка Пушкина» (СП, I: 756) также иллюстрирует обсуждаемое тропеическое значение еля:

Но слушай — чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой (и) глубокой
Елей надежды не живит....

(«И я слышал, что божий свет...», 1818)

Ср. другие примеры воплощения той же структуры в ряде возможных ее разновидностей:

Моя ж беседа — грусть; и нет,
Нет сил прогнать тоску унылу;
Она всяк день меня ведет
На хладную твою могилу.
Сойди ж и ты, о друг мой, к ней,
Зри скорбью грудь мою раздранну;
Пролив в нее отрад елей,
Ты облегчи сердечну рану.

(В. Капнист, «Бренность красоты», 1817)

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

(А. Хомяков, «Россин», 1854)

Поэт, на язы алополучья
Ты льешь свой внутренний елей,
И слезы перлами созвучья
Струятся из души твоей.

(П. Вяземский, «Федору Ивановичу Тютчеву», 1864)

Мы можем, таким образом, с большой долей уверенности предполагать, что переносное значение слова *елей* восходит к его физическому значению, отражающему лечебно-гигиеническую, целительную и живительную функцию оливкового масла, которое действительно — в чистом виде, вместе или в смеси с вином — с древнейших времен использовалось в народной медицине как смягчающее средство и, по-видимому, именно из этого источника было усвоено церковью и сакрализовано ею в названных выше специальных обрядах²⁰.

Но если так, то представляется, что в ряду словотолкователей ментальной семантики елея было бы правильное выдвинуть на передний план общую идею целения²¹ и (со специализацией) смягчения²². Что же касается существующих словарных толкований вторичной семантики елея, то их следует фундировать двояким образом. Одни случаи (там, где речь идет об «исцелении душевных мук») могут быть поняты как результат дальнейшей, «восходящей» метафоризации целения: *О, жар святых молитв, зажгись в душе моей! // Луч веры пламенной блесни в ее пустыне, // Прелейся в грудь мою целительный елей — // Пусть сны вчерашние не мучат сердца ныне!* [В. Тепляков, «Одиночество», 1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 678)]. В других случаях (связанных с темой «успокоения» и «умиротворения») материальная основа переносной семантики иная — скорее всего, это воспринимаемое как легенда, но вполне реальное и широко распространенное представление о применимости елея (или жидких масел вообще) для успокоения бурных морских волнений и спасения кораблей и моряков. Это представление, подкрепленное практикой, так или иначе засвидетельствовано разными источниками, среди которых технические руководства по судовождению²³, этнографические материалы²⁴, художественные тексты²⁵ и опирающаяся на многовековой технический и культурный опыт паремнология европейских языков, с такими ее поговорками, скажем, каковы английская *to pour oil (up) on the (troubled) waters* или итальянская *gettare olio sulle onde* 'лить масло на (бушующие) воды' (в переносном смысле — 'успокаивать вол-

нение; умиротворять; утихомиривать'). А вот примеры из русской литературы, в прозе и в стихах: Книга — «это верный друг, это маяк в сомнении, это якорь в буре страстей! Сколько раз, пылая гневом, хватался я за книгу, и елей лился на бушующие волны души моей!» [Бестужев-Марлинский 1995: 174 («Следствие вечера на Кавказских водах», 1832)];

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

(Ф. Тютчев, «Поэзия», опубл. 1850)²⁶

Еще один сложный метафорический поворот в семантике елея обусловлен его использованием в лампадах, о чем уже упоминалось выше. Отсюда комплекс идей, связанных

а) с рассеянием мрака невежества:

Когда мы приняли огонь самосоздания,
Природа спрятала в свою немую грудь
И тайны ясные, и легкие познания,
И тернием усыпала наш путь...
И бледен пламенник блестящий Прометея,
И стал уж он приметно догорать,
И мало сил у нас, и нет у нас елея
Божественный светильник поддержать.

(Н. Щербина, «Дар Прометея», 1842)

б) с рассеянием мрака безнадежности и неверия:

Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно чисто, непорочно?

(...) ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погашал,
И музы светлые сокрылись,

Я с страхом спросил глас совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь, как солнцем, озарен;
Ногой надежно ступаю;
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

(К. Батюшков, «К другу», 1815)

Ср. ранее у Капниста: *О вера! глас творца вселенной, // Святейший луч его лучей, // Отрада жизни угнетенной, // Душевна здравия елей!* («Ода на Счастье», 1792)²⁷.

*   *

*

Возвращаясь к переносному значению рассматриваемого слова ('целительное, смягчающее средство'), следует уточнить, что, по свидетельству Св. Писания, елей, и в частности особо ценная его разновидность, называемая словом *мвро* (< греч. *μύρον*) 'благоуханное масло' (ср. Мурьянов 1979: 146—150; 1999: 261—266), использовался для умащения тела²⁸, а также (что представляет особый интерес в связи с нашими размышлениями о прежних отношениях героев «Полтавы») для укрепления членов²⁹ и для смягчения ран: «От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места; язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и не смягченные елеем» (Ис 1, 6)³⁰. О том же говорит евангельская притча о добром самарянине, который, увидев израненного человека, сжалился и «перевязал ему раны, возливая масло и вино» (Лк 10, 34). Вино в таких случаях выполняло дезинфицирующую функцию: заменяя спирт, оно использовалось как средство очищения ран. Елей же должен был способствовать их смягчению и заживлению.

Древняя традиция дотянулась до нового времени, актуализуясь в условиях, когда обращение к профессиональной медицине было невозможным или она почему-либо оказывалась бессильной³¹. Например, так могло случиться в полевых условиях, во время военных действий: именно вином, как поведала в своих записках кавалерист-девица Дурова, она вылечила

рассеченную саблей ногу своей лошади, приказав «вымыть <ей> рану вином и заложить корпией» (Дурова 1983: 120), а спустя три года, в кампанию 1812 г., Дурова спасала, промывая вином, уже свою собственную ногу, раздробленную, распухшую и почерневшую (Дурова 1983: 155). Сегодня такое применение вина уже полностью забыто, но елей по-прежнему, как и в евангельские времена, — в чистом виде или в различных настоях — довольно широко используется в качестве домашнего лечебного снадобья, и для внутреннего применения, с целью общего оздоровления, так же как для наружного, чтобы уменьшить боль и в виде противовоспалительного средства³².

Принимая во внимание тяготы походной жизни, не позволявшей воинам сутками слезать с коня и доводившей всадников до полного изнурения, можно понять, какая реальность скрывается за «елеем», которым «в оны дни» делились Мазепа и Кочубей. При этом нельзя забывать, что елей для них был «святым» и «священным»: получаемый из рук служителей церкви³³ и применяемый с верою, он действовал не только своими природными целебными свойствами, но и сакральной силой почившей на нем благодати Святого Духа.

Примечания и экскурсы

¹ Я имею в виду сконцентрированные здесь на малом пространстве текста отклонения от нынешних языковых стандартов и/или стандартов поэтической речи пушкинской эпохи:

а) в области управления (<...> с Кочубеем // Был друг Мазепа <...>): *друг* с кем при стандартном *друг* кто кому и *друзья* кто с кем, *дружба* кого с кем, *дружит* кто с кем [такое нарушение стандартных связей управления объясняется широко распространенным в языке пушкинской эпохи явлением, когда в отношениях между производящими и производными происходит наследование управительных связей или обмен ими: *алкать* чего → *алчность* чего, *бежать* соблазна → *беглец* соблазна, *грустить* по чему → *грустный* по чему и т. п. (ср. наст. изд., с. 8)];

б) в области словозменения (слово *огонь* во всех значениях регулярно образует форму множественного числа): *огонь*¹ 'пламя' — *огни*¹ [ср.: <...> мы любовались // На товарищей, — они // Веселые разбегались // И скакали чрез огни! (Н. Языков, «К А. Н. В(ульф)у», 1828)]; *огонь*² 'свет' — *огни*² [ср.: «<...> я восхищался <...> жизнью на коне, отдыхаю в виду неприятельских огней, пылом кавалерийских атак, грозным величием битв, решающих судьбы народов» (Вульф 1999: 77—78; запись от 18 августа 1830 г.)]; *огонь*³ 'боевая стрельба' — *огни*³: *сквозь огни* [ср.: <...> Походы прозвени // Про витая с нагайкой, // Что в жупел и в огни // Летал перед

полками, // Как вихорь на полях (...) (К. Батюшков, «Мои Пенаты», 1811—1812)); ср. также *ving. поле победы* ('поле боя') — *pl. поля победы*;

в) в области средств образного выражения: *поле боя* → **поле победного боя* → *поле победы*.

² Ср.: «Там Трубечкой и Бецкой с хлебом да с солью государыню встретили» [Порошин 2004: 210 (запись от 18 мая 1765 г.)]; «Наследовав после отца небольшое имение в Рязанской губернии, он ездил осмотреть его, и так как в нем не было господской усадьбы, то ему и отвели у одного зажиточного крестьянина (...) простую светелку. У самой квартиры встретили его два старика, седые, как лунь, но еще довольно бодрые, судя по их летам, и, по обычаю, пали на колени и, кланяясь в землю, просили принять хлеб-соль» [Жихарев 1955: 186 (запись от 20 февраля 1806 г.)]; *Не лежат они (славяне) челом // Перед ним (римским царем) во прахе, // Не целуют ног его // В раболопном страхе, // Но подносят божий дар — // Хлеб и соль родную // И к великому царю // Держат речь такую: // «(...) Вот тебе от нас хлеб-соль! // И принять их просим // Так же честно, как тебе, // Царь, мы их подносим»* (А. Майков, «Никогда! Первая встреча славян с римлянами», 1870). То же в конструкции с выразительным противопоставлением: «Вчера полученный „Инвалид“ извещает о переходе наших войск границы Польского царства 24 и 25 января, которые жителями были встречены не только без сопротивления, но с хлебом и солью (...)» [Вульф 1999: 162 (запись от 15 февраля 1831 г.)]. Отсюда в тропеическом преобразовании: «Вотъ вамъ, другъ Одоевской, вотъ вамъ двѣ книжечки, которыя напомнятъ вамъ многое и многихъ, уже не сущихъ, но прежде вамъ милыхъ, вотъ вамъ *Лейпцигское* изданіе моей души, потому что я помню вашу ненависть къ стереотипамъ и въ ваше отсутствіе берегла вамъ этотъ гостинецъ для встрѣчи какъ поэтическую хлѣбъ-соль!» [БО: стб. 848 (Е. П. Ростопчина — В. Ф. Одоевскому, 4 февраля 1858 г.)].

³ Ср.: *Пусть будут во владеньи скромном // Цветник, при ручейке древа (...) За трапезой хлеб-соль простая, // С приправой ласк молодой жены (...)* (П. Вяземский, «Мои желанья», 1823); «Иду к нему (...) сяду на большое место под обрезами, насыщусь его хлебом с солью, напьюсь медов сладких и отблагодарю за гостеприимство» [Лажечников 1980: 53 («Страшный суд», 1831)]; «„Примите, всемиловѣйшая государыня“, — сказалъ отецъ мой, — „примите нашу сельскую хлѣбъ-соль. Я подношу вамъ тѣ коврижки, которыя вы изволили у насъ кушать, и липецъ, въ напоминаніе вашего посѣщенія названный мною царскимъ липцомъ“» (Глинка С. 1895: 31—32); «Часто к обеду (в доме А. Н. Оленина) собиралось незваных гостей человек до десяти и более; хлеб-соль была не причудливая, но сытная и вкусная» [С. Уваров, «Литературные воспоминания», 1851 (Арзамас, 1: 40)]. Именно это значение — в тех или иных частеречевых категориальных поворотах — несут все производные от хлеб-соль [устар. *хлебосоль* (Даль 1882, IV: 553)]: *хлебосальный* 'отличающийся радушным застольным гостеприимством', *хлебосольно* 'радушно, гостеприимно', *хлебосольство* 'радушное застольное гостеприимство', *хлебосол* (устар. *хлебосолец*) 'радушный хозяин дома, старающийся лучше накормить

гостей', хлебосолка 'то же о хозяйке дома'. Ср. также образованное по продуктивной в пушкинскую эпоху модели, но не зафиксированное словарями *хлебосольшиа*: «Не могу однакожь не погрузить с тобою о московской потере: старушка-Москва лишилась в старушке-Пашковой последней хлебосольши, последнего радушного приёма всех залетных птиц с берегов Сены и Невы на Чистые пруды!» [А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову, 5 ноября 1838 г. (Тургенев 1939: 218—219)].

⁴ Ср.: «О хлеб-соль русская! (...)» — // Вчера горланил Фирс с гостями // И, сидя у меня за лакомым столом, // В восторге пламенном, как истый витязь русский, // Съел соус, съел другой, а там сальмис французский, // А там шампанского хлебнул с бутылку он (...) (К. Батюшков, «Истинный патриот», 1810); Приятно находить, попавшись на чужбину, // Родных обычаев знакомую картину, // Домашнюю хлеб-соль, гостеприимный кров, // И сень, святую сень отеческих богов (...) (П. Вяземский, «Самовар», 1838).

⁵ Ср.: Но ты заплатишь мне теперь // За хлеб и соль мою, поверь [М. Лермонтов, «Боярин Орша», 471—472 (1835—1836)].

⁶ Ср.: «Садись с нами, — прибавил он, придвигаясь к столу, — хлеб да соль! На тебе ложку, повечеряем (...)» [А. Толстой, «Князь Серебряный», гл. 19; конец 1840-х годов — 1861 (1980: 218)].

⁷ Ср.: Как звездочка, манил меня час целый // Огонь ваш, братцы! Кашицу себе // Для ужина варите? Хлеб и соль! (А. Дельвиг, «Отставной солдат», 1829).

⁸ Ср.: «(...) ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили» [Гоголь 1940, 1: 242 («Ночь перед Рождеством»); ср. также БАС, 17: стб. 173].

⁹ В прямом и антифразисном употреблении: «Работники вышли из-за стола (...) и поблагодарили за хлеб за соль (...)» [Успенский 1986: 80 («Змей», 1858)]; «— Ну, спасибо тебе, дочка, — заговорила бабка Прасковья плаксивым голосом, — уважила мать-старуху, отблагодарила за хлеб-соль!» [Ю. Добряков, «Кружева» (цит. по БАС, 17: стб. 173)].

¹⁰ Ср.: А славный ваш Андрей Денисов с оным // Антихристом, еже Петр Первый естъ, // Хлеб-соль водил, копал ему руду (...) (А. Майков, «Странник», 1864); Повел хлеб-соль с исправником // И с прочей земской властью, // Гостишек полон двор! (Н. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», ч. II, гл. 3; БАС, 17: стб. 173).

¹¹ Ср.: «Явились старички и опять начали раскланиваться со мной, как со своим гостем.

— (...) Милости просим разделить с нами уголок и хлеб-соль» [Панова 1987: 346 («Степная барышня», 1855)].

¹² Между прочим, в крестьянском быту соль оставалась предметом острого дефицита еще и в конце третьей четверти XIX в. Достаточно вспомнить разговор помещицы и ее крестьянки из тургеневского стихотворения в прозе «Ци» (1878). Бары-

ня, пришедшая навестить свою крепостную в день похорон сына, застала ее «посреди избы, перед столом». Та «не спеша, ровным движением правой руки (...) черпала пустые щипцы со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой». «— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щипцам не пропадать же: ведь они посолённые». «Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево» (Тургенев 1982, 12: 152). Ср. сюжет другого стихотворения в прозе, рассказывающего «об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку послать...

— А мы ее... и не соленую, — ответил мужик, ее муж» [Тургенев 1982, 12: 153 («Два богача», 1878)].

¹³ В. В. Виноградов, процитировав это высказывание Надеждина, странным образом обошел его смысловую сердцевину, интересуясь исключительно проблемой «смещения» церковнославянского языка с «простонародным», пример чего он увидел в строках «Полтавы», где специально выделил сочетание *в оны дни*, а не *елей* (Виноградов 1935: 138). Ср., однако, в той же работе странное рассуждение о «сближении слова *елей* с церковно-книжной лексикой» (Виноградов 1935: 88). А к какой же другой области оно относится? Вспомним в этой связи ироническое замечание А. С. Шишкова, что глаголы *вымазать* и *умасстить*, «конечно, одно и то же значать, но столько же не прилично сказать: *вымазалъ главу елеємъ*, сколько *умастилъ колеса дегтемъ*» (1827: 340).

¹⁴ Елеопомазание — «обряд, совершаемый в православной церкви на праздничном всенощном бдении. Во время литии происходит благословение хлебов, пшеницы, вина и елея (оливкового масла, употребляемого для горения в лампадах пред иконами). Этим елеем, во время поклонения стоящей среди церкви иконе праздника (после чтения Евангелия), священник крестообразно помазует чело подходящих, произнося при этом: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа“» (ХЭС, 1: 528).

¹⁵ Соборование, или елеосвящение — «одно из семи таинств, по учению православной церкви, служащее духовным врачеванием для недугов телесных и духовных, а также дарующее больному оставление тех грехов, в которых он не успел раскаяться». «Веществом для Е(леосвящения) служит обыкновенное оливковое масло, с присоединением к нему некоторого количества вина (согласно Лк. 10: 34)» (ХЭС, 1: 528—529; 2: 600). Ср. также: «Болен ли кто из вас? пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего (...)» (Иак 5, 14—15). Вот яркое описание этого обряда в «Полтаве»:

Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он (Мазепа), окружась толпой врачей,

На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бранный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины;
И на коварные седины
Елей таинственный течет (III, 7—21).

Ср. в этой связи итальянское выражение *essere all'olio santo* 'быть на пороге смерти' (буквально «быть помазанным елеем, собороваться»).

¹⁶ Ср. в пушкинских «Подражаниях Корану» (1824) строки о Боге, который дал человеку плоды // И хлеб, и финик, и оливу, // Благословив его труды // И вертоград, и холм, и ниву. По ветхозаветным представлениям, елей (наряду с пшеницей и вином) — это пища, необходимая даже в голодные времена (3 Цар 17, 14 сл.; 4 Цар 4, 2); ср. «лепешку на елее» (Исх 29, 23), «опресноки, смешанные с елеем, и лепешки пресные, помазанные елеем» (Исх 29, 2), «приношение хлебное, смешанное с елеем» (Лев 7, 10), «пшеничная мука, смешанная с елеем» (Лев 14, 10), и др. Елей — это дар Божий (Втор 11, 14), благостыня Божия (Иер 31, 12), на него ложится благословение Божие (Втор 7, 13; 33, 24), лишение которого служит наказанием за неверие (Мих 6, 15), а изобилие является знаменем спасения (Иоиш 2, 19). Это и составная часть жертвы («приношение от Аарона и сынов его, которое принесут они Господу в день помазания его») из пшеничной муки, которая «на сковороде в елее» «должна быть приготовлена» (Лев 6, 20—21).

¹⁷ На этой реалии основан тютчевский образ, соединяющий определения запаха и цвета: *Смотри, как днем туманисто-бело // Чуть брезжит в небе месяц светозарный, // Наступит ночь — и в чистое стекло // Вольет елей душистый и янтарный* («В толпе людей, в нескромном шуме дня...», 1820-е годы). Ср. изысканно метафорические строки Д. Ознобишина: *Росой оливы благовонной, // Филена, свещник напои! // Он наших тайн посредник скромный, // Он тихо светит для любви* [«Гинекион», 4 (1828)]. Напомним также восходящий к евангельской притче о десяти девах (Мф 25, 1—13) образ светильника, в котором выгорел елей — символ душевной пустоты: *{...} И только я одно боюсь утратить — // К высокому стремленье и любовь // И на пути задержанной остаться // Губительной завистливою тьмой, // С светильником, угасшим без елея, // В юродивом бессилии души* [Н. Теплова, «Болит, болит мое земное сердце...», 1845 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 591)]. Образ «безъелейного светильника» находим в «Каноне великом» Андрея Критского: *Нѣгѣ ѣсмь чвѣгѣга, нѣгѣ ѣсмь ѣ бѣга, кѣпно ѣ вѣчери,*

свѣтѣльничъ отгасѣ, ѿкъ свѣдѣній, третѣтъ закамчѣся мнѣ сплѣтъ (...)» (Среда, песнь 4).

¹⁸ Ср.: «(...) Василий Борисыч, помазав власы своя елеем, то есть, попросту говоря, деревянным маслом (...) петушком прилетел в келарню добродушной Вири-ней» [Мельников 1976: 180 («В лесах», кн. I, ч. II, гл. 13; 1871—1875)].

¹⁹ *Раздел* — номинализованное процессуальное действие по глаголу *разделять* (что с кем): *Уж много лет прошло разлуки, // Давно твой друг осиротел; // Не услаждены сердца муки // Ничей не облегчал раздел!* (М. Милонов, «К сестре моей», 1812); «Постигаєте ли вы чувство нетерпимости раздела в любви?» [Бестужев-Марлинский 1995: 401 («Латник», 1831)]; «Любовь есть страсть исключительная: ей нестерпима мысль о множестве или разделе» [Бестужев-Марлинский 1995: 454 («Фрегат „Надежда“, IV; 1832)]; «(...) Чего недостает? — О! многого здесь нет! // Нет вас! — привычных дум живого нет раздела! // Внезапной мысли нет, которая б всплела // И мигом вспыхнула в внимающих очах! [М. Дмитриев, «Деревенские элегии», XV (1849)] и др. Неизвестное современному языку и не зафиксированное нашими толковыми словарями, это образование было широкоупотребительным в языке того времени, как и десятки отлагольных производных той же модели (бой 'биение', возврат 'возвращение', возлет, восклик, высказ, заман, миг 'мигание', накоп 'накопление', наход, окуп, охран, переклик, подел, подкид и мн. др.).

²⁰ Ср.: «Елеосвящение (Мр. VI, 13) есть Таинство, въ которомъ, при помазаніи тѣла елеемъ, призывается на больного благодать, исцѣляющая немощи душевныя и тѣлесныя» (Никифор 1900: 225); «(...) связь помазания и Духа является источником основной символики елея в хр(истиан)ских таинствах, особенно при соборовании больных, упомянутом уже в послании Иакова (Иак 5.14; ср Мк 6.13)» (СББ: 334).

²¹ Примечательно, что за ламентациями Щербины о целительной силе слова женщины тоже скрывается образ елея, изливаемого на душевные раны: *Мне потребна в такие мгновенья // Та мелодия женских речей, // Что мне в душу вливает забвенья // Всех текущих безжизненных дней (...) Но остались нам только мгновенья // До лучей повседневных вари... // Изливай мне на раны целенье: // Говори, говори, говори!* («Женские речи», 1853). Близкими словами А. К. Толстой говорит о целительной силе забвенья: *На раны сердца он (ангел сна) забвение прольет, // Пытливую тоску от разума отымет // И с горестной души на ней лежащий гнет // До нового утра незримо приподымет* («Усни, печальный друг, уже с грядущей тьмой...», 1856).

²² Большой академический словарь фиксирует следующие значения глагола *смягчать*: «1. Делать более мягким, эластичным, лишать твердости, жесткости. 2. Перен. Делать более снисходительным, доброжелательным благосклонным. 3. Делать более слабым, менее ощутимым. Смягчать боль. 4. О каких-либо чувствах, переживаниях и т. п.» (БАС, 13: стб. 1453—1454). Пример с елеем: «(...) много, много // Русской осени примет, // Что хандру мне наводила // Темной ночью, серым днем, //

Что мне раны растравляла // В сердце страждущем моем; // А теперь и в пору лета, // И в отавучих своих, // Льет елей на раны сердца, // Умягчая боли их... (Н. Щербина, «Лето на острове Уайте», 1861).

²³ Ср.: «Для ослабления ударов волн о судно при дрейфе, их разрушительного действия и заливания судна можно использовать животные и растительные масла, которые, растекаясь по морю, создают на поверхности воды тонкую пленку, что мешает образованию гребней волн, гасит их энергию, смягчает удары волн о судно» (Карлов, Певзнер, Слепенков 1972: 235); «Есть еще один способ помочь судну, попавшему в шторм, — выпускать масло. Парусиновые мешки с маслом подвешивают с обоих бортов в носовой части судна, чтобы масло, вытекая понемногу, сглаживало поверхность моря. Сам я никогда не прибегал к такому методу (...) Но вряд ли укоренилось бы выражение „лить масло в бурные воды“, если бы не применяли такой способ» (Хитон 1974: 189).

²⁴ Ср. свидетельство, отражающее практику поморских мореходов: «Во время шторма в море лили масло» (Дранникова 2002: 89).

²⁵ Ср., например, в романе Ж. Верна «Дети капитана Гранта» (ч. 2, гл. 5; перевод А. Бекетовой): «Джона Манглас внезапно осенила мысль о возможности найти выход.

— Жир! — крикнул он матросам. — Жир тащите, ребята, жир!

Команда сразу поняла мысль капитана. Он хотел пустить в ход средство, которое дает иногда прекрасные результаты.

Можно умерить ярость волн, покрыв их слоем жидкого жира. Этот слой всплывает на поверхность воды умеряет их удары. Средство это оказывает свое действие немедленно, но оно очень кратковременно. Едва успеет судно проскользнуть по такому искусственно спокойному морю, как волны начинают бушевать еще яростней, и горе тому, кто отважился плыть вслед за первым судном.

Команда, силы которой удесятерились сознанием опасности, мгновенно поставила на бак бочонки с тюленьим жиром. Из них топорами вышибли днища и подвесили бочонки над перилами правого и левого бортов.

— Готовься! — крикнул Джон Манглас, выжидавший благоприятного момента.

Через двадцать секунд яхта достигла края отмели, где бурлил и ревел прибой. Момент наступил.

— С богом! — крикнул молодой капитан.

Бочонки были опрокинуты, и из них полились потоки жира. Маслянистый слой мгновенно сковал пенившуюся поверхность моря. „Дункан“ понесся по успокоившимся водам и вошел в тихий залив по ту сторону грозных мелей; а за его кормой снова с неописуемой яростью забушевал освободившийся от пут океан» (Верн 1955: 276—277). Эти же представления в редуцированном виде сказались у Жуковского в балладе «Плавание Карла Великого» (1832): (...) *Но слово умное глухим // Есть капля масла в бурном море.*

²⁶ Ср. еще: *Смогла ли бы река забвенья // Залить страстей моих кипенья // Струю тихой, как елей?* (П. Катенин, «Сафо», 1838). Сравнительный оборот

с определением *тихий* в качестве эталонного признака елея (основанный на том, что струя масла, в отличие от воды, льется бесшумно) — это, по-видимому, калька итальянского *zitto (cheto) come l'olio*. Отражаемые текстами разрозненные признаки елея, такие, как его благоуханность, чистота, благородный янтарно-солнечный цвет, густая, медленно текущая струя [ср.: (...) *Так ныне мне уже милей // Напиток смирный и беспенный, // Вино густое, как елей* (...) (Н. Языков, «Малага», 1839)], ласкающий мягкий блеск идеально гладкой поверхности [ср. образ чаши, наполненной елеем, как символ мировой гармонии в стихотворении Ф. Глинки «Созерцание» (опубл. 1832)] и др., объединяются в интегральный комплекс «сладостности»: (...) *Всему виной кто жизнь дает. // Наводит ли он луч огнистый // На лозу — грозд кипит полней; // Сойдет ли к маслине ветвистой — // И точит сладостный елей* (Д. Ознобишин, «Космогония», 1829). Эта «сладостность» елея, говорящая всем пяти чувствам верующих, окружена могучей аурой радости и одухотворенного наслаждения — вот почему елей оказывается не только телесной, но и духовной пищей: «Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои (...)» (Пс 62, 6). Сказанным объясняется то, что елей в ветхозаветных текстах оказывается не только эталоном метафорической мягкости и нежности ментальных объектов [*мягче елея речь ее* (Притч 5, 3); *слова их нежнее елея* (Пс 54, 22)], но и эталоном высшей положительной оценки таких несубстанциональных сущностей, как отношения дружбы и братства: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе. [Это] — как драгоценный елей (...)» (Пс 132, 1—2). Отсюда и генитивная библейская метафора — *елей радости*: «(...) вместо плача — елей радости (...)» (Ис 61, 3); «(...) помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (Пс 44, 8; Евр 1, 9). Ср. в славянском тексте: «(...) *пома́за тѣ, еѣѣ, еѣѣ твоѣѣ еѣѣмъ рѣдѣсти пѣче причѣстникѣ твоѣхѣ*» — и в стихотворном переложении Державина: *Во славѣ Бог тебя покажет, // Елеем радости помажет // Всѣх паче сверстников своих* (цит. по СЯ XVIII, 7: 76).

Отсюда же не только у самого елея, но и у всех его дериватов (*елейный, елейно, елейность*) вырабатываются вторичные, качественные значения 'сладостность', 'сладостный', 'сладостно', 'сладость', эмоциональную целостность которых словари сводят к частным признакам и метафорически продуцируемым на их основе толкованиям. Так, из комплексной 'сладостности' вычленяется 'мягкость', толкуемая как «умиротворенность», «доброжелательность», «ласковость» и т. д. (ср. БАС, 3: стб. 1258). На более позднем этапе исторического развития в связи с общим кризисом религиозного мировоззрения в русском обществе с конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. происходит огрубление и уплощение соответствующей семантики и ее осложнение резко негативными коннотациями: 'сладостный' > 'сладкий' > 'приторно-сладкий; слащавый; фальшиво-, лживо-, притворно-сладкий'. Это, однако, не сдвиг значения, как указывают наши словари, а сдвиг в аксиологии. Скажем, большой академический словарь, приводя такие примеры, как *елейные глаза* (М. Салтыков-Щедрин), *елейное выражение скуластого лица* (Д. Мамин-Сибиряк), *елейный голосок* (Ф. Гладков), определяет прилагательное следующим образом: «Приторный в обращении, деланно благочестивый»; *елейность* в примерах типа *обязательная*

для странника *вороватая елейность* (М. Горький) толкуется: «Притворная ласковость, лицемерие; показное благочестие» (БАС, 3: стб. 1258). Ср. сходные дефиниции переносного значения прилагательного *елейный*: «Приторный в обращении, чрезмерно умильный, ханжески ласковый» (ТС, I: 833); «Приторно ласковый, чрезмерно угодливый; деланно благочестивый» (МАС, I: 465); «Умильный, слащавый в обращении» (ОШ: 187). Лишь недавно с большим опозданием было зафиксировано переносное значение существительного *елей*: «Преувеличенная любезность, приторная ласковость в речах, в обращении; слащавость» (НС, I: 443). Примером может послужить известное место из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924): *Я боюсь, / чтоб шествия / и мавзолеи, // поклонений / установленный статут // не залили б / приторным елеем // ленинскую / простоту*. Но особенно примечательно у Маяковского олицетворение елея (в составе сравнительного оборота): «Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло» [1959: 93 («Как делать стихи», 1926)].

Словари XIX в. пейоративных значений у слова *елей* и его производных еще не знают. Из самых ранних примеров словоупотреблений такого рода можно привести ироничные и злые строки А. К. Толстого, оскорбленного двуличием Ф. М. Толстого, который способствовал запрещению в цензурном комитете постановки «Царя Федора Иоанновича»: *Вкусив елей твоих страниц // И убедившись в их силе, // Перед тобой паду я ниц, // О Феофиле, Феофиле!* [«Послания к Ф. М. Толстому», 1 (1868)]. Но сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что в нашем языке завершился полуторавековой процесс, связанный с поляризацией оценочных словоупотреблений этого слова и его расщеплением на две четко противопоставленные лексико-семантические единицы. *Елей*¹ — слово, используемое в текстах, связанных с церковно-религиозной сферой; оно характеризуется предметно-терминологической точностью, несет (как правило, не на поверхности, а в контекстуальной глубине) положительную оценку и пережиточно сохраняет библейские образно-тропические применения. *Елей*² — риторически-оценочное слово, которое вызывает ассоциации с чем-то 'отвратительно сладким и липким', обозначая 'преувеличенно-фальшивые и нарочито выражаемые приязнь, смирение, почтение, восхищение и т. п. чувства'. Оно часто появляется в окружении прилагательных *приторный* и *сладкоречивый*, глаголов *лечь*, *заливаться* и *растекаться*, существительных *лицемерие*, *приторность*, *патока*. На логико-прагматической оси в границах сферы отрицательной оценки лжевосхваляющему елею противопоставлены лжеосчерняющие *сажа* и *деготь* либо выполняющие ту же функцию *грязь* и *помои* (обычно изливаемые *ушатами*).

²⁷ В стихотворении Полонского «Женщине» (1859) находим перифрастическое использование образа елея: *Когда лампаду трудовую, // Как раб нужды, зажжет я вновь // И проклинал страну родную // Без веры в славу и любовь. — // Зачем, когда лампада засла, // Не ты пришла и в поздний час. // Как друг, спасительного масла // Не ты влила, чтоб свет не гас?*

²⁸ Ср. в библейских текстах об умащении головы: «Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей» (Екк 9, 8); «Ты

приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя переполненна (Пс 22,5). Из Писания этот образ воспринял Боратынский: Еще как Патриарх не древен я: моей // Главы не усмогил таинственный елей <...> (1842:55). Ср.: "<...> и вино, которое веселит человека, и елей, от которого блистает лице его, и хлеб, который укрепляет сердце человека" (Пс 103, 15). То же - в поэтических предложениях: Хлеб сильный нашу грудь крепит // Нам масло члены умягчает. // Вино в печали утешает // И сердце радостью живит (М. Ломоносов, "Переложение псалма 103" 1749); На хлеб, - чтобы укреплять сердца, // И на вино, - чтобы ободряться // И на елей, - чтобы улаждаться // И умащать красу лица (Г. Державин, "Величество Божие", 1789).

29 Известно, что в античном мире воины натирали тело и умащались перед боем и даже на поле битвы (Мурьянов 1979: 147; 1999: 262). Ср. у Катеннина: Ни остров Пслопса, ни Азии равнины // Не возрастают от собственных полей // Обильные лишь в Аттике маслины // Для нас течет ее елей // Дар светлоокия Паллады // В бой укрепляющий борцов // Надежда славы и венцов // На играх редостных прекрасныя Эллады (П. Катенин, "Софокл", 1818). ритуальному умащению здесь, как и в некоторых других архаических традициях, подвергалось не только тело человека, но и принадлежащие ему предметы, обладающие повышенной важностью (боевые доспехи, стены крепости и т.п.) и получавшие в результате этой процедуры дополнительную мощь и силу (Топоров 2004:26).

30 Ср. поэтический образ "гноящихся душевных ран", знаменующий собой перенос из физической сферы в ментальную: Стыдится торговать // То гневом, то тоской послушной // И гной душевных ран надменно выставлять // На диво черни простодушной (М. Лермонтов, "Не верь себе", 1839); Все тайны я, как внутренний недуг // Хочу тебе поведать милый друг // Природе их раскрыть // Затем что тайн и болей нет у ней: // Те тайны - гной от язв души моей - // Мне должно их целить... (Н. Щербина, "Болезни" 1845) и др. Один из первоисточников этой метафоры - "Канон великий" Андрея Критского.

31 Так, например, в "Странной истории" (1870) Тургенев описывает, как лечили рану на ноге полубезумного юродивого: "На подъеме ноги оказалась рана... Я отвернулся <...>

- Маслица нет ли у вас, - произнес <...> едва слышный голос, - дайте на ранку приложить... Тряпочка у меня чистая есть.

Я снова глянул сквозь щель: женщина в шушуне все еже возилась с больной ногой юродивого <...>

- Сейчас, сейчас, голубушка, - промолвила хозяйка и, войдя ко мне в комнату, достала ложечкой масла из лампадки перед образом" (Тургенев 1981, 8:154).

32 Ср. прутковскую пародию на стихи в антоголическом жанре: Целый день я на солнце сижу. // Трусь елеем вокруг поясницы <...> А когда ниспускается ночь...//

«...Как солью, хлебом и елеем, // Делились чувствами они»

Мы в восторгах с рабынею млеем... // Всех рабов высылаю я прочь // И... опять натираюсь елеем... (А. К. Толстой, «Письмо из Коринфа», 1854).

³³ Ср. «Сады» Делиля в переводе Воейкова (опубл. 1816); цитируемое место, содержащее указание на церковный источник елея как целебного средства, не находит соответствия в тексте оригинала и отражает реалии русской жизни: *Вовдвиньте в лесу вы храм благотворенья: // Недужный в нем елей, бездомный кров найдет <...>* [II, 95—96 (Делиль 1988: 116)].

«...ВИДЕЛ... ВРАНА И ГОЛУБИЦУ ИЗЛЕТАЮЩИХ, СИМВОЛЫ КАЗНИ И ПРИМИРЕНИЯ» («Путешествие в Арзрум»)

Слова о вране и голубице завершают картину конца Всемирного потопа, возникшую у Пушкина, когда он во время своего путешествия в Арзрум в 1829 г. увидел белеющую на ясном небе снеговую двуглавую гору и на вопрос: «„Что за гора?“ (...) услышал в ответ: „Это Арарат“. Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни, — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...» (Пушкин 1978, 6: 453).

Ясно, что за этой картиной стоит библейский текст из книги Бытия (8, 6—12) и отдельные его детали: «библейская гора», ковчег, надежда Ноя на обновление и жизнь, **вранъ** и **голубица**, посланные им, чтобы узнать, **«ѣще ѡстѣпѣла вода ѿ лица земли»**, и вполне совпадающее с христианской традицией пушкинское отношение к этой самой «голубице» — двойному «символу примирения» (поскольку она **«возвратѣся къ немѹ (...) имѣвшѣ същѣцъ масличенъ съ листѣемъ во ѡстѣхъ свойхъ»**¹). Непонятно, однако, почему первую из птиц Пушкин называет символом казни. Ведь сама книга Бытия не дает достаточного материала, чтобы понять символику Ноева «врана». Западные отцы церкви видят в нем символ грешника, не пожелавшего вернуться в церковное лоно и раскаяться², а русские православные комментаторы обходят этот вопрос молчанием³.

М. Ф. Мурьянов, пытавшийся решить эту загадку, выяснил, что такой символизации врана/ворона не знает ни одна из обследованных им

национальных культур и фольклорно-мифологических систем. Не составляет исключения и русская культура, унаследовавшая от праславянской древности понимание ворона как птицы, связывающей землю с миром мертвых, со смертью, и как нечистой птицы, питающейся падалью (см. Гура 1997: 530—542). Тем не менее, основываясь на том, что, во-первых, «только в русском языке декоративное чернение стали называется словом, производным от имени этой птицы, *воронением*», и что, во-вторых, «в русский язык пришло страшное и опять же уникальное название *черный ворон* — так (в годы сталинских репрессий) исподтишка называли автомобили, прибывавшие ночью к жилищам, чтобы увозить арестовываемых», Мурьянов пришел к выводу, что Пушкин, назвав ворона «символом казни», «предельно лаконично» «выразил русскую специфику» символической интерпретации этой птицы (Мурьянов 1996: 40). Конечно, в действительности ни тот, ни другой мурьяновский пример никакого отношения к пушкинской трактовке библейского «врана» не имеют, а сама эта трактовка никоим образом не может рассматриваться как общенациональная ⁴.

Действительно, когда безжизненные тела умерших или убитых становятся добычей воронов, то никакой речи о казни быть уже не может: *И если ж я умру, пусть труп мой хищный вран // Как хочет, так и ест* (...) (В. Пушкин, «Рассуждение о жизни, смерти и любви», буриме, 1804); «Тяжелый ворон несется к бездушному трупу: это его пища» [Булгарин 1990: 243 («Иван Иванович Выжигин», гл. XXIV; 1829)]. Ворон оказывается «медиатором между жизнью и смертью» (Мелетинский 1991: 245) и в этом подобен гробовщику, который, как герой пушкинской повести Адриан Прохоров, живет смертью, но не вызывает и не причиняет ее, сколь бы он ни был в ней заинтересован ⁵.

Близость границы между жизнью и смертью символизируют *черный вран* в «Кольне» (1814) ⁶, *жадный вран* в «Руслане и Людмиле» (1817—1820) ⁷ и прочие пушкинские *вороны* и *враны*. Их можно объединить под интегралом сравнительного оборота *как ворон, к мертвечине падкой* [о наследнике умирающего богача в сатирической оде Пушкина «На выздоровление Лукулла», 1835 (см. Петрунина 1974: 343 примеч. 60; Перцов, Пильщиков 2003/2005: § 2.3)]. Ср.:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

«Путешествие в Арзрум»

Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ;
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

(«Ворон к ворону летит...», 1828)⁸

⟨...⟩ А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела
Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон ⟨...⟩

Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.

(«Альфонс садится на коня...», 1836)⁹

Тот же мотив в составе фигуры отрицательного параллелизма:

Не стоя воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.

(«Братья-разбойники», 1821—1822)¹⁰

Читатель пушкинской эпохи мог мысленно поднять в воздух и посадить на мертвые тела целые стаи таких «вранов»/«воронов»: ⟨...⟩ *сраженным в битве нет // Последней дани погребенья; // Пустынный вран их трупы рвет* ⟨...⟩ (В. Жуковский, «Пиршество Александра, или Сила гармонии», 1812)¹¹; *Герой, невинных щит, гоним, повержен в прах* ⟨...⟩ *Его безглавый труп терзаем хищным враном* ⟨...⟩ (В. Кюхельбекер, «Бессмертие есть цель жизни человеческой», 1814); *Твой труп, один, лежит непогребенный, // Лишь хищный вран крылом его одел!* [В. Григорьев, «Падение Вавилона», 1822 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 373)]¹²; *Я без движения лежал; // Уж я, казалось, замирал; // Уже, заглядывая в очи, // Над мною хищный вран летал...* [К. Рылеев, «Войнаровский», ч. 1 (1823)]; и др. То же в составе сравнений: *Взгляни, в кичении досуга, // Теперь удельные князья // Воют братние края, // Куют крамолы друг на друга, // Врагов скликая вновь и вновь, // Как черных воронов*

на кровь! [А. Бестужев (Марлинский), «Андрей, князь Переяславский», гл. 2 (опубл. 1830)].

По своей жадности и плотоядности поэтические вороны не уступают волкам и бродячим псам, которые с не меньшим рвением набрасываются на мертвые тела¹³. Очевидно, все они являются носителями идеи казни не в большей степени, чем, например, могильные черви¹⁴. Понятно, что воронов (так же, как волков, псов и червей) невозможно представить исполнителями казни, даже если они пожирают тела казненных. Ср. хотя бы несколько таких примеров: *Пришло Иуде наказанье: // Он в ту же самую весну // Повешен мною на сосну, // На пищу вранам* (М. Лермонтов, «Преступник», 1829); *Питомцы берегов Луары // И дети виноградных стран // Тут осушили чашу кары: // Клевал им очи русский вран // На берегах Москвы и Нары; // И русский волк и русский пес // Остатки плоти их разнес* (Ф. Глинка, «1812-й год», 1830). Или такое описание казни:

На соборе на Констанцском
Богословы заседали:
Осудив Иоганна Гуса,
К а з н ь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все и с т я з а н ья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесование;

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

(А. Майков, «Приговор», 1859)

Сказанное относится и к ворону (*Ворону Вороновичу*) — общему для былины, волшебной сказки и некоторых малых фольклорных жанров мифологическому персонажу, который вместе с орлом (*Орлом Орловичем*) и другими героями надземного царства, каковы *Ветры Ветровичи*, *Ви-*

хри Вихревичи, Гром Громович и др., входит в круг древнейшей славянской космогонии (Иванов, Топоров 1965: 136—137; Пеньковский 2004: 376). Нет идеи казни и в целой серии русских фольклорных речений о вóроне как о вещи, мудрой птице, способной предсказывать дурное будущее и тем самым предупреждать человека о ждущей его беде: «Зловещий воронъ. Всякому бъ ворону на свою голову каркать. Старый воронъ мимо не каркнетъ. Старый воронъ не каркаетъ даромъ» (Даль 1880, I: 244). Отсюда поверья, что «Воронъ каркаетъ на церкви, къ покойнику на селъ; каркаетъ на избъ, къ покойнику во дворъ. Черезъ который дворъ воронъ перелетелъ каркая, тамъ будетъ покойникъ» (Даль 1881, I: 244)¹⁵. Народный взгляд на ворона, отчасти находящий подтверждение в объективных научных данных о высоком уровне интеллекта этого биологического вида (Хейнрих 1993), был поддержан влиятельной германской (немецкой, англосаксонской и скандинавской) культурной традицией, трансляторами которой в русской литературе были Жуковский, Кюхельбекер и др.

Так, вóроны (die Raben) из баллады Бюргера «Lenore» появляются во всех трех переводах-подражаниях Жуковского и в катенинском переложении:

Ч е р н ы й в о р о н встрепенулся;
Вздвогнул конь и отшатнулся (...)

(В. Жуковский, «Людмила», 1808)

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Ч е р н ы й в р а н, свистя крылом,
Вьется над санями;
В о р о н каркает: печаль!

(В. Жуковский, «Светлана», опубл. 1813)

«Но кто там стонет? Что за звон?
Что в о р о н а взбудило?
По мертвом звон; надгробный стон;
Голосят над могилой».

(В. Жуковский, «Ленора», 1831)

Что за звуки? что за пенье?
Что за в р а н о в крик во мгле?

«...Vogel... врана и голубицу излетающих...»

Звон печальный! погребенье!
«Тело предаем земле»

(П. Катенин, «Ольга», 1816, 1831)

Интересно также в переводе Жуковского из Р. Саути («Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди») сопоставить раннюю и позднюю редакции начальной строфы (1814, 1831):

На кровле вран печально прокричал...
Старушка слышит и бледнеет!
Ужасну весть ей черный вран сказал...
Над ней час смерти тяготеет!

Ср.:

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, холодеет¹⁶.

Нередко эти славяно-германские враны оказывались в чуждом культурном контексте. Например, Батюшков перенес их в Древний Рим: *Казалось, некий бог меня останавливал: // То ворон мне беду внезапно предвещал* (...) («Элегия из Тибулла. Вольный перевод», опубл. 1815). В русском переложении Тибулловы «птицы (*aves*), несущие несчастливые предзнаменования (*omina dira*), превращаются в ворона — вестника беды» (Пильщиков 1999б: примеч. 8). Аналогичное решение принял Д. Веневитинов, переводя Вергилиевы «Георгики», где речь также идет об ауспициях: *Но все грозило нам — и рев морских валов, // И вранов томный клик, и лай ужасных псов* [«Знаменья перед смертью Цезаря (Отрывок из Вергилиевых „Георгик“», 1823]. В оригинале (*Virg. Georg. I, 470*) названы *obscenae canes* 'отвратительные псы' и *importunae volucres* 'неуместные крылатые' (ср. в переводе С. Шервинского: (...) *И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы // Знаки давали*).

Ворон в роли зловещего предсказателя фигурирует и в переводах с французского. В басне Лафонтена «Два голубя» читаем: *Un corbeau // Tout à l'heure annonçait malheur à quelque oiseau* (= Ворон // Только что предвещал несчастье какой-то птице); ср. в переводах Дмитриева и Крылова: *Теперь лишь Ворон прокричал, // И без сомнения — стра-*

шуся я безмерно! — // Какой-нибудь из птиц напасть он предвещал
(...) (1795); (...) Да чу! и ворон прокричал: // Ведь это, верно, к худу
(1809). Список примеров может быть пополнен непереводам материалом: Уж поздно — и туча легла, как свинец, // По Волхову ветер гуляет,
// Откликнулся вран, — торопися, пловец, // Недоброе ворон вещает!
[А. Подолинский, «Предвещание», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 288)]; Ворон. Черен, как душа злодея, // В час полночи встрепелась,
// Выше леса подымусь; // С длинных крыльев хладом вея, // Рассеку ночную тьму,
// Сяду, крикну на дому // Беззаботного злодея; // Пусть вздрогнет он: житель скал,
// Черный ворон прокричал [А. Шишков, «Эльфа», 1829 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 411)]¹⁷. Ср. покаянную речь ворона в шуточном стихотворении Жуковского «Предсудилище Миноса...» (1815): Ворон я, вещун и плакса; // Был я черен так, как вакса,
// Каркал часто на беду; // Рад я каркать и в аду. Тему ворона-предвестника в русской романтической литературе подытожил Боратынский («Приметы», 1839):

(...) Покуда природу любил онъ (человѣкъ), она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновежье.

(Боратынский 1842: 25—26)¹⁸

Итак, мы видим, что ворон как птица предвещаний¹⁹ тоже не связан прямо с идеей «казни»²⁰. Следовательно, объяснение загадочной пушкинской символики надо искать не в области какого-либо фольклора и традиционной культуры, а где-то еще.

* * *

Мысль Пушкина о библейском «вране» как символе казни могла возникнуть прежде всего в ходе размышлений над самим библейским текстом. Отправной точкой для этих размышлений должны были стать слова Господа о «развращении человеков» и «растлении земли», о Его гневе

и намерении «истребить с лица земли» все, что Он «создал» (Быт 6, 5—13), а точкой опоры — стихи о голубице с масличной ветвью в клюве²¹ как о символе мира, или, если следовать Пушкину, примирения. Действительно, зачем был послан ворон? По мысли Пушкина, очевидно, для того, чтобы узнать, исчерпал ли Господь гнев Свой и совершилась ли назначенная им казнь²². Если ворон возвращался, это значило, что казнь Господня продолжается: ведь ворон «отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды» (Быт 8: 7). После этого Ной должен был трижды посылать голубицу, и когда она, наконец, принесла масличную ветвь, это означало, что Господь примирился с наказанными им за грехи людьми.

Однако этого было бы недостаточно, чтобы объявить ворона «символом казни»: пушкинская мысль должна была иметь какую-то семиотическую опору, пусть принадлежавшую не русской национальной культуре в целом, но весьма значительному, исторически влиятельному, хотя и хронологически ограниченному слою русской словесности конца XVIII — первой трети XIX в. Эта опора сложилась на перекрестке влияний двух великих культурных традиций — античной, греко-латинской, и иудео-христианской, активно и органично взаимодействовавших в сознании образованных людей того времени. Как писал Катенин, «религия сблизила нас с евреями, воспитание с греками и римлянами» (1981: 50).

Представляется, что на «орнитологическую» символику Пушкина оказала воздействие русская рецепция античного мифа о Прометее, вошедшего в культурное сознание пушкинской эпохи из разных источников, но главным образом через пересказы в учебных пособиях по античной словесности²³, через французские (а позднее и русские) переводы произведений греческой и римской литературы, через переложения античных сюжетов в произведениях европейского классицизма XVII—XVIII вв., через журнальные рефераты, «разборы» и обзоры зарубежной и отечественной научной литературы, посвященной античности, через литературно-критические статьи и поэтические изложения. К их числу относятся, например, посвященные Прометею фрагменты программного стихотворения Катенина «Мир поэта» (1822) и повести Н. Полевого «Живописец» (1833), где воспроизводились все узловые элементы этой целостной мифопоэтической структуры: хронотоп, протагонисты, их действия, мотивировки и основания, последствия и детали, в том числе сопряженные идеи гнева, казни и конечного примирения. Ср. у Катенина:

«Путешествие в Арзрум»

{...} сын земли, отважный Промефей,
Деранул на небеса, и для богов возженный
Похитил огонь священный;
Спустился долу с ним, и вид нагих степей,
Согретый теплотой лучей,
Расцвел в единый миг: всё жизнию възграло.
Искусства родились; пила, секира, рало
Проникли в глубь лесов; возделались поля,
Златою нивою оделася земля,
Из блат возникли сёлы,
Ткань легкую дало руно блеющих стад,
И крав сосцы — млеко, и мед душистый — пчелы,
И радость жизни — виноград.
Но небожители возревновали счастьем;
Шлют казнь его творцу за хвальные дела:
Его жилище впредь — пустынная скала;
Ифестом жалостным и непреклонной Властью
Прикован к ней бессмертный сей Титан,
И с ним беседует лишь древний Океан.
Но что сильнее души великой воли?
Против нее ничто Зевесов гром:
Один своей провидец доли,
С спокойным Промефеем челом
Ждет внука-мстителя, кто цепь его развяжет;
Живой утробой он орла насытит глад,
Падет в бездонный ад,
Но тайны ввек мучителю не скажет.
Судьба исполнилась, и веки протекли,
И Промефея длань Иракла свободила:
Плен разума расторгла сила,
И вечный мир настал меж неба и земли.

Из такого рода источников миф о Прометее входил в круг сведений каждого образованного человека ²⁴.

Переход мифа о Прометее из относительно закрытой антологической сферы в открытую художественную и общую культуру повлек за собой его расщепление на отдельные составляющие его блоки и конструктивные элементы, которые, унаследовав от целого его художественную энергию, начали свою относительно самостоятельную жизнь. Таковы разрозненные мотивы сотворения человека ²⁵, его одухотворения/оживления ²⁶, похищения и передачи людям огня ²⁷, создания искусств, утраты свободы ²⁸, Кавказа как места казни Прометея ²⁹, его богоборчества и страдания, до-

бровольно принятого на себя во имя людей³⁰, etc. При этом, как нередко случается в ситуации взаимодействия культур, произошло столкновение разных эстетических систем и культурных кодов, что не могло не сказаться на судьбе русской версии Прометеева мифа.

Прежде всего, русская культура этой эпохи не смогла принять вполне естественный для наивного реализма античной Греции образ расклевываемой Зевесовым орлом и отравленной за ночь печени Прометея. Эта грубая натуралистическая деталь оказалась для русского сознания несовместимой с образом гордого страдальца за людей и была деликатно замечена в русской поэзии либо нейтральными (или хотя бы менее шокирующими) «внутренностями», либо стилистически более высокими *грудью* или *сердцем*. Ср. уже у Ломоносова:

Взирая в древности народы изумлены,
Что греет, топит, льет и светит огонь возженный,
Иные Божеску ему давали честь,
Иные, зная хотя, кто с неба мог принести,
Представили в своем мечтанье Прометея,
Что, многи на земли художества умея,
Различныя казал искусством чудеса;
За то Минервою был взят на небеса;
Похитил с солнца огонь и смертным отдал в руки.
Зевес воздвиг свой гнев, воздвиг ужасны звуки,
Продерскаго к горе великой приковал
И сильному орлу на растерзанье дал:
Он сердце завсегда коварное терзает,
На коем снова плоть на муку вырастает.

(«Письмо о пользе стекла...», 1752)

Здесь сработал тот же механизм, который заставил Лермонтова, Тютчева и Кюхельбекера подменить убившую Пушкина пулю «в брюхо» романтическими «пулей» в «чело» или «свинцом в груди» и в «сердце» (см. наст. изд., с. 48 примеч. 35). Эта ситуация иронически отразилась в повести А. В. Тимофеева «Художник» (1833—1834), где журналист говорит живописцу: «Вы хотели изобразить терзаемого орлом Прометея... (...) И что за сюжет! Помилуйте! Очень приятно смотреть, как орел раздирает внутренности живого человека!» (Тимофеев 1989: 284).

Столь же неприемлемым для русской культуры оказался в этом мифе и образ самого орла, который был либо прямой инкарнацией Зевса³¹,

«Путешествие в Арзрум»

либо его «вестником»³². В последнем случае орел оказывался послушным исполнителем мстительной Кронидовой воли, мучителем и казнителем Прометея, «крылатым псом Зевеса» (Διδῶς <...> πτηνὸς χύων), как называет его в эсхиловской трагедии Гермес, который предупреждает Прометея, что орел

Слетит куски рвать мяса твоего
И печени твоей кровавой пищей,
Незванный гость, кормиться целый день.

(перевод К. Павловой)

* * *

В архаической русской культуре, по свидетельству былин и сказок, орел [«Орел сиз Орлович», «который летает по святой Руси» (Гильфердинг 1951, III: № 225)] принадлежал надземному царству. Как царь пернатых — вспомним фамусовское: *Насмешки вечные над львами! над орлами! // Кто что ни говори: // Хотя животные, а всё-таки цари!* — он был властен над жизнью и смертью своих подданных, но, питаясь их «животрепещущим мясом» (Бестужев-Марлинский 1981, 2: 424), а не падалью, в отличие от ворона³³, орел всего лишь потреблял, а не казнил их.

Сказанному как будто противоречат встречающиеся в поэтических текстах описания орлов, клюющих падаль, разрывающих трупы умерших и пирующих на полях смертельных битв. Ср. в «восточных» поэмах Лермонтова:

Мой дом изрыт в расселинах скалы:
В нем до меня два барса дружно жили.
Узнав пришельца, голодные злы,
Они, воспрянув, бросились, завывли...
Я их убил — и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили <...>

[«Аул Бастунджи», 425—430 (1832?)]

Видали ль вы, как хищные и злые,
К оставленному трупу в тихий дол
Слетаются наследники земные,
Могильный ворон, коршун и орел?

[«Измаил-Бей», 1374—1377 (1832)]

«...Вугел... врана и голубицу излетающих...»

В катенинском сонете «Кавказские горы» (1834):

⟨...⟩ Ряд безобразных стен, изломанных, изрытых,
Необитаемых, ужасных пустотой,
Где слышен изредка лишь крик орлов несытых,
Клюющих падеру оравую густой ⟨...⟩

В поэме Грибоедова «Кальянци» (не позднее 1822), действие которой переносится из Персии в Грузию и обратно:

Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

В переложении библейской книги Иова, сделанном Ф. Глинкой:

⟨...⟩ Гдѣ слышенъ бой, — тамъ и орлы! —
Терзая свѣжую добычу,
Его птенцы хлебають кровь,
И часто споръ ведутъ за трупы
Съ голодной стаею волковъ!... 34

(Глинка Ф. 1859: 161)

Но «кровавые побоища» (Лермонтов) случаются не каждый день: ⟨...⟩ И падиших ратей ищут тщетно // В степи, на клѣкт их безответной, // С высот лазуревых орлы (А. Майков, «Стрибожьи внуки», 1863). Ср. также яркую картину, нарисованную А. Подолинским в «восточной» поэме «Смерти Пери» (гл. XIII; 1834—1836):

Вперед без цели Пери шла;
Вдруг крик пронзительный орла
Среди безмолвия раздался:
Орел то в воздухе терялся,
То вновь на землю упал,
И меж окрестными скалами,
Свистя огромными крылами.
Орлицу криком вызывал.

Пери вдруг остановилась.
Память быстро прояснилась:
Крик орла ей всё сказал.
Грудь в испуге задрожала:
Пери сердцем угадала,

«Путешествие в Арзрум»

На какой он пир скликал.
Этот страх дает ей силы,
За орлом следит она.
Вот упал ширококрылый, —
Но добыча спасена.
Он испуганный поднялся
Вверх на каменный уступ,
И не тронутый достался
Драгоценный Пери труп...

(...)

Часы текут незримыми волнами,
Уже зажжен полуднем небосклон,
Горят пески, и душно меж скалами,
И зноем труп внезапно поражен.
Дохнула смерть из язв его тлетворно, —
Вмиг ожили безмолвные скалы,
Гниющий труп почуяли орлы,
На высоте откликнулись горной, —
Из гнезд чета слетает за четой
И смелые ширяют над землей.
Противиться им Пери бы хотела,
Но уж дышать близ трупа не могла,
К другой скале невольно отошла
И с ужасом на страшный пир глядела.

В цитируемых примерах обращает на себя внимание связь повествования с экзотикой либо географической (Кавказ, условный и библейский Восток), либо исторической (давнишние события, происходящие на южных рубежах России). А это заставляет думать, что слово *орел* [«Хищная сильная птица с изогнутым клювом из сем(ейства) ястребиных (...)» (БАС, 8: стб. 1017)] в приведенных стихах употребляется не строго терминологически, а в обобщенно-расширительном смысле, охватывая заодно внешне сходных с орлами (*Aquilae*) грифов (*Aegypii*), которые принадлежат к другому подсемейству ястребиных, но при этом являются «падальщиками» («стервятниками»). Ареал их распространения совпадает с местом действия наших стихов.

Эти соображения позволяют интерпретировать образность «кавказской были» А. Бестужева (Марлинского) «Аммалат-бек» (гл. II; 1831): «Путь далек, а я изнемогаю (...) Взгляни, как вьется над нами о р е л, — он чует, что мое сердце скоро замрет в когтях его, — и слава Богу! Лучше

найти воздушный гроб в хищной птице, чем отдать свой прах под ногу христианина» (Бестужев-Марлинский 1995: 18). У Лермонтова, с детства напитавшегося кавказскими впечатлениями, они отложились в противоречащем как фольклорной, так и русской литературной традиции образе орла. Вот что говорят младшие братья купца Калашникова, призванные героем «Песни» (1837) в случае его поражения выходить вслед за ним на бой:

Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются (...)

Аналогичные образы встречаются в переводной литературе. Таков орел (Ular), ищущий трупов (Leichen), в посвященном Байрону отрывке из поэмы Цедлица «Венки мертвым»:

Не лебедем ты создан был Судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею, —
Ты был Орел — и со скалы родимой,
Где свил гнездо — и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твоё искало око!..³⁵

(перевод Ф. Тютчева, 1828—1829)

Экзотический образ грифа-стервятника русская поэзия усваивает только к концу XIX в. Так, в стихотворении «Ночью» (1895) Москва представляется Брюсову в виде самки спящего страуса, над которой простерли крылья «стервятники»:

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

«Путешествие в Арзрум»

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос гудящего с неба возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

*   *
              *

Что же касается орлов, живущих на территории центральной России, и прежде всего орлов вида *Aquila regia*, то они в нормальных условиях падаль не потребляют. Так же ведут себя обычно и их литературные собратья, поэтические орлы, которые оставляют тела павших воинов волкам, псам и вóронам — и даже, как в «Слове о полку Игореве», «клекомъ на кости звѣри зовуть» (СПИ: 13)³⁶, а сами ограничиваются тем, что выклевывают мертвые «очи» убитых (в соответствии с их обычной охотничьей повадкой ослеплять свою жертву ударом клюва?): *⟨...⟩ В степи пустынной он лежит, // И уже волк во мраке ночи // Терзает труп среди травы, // И из козацкой головы // Орел выклевывает очи...* (К. Рылеев, «Гайдамак», 1825); *⟨...⟩ ворон черный прокрячет, вместо попа, надо мною; гладкое поле будет моя хата; сизая туча — моя крыша; орел выключет мои карие очи; вымоют дожди козацкие косточки, и вихорь высушит их* [Гоголь 1941, 1: 143 («Вечер накануне Ивана Купала», 1830)]; *Грустно подумать и то, что, как поле затихнет от битвы, // Жадный орел налетит — расклевать его ясные очи, // Очи, в которые мать и сестра так любили глядеться!..* (Ф. Глинка, «Славное погребение», 1841).

Разумеется, день на день не приходится, и — не ровён час — бывает, что, по выражению Крылова, орлам случается и ниже кур спускаться и, может быть, в голодные дни, преодолевая отвращение, садиться на одном поле с презренными вóронами. Однако низменную сторону жизни высоких героев классицистическая и романтическая литература, как правило, обходит молчанием. А орел, несомненно, герой высокий. В полном соответствии с представлениями славянской мифологии (см. Гура 1995: 288; Шапарова 2001: 390), орел в русском культурном сознании — *«всѣмъ птицамъ птица»* (Даль 1881, II: 690), он царь и повелитель птичьего мира, а потому его постоянные эпитеты — *царственный* (А. Полежаев, «Бонапарте», 1833; А. Майков, «На смерть Лермонтова», 1841), *могучий* (Л. Якубович, «Гений», 1838), *дерзостный* (В. Жуковский, «Че-

ловек», 1801; П. Вяземский, «Сибирякову», 1819; А. Хомяков, «Желание», 1827), *гордый* (А. Майков, «Два гроба», 1841).

Орел — *выше всех, он бог, он царь* (В. Соловьев, «Размышление о неизменности законов природы», 1889), а потому горы, утесы, стремнины и дикие скалы — это его *престол* (В. Бенедиктов, «Утес», 1835). Он обитает в *безбрежных областях надоблачной державы* (П. Вяземский, «Послание к М. Т. Каченовскому», 1820), его стихия — небо, тучи и облака, гроза и буря, гром и молнии, одним словом, *эфирные страны* (К. Рылеев, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821), а сам он — *могучий сын эфира* (А. Полежаев, «Бонапарте», 1833), *эфира житель* (В. Соловьев, «Размышление о неизменности законов природы», 1889), *любимец неба* (В. Тепляков, «Кавказ», 1832)³⁷. Его жизнь — свободный, вольный полет, в который его несут мощные, широкие, *высокопарны крылья* (Г. Державин, «Первая песня Пиндара пифическая», 1803), по которым он именуется *ширококрылым* (Н. Языков, «Подражание Псалму XIV», 1830; Л. Якубович, «Скалы», 1835; М. Дмитриев, «Орел», 1844) и *широкобежным* (А. Майков, «Раздумье», 1841).

Если ворон — *исчадь ночи, питомец мглы и искатель темноты* (А. Шишков, «Эльфа», 1829), то орел — птица солнечного дня, древнейший солярный символ. Он на равных с дневным светилом, взор его «дерзает» «к солнцу» (Карамзин 1984: 159), на которое — единственный из земных созданий! — может смотреть, не мигая, своим могучим орлиным взором: *В безбрежных областях надоблачной державы // Орел не поделит с другим участка славы, // На солнце хочет он один отважно зреть (...)* (П. Вяземский, «Послание к М. Т. Каченовскому», 1820); *На нее глядел я смело, // Как орел глядит на солнце* (В. Жуковский, «Победитель», 1822); *<...> орел за облаками // Встречает молнии полет // И неподвижными очами // В себя впивает солнца свет* (Ф. Тютчев, «Лебедь», опубл. 1839); *Еще на солнце я гляжу и не моргаю, // И вижу далеко играющих орлят (...)* (Я. Полонский, «Старый орел», 1863)³⁸. Ср. отражение некоторых из этих мотивов в монологе орла из цитированного выше стихотворения А. А. Шишкова «Эльфа» (1829):

Я дерзко устремляю очи
К светилу горней высоты;
На тучах гнезда я свиваю,
В раскатах грома я пою,
Браздой перуна обвиваю

«Путешествие в Арзрум»

Главу бесстрашную мою;
В заре купаюсь и свободный,
В степях надоблачных парю (...)

(Поэты 1820—1830-х годов, 1: 412)³⁹

Благодаря таким атрибутам, как царственная мощь и сила духа⁴⁰, благородство и храбрость (ср. Даль 1881, II: 690 сл.), *гордые стремленья* (А. Блок, «Нет ни слезы, ни дерзновенья...», 1900), свобода и независимость, вольный полет в заоблачных высотах, жизнь в небе и власть над стихиями, орел получил широчайшие возможности образных применений. Он стал в русской культуре символом российских императоров⁴¹, их сподвижников — выдающихся государственных деятелей⁴², крупных военачальников и полководцев⁴³, непобедимых русских воинов⁴⁴.

С другой стороны, орел стал символом творческого Гения, и в частности гения Поэзии. Основой этого направления символизации послужили представления о вольном полете орла ввысь и вдаль на могучих крыльях (метафоры смелой мысли, свободной мечты, вдохновения, воображения): «(...) Державин парит смелым орлом»⁴⁵; он «то возносится к солнцу и устремляет на него зоркий и постоянный взгляд, то огромными и распушенными крылами рассекает облако и, скрываясь в нем как бы с умыслом, является изумленным нашим глазам в новой и возрожденной красоте» [Вяземский 1982: 10 («О Державине», 1816)]; *Кто, отроку, мне дал парение орла! — // Се муз бесценный дар! — се вдохновенья крыла!* (Ф. Тютчев, «Ураания», 1820); «Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца» [В. А. Жуковский — А. С. Пушкину, 1 июня 1824 г. (13: 95)]⁴⁶. Ср. целостный комплекс атрибутов орла в пушкинском портрете одописца Петрова, который некогда воспел Н. С. Мордвинова:

Под хладом старости угрюмо утасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью разыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

(«Мордвинову», 1826 или 1827)

С орлом поэты-современники сравнивали самого Пушкина: *Пример и вождь певцов младых! // В эфир свободный и пространный // Полет тебе ли не знаком? — // Вперед же доблестным орлом!* (В. Кюхельбекер, «Сирота», 1833—1834); *Поэтической дружины // Смелый вождь и исполин! // С детства твой полет орлиный // Достигал крутых вершин* (П. Вяземский, «Поминки», 1853); *Тогда ж и Пушкин, цвет прелестный, // Зацвел, и с первых дней известный, // Ревнуя опытным орлам, // Уж порывался к облакам!* (М. Дмитриев, «С. Т. Аксакову», 1855). В. Соловьев в стихотворении, обращенном к Фету, только что удостоенному Пушкинской премии, называет Пушкина «орлом» русской поэзии, слетевшим к младшему поэту:

И пышный лавр средь степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел

(«А. А. Фету, 19 октября 1884 г.»)

Центральным для всего этого предметно-понятийного и идеологического комплекса является образ крыла (крыльев) и свободного полета — парения — как необходимый и достаточный опознавательный признак поэта⁴⁷:

Вдруг пылкий огонь в мои втеснился жилы,
И кто-то мне орлины придал крылы
И громко возопил: «Лети!»

(Ф. Глинка, «Сон», 1820)

Именно здесь, нам кажется, коренится особый драматизм поэтического образа плененного, скованного и, как у Пушкина, «вскормленного в неволе» орла («Узник», 1822). Ср. развитие пушкинских мотивов у Лермонтова:

Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь!
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подымлет крылья —

«Путешествие в Арзрум»

Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

[«Тамбовская казначейша», 580—588 (1837)]

Дальнейшее развитие этого символического сюжета связано с освобождением орла из неволи:

И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел —
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал, и ввысь ушел.

(В. Соловьев, «Под чуждой властью...», 1882)⁴⁸

В развитии и укреплении символики «природного» — одноглавого — орла сыграл его двуглавый геральдический собрат, который, доставшись нам в наследство от Византии, с конца XV в. был высочайшим символом русской государственности и царской, а затем императорской власти. Он занимал свое место в Государственном гербе России и в виде тех или иных стилизованных изображений — на Государственном знамени и на воинских знаменах и штандартах, на воинском оружии, на правительственных зданиях, на городских заставах, на стенах и потолках присутственных мест, на штампах и печатях, на реверсе монет и банкнотах, на так называемой гербовой («орленой») бумаге, на различных деталях военной, чиновничьей и гражданской одежды, на надгробных памятниках государственных деятелей и прославленных военачальников (перечисление можно продолжать и продолжать). «Северный» («полнощный») орел о двух головах стал важнейшей эмблемой России. Детально разработанный в одической поэзии классицизма⁴⁹, этот образ получил дальнейшее развитие и применение в культуре XIX в.: *Не се ль Элизиум полнощный, // Прекрасный Царско-сельской сад, // Где, льва сразив, почил орел России мощный // На лоне мира и отрад?* (А. Пушкин, «Воспоминания в Царском Селе», 1814); *<...> Гром Русский берега Секваны огласил — // И над Парижем стал орел Москвы и мщенья!..* (В. Жуковский, «Императору Александру», 1814); *<...> На негодующий Кавказ // Подъялся наш орел двуглавый <...>* (А. Пушкин, «Кавказский пленник», Эпилог, 1821); *И как Стокгольм оцепенел, // Когда над ним, шумя крылами, // Орел наш грозный возлетел! // Он в нем узнал орла Полтавы!* (Е. Боратынский, «Эда», Эпилог, 1824).

Образ орла, при силе и яркости вызываемых им высоких символических переживаний, растиражированный к тому же во многих тысячах зрительных и словесных вариантов, не позволял сохранить и закрепить за собой функцию «жестокого казнителя», «злобного палача» — это оказалось невозможным даже в рамках заимствованного, инокультурного мифологического сюжета. Орел в русских вариантах мифа о Прометее был во многом вытеснен тремя другими пернатыми хищниками, уравненными на едином для них семиотическом основании: им можно было — с оглядкой на отечественную традицию — передать постыдно низкую сюжетную роль Зевесова орла, подвергавшего истязаниям Прометея. Среди птиц, спасших национальный культурный символ от осквернения и «взявших на душу» чужой грех, мы видим *ястреба*, *коршуна* и, что важнее всего для нашей темы, *врана* (или *вóрона*)⁵⁰.

1) *Ястреб*: «Ты, как ястреб Прометея, будешь век терзать свое сердце!» [Бестужев-Марлинский 1995: 480 («Фрегат „Надежда“», гл. IX; 1832)]; «Вытерпенные им оскорбления и страдания на жгучей скале, осуществление и олицетворение в нем древнего баснословного Промефея, который также имел свою скалу и своего пожирающего ястреба (...) все это пробуждало в нас живые сочувствия к падшему Наполеону» [Вяземский 1984: 141 (приписка к статье «Новая поэма Э. Кине», 1875)].

2) *Коршун*: (...) *То замру я, леденя, // То очувствуюсь в огне, // Будто коршун Прометея // Разрывает сердце мне!* [А. Подолинский, «Поэзия и жизнь», 1836 (Поэты 1820—1830-х годов, 2: 306)]; *Прочь, коршун! Больно! Подлый раб, // Палач Зевеса!.. (...) Рви, коршун, глубже в сердце рану — // Она Зевесу лишь позор!* (Н. Огарев, «Прометей», 1841); *Ты рвешься ль к небу пламеня, // Земных ли благ желать готов — // Все злобный коршун Прометея // Вонзает в сердце жадный клёв* (Н. Огарев, «Разорванность», 1841—1842?); *Дий всемогущий, каратель детей Прометея! // Ты наказал меня: муки отца земнородных // Сносны пред мукой моею... Что коршун! Что цепи!..* (Н. Щербина, «Тантал», 1845); *Иль жив доселе коршун Прометея, // Не разрешен с Зевесом старый спор (...)?* [А. Григорьев, «Старые песни, старые сказки», 6 (1846)]; «(...) Вы слышали точно песни Титана, который, как Прометей, прикован к скале, и его коршун грызет»

«Путешествие в Арзрум»

[Тургенев 1987, 3: 168 (письмо Я. П. Полонскому, 24 декабря 1856 г.)];
Прочь, прочь ты, коршун Прометей (...) [А. Григорьев, «Вверх по
Волге», 1 (1862)]; и др.⁵¹

3) Вран:

(...) Когда дух зависти, несчастным овладея,
Терзает грудь его, как вран у Промефея (...)

(И. Дмитриев, «Филемон и Бавкида», 1805)⁵²

«Проклят, проклят богами,
Кто посрамил стихами муз собор!»
О, горе! Он чугунными цепями,
Как Прометей, прикован к темю гор;
Вран зависти льет хлад в него крылами
И сердце рвет (...)

(А. Дельвиг, «Элизиум поэтов», 1814—1819)

Ср. две редакции Прометеева мифа у Боратынского:

Огнемъ, похищеннымъ съ небесъ,
Одушевилъ свое созданье
Япетовъ сынъ — и въ наказанье
Жестокон, мстительный Зевесъ
Къ вершинъ дикаго Кавказа
Его цѣпями приковаль,
Вранъ сердце грызть ему леталь.

[Боратынский 2002, 1: 251 («К —», 1824)]

В поздней редакции этого стихотворения («Мне с упоением заметным...») этот фрагмент читается так:

Огнемъ похищеннымъ съ небесъ
Япетовъ сынъ, гласить преданье,
Одушевилъ свое созданье,
И наказаль его Зевесъ.
Неумолимый, Прометей
Къ скаламъ Кавказа приковаль,
И сердце вранъ ему клеваль (...)

(Боратынский 2002, 1: 249)

Теми же атрибутами наделяют врана другие поэты 1820—1830-х годов:

«...Вигел... врана и голубицу излетающих...»

Тогда каратель Прометей
И неподвижный, и живой,
С крылом опущенным, с главой
Полуподъятою, не смея
Нарушить Тартара покой,
При звуках сладостных Орфея,
При взоре их, свирепый вран
Моих не рвал живучих ран.

(И. Великопольский, «Музы», 1826)

В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье,
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана?.

(Ф. Тютчев, «Байрон», 1828—1829)⁵³

Жестокий призрак, странный сон,
Всегда ль ты будешь пригвожден
К моей душе, минувшим вея,
Как вран и цепи Прометей?.

[Тепляков 1980: 214 («Жестокий призрак», 1831)]

Я палач твой, я твой вран;
Слушай, новый Прометей:
Ад в огне моих речей!

Жаль тебя или не жаль,
Бесполезна тут печаль:
Мучить я тебя должна;
Эта часть мне суждена.

[В. Кюхельбекер, «Иван, купецкий сын», V, 4
(1832—1844)]

Вот почему для автора «Путешествия в Арзрум» вран оказался «символом казни», тем более что символические образы птиц явились Пушкину «за стеной Кавказа», где сама история с географией вызывали в памяти не только библейский миф о Ноевом ковчеге, но и античный миф о Прометее.

Русская версия этого мифа демонстрирует вариативность в рамках творчества одного автора и даже в одном и том же тексте. Так, в повести

Н. Полевого «Живописец» (1833) герой, художник Аркадий, задумывает картину «Прометей»: «Вот здесь, посмотрите, вот здесь я напишу им моего бешеного Прометея. Он изобразит им душу мою, прикованную не к Кавказу, а к этому неблагодарному, бесчувственному миру; не ворон будет клевать и терзать его, а несчастное, губительное чувство страсти безнадежной!» (Полевой 1986: 191—192). В описании готовой картины восстанавливается исходный вариант мифа с Эфестом (Гефестом), приковывающим Прометея к скале, и кровожадным орлом: «Идея, которую великий Эсхил заключил в своей чудной трагедии, которую потом так хорошо выразил Байрон, — горделивое презрение воли тирана Зевеса, величие духа, превышающее самую судьбу, и страшное терзание вещественное, соединенное с скорбью об участи человека, с пророческим видением, заставлявшим Прометея среди мучений прорицать гибель Зевеса, — все это выражала картина Аркадия. Огромный кровожадный орел, поднимающийся к небесам; седой Океан, угрюмо погружающийся в бездны моря; дикообразный Эфест, держащий в руках орудие казни, страшный молот свой, и бесчувственно смотрящий на оживотворителя людей; природа, содрогающаяся от бедствий Прометея и гремящей грозы небесной!» (Полевой 1986: 258—259)⁵⁴. У Аполлона Григорьева казнителем Прометея выступает не только коршун (ср. выше), но и вран: *Как Промифей, он пламень похищал, // Как Промифей, он был терзаем враном* («Искусство и правда», 1854).

*   *

*

Рассмотренные явления — плод той же культурной гибридизации, что породила пушкинские зевгмы вроде *O rus! / O Русь!* в эпиграфе ко второй главе «Онегина» (ср. Рабинович 1999: 207 сл.) или *молю Феба и казанскую богиню* в письме Пушкина Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. (13: 28), как встреча римского *Веспера* криком русского *петуха* за окнами онегинского «зámка» (6, XXIV, 4) или соединение греческих *Харит* с псевдославянским *Лелем* («Аделе», 1822). В эпиграмме Пушкина на петербургское наводнение («Напрасно ахнула Европа...», 1825) альманах «Полярная Звезда» сравнивается с Ноевым ковчегом, приставшим не к Арарату, а к *Парнаксу*, подобно древнегреческому ковчегу Девкалиона (Блюм 2002: 158; ср. Добрицын 2001/2002: 66—67)⁵⁵. В открытом ряду наших культурных гибридов достойны упоминания шевыревское под

хладным русским *Фебом* («Послание к А. С. Пушкину», 1830) или краса эольских дочерей, младая нимфа, которая с солью, с хлебом встречает гостей под сабинским чистым небом [А. Родзянка, «Александр Иванovich Михайловскому-Данилевскому», 1824 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 167)]. Речь, таким образом, идет о соединении национально русского с библейской и греко-римской древностью, о «специфическом смешении образов церковно-библейских с условно-литературными отражениями античной (вернее — классической) мифологии» (Виноградов 1935: 84).

Среди примеров проявления такого поликультурного сознания — славянизированный *Петроград*⁵⁶ и эллинизированный *Петрополь*⁵⁷ взамен официального *Санкт-Петербурга*. К такого рода явлениям относится и «языческая» форма множественного числа *боги* как почти обязательный в пушкинскую эпоху элемент поэтических текстов, трактующих тему поэта и поэзии на специальном языке (метаязыке) «русского Парнаса» (13: 120), «страны поэзии», перенесенной из античной Греции на русский Север со всеми особенностями ее ландшафта, ее божествами, героями и деятелями, со всем ее концептуальным инвентарем⁵⁸. На этом фоне привлекают особое внимание многочисленные в поэтических текстах пушкинской эпохи примеры использования формы *боги*, не мотивированного античной тематикой: таковы, например, *праведные боги* у Боратынского («Наслаждайтесь: всё проходит...», опубликовано 1835). Следуя, с одной стороны, традиции Тассо — Шатобриана, а с другой, ее бурлескной перелицовке в «Войне богов» у Парни, русские поэты допушкинской и пушкинской эпохи легко совмещают христианские и псевдоклассические («языческие») микроконтексты⁵⁹. В басне И. Дмитриева *Смерть* говорит *Амуру* и *Гимену*: *Я зла на вас?.. Перекреститесь!* («Амур, Гимен и Смерть», 1805). В одном из посланий В. Пушкин сперва сообщает: *Живу не как хочу, // Как Бог велит — и полно!* — а затем спрашивает: *Неужель власть богов // Превратностей лишь скучных // Велит мне жертвой быть, // Томиться, слезы лить?* («К Д. В. Дашкову», 1813)⁶⁰. Пушкин-племянник в финале «Городка» (1815) клялся античными богами отслужить молебен с русскими сельскими попами, а позднее сравнивал христианского Бога с Зевесом [«Гавриилиада», 472 слл. (1821)].

Во всех таких случаях мы имеем дело не просто с массовой художественной практикой, но и со стоящей за ней обостренной культурной рефлексией. Вспомним апологию Гомера в письме Пушкина Чаадаеву (6 июля 1831 г.): «Ce que l'Illiade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il

pas dans la Bible?» = «Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии?» (14: 188, 431) В наброске рецензии на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие к св. местам в 1830 году» Пушкин, одобряя в авторе дух христианского благочестия, заметил, что «он не старается, как Ш(атобриан), воспользоваться противоположной [мифологией] Библии и Одиссеи» (11: 217)⁶¹. Однако собственный поэтический опыт Пушкина практике Шатобриана (якобы осуждаемой), как мы видели, не противоречил. Здесь, как и везде, Пушкин исходил из того, что «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [«Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827 (11: 52)]. Именно такими соображениями он, как можно полагать, руководствовался в своих маргиналиях к батюшковским «Моим Пенатам»: «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смещение древних обычаев миф.(ологических) с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но норы и келии, где лары расставлены, слишком переносят нас в греч.(ескую) хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином Суворовского солдата с двуструнной балалайкой. — Это всё друг другу слишком уже противоречит» (12: 272—273).

Если Петроград-Петрополь мог восприниматься как «русские Афины» и «новый Рим», это свидетельствовало о создании единого ментального пространства, в котором деятели русской культуры, ощущая себя «законными наследниками» греко-римской древности (А. Воейков, «Послание к С. С. Уварову», 1815—1818), объединяли реалии и знаки русского культурного мира с реалиями и знаками античности. Для широкого круга носителей высокой национальной культуры это была «иллюзия пребывания античности в настоящем», но иллюзия, обладавшая «эффектом подлинности» (Михайлов 1988: 255).

Примечания и экскурсы

¹ Ср. символику оливы у 15-летнего Пушкина: *В Париже Росс! — где факел мщенья?* // *Поникни, Галлия, главой.* // *Но что я зрю?* Герой с улыбкой примиренья // *Грядет с оливою влатой* («Воспоминания в Царском Селе», 1814).

² Сходное представление бытует в легендах о вóроне, распространенных в западных районах России, на Украине и на Балканах (Гура 1997: 533).

³ Заслуживает внимания абсолютно рациональное объяснение, которое этот эпизод получает в еврейском комментарии к Торе: «Ноях выбрал именно ворона, который питается падалью, полагая, что останки всего живого, погибшего во время Потопа, должны покрывать землю во многих местах, и если ворон не вернется, это будет знаком, что земля в значительной степени освободилась от воды и он смог найти пищу» (Герц 1994: 40). Ср. литературное толкование этого текста, основанное на противопоставлении «злых» вранов «праведной» голубице: «Он (всемогущий творец) сохраняет семя людей в сынах Ноевых; но только что опасность (потопа) миновалась, то из толь малого числа зло успело найти место в душе Хама (...) сравнивая свои дела с нынешними делами, то уподобляю честного человека Ноевой голубице. Пускай враны питаются мертвыми трупами, а смиренная голубица, искав тишину убежища в целом мире, должна возвратиться в ковчег, из коего вышла» [М. Сушков, «Российский Вертер», письмо XXXI; не позднее 1792 (ЛМВ: 126)]. Другую модификацию библейского сюжета (с заменой невернувшегося врана дикой орлицей) находим у Полонского: *Ты моя раба, к несчастью!.. // Если я одною властью, // Слово милость, дам тебе — // Дам тебе — моей рабе, // Золотой свободы крылья, // Ты неволю проклянешь // И, как дикая орлица, // Улетишь и пропадешь... // Если я, как брат, ликуя, // И любя и соревнуя // Людям правды и добра, // Дам тебе, моя сестра, // Золотой свободы крылья, // Ты за все меня простишь, // И, быть может, как голубка, // Далеко не улетишь?! («Ты моя раба, к несчастью!..», 1850-е годы).*

⁴ Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» недавно подверг анализу В. С. Листов (1999), но сюжет с враном и голубицей не привлек внимания автора (ср. также Ким 2000: 81—83; Сураг 2000: 89—90). Как показал в своей неопубликованной работе Л. С. Дубшан, мысль о взаимодействии культур и цивилизаций определяет глубинную структуру всего текста пушкинского «Путешествия» [см.: *Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)*, С.-Петербург 2001. Рукопись, 36 с.]. Пользуюсь случаем высказать автору искреннюю признательность за возможность ознакомиться с его содержательным исследованием.

⁵ Ср. возмущенную реплику Адриана Прохорова: «„Что ж это, в самом деле“, рассуждал он вслух, „чем ремесло мое нечестнее прочих? разве гробовщик брат палачу? (...)“» (8, кн. 1: 92).

⁶ Ср.: (...) Там с верной, храброю дружиной // Полки врагов я расточил, // И много, много сильных пало; // Их гробы черный вран стрежет.

⁷ Ср.: Где Руслан? // Лежит он мертвый в чистом поле; // Уж кровь его не льется боле, // Над ним летает жадный вран (...) (VI, 52); в черновой редакции: *Над ним уж [вьется] черный вран* (4: 261).

⁸ В первой публикации 1829 г. стихотворение называлось «Шотландская песня». Это переложение шотландской баллады В. Скотта по французскому переводу 1826 г. (Томашевский 1957: 490—491). В 1830 г. в печати появились «Вороны» Д. Ознобишина, переведенные непосредственно с английского. Дополнительным русским ис-

точником пушкинского стихотворения А. С. Лобанова (1995) считает русскую протяжную песню о гибели молодца, один из вариантов которой находится в сборнике М. Чулкова («Собрание разных песен», 1770). Композиционный прием диалога воронов позднее использовал и развил А. К. Толстой в балладе «Три побоища» (1869), соединив его с мотивом снов об этих зловеющих птицах.

⁹ Источник стихотворения — роман Я. Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе»: «{...} ветер раскачивал отвратительные трупы, которые производили необыкновенные движения, а тем временем страшные вороны терзали их, стремясь вырвать из них куски мяса» [цит. по ст. В. Г. Чернобаева (1939: 413)].

¹⁰ Отсюда постоянная связь ворона с костями, получившая отражение в поговорке куда ворон костей не тащивал (не заносил). Ср., например, в арии Ивана Сушанина из оперы М. Глинки (1836): *Туда завел я вас, // Куда и серый волк, // Не забегал, // Куда и черный вран // Костей не заносил (...)*

¹¹ «Пиршество Александра» — перевод кантаты Драйдена «Alexander's Feast», однако в подлиннике соответствующей картины нет.

¹² Этот же образ — в «Смертных песнях» горцев, включенных в «кавказскую быль» А. Бестужева «Аммалат-бек» (1831): *{...} Очи не милая черной косою — // Ворон закроет крылом!* (Бестужев-Марлинский 1995: 37).

¹³ Ср.: *{...} Вселенной царь стал врану пиром, // Герои — снедию волков* (Г. Державин, «На взятие Измаила», 1790); *Усеялись поля несчетными телами, // Пирует черный вран, играют псы костями (...)* [Ф. Иванов, «Песнь великому вождю героев», 1812 (Поэты 1790—1810-х годов: 344)]; «Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям {...}» [Ростопчин 1992: 219 («Афиши 1812 года», № 17)]; *Свирепый мавр хотел, чтоб их {чернецов} тела // Без погребенья честного истлели, // Чтоб расклевал их вран иль псы их съели, // Чтоб их костей земля не приняла. // Но божии там молнии пылали, // Но божий гром всечасно падал там; // К почившим в нетлении телам // Ни пес, ни вран коснуться не дерзали* (В. Жуковский, «Королева Урака и пять мучеников», 1831); *Погибнут молча наши гости, // И их разбросанные кости, // Добыча вранов и волков, // Сгниют, лишённые гробов* [М. Лермонтов, «Измаил-Бей», 1062—1065 (1832)].

¹⁴ Ср. их объединение в стихотворении Полежаева «Александру Петровичу Лозовскому» (1828): *{...} Мой труп ..... // Добыча вранов и червей {...}*; ср. строку того же автора из поэмы «Чир-Юрт» (1831—1832): *{...} Отраду вранов и червей.*

¹⁵ Ср. отражение этих представлений в поэзии: *Умерла дочка старосты, Катя {...} Воронъ горе не даромъ пророчилъ* [Случевский 1898, II: 85 («Свадьба»)]. Близкую интерпретацию получает ворон как мотив сновидения. По поводу ворона, которого Татьяна находит азбучным порядком в соннике Мартына Задеки, Набоков пересказывает снотолкователь «1880 года издания», где говорится, что «ворон, подающий голос в вашем сне {...} предвещает смерть кого-то из близких» (Nabokov 1975, 2: 519).

¹⁶ Поздняя редакция, как нередко у Жуковского, ближе к оригиналу: *The raven croack'd as she sat at her meal, // And the old woman knew what he said, // And she grew pale at the raven's tale, // And sicken'd and went to her bed.*

¹⁷ Такой же смысл приобретает образ ворона у Тютчева («Вот от моря и до моря...», 1855), Сурикова («Василько», гл. I; 1876), Случевского («Ларчик», гл. I; 1870-е годы), Бунина («На распутье», 1900) и др.

¹⁸ Тема вещего ворона развернута в одноименном стихотворении поэта-дилетанта Н. Коншина (1830): *Здорово, друг ворон, бездомный, бессонный, // Разумная птица моя! (...) Зачем ты так близко к жилищу живого // И ворко так в очи глядишь? // Иль вещую тайну из мира другого // Ты молча на сердце таишь?* etc. (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 366). Ср. позднее у Фета: *{...} Закаркал ворон вдруг, чернея в высоте, — // Закаркал как-то зло, отрывисто и резко. // Тот плач давно умолк, — кругом и смех и шум; // Но сердце вечно, зная, пугаться не отвыкнет; // Гляжу в твои глаза, люблю их нежный ум... // И трепещу — вот-вот зловещий ворон крикнет* («Не спрашивай, над чем задумываюсь я...», 1854). Отсюда — перифрастический сдвиг (зло)вещий сон → зловещий ворон: Эмма «каждый вечер засыпала тихо и спокойно, и никакое дневное событие не перерождалось для нее в привидения ночи: она не видала никаких снов, этих зловещих воронов нашей действительной жизни!» [Полевой 1986: 283 («Эмма», гл. I; 1834)]. Той же природы редкое сравнение молвы, несущей грозные вести, с вороном: *Ко древним Афинам, как ворон, молва // Неслась пред ладьями моими, // На мраморной лапе пирейского льва // Мечом я насекал мое имя!* (А. К. Толстой, «Песня о Гаральде и Ярославне», 1869).

¹⁹ Этот перифраз находим у Кюхельбекера: *Слышу птицу предвещаний: // Дик ее унылый стон; // Светлую толпу мечтаний // И надежду гонит он. // О! скажи, жилец дубравы, // Томный, жалобный пророк, // Иль меня на поле славы // Ждет неотразимый рок?..* («На Рейне», конец 1820 или начало 1821).

²⁰ С вороном как предвестником беды в русской поэзии соперничает филин, связанный в этом качестве с западной романтической традицией: *Мы после вдруг заговорили // О новых книгах, о стихах // И модный романтизм хвалили. // «Хвала германцам! О чертях // Они понятие нам дали! (...) И доказали // Что шабаш ведьм и колдунов (...) Крик филинов и змей шипенье — // Прямое сцены украшение (...)»* (В. Пушкин, «Капитан Храбров», гл. IV; 1828—1829)]. Ср. безумолчный крик филина, предвещающий трагические события в «Смальгольмском бароне» Жуковского (1822; перевод из В. Скотта, у которого, впрочем, филина нет) и «могильный крик» «ночного вещуна» в переводном (?) стихотворении Н. Станкевича «Филин» (1830). В той же функции выступает филин в «Песне» Тютчева, переложении из шекспировского «Сна в летнюю ночь»: *Угли гаснут на костре, // Дико филин прокричал // И больному на одре // Скорый саван провещал* (опубл. 1833; в английском подлиннике фигурирует *the screech-owl*); у М. Деларю в переводе из Овидиевых «Метаморфоз»: *Филин, предвестник беды, простонал похоронную песню...* (Деларю 1980: 194; в точном соответствии с оригиналом: *{...} fupereus bubo*

letali cattine fecit). Ср. позднейший пример: *Страшную беду // Почувствовав, мы сразу замолчали. // Зауспокойно филины кричали. // И душный ветер буйствовал в саду* (А. Ахматова, «За озером луна остановилась...», 1922). Иногда две зловещие птицы (ворон и филин) попадают вместе — например, в сказочном контексте, как у Жуковского [*... То тяжкий филина полет, // То вранов раздается рокот; // То слышится русалки хохот ...*] («К Воейкову», 1814), или в аллегорическом, как у Кюхельбекера [*Что для тебя шипенье змей, // Что крик и Филина и Врана?*] («Поэты», 1820)].

Новая русская поэзия, сохранив унаследованный от пушкинской эпохи образ ворона как истребителя трупов, отчасти передала функцию «зловещателя» вороне. Вопреки народному представлению о том, что «воронъ каркаетъ, къ несчастью; ворона, къ ненастью» (Даль 1880, I: 244), в русской литературе с конца XIX в. крик ворон также предвещает беду. Это не единственный случай вытеснения ворона вороной. Еще раньше такая же замена произошла в истории русской басни с сюжетом о глупой птице, из-за уловок лисы лишившейся своего куска мяса или сыра: наша ворона (в баснях Сумарокова, Хераскова и Крылова) заняла место, которое в общеевропейской басенной традиции, через Лафонтена восходящей к Эзопу, Фенелону и Бабрию, изначально принадлежало ворону; ср.: «*... боковые аллеи уставлены были изображениями окрашенной жести из Эзоповых и Федоровых басен; ворон, заслушавшись лису, выпускал изо рта сыр, волк пил из одного ручья с ягненком ...*» [Корнилович 1957: 111 («Андрей Безыменный», гл. XIII; опубл. 1832)]. Из русских баснописцев Ворона в этом сюжете сохраняет только Тредиаковский, у которого Лисица в своей обманной речи совмещает несовместимое: восходящее к античным первоисточникам льстивое сравнение ворона с орлом и способность ворона к предсказаниям, которая плохо вяжется с образом глупой птицы, не сумевшей провидеть свое ближайшее будущее.

²¹ Иначе — «голубь ковчега»: *Среди безжизненного сна, // Средь гробового света, // Своею ласкою поэта // Ты, рифма! радуешь одна. // Подобно голубю ковчега, // Одна ему, сь роднаго берега, // Живую вѣтвь приносишь ты; // Одна сь божественнымъ порывомъ // Миришь его твоимъ отзывомъ // И признаешь его мечты!* [Боратынский 1842: 88 («Рифма», опубл. 1841)]; *Как часто любил я ... мыслью, как голубь ковчега, носиться в то грозное время, // Когда разливались воды потопом на грешную землю ...* (Д. Ознобишин, «Кавказский полдень и буря», 1839, 1842); ср. ранее у А. Бестужева: «Подобно голубю, отпущенному с ковчега, она (мысль Белозора) летела в край неведомый и возвратилась с веткою маслины» [Бестужев-Марлинский 1981, I: 344 («Лейтенант Белозор», гл. I; 1831)]. В отличие от Пушкина, называющего птицу, несущую весть о примирении, высоким славянско-библейским именем голубица, процитированные авторы, следуя общеевропейской традиции, пользуются именем мужского рода голубь (Пильщиков 1999: 291, 293 примеч. 24; ср. Мурьянов 1996: 41—43).

²² Пройдет четыре года, и в описании петербургского наводнения, вновь отсылая к библейскому повествованию о Всемирном потопе, Пушкин открыто воспроизведет

это двуединство: *Народ // Зрит божий гнев и казни ждет* [*«Медный Всадник»*, 1, 103—104 (1833)]. Едва ли есть основание связывать эту «казнь» с «казнями египетскими», как предлагает И. З. Серман (Serman 2000: 158).

²³ Друг Пушкина С. А. Соболевский вспоминал: «Я провел детство в Москве; один тогда из главных предметов учения была мифология; я ей учился по аббату Люоне: „*Traité de Mythologie, par l'abbé Lyonnois*“» (ПВС, 2: 15). Мифология входила в обязательный круг общего и домашнего образования — даже для девочек; отражения этого факта см., например, в романе Тургенева «Рудин» (1855), в воспоминаниях Е. А. Сушковой-Хвостовой (1860), на страницах романа Я. Полонского «Признания Сергея Чалыгина» (1867), повествующих об александровской эпохе (см. Полонский 1986: 20, 36), etc.

²⁴ Известно о школьном сочинении 14-летнего Лермонтова «Геркулес и Прометей» (М. Ю. Лермонтов — М. А. Шан-Гирей, около 21 декабря 1828 г.).

²⁵ Ср.: *Япетов сын (Прометей) во мрачность века // Не из скудели ли сырой // Сложил чудесно человека? [С. Бобров, «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз», 1792—1800 (Поэты 1790—1810-х годов: 87)]; Как Прометей, обнявши все сказанья, // Он древний мир в обломках разгадал, // И чудные, погибшие созданья // Из персти взял и к жизни воссоздал* (Д. Ознобишин, «Кювье», 1840).

²⁶ Ср.: *Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найдти // Въ сей жизни блаженство прямое; // Небесные боги не дѣлятся имъ // Съ земными дѣтьми Прометея. // Похищенной искрой созданье свое // Дерзнулъ оживить безразсудный; // Безсмертныхъ онъ презрѣлъ и страшная казнь // Постигнула чадъ святотатства* [Боратынский 2002, 1: 185 («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...», 1821)]; Он (Пушкин) *вдунул, будто новый Промефей, // Живую душу в наш язык прекрасный (...)* [В. Кюхельбекер, «До смерти мне грозила смерти тьма...», 1845; еще раньше с Прометеем Пушкина сравнивал А. Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823: 24)].

²⁷ Ср.: *Япетов сын эфирный пламень // Похитил для людей с небес (...)* (Н. Карамзин, «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», 1794); *Эрмий, раскуй Промефея! Стареу, утешься меж славных // Теней! Небесный огонь не вотще похищен был тобою! // Пользой твое святотатство изгладилось!* (А. Дельвиг, «Изобретение ваяния», 1825—1829); *Поэзия! Твое святилище при рода! // Как древний Промефей с безоблачного свода // Похитил луч небесного огня, // Так ты свой черпай огонь из тайных недр ея* (П. Вяземский, «Байрон», 1824—1827); (...) *Как Промифей, похитил он // Источник жизни, дивный пламень, // И вокруг себя, как Пигмалюн, // Одушевляет хладный камень* (Д. Веневитинов, «Утешение», 1826); *Путник! Бессмертные дорого ценят небес достоянье! // Тяжко страдал Промефей, хищник святого огня!* [М. Деларю, «Могила поэта», 1830 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 505)]; *И вижу я тогда, как дерзновенно, // Исполнен мыслью, дивный Прометей // Унес с небес богов огонь священный (...)* (Н. Огарев, «Поэзия», 1841). То же, но в редуцированной форме: *Кому, песнопевцу, кому ты передал // Небесный твой пламень, другой Проме-*

тей? (М. Милонов, «На кончину Державина», 1816). Обращает на себя внимание частотность сравнений Прометея с поэтом (а его огня — с поэзией или поэтическим вдохновением).

²⁸ Ср.: (...) *Как древле изгнанный преступник на скалу // Богами брошен был на жертву хищной власти* (...) (П. Вяземский, «К В. А. Жуковскому», 1819); *К скале, как Промефей, // Прикован я, не оторвусь от ней! // Темно, темно везде — и нет нигде исхода* [В. Кюхельбекер, «Ижорский», I, 4 (1826—1841)].

²⁹ Ср.: «(...) грозный Кавказ возносится заоблачною стеною и оковывает взор и воображение дикими своими ужасами. Сколько воспоминаний исторических и баснословных! Здесь скалы, к которым прикован был Прометей (...)» [Сомов 1974: 557 («О романтической поэзии», статья III; 1823)]; *Вещай, отчизна гор, которая скала // Кровь Прометееву пила?* [В. Тепляков, «Кавказ», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 606)]; *Таков сей край от древних лет, // Свидетель казни Прометея* (...) (А. Полежаев, «Отрывок из послания к А. П. Л(озовскому)у», 1833). Примечательны такие ассоциативные переносы, как а) *Кавказ ~ Прометей* → *Остров Святой Елены ~ Наполеон*: «(...) Наполеон стал предметом поэтическим только после низвержения. На скале своей он посвящен был несчастьем, и поэзия присвоила себе сего Промефея, уже не баснословного, но исторического и современного» [Вяземский 1982: 144 («О Ламартине и современной французской поэзии», 1830)]; б) *Кавказ ~ Прометей* → *Воробьевы горы ~ Витберг*: «Прошло еще пять лет, я был далеко от Воробьевых гор, но возле меня угрюмо и печально стоял их Прометей — А. Л. Витберг» [Герцен 1956: 82 («Былое и думы», ч. 1, гл. IV; 1852—1853)].

³⁰ Ср.: (...) *Почто же волею своею // Страдать подобно Прометею* (...) (А. Бестужев, «К К(реницын)у», 1818); *Скажи, как он (Прометей) страданий вечность, // Неволи горькой бесконечность // За дружбу к смертному сносил?* [В. Тепляков, «Кавказ», 1828 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 606)]; (...) *изнуренный // Ужасной мукой Прометей* (...) (А. Полежаев, «Кориолан», гл. I, 1834); (...) *Мне же завиден, понятен, твой жребий высокий, // Жребий страдальца за благо людей — Прометея* (Н. Щербина, «Туча», 1846). Тема богоборчества Прометея находилась в центре поэмы А. В. Тимофеева «Древний и новый человек», которая должна была появиться в «Библиотеке для чтения» в марте 1836 г., но была запрещена цензурой, поскольку борьба Прометея с богами могла ассоциироваться с восстанием против властей (Шаронова 2003: 413).

³¹ Ср.: *Мне снилось в юности: орел-громогигант // От Мелеса меня играючи унес // На край земли, на край небес, // Вещая: ты земли и неба обладатель* (К. Батюшков, «Гезиод и Омир, соперники», 1816—1817).

³² Ср.: *Вестник Кронида, почто ты, мощные крылья простиши, // Здесь на гробе вождя Аристомена стоишь?* [Д. Дашков, «Орел на гробе Аристомена», опубл. 1825 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 73)]; *Чистой жертвы не отринул // На Олимпе царь Зевес; // Он во знамение кинул // Гром излучистый с небес: // Вмиг алтарь воспламенился; // К небу жертвы дым влетел, // И над ней горé*

явился // *Зевсов пламенный орел* (В. Жуковский, «Элевзинский праздник», 1833); сюда же относится хрестоматийный *Зевесов орел* из тютчевской «Весенней грозы» (1828). Свой орел был и у римского громовержца Юпитера — ср. отражение этой мифологической детали у Случевского («Мертвые боги», опубл. 1859), а позднее у Фета [...] *Летит за облака Юпитера орел, // Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах* («Как беден наш язык! — Хочу и не могу...», 1887)]. Отсюда изображения одноглавого орла на знаменах Рима и далее на гербах Франции, Германии, Польши и др.

³³ Ср. «калмыцкую сказку» об орле и вороне, рассказанную Пугачевым Гриневу («Капитанская дочка», гл. XI): «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-все только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать, да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!» (8, кн. 1: 353).

³⁴ Характерный параллелизм орлы — волки не находит поддержки в библейском тексте (Иов 39, 27—30).

³⁵ Ср. также орлов, сидящих на «падали» загнанного «варварского коня» и рвущих его «внутренности» в лесковской «Легенде о совестном Даниле» (1888), действие которой происходит «полторы тысячи лет тому назад на Востоке близ Синайской горы» (Лесков 1989: 180, 174).

³⁶ Эти отозвались у Бунина: *Не тот ли это шлях, // Где Игоря обозы проходили // На синий Дон? Не в этих ли местах, // В глухую ночь, в яругах волки выли, // А днем орлы на медленных крылах // Его в степи безбрежной провожали // И клетком псов на кости созывали, // Грозя ему великою бедой? // — Гей, отзовись, степной орел седой!* («Ковыль», 1894). Из того же источника черпал Блок: *Орлий клёкот над татарским станом // Угрожал бедой <...>* [«На поле Куликовом», 3 (1908)]. Симптоматично фольклорное именование орла *Клёкот* *Клёкотович*: оно свидетельствует, что нарицательное *клёкот* и глагол *клек(о)тать* закреплены в языке исключительно со звуками, что испускают орлы. Вот почему, к примеру, в стихотворении Мандельштама «Не искушай чужих наречий...» (1933) *клёкот* заставляет нас думать об орле или об орлах, не названных, но подразумеваемых в качестве символа поэзии, поэтического творчества и великих поэтов (подробнее см. ниже): *Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть: // Ведь всё равно ты не сумеешь стекла зубами укусить! // О, как мучительно дается чужого клекота почет: // За беззаконные восторги лихая плата стережет!*

³⁷ Ср.: *Почуя близость непогоды. // Орлы летели к небесам // Навстречу молнии, громам, // Как званные на пир природы!* [В. Григорьев, «Вечер на Кавказе», 1825 (Поэты 1820—1830-х годов, 1: 386)]; *Орел на громовой дороге // Купает в радуге крыле <...>* [А. Бестужев (Марлинский), «Шебутуй», 1829]; *Гром и мол-*

ния; под тучей // И бесстрашный и могучий // Тихо плавает Орел (...) Что ему твой треск громов! // Буря сильному знакома. // Он у самых облаков // Учит молодых орлов // Не бояться бурь и грома (Н. Кукольник, «Школа», 1837). Те же аксессуары — в развернутом сравнении Жуковского из «Песни барда над гробом славян-победителей» (1806): Как орлий со скалы пустившийся птенец, // Впервые восшумев отважными крылами, // Близ солнца зря трудов и поприща конец, // Парит, превыспренный, и вдруг, небес громами // Сожженный посреди стремленье к высотам, // В гремящих тучах исчезает... // Так пал с победой Росс! Эти строки неожиданно отзовутся у Мандельштама: (...) И, как испуганный орел, // Вернувшись, больше не нашел // Гнезда, сорвавшегося в бездну, — // Омоюсь молнии огнем // И, заклиная тяжкий гром, // В холодном облаке исчезну! («В самом себе, как змей, таясь...», 1912).

³⁸ Отсюда сравнение солнца с орлом: Глухое море как вино кипит, // Над морем солнце, как орел, дрожит (...) И в небесах, торжествен и тяжел, // Как из моталла вылитый орел (О. Мандельштам, «Над алтарем дымящихся зыбей...», 1910).

³⁹ У других авторов: Я вижу: орел // Эфир рассекает // Могучим крылом; // Как бурная туча, // Он к солнцу влетает // И солнце играет на нем [Д. Ознобишин, «Мысль» («Гляжу я на небо...»), 1826]; (...) Паритъ, ширяетъ царь — орелъ // Превыше облакъ разноцвѣтныхъ. // Пронзивъ заслоны темныхъ тучъ, // И пьетъ изъ солнца жаркѣй лучъ? // Махая мощными крылами, // Купаясь въ воздухъ съдомъ, // Онъ любитъ плавать надъ скалами, // И обзаводится гнѣздомъ // На остромъ темѣ горъ высокихъ (...) [Глинка Ф. 1859: 161 («Иов», 1826—1834)].

⁴⁰ Ср.: «(...) тут приятно смотреть на орла, как он, опустясь на прибрежную вершину, сидит спокойный с чувством своей царственной силы» [Павлов 1989: 60 («Ятаган», гл. II; 1835)].

⁴¹ Ср.: (...) А этот Кремль (...) Есть колыбель Орла // Из царственной семьи великой! (Ф. Глинка, «Рейн и Москва», 1841). Каноничны сравнения царя с орлом, царицы — с орлицей, а царских детей и слуг — с орлятами: (...) И царица над ребенком, как орлица над орленком (...) (А. Пушкин, «Сказка о царе Салтане», 1828—1831); Я помню рыцарское время // Дворянство, ревностью горя, // Как вокруг орла орлино племя, // Теснилось около царя! (М. Дмитриев, «Старик», 1844).

⁴² «Екатерининскими орлами» любовался Пушкин (см. «Воспоминания в Царском Селе», 1829; «Перед гробницею святой...», 1831).

⁴³ Ср. слова Державина об А. Г. Орлове: (...) Он взглядом, мужеством, породой, // Заслугой, силою — орел («Афинейскому витязю», 1796); о Ф. Г. Орлове: Орел из стаи той высокой, // Котора в воздухе плыла // Впереди Минервы светлоокой, // Когда она с Олимпа шла; — // Орел, который над Чесмою // Пред флотом Россиян летал (...) («На кончину графа Орлова», 1796); слова Жуковского о М. Ф. Орлове: (...) Орлов отважностью орел (...) («Певец во стане русских воинов», 1812); слова Милонова о Кутузове: Валетел, схватил перун небесный // Ма-

ститый севера орел — // И где сей исполин чудесный, // Что покорить вселенну шел? («Ода на победы Кутузова», 1812); слова Тютчева о Наполеоне: Два демона ему служили. // Две силы чудно в нем слились: // В его главе — орлы парили. // В его груди — змии вились... // Ширококрылых вдохновений // Орлиный, дерзостный полет (...) [«Наполеон», II (опубл. 1850)]. В основе образов Державина и Жуковского лежит *figura etymologica*.

⁴⁴ Ср.: Скажи, скажи, о мать, нам, // Склоня величественны взоры. // Куда еще лететь орлам? (И. Дмитриев, «Глас патриота на взятие Варшавы», 1794); О Росс, о ужас дерзновенных! // Пусть смеют испытать, где мощь руки твоей, // Уснули ль полчища орлины (...) (В. Жуковский, «Песнь барда над гробом славян-победителей», 1806); Дружиной смелой вам вослед // Бежим на пир кровавый; // Да мчится ваш победный строй // Пред нашими орлами (...) (В. Жуковский, «Певец во стане русских воинов», 1812); (...) И самый враг, неволю гнетомый, // Твоих орлов благословляет громы: // Ты жизнь ему победами даришь... (В. Жуковский, «Вождю победителей», 1812). Отсюда уже не в поэтическом, а в общеупотребительном языке — предикативная характеристика орел «о выдающемся, превосходящем в чем-либо других человеке» (БАС, 8: стб. 1017—1018); возможно с отрицанием: «У него прекрасное сердце... конечно, он не орел...» [Панаев 1988: 256 («Литературные воспоминания», ч. 2, гл. V; 1860—1861)].

⁴⁵ Строчка Вяземского пародийно обыгрывается Пушкиным в письме к ее автору: В глуши, измучась жизнью постной, // Изнемая животом, // Я не парю — сижу орлом // И болен праздностью поносной (около 7 ноября 1825 г.).

⁴⁶ Ср. также: (...) И тебе, орелъ поези! // Подлѣ Грея, подлѣ Томсона // Мѣсто на небѣ готовится [Воейков 1813: 29 («К Ж(уковскому)»)]; Как в дикости своей пленительна природа, // Подобно песнь твоя, российский Оссиян! // В ней гения видна орлиная свобода: // Орлом ширяться дар тебе природой дан [Н. Грамматин, «Надпись к портрету неизвестного сочинителя „Слова о полку Игоревом“, 1818 (Поэты 1790—1810-х годов: 328)]; (...) гений (...) Ширяясь как орел, на небеса парит // И с высоты на низ с презрением глядит (...) (К. Рылеев, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821); (...) Свободен, весел, полон сил, // Орел великий вострепнется, // Расширит крылья и взвощется // К бессмертной области светил (Н. Языков, «Поэт», 1825); «Каким оружием оборонится наш поэт? Гений не защита от козней, крылья орла не пробьют веревочной сети» [Катенин 1981: 203 («Ответ господину Полевому...», 1833)]; и т. д.

⁴⁷ Ср.: Как бодро, следом за мечтою, // Волшебным очарован сном, // Забот не связанный удуго, // Я жизни полетел путем. // Желанье было — исполнение; // Успех отвагу пламенил: // Ни высота, ни отдаленье // Не ужасали смелых крил (В. Жуковский, «Мечты», 1812); Я не сержусь на едкий твой упрек: // На нем печать твоей открытой силы; // И, может быть, взыскательный урок // Ослабшие мои возбудит крылы (П. Плетнев, «К А. С. Пушкину», 1822); Я загораюсь и горю, // Я порываюсь и парю // В томленьях крайнего усилья, // И верю

сердцем, что растут // И тотчас в небо унесут // Меня раскинутые крылья (А. Фет, «Я потрясен, когда крутом...», 1885).

⁴⁸ Тема эта имеет множество важных поворотов и преломлений, заслуживающих специального изучения. Один из них — преследование Орла-Поэта жалкими существами презренного дольного мира, и в финале — убийство Орла как преступление профанного мира перед сакральным. В баснях, притчах и апологах орлы противопоставляются разным мелким и/или низменным животным, птицам и насекомым — с говорящими сами за себя заглавия вроде «Орел и червяк» (С. Марин, 1806), «Орел и Комар», «Орел и Жук» (В. Жуковский, 1806), «Орел и Куры» (И. Крылов, 1813), «Орел и Паук» (И. Крылов, 1813), «Орел и Филин» (Л-в, «Полярная Звезда на 1824 г.»), «Орел и змея» (Я. Полонский, 1866), «Орел и голубка» (Я. Полонский, 1887) и т. п. Аналогичные мотивы есть и в других жанрах: орлы vs совы и нетопыри (архиеп. Амвросий, Речь на коронации Елизаветы, 25 апреля 1742 г.); орлы vs черви (П. Вяземский, «Сибирякову», 1819); орлы vs вороны (А. К. Толстой, «Ой стоги, стоги...», 1840-е годы); орел vs вран (К. Рылеев, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1821); орлы vs сычи (В. Кюхельбекер, «Поэты», 1820); орел vs черепаха (П. Вяземский, «Послание к М. Т. Каченовскому», 1820); орлы vs волки (А. Плещеев, «Если хочешь ты, чтоб мирно...», 1864). Ср. также оригинальное противопоставление орел vs бумажный змей в повести Н. Полевого «Живописец» (1833): «Он (поэт, художник) в облаках и думает, что он орел, а его тянут к земле ниткою: он бумажный змей, пущенный с земли прихотью ребенка» (Полевой 1986: 259).

⁴⁹ Например, у Державина: *Орел полнощный, огромный, // Сопутник молний торжеству, // Геройской провозвестник славы (...)* *Потухший гром в кохтях своих // И лавр с оливными ветвями // Держал, как будто бы уснув* («Видение Мурзы», 1783—1784); *Носитель молнии и грома // Всесильного Петрова дома! // Куда несешься с высоты? // Приняв перуны в когти мочны, // Куда паришь, Орел полнощный! // И на кого их бросишь ты?* («Орел», 1799); (...) *Чрез непреступны переправы // На высоте ты новой славы // Явился, северный Орел!* («На переход Альпийских гор», 1799).

⁵⁰ Оценочное противопоставление орла коршуну, ястребу и ворону настолько укоренилось в русском культурном и языковом сознании, что последовательно отражается всеми средствами нашего образного строя, и в частности сравнениями различных типов. Несомненно присутствие положительной оценки в таких речениях, как *лететь, парить, возноситься, кидаться в битву орлом (как орел)*, а также *смотреть 'выглядеть' орлом*: «Я замираю от страха, да и Давыд бел, как глина, а смотрит орлом» [Тургенев 1982, 9: 89 («Часы», гл. XVIII; 1875)]. Ср., с другой стороны, *бросаться, кидаться на добычу, жертву коршуном, ястребом, вороном; (на)летать коршуном, ястребом: Смерть над ним летает коршуном!* (М. Лермонтов, «Последний сын вольности», 145; 1830)]. В стилизации А. К. Толстого коршун оказывается в характерном окружении: *Уж ты мать-тоска, горе-гореванье (...)* *Ты змеей ли ползешь подколенною? // Ты ли бьешь с неба бурым кор-*

шумом? // Серым волком ли рыщешь по полю? («Уж ты мать-тоска, горе-горева-нице...», 1854). Таковы же обращения-уподобления: Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! (...) Ты проклянешь и день и час, // Когда ты дочь крестил у нас (...) И ночь, когда голубку нашу // Ты, старый коршун, заклевал! [А. Пушкин, «Полтава», 246—261 (1828)]. Многочисленны сравнения с коршунами и ястребами у Тургенева; ср. хотя бы: «(...) как ястреб когтит пойманную птицу, глубже и глубже врезывалась тоска в его сердце» [Тургенев 1981, 6: 53 («Дворянское гнездо», гл. XVI; 1858)]. Реже встречаются сравнения с враном (вранами), несущие отрицательные коннотации, например у М. Хераскова: Но враг, рассвирепев, на пагубу течет, // На персях у себя он явны зрит глубоки // И крови собственной текущие потоки; // Своей суровостью и злобой ослеплен, // Тем паче зверствует, чем больше изъязвлен: // Такая движет злость ко брани оттоманов // Противу северных орлов, как хищных вранов [«Чесмесский бой», песнь I (1771); орел здесь — еще геральдический символ и намек на флотоводцев — братьев Орловых]; (...) Как враны хищные, на их (бояр) мятежный глас // Поляки двинулись и растерзали нас [«Освобожденная Москва», I, 1 (1798)]. Ср.: (...) Кто на путях не рыщет алчным враном (...) (А. Грибоедов, «Серчак и Итляр», 1825?); Жид, униат, литвин, поляк — // Как стаи кровожадных вранов // Терзают беспощадно нас (К. Рылеев, «Наливайко», 1825); О Русь! // Многих твоя уж правит тризна, // И каждый твой пришлец, как вран, // Питается от наших ран, // От ран и язв твоих, Отчизна!.. [Е. Зайцевский, «Памяти Пушкина», 1837 (цит. по Вацуро 1979б: 60)]. Обращают на себя внимание аксиологически инвертированные сравнения с враном, характерные для идиостиля Рылеева: Ковать ли станет на граждан // Пришлец иноплемennyй цепи: // Он (верный сын отчизны) на него (пришлеца) — как хищный вран, // Как вихрь губительный из степи! («Волынский», 1822); Помчался хан в глухие степи, // За ним шумящим враном страх; // Расторгнул русский рабства цепи // И стал на вражеских костях!.. («Дмитрий Донской», 1822); Ни в Чернобоге, ни в Перуне, // Ни в славе, ни в пирах Владимиров покой; // Его ты, грешник, жаждешь втуне: // Как за добычей вран, так совесть за тобой!.. («Владимир Святой», 1822—1823?).

Кроме того, должны быть учтены сравнения, основанные на отдельных признаках этих хищных птиц. Ср., например: орлиный нос 'благородный нос с горбинкой' vs ястребиный нос 'хищный нос, крючком'; орлиный (орлий) 'спокойно горделивый; зоркий; пронизательный' взор (взгляд, глаз), орлиное око vs ястребиный 'хищный и злобный' взгляд; и др.

⁵¹ В XX столетии этот коршун явится у Мандельштама: (...) Где Прометей — скалы подспорье и пособие? // А коршун где — и желтоглазый гон // Его когтей, летящих исподлбья? («Где связанный и пригвожденный стон...», 1937). Следует заметить, что коршун в роли вершителя казни был известен в античной мифологии. В одиннадцатой книге «Одиссеи» (576 сл.) изображен Титий, попытавшийся обесчестить богиню Латону: (...) по бокам же сидели два коршуна (ϕυγε), // Рвали печень (ἥπαρ) его и терзали когтями утробу (Od. XI, 578—579; перевод В. Жуковского). Такая же пытка изображена в VI книге «Энеиды», где говорится не

о двух, а об одном коршуне или грифе (*vultur*), терзающем печень (*iesur*) наказанного Тития (Аеп. VI, 595—600). Возможно, в европейской культуре нового времени мы имеем дело с контаминацией сюжетов о Прометее и Титии.

⁵² Басня Дмитриева представляет собой перевод Лафонтеновой басни «*Philémon et Baucis*» (XII, 25), в которой действует не ворон, а *грифы* (*vautours*), терзающие Иапетова сына (*le fils de Japet*).

⁵³ В подлиннике — поэме Цедлица «Венки мертвым» — говорится о *коршуне* (*Beier*), терзающем *сердце Прометей*.

⁵⁴ Под впечатлением от повести «Живописец» 9 ноября 1833 г. А. Бестужев писал брату сочинителя Кс. А. Полевому: «(...) а этот Прометей!.. О! знаете ли, что сегодня ночью (это не сказка) я видел во сне над собой этого огромного орла: он пахал холодом с широких крыльев в сердце мое; я хотел бежать и не мог...» (Бестужев-Марлинский 1981, 2: 508).

⁵⁵ В этой работе К. Блюм говорится о сложном взаимодействии античной мифологии и библейского предания в «Рифме» Боратынского и в более широком контексте его «Сумерек».

⁵⁶ В стихотворении Державина «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (1810) *Петербург* именуется и *Петроградом*, и *Петрополем*. Ср. далее город «младого Агамемнона» — *святая Петроград* (В. Жуковский, «Императору Александру», 1814), *пышный Петроград* рядом с *Иппокреной* и *Летой* (А. Пушкин, «К сестре», 1814), а также *Петроград* (в том числе в псевдоантичных контекстах) у Батюшкова («Ответ Тургеневу», опубл. 1817), Рыльева («К Делии», 1820; «К другу», 1820; «Давно мне сердце говорило...», 1821; «Видение», 1823), Боратынского («Пир», 1820, «Н. И. Гнедичу», 1823; «Где ты, беспечный друг? где ты, о Дельвт мой...», ред. сб. 1827 г.), Мерзлякова («Полтава», 1827), Шевырева («Петроград», 1829) и позднего Пушкина [«Медный Всадник», I, 1 (1833)].

⁵⁷ В числе первых, если не первым, кто ввел это слово в употребление, был Ломоносов («Ода на прибытие из Голстинии ... Петра Феодоровича 1742 года Февраля 10 дня»; «Ода на прибытие ... Елисаветы Петровны ... 1742 года по коронации»; «Ода на рождение ... Павла Петровича сентября 20 1754 года»; и др.). Позднее мы встречаем *Петрополь* у Державина («Видение Мурзы», 1783—1784), в пушкинской «Тени Фонвизина» (1815), у Рыльева («Пустыня», 1821) и Загоскина («Послание к Н. И. Гнедичу, 1821), у Пушкина в «Графе Нулине» (122; 1825) и в «Медном Всаднике» (I, 92; 1833), а затем и в послепушкинской поэзии (в частности, у А. Григорьева в XIX в. и у Мандельштама в XX-м). От *Петрополя* происходит имя *петрополитанцы* [О. М. Сомов — А. С. Пушкину, 31 августа 1831 г. (14: 217)] и атрибут *петропольский* — например, у Веневитинова («К друзьям на Новый год», 1823—1825) или в названии книги стихов Ф. Я. Кафтарёва (1803—1836) «Петропольские ночи» (С.-Петербург 1832).

⁵⁸ Ср., например: *Но ныне снова в мир с рассудком я вступаю // И, пад пред алтари, богов моих взываю* (...) (М. Милонов, «К Н. Ф. Г(рамматин)у», 1810);

⟨...⟩ *знай, друг, что осужден // Ты своенравными богами // На свете жить и умереть с стихами* ⟨...⟩ *Сноси ж без ропота богов определение!* (В. Жуковский, «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», 1814); *Наперснику богов безвестны бури злые, // Над ним их промысел* ⟨...⟩ (А. Пушкин, «К Дельвигу», 1817); *Зачем же жизнь дана мне от богов?* ⟨...⟩ *Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — унижение, // Нет, праведно богов определение!* (А. Пушкин, «Князю А. М. Горчакову», 1817); *Что до богов? пускай они // Судьбами управляют мир!* (А. Дельвиг, «Поэт», 1820); и мн. др.

⁵⁹ О роли бурлескной традиции в истории русской поэзии и поэтического языка см. Шапир 2002 и другие работы этого автора.

⁶⁰ В шутовом «Разговоре» Жуковского языческий бог Амур призывает в свидетели Бога христианского: — *Как звать тебя, чужак? Кто ты? — Я бог Амур! // Обманывай других! Ты шутишь, балагур! // — Ничуть! Свидетель Бог! Амуром называюсь!* (1806). Ср. восклицание *ради бога!* в квазиантичном контексте батышковского «Страннователя и домоседа» (1814), очаровательное своим простодушием обращение к Киприде в лирике Дельвига: *Прощай, Киприда, бог с тобою!* («Вакх», 1815) — или христосование в пушкинском послании к дяде: *Христос воскрес, питомец Феба!* («Из письма к В. Л. Пушкину», 1816). Ср. также у Языкова: *Итак, вперед! молюся богу, // Да он меня благословит, // Во имя Феба и харит, // На православную дорогу* ⟨...⟩ («К П. А. Осиповой», 1827). А вот ярчайший пример уже не игрового, а вполне серьезного проявления такого культурного двоемирия-«двоеверия» — стихотворение Тютчева «Странник» (1829): *Утолен Зевсу бедный странник, // Над ним святой его покров!.. // Домашних очагов изгнанник, // Он гостем стал благих богов!..* ⟨...⟩ *Ему отверста вся Земля — // Он видит все и славит Бога!..*

Через полвека все изменилось; эпоха культурного двоемирия закончилась. Показательно, что в письме Фету от 27 января 1878 г. Толстой, восхищаясь его стихотворением «Alter ego», был не удовлетворен сравнением как *боги*. В ответном письме (31 января 1878 г.) Фет принужден был объяснить выбор выражения: «Что касается: „как боги“, то я, писавши, сам на него наткнулся, но тем не менее оставил. Знаю, почему оно Вам претит, — напоминает неуместную мифологию. Но Вы знаете, что мысль всякую, а тем более в искусстве, трудно заменить. А чем Вы выразите то, что я хотел сказать словами: как боги? Словами: *так властно*, как черти с расширенными ноздрями, не только наслаждаясь, но и чувствуя свое исключительное господство, как в *раю*? Односторонне и бледно» (ТПРП: 10, ср. 9).

⁶¹ Ср. в этой связи программное заявление 15-летнего Пушкина, что он не держал в стихах бессмысленных ⟨...⟩ *святую богородицу // Вместе славить с Афродитой* («Бова», 1814).

О ПЕТРЕ ПЕТРОВИЧЕ КУРИЛКИНЕ, О «ПОКОЙНИКАХ» И «МЕРТВЕЦАХ», О «ГРОБАХ НАПРОКАТ», О ЖЕЛТОМ ЦВЕТЕ И МНОГОМ ДРУГОМ («Гробовщик»)

В основе «Гробовщика» — заданный его первой фразой (ср. Бочаров 1974: 215) жизненный парадокс «гробовых дел мастера», особенностями своей профессии обреченного символизировать противоестественный союз жизни и смерти, а точнее жизни, живущей смертью¹. Этот парадокс организует все уровни пушкинской повести и реализуется во множестве конкретных оппозиций, в которых участвуют

1) общие и частные категории русского культурно-языкового сознания: «жизнь vs смерть», «живое vs неживое», «лицо vs предмет», «активное vs пассивное», «подлинное vs кажущееся», «правдоподобное vs фантастическое», «серьезное vs смешное», «свое vs чужое/чуждое», «логически обоснованное vs алогичное», а также «гроб ~ дом», «похороны ~ новоселье», «похороны ~ свадьба» и др.;

2) все сопричастные семантике центрального противопоставления категории и единицы языка — от высших (каковы категории лица vs не-лица, одушевленности vs неодушевленности, актива vs пассива...) и до низших, то есть фонетических;

3) обладающие необходимыми смысловыми потенциями сюжетно-композиционные и образные средства; цитатно-паремиологический и мифологический материал; разные виды тропов и фигур в таком взаимодействии и густоте, каких, видимо, не знает ни одно другое произведение Пушкина.

На службу центральному противопоставлению призваны все без исключения собственные имена повести, что особенно ярко свидетельствует о ее игровой природе.

Такова, например, оппозиция имен *Готлиб Шульц* vs *Адриан Прохоров*, первое из которых принадлежит цеховому 'старосте' (нем. *Schulze*), возглавляющему живой и веселый мир немцев-лютеран, «басурман», тогда как второе — гробовщику, стоящему во главе хора «мертвецов православных» (8, кн. 1: 92). При этом в имени первого парадоксально записана 'милость/любовь Бога' (*Gott-lieb*), а имя второго — *Адриан* (не *Андриан*!)² — анаграмматически (через *ад*)³ и вместе с упоминаемым в тексте «почталионом Погорельского» (8, кн. 1: 91), персонажем повести «Лафертовская маковница», отсылает читателя к потустороннему миру преисподней и адских видений [ср. восклицание *что за дьявольщина!* (8, кн. 1: 93)]. Таково же «противоречие» между фамилией купчихи *Трюхиной*, что «уже около года находилась при смерти» (8, кн. 1: 90) [ср. междометие *трюх-трюх!* от *трюхать* 'бежать мелкой неторопливой рысью' (МАС, IV: 421)], и названием улицы *Разгуляй*, где находится ее дом: топоним и антропоним образуют яркий сюжетный оксюморон — «медленное умирание на веселом Разгуляе». Такова, наконец, центральная коллизия двух именований, одно из которых принадлежит протагонисту Адриану Прохорову, а другое — персонажу его сна «отставному сержанту гвардии Петру Петровичу Курилкину», явившемуся на зов гробовщика вместе с другими покойниками (8, кн. 1: 94; Пеньковский 1990).

В пушкинистике принято констатировать формальную и содержательную связь фамильного имени *Курилкин* с общеизвестной русской поговоркой *Жив курилка* (ее используют, говоря о том, кого ошибочно полагали умершим, но кто на самом деле жив⁴). Это совершенно справедливо, но недостаточно. В трехкомпонентном именовании *Петр Петрович Курилкин* значим выбор не только фамильного имени [*Курилкин* < *Курилка* < *курилка* «головенька изъ спички, дымящаяся лучинка» (Даль 1881, II: 222)], но и таутономической модели имени-отчества, традиционной в русском народно-поэтическом языке при именовании «с м е ш н ы х с т р а ш и л и щ» (ср. Пеньковский 2004в: 377—378). В целом же именование, выявляя скрытую в нем энергию смысла, оказывается мифологемой, раскрывающейся в пушкинском описании этого персонажа. «Маленькой скелет» Петра Петровича Курилкина, «кости ног» которого «бились в больших ботфортах, как пестики в ступах» (8, кн. 1: 93—94)⁵, — не что иное, как воплощение метафоры, связанной с древней языческой обрядовой игрой:

«Гробовщик»

Жив, жив курилка,
Жив, жив, да не умер.
У нашего курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька.

(Цявловская 1959: 685)⁶

Оказывается, таким образом, что в именовании мертвеца, являющегося затуманенному сознанию гробовщика, заключена идея жизни, тогда как в полуотчестве-полуфамилии живого Адриана Прохорова анаграмматически записана идея смерти: *Прóхоров(ич) ~ póхороны* (Пеньковский 1990: 99; ср. Давыдов С. 1997: 45)⁷. Этот поразительный хиазм находит свое выражение еще дважды. Во-первых, в реплике немца Шульца: «⟨...⟩ живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет», — сказанной «тем русским наречием, которое мы без смеха доньше слышать не можем» (8, кн. 1: 90). А во-вторых, в тосте чухонца Юрки, единственного «из русских чиновников» на немецком празднестве, предложившего Прохорову выпить «за здоровье своих мертвецов» (8, кн. 1: 91, 92; ср. Сазонова С. 1999: 174—175).

Очевидно, что приведенные фрагменты, где глагол *жить* в нарушение естественного порядка вещей предцифрован мертвому, которому приписывается также свойство, присущее лишь живому, — *здоровье*, воспринимаются современным сознанием как безусловное нарушение языковых и/или логических норм. Пытаясь объяснить себе сущность и природу этих нарушений, мы скорее всего придем к мысли о двойной их мотивировке: в них можно видеть, с одной стороны, проявление иноязычного акцента (немецкого или финского), а с другой стороны, намеренные *lapsi linguae*, использованные повествователем в художественных целях, которые никак не сводятся к созданию языковых характеристик нерусских персонажей. Однако в языковой системе пушкинской эпохи «личное» и «предметное», «живое» и «неживое» были противопоставлены менее жестко и последовательно, чем в наши дни. В частности, глагол *жить* и в говорах, и в просторечии, и во всех стилевых вариантах литературного языка можно было, не нарушая при этом общезыкового стандарта, использовать не только в значении 'быть живым, существовать' (МАС, I: 487), но также — при неличных, предметных субъектах — в значении 'быть, бывать, существовать, иметься' и даже 'сложиться, быть пригодным на худой конец' [В сатирическую оду И. Долгорукова «Живет» (не позднее 1817)]⁸:

1а) «Живетъ у насъ и вино. Ленъ растунецъ живетъ высокій» (Даль 1880, I: 544); «Зимой у них сроду не живет солнце»; «Давно скородник живет у меня» (СРНГ, 9: 194);

1б) «Всяко живетъ на свѣтѣ» (Даль 1880, I: 544); «В один день по две радости не живут» (СРНГ, 9: 194);

2а) «У меня гармония редкостная — она, может, одна такая-то и живет на свете. М. Горький. Трое; Битая посуда два века живет. Послов(ица)» (БАС, 4: стб. 173; с пометой «Разг.» вместо «Устар.» или «Разг. устар.»);

2б) «Ох, и люта же тоска на бродягу живет! (...) Корол(енко). Соколинец. Грех да беда на кого не живет. Послов(ица). На хотенье живет терпенье. Послов(ица)» (БАС, 4: стб. 175; с пометой «Устар. простореч.»); «Живёт такой год, что на день семь погод (посл(овица)). Похвала живёт человеку пагуба (посл(овица))» (ОШ: 195; с пометой «стар., в пословицах»);

3а) Ни там, где Инд живет, лучами опаленный, // Ни в хладном Севере для сердца нет отрад! (К. Батюшков, «На смерть Лауры», 1810); (...) Есть, нам обещают, // Где-то лучший край. // Вечно молодая // Там весна живет (...) [В. Жуковский, «Песня» («Розы расцветают...», 1820); (...) Всё пусто в юрте безответной; // Лишь мрак и холод в ней живет [К. Рылеев, «Войнаровский», ч. II (1823—1824)]; И тамъ живетъ, въ прохладныхъ гнѣздахъ, // Лазурный камень (...); (...) Узналъ-ли, гдѣ дорога къ свѣту // И гдѣ живетъ угрюмый мракъ? [Глинка Ф. 1859: 106, 156 («Иов», 1826—1834)];

3б) (...) А счастье лишь там живет, // Где нас, безумных, нет (К. Батюшков, «Послание к Н. И. Гнедичу», 1805—1809); Увы! мой друг... поэт // Призраками богатый, // Беспечностью дитя, — // Он мог бы жить шутя; // Но горькие утраты // Живут и для него (...) (В. Жуковский, «К Батюшкову», 1812); В тени цветущих сел и градов // Восторг живет еще средь избранных сынов (К. Батюшков, «Переход через Рейн», 1814); От милых ближних вдалеке // Живет ли сердцу радость? (В. Жуковский, «Вадим», 1814—1817); (...) Ах! в свете — только шум живет; // Спокойствие — в уединеньи! (В. Туманский, «Стансы к другу», 1818); О, если б я в сем месте был рожден, // Где не живет среди людей коварность (...) [М. Лермонтов, «Элегия» («Дробись, дробись, волна ночная...»), 1830]; В твоём гробу восторг живет! (А. Пушкин, «Перед гробницею святой...», 1831); и др.⁹

На этом фоне реплика Готлиба Шульца о том, что «мертвый без гроба не живет», раскрывает свою игровую природу¹⁰. Двузначность глагола *жить* в предикате соединяется с семантической двойственностью субъектного субстантивата *мертвый*: обозначая неживое, он, во-первых, «помнит» о том, что в относительно недавнем прошлом это неживое было живым лицом (отсюда мужской, а не средний род слова *мертвый*, его принадлежность к категории одушевленности и невозможность использования в отношении других категорий живых существ, не-лиц), а во-вторых, в так называемой «наивной» картине мира (сегодня уже почти разрушенной) этот субстантиват несет информацию о способности обозначаемого им неживого к посмертной активной деятельности. Тем самым *мертвый* (как и *мертвец*) отличается и от покойника (это имя соединяет мертвого с памятью о его актуальном, «невывключенном» до-смертном прошлом, но с закрытым будущим¹¹), и от *трупа* (для десигната которого есть только недолговременное настоящее, но нет ни актуального прошлого, ни потенциального активного будущего); отсюда в современном русском языке — неопознанный *труп* (при *неопознанный *мертвец*, *неопознанный *покойник*), а также, в силу необходимости предельного контраста между Жизнью и Смертью — живой *труп*¹² (но не *живой *покойник*¹³ и вряд ли живой *мертвец*¹⁴).

Не случайно, что *покойники*, в отличие от *мертвецов*, сохраняют личные именованья, чины, титулы, звания и — половую принадлежность. Впрочем, в картине привидевшегo гробовых дел мастеру сна (где отменяются законы вещного мира, но не отменяются законы языка), указанные различия — в силу профессиональной специфики сновидца и его особых отношений с клиентурой — преодолеваются: рядом с *мертвецами*-мужчинами (поскольку имя *мертвец* не имеет в русском языке нейтрального женского соответствия)¹⁵, оказываются дамы-покойницы, причем, следуя куртуазно-этикетной норме, Пушкин дважды выдвигает их на первое место: «Все они, дамы и мужчины, окружили гробовщика с поклонами и приветствиями, кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего рубища, не приближался, и стоял смиренно в углу. Прочие все одеты были благопристойно: покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные в мундирах, но с бородами небритыми {...}» (8, кн. 1: 93)¹⁶.

Двойственность предикативной основы реплики Готлиба Шульца (и по линии «предметное» — «личное», и по линии «живое» — «неживое») со-

здает семантические полюса, мощное напряжение между которыми обеспечивает необходимый эффект художественной неоднозначности. С одной стороны, высказывание «мертвый без гроба не живет» можно понять, особенно в свете высокого державинского эпитафия (*Не зрим ли каждый день гробов, // Седин дряхлеющей вселенной?*), как колоритный разговорно-бытовой перифраз банальнейшего утверждения, оправдываемого лишь контекстом цеховой, ремесленно-торговой беседы сапожника с гробовщиком: «поскольку мертвых принято хоронить в гробу, для каждого мертвого гроб необходим». Пресуппозицией этого утверждения является прописная истина «все люди смертны» (ergo всем понадобится гроб) — ср. в черновике «Гробовщика»: «Живой бывает без сапог, а мертвый без гроба не обойдется. Мы же все смертные» (8, кн. 2: 628)¹⁷.

Однако из глубины двусмысленной фразы Готлиба Шульца проступает и затем выходит на передний план мистическая идея оживотворения мертвых, которая, как выяснится позже, выполняет в структуре пушкинской повести важнейшую идейную и конструктивную функцию — функцию «пускового устройства» в том психолингвистическом механизме, который, порождая соответствующие мыслеобразы и выражающие их высказывания, направляет сознание гробовщика навстречу его сонному видению, а тем самым одновременно организует повествование на сюжетном уровне. В самом деле, отвечая возражением на максимум немца-сапожника, Адриан Прохоров хотя вполне понимает ее прямой смысл, полубессознательно, как это нередко бывает в диалоге, строит свой ответ по той же логико-синтаксической модели, однако ориентируется на второй смысл исходной реплики.

Шульц: «⟨...⟩ живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не живет».

Прохоров: «⟨...⟩ однако ж если живому не на что купить сапог, то ⟨...⟩ ходит он и босой; а нищий мертвец и даром берет себе гроб» (8, кн. 1: 90).

Можно лишь гадать, возникла ли эта фраза в творческом процессе спонтанно или автор воспользовался готовым фольклорным образцом: «Мертвецъ у воротъ не стойтъ, а свое возьметъ» (Даль 1881, II: 320). Как бы то ни было, в устах Адриана Прохорова родилось первое по ходу повести высказывание, в котором реализована (пока на уровне языка) идея полного оживотворения и перенесено из мира живых разделение мертвецов по различным социальным и культурным разрядам. За

«нищими» мертвецами, виртуально противопоставленными «богатым»¹⁸, органично последуют «мертвецы православные» (в противопоставлении живым «басурманам») и далее мертвецы «чиновные» (в противопоставлении нечиновной купчихе Трюхиной, никак не решающейся перешагнуть границу жизни и смерти).

Слова Прохорова о «нищем мертвце, который даром берет себе гроб», получают продолжение: будочник Юрко смеясь предлагает гробовщику «пить здоровье своих мертвецов»¹⁹. Отсюда лишь шаг до прямого к ним обращения: «Милости просим, мои благодетели (говорит Прохоров) завтра вечером у меня попить (…))» (8, кн. 1: 92) — и всего два шага до их визита к радушному хозяину во всей полноте их посмертной жизни: в своем пьяном сне гробовщик узнает в них «людей, погребенных его стараниями» (8, кн. 1: 93). А когда один из его гостей, «отставной сержант гвардии Петр Петрович Курилкин», следуя этой вывороченной логике, напомним хозяину, что он «тот самый», «которому» Прохоров «продал первый свой гроб — и еще сосновый за дубовый» (8, кн. 1: 94), он тем самым отрекомендуется обманутым покупателем собственной домовины (ср. Виноградов 1934: 182—183; 1941: 463—464).

Модель оживотворения мертвых в рассказе о гробовщике оказалась настолько активной, что вышла за пределы пушкинской повести, закрепившись в литературе и литературном быте. Так, в очерке А. П. Башуцкого «Гробовой мастер» (1840) всплывает микросюжет о «каком-то французе, то есть немце», открывшем мастерские для изготовления гробов «с ответом за прочность и удобство оных», но «мертвецы не являлись», и он обанкрутился (РО: 48). Сопоставим с Башуцким и пушкинскую фразу об Адриане Прохорове, который запрашивал «за свои произведения преувеличенную цену у тех, которые имели несчастье (а иногда и удовольствие) в них нуждаться» (8, кн. 1: 90): эти слова как будто следует отнести к родственникам умерших, но, с учетом наших рассуждений, их можно применить к самим «мертвецам». Ср. вариации на тему в очерке «Гробовой мастер»: «(…) никто не любит его (гробовщика) изделий, но все берут их, потому что здесь сделаться потребителем — значит быть уже потребленным самому смертью, а смерть беспрерывно потребляет всех (…))» (РО: 56). Щекотливость отношений между гробовым мастером и клиентами занимала также Вяземского, который сделал запись о гробовщике, объявившем «въ газетахъ, что онъ для желающихъ изготовляеть гроба въ новѣйшемъ вкусѣ и совершенно новаго фасона» (1883, VIII: 481).

Но вернемся к *курилке*. Пушкин с его интересом к фольклорной стихии, несомненно, знал не только общеразговорное речение *жив Курилка!*, но и ту игру, началом которой это речение служит (ср. Бугославский 1941: 199; Бахтин 1982: 113—114). И вербальный, и акциональный, и предметный ее код актуализованы в известной эпиграмме на Каченовского, эксплуатирующей прямое и переносное значение глагола *плюнуть* (на что-л. и на кого-л.):

Как! жив еще Курилка журналист? —
— Живёхонек! (...)
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

(«Жив, жив курилка!», 1825)

Осведомленность в характере и предмете игры в *курилку* — тонкую и хрупкую лучинку, «головеньку изъ спички» — с неопровержимостью дает себя знать в самом описании Петра Петровича Курилкина, о котором, используя общезыковое сравнение, можно сказать как *спичка*: «(...) маленькой скелет (...) Ключки светлозеленого и красного сукна и ветхой холстины кой-где висели на нем, как на шесте, а кости ног бились в больших ботфортах, как пестики в ступах (...) Петр Петрович пошатнулся, упал и весь рассыпался» (8, кн. 1: 93—94).

Ничего удивительного в такой осведомленности автора «Гробовщика» нет. Как показывают многочисленные источники, «текст Курилки» входил в повседневное культурное сознание многих пушкинских современников, в том числе аристократов, легко и свободно извлекавших его из своей памяти и строивших на нем живые образные высказывания. Вот лишь некоторые из множества подходящих примеров: «Ездил нарочно в Калугу смотреть пленных французов. Как гусей стадами гонят. Насмешили проклятые, оборваны как нищие; видно у них комиссариату нет, и что за мелочь! что за худерба! любым в *курилку* играй» [Ростопчин 1992: 154 («Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве», 1807)]; «Наши журналы живуци. Посмотришь на иной: в чем душа держится? Целый год чахнет, чахнет, и только иногда, в парокси-

змах какого-то воспаления, обнаруживаются в нем признаки судорожной силы. Думаешь, с концом года утаснет и он. Не тут-то было! К новому году газетное объявление извещает вас: *жив-жив Курилка* [П. Вяземский, «О московских журналах», 1830 (ЛГ 1830: 111)]; «Что Современник, жив-ли курилка, или помре» [Вяземский 1934: 810 (письмо к В. Ф. Вяземской, 18 февраля 1839 г.)]; «(...) вспомнились ему эти разговоры, тянувшиеся как „жив-жив курилка“ (...)» [Толстой Л. 2001, 6: 13 («Казачи», 1862)].

Даже из этих цитат ясно, что люди пушкинской эпохи знали не только текст игры, но и ее правила. «Жив, жив, Курилка» во времена Пушкина был обычной игрой в составе котильонов в Зимнем и в Аничковом дворцах: «Когда я вошелъ въ залу маленькую, всѣ играли въ шнурокъ или веревочку (...) Очень весело продолжалась игра эта. Послѣ играли въ живѣ-живѣ курилка. Тутъ была уже ужасная хохотня; особенно Императрица боялась, чтобы у нея погасло въ рукахъ, отдавала съ крикомъ лучинку сосѣду, а иной разъ кидала на полъ, когда не скоро брали лучинку изъ рукъ ея» [Булгаков 1902, № 1: 108 (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 23 октября 1831 г.)]; «Потомъ (на балу у князя С. М. Голицына) начались игры. Катя (Е. К. Булгакова) говоритъ, что не помнитъ, чтобы когда-нибудь такъ веселилась; играли „въ живѣ-живѣ курилка“, въ „мышку и кошку“, въ „жгуты“ даже. Катя дала жгутъ Императрицѣ; она начала бить Государя, который былъ ея сосѣдомъ (...)» [Булгаков 1902, № 1: 123 (А. Я. Булгаков — К. Я. Булгакову, 2 ноября 1831 г.)]. Сам Пушкин однажды инициировал веселую игру на основе «Курили». К. И. Прункул вспоминал: «Незадолго до выезда его (Пушкина) из Кишинева собрались мы в одном семействе. Съимпровизировали мазурку, и Пушкин начал. Прошел один тур кругом залы, остановился и задумался. Потом быстро вынул из кармана листок почтовой бумажки, весь исписанный стихами, подбежал к лампе, зажег и передал своей даме: *Passez plus loin! Voyons! mesdames* [Передавайте это дальше! посмотрим!], у кого потухнет, с тем танцую, — берегитесь!» (РП: 45).

Возникает сомнение: не преувеличиваем ли мы глубину пропасти между народной и светской культурой в пушкинскую эпоху? И какие еще пласты фактов такого рода остаются для нас *terra incognita*? Ср. замечание Пушкина в его заметках по русской истории XVIII века: «Аристократия после его (Петра) неоднократно замышляла ограничить самодер-

жавие: к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян» (11: 14).

*   *
*

Рассмотрим еще две детали из «Гробовщика», адекватному пониманию которых препятствует незнание жизненных реалий пушкинской эпохи.

Среди многочисленных «алогизмов» в тексте повести нужно различать, с одной стороны, «алогизмы» как художественные средства воплощения авторского замысла, а с другой, «алогизмы», отражающие нелепости реальной русской жизни того времени. Ср., например, описание вывески над воротами нового дома гробовщика; она изображала «дородного Амура с опрокинутым факелом в руке» (8, кн. 1: 89). Этой шуткой мы целиком обязаны игровому сознанию Пушкина, заменившего «Гения смерти» гротескным «дородным Амуром» (Григорьева 1969: 197 примеч. 119; Петрунина 1983: 79—80; Шмид 1996: 262)²⁰. Замечательна надпись на этой вывеске: «⟨...⟩ продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются на прокат и починяются старые» (8, кн. 1, 89). Языковой алогизм здесь торжествует: зачем гробовщику рекламировать, что в его мастерской гробы «продаются и обиваются», будто кто-то надумает принести ему гроб на обивку, как предмет мебели? Это столь же бессмысленно, как объявлять, что «обиваются гробы крашенные»: ведь их либо красят, либо обивают (и всё это вместо надписи: «продаются гробы обитые и крашенные»). Но если за эту несуразность отвечает пушкинский герой, то абсурд со сдачей гробов напрокат принадлежит самой жизни. Возражая Шульцу, что «нищий мертвец и даром берет себе гроб», Адриан Прохоров как раз имел в виду те случаи, когда приходилось отдавать гробы во временное пользование. Эта жизненная реальность — с отсылкой к пушкинскому тексту — запечатлена в очерке Н. А. Некрасова «Петербургские углы» (1845): «В глазах у меня запестрели отрывочные надписи вывесок, которыми был улеплен дом изнутри с такою же тщательностью, как и снаружи: *делают троур (sic!) и гробы и на прокат отпускают (...)*» (Некрасов 1983, 7: 333). А в «Гробовом мастере» Башуцкого изображаются «те помещения тротуарного и первого этажей, в окнах которых стоят миньятюрные гробики розового цвета ⟨...⟩ с следу-

ющим внизу писанием на черном поле желтыми буквами полуславянской фактуры: „Здесь приготавливают разные гробы“, или затейливее: „Приготовление гробов с травуром и без оног“, или с красноречивым эллипсисом: „Отпускают, всякого сорта“ (...)» (РО: 52). В этом контексте глагол *отпускать* способен обозначать не только 'продавать', но и 'выдавать во временное пользование' (БАС, 8: стб. 1548). Ср. также воспоминания далекого от литературы безвестного артиллериста: «Солдаты умоляли не отправлять ихъ въ госпитали на явную смерть. Тамъ дѣйствовали по ветхому завѣту! Опечаленный Іовъ говорилъ: „Нагой я родился изъ утробы своей матери, нагой и возвращусь въ чрево земли!“ Слова праведнаго мужа комиссары (sic!) примѣняли къ умирающимъ солдатамъ. Къ чему тратить на нихъ матеріала? Къ чему гробы и рубашки, когда умирающіе ложатся въ общую могилу и притомъ ночью? Довольно и того, что нѣкоторымъ мертвецамъ отпускаютъ гробы на прокатъ до могилы» (Б. 1875: 542—543). Этот поразительный документ эпохи не может не привести на память пушкинский текст, в котором «мертвецы» представлены активными заказчиками и получателями гробовых изделий.

Такова грубая правда, и ее нельзя обойти натянутыми сближениями «проката и починки гробов» с масонскими обрядами, в которых «гробы, как и черепа и скелеты, играют большую символическую роль, причем они, интенсивно употребляясь, подверг(аются) некоторому износу» (Шмид 1998: 41). Нельзя, как это делают иные исследователи, подкрашивать реальность неуместными отсылками к арзамасским играм в отпевание «какого-либо беседного покойника, взятого, по обычаю арзамасскому, напрокат из разрядов для честного погребения» (Арзамас, 1: 365; Краснокутский 1977: 40 сл.; Давыдов 1997; Глассэ 1997—1999). Нельзя путать жизнь с литературным бытом, отождествляя А. Прохорова с А. Пушкиным и интерпретируя деятельности автора «Повестей Белкина» как работу «гробовщика», который, «похоронив традицию, ее авторов и героев, чинит старые гробы (сентиментальные, романтические, нравоучительные сюжеты)» (Шмид 1998: 41; ср. Бетеа, Давыдов 1999; а также Елкин 1985: 54—76). Нельзя, наконец, историко-филологическое осмысление прошлого подменять спекулятивными разглагольствованиями о пушкинской эпохе, когда практика литературных торгашей Булгарина и Греча превратила «благородное поприще литературы» «в торговое предприятие низкого пошиба, когда от труда, от любой человеческой деятельности все больше

отчуждается смысл и что бы то ни было святое перестает быть святым; в такую эпоху и впрямь обыденным может выглядеть предложение брать напрокат и возвращать для починки гробы...» (Есипов 1996: 179).

«Гробы напрокат» — повторю еще раз — такая же парадоксальная реальность жизни, как их «починка», предполагающая существование «гробов про запас»: обычай предусмотрительно заготавливать для себя домовину к неведомому, но неизбежному смертному часу известен на русском севере (см., например, Белов 1981: 166) и у старообрядцев некоторых согласий (в 50-х годах прошлого века я имел возможность отметить его в с. Лужки Стародубского района Брянской области и на гомельской Ветке). Именно такие, до урочного времени хранившиеся в сараях и на чердаках «гробы про запас», так называемые «старые» (у старообрядцев нередко «колодные», то есть выдолбленные из цельного ствола), могли рассыхаться и трескаться от времени и естественно подлежали починке.

*   *

*

Настоятельного понимания требует выделяющаяся красочным пятном в черно-белом мире гробовщика *желтизна* его новокупленного домика. Этот колер исследователи отождествляли с «тем цветом, который в тексте два раза приписан мертвецам», чем мотивировали переход от стандартного тропеического уравниения *гроб = дом*²¹ к инвертированному уравниению *дом гробовщика = гроб* (Шмид 1998: 49; и др.). Ни то, ни другое не кажется убедительным.

Существует множество оттенков желтого, и едва ли оправданно сопоставление чистого цвета нового «домика» с «восковой желтизной» лица псевдопокойницы Трюхиной, увиденной к тому же во сне при колеблющемся свете свечей, или с такими же желто-восковыми — а в неверном свете луны синими — лицами прохоровских гостей²². Если желтый цвет жилища Адриана Прохорова не является случайной и необязательной бытовой подробностью, но входит в состав замысла и о чем-то говорит, что-то символизирует, то это, несомненно, не Смерть, для которой в повести достаточно средств прямого обозначения и постоянным эпитетом которой в культурно-языковом сознании пушкинской эпохи служило определение *бледный*, а вовсе не *желтый*²³.

Желтый цвет домика Адриана не может быть также символом обмана, измены и предательства, как в русской фольклорной традиции (ср., на-

пример, в частушке, записанной мной в 1950-е годы в с. Большие Удолы Владимирской области: *Я надену желту кофту, // А ты, милый, примечай: // Желта кофточка — измена, // Черна юбочка — печаль*). Это, по-видимому, и не символ безумия, как можно было бы подумать, исходя из фразеологизованного определения *желтый* в составе оборота *желтый дом* 'клиника для умалишенных'²⁴. В пушкинскую эпоху эта комплексная номинация еще не стала общерусским разговорным обозначением психиатрических лечебниц; она еще зависела от реальной окраски стен той самой Обуховской больницы, в 17-м номере которой томился сошедший с ума Германн²⁵.

Что же в таком случае стоит за желтым цветом московского дома Адриана Прохорова? Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, следует вспомнить, что желтый — «цвѣтъ солнца или золота, различной яркости и оттѣнковъ» (Даль 1880, I: 529), а также цвет начищенной до блеска военной меди — был в пушкинскую эпоху основным цветом имперской архитектуры (бесчисленные петербургские дворцы, Петропавловская крепость, Адмиралтейство...). Недаром Вяземский называл Петербург «желтой столицей» (1883, VIII: 316)²⁶. Это был любимый цвет Николая I, символизировавший торжественную строгость и силу государственного порядка; он вызывал сложный комплекс переживаний — радостный восторг в соединении с трепетом перед неколебимым авторитетом и мощью государственной власти.

Освященная высшим, хотя, по-видимому, и неписаным, правительственным установлением, ампириная желтизна растекалась из столицы по городам и весям необозримой Российской империи, став к концу 1830-х — началу 1840-х годов общепризнанной нормой городской и усадебной застройки: «Барский дом был похож на все барские дома: деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской {...}» [Лермонтов 1957, 6: 192 («Я хочу рассказать вам»), 1841?]]. Эта колористическая «лояльность» подверглась ироническому снижению у А. К. Толстого:

У самого Аничковского моста
Большой тогда мы занимали дом:
Он был — никто не усумнится в этом, —
Как прочие, окрашен желтым цветом.

4

Заметил я, что желтый этот цвет
Особенно льстит сердцу патриота;

Обмазать вохрой дом иль лазарет
Неодолима русского охота;
Начальство также в этом с давних лет
Благонамеренное видит что-то,
И вохрятся в губерниях сплеча
Палаты, храм, острог и каланча.

5

Ревенный цвет и линия прямая —
Вот идеал изящества для нас.

(«Портрет», 1872—1873)²⁷

Допожарная белокаменная Москва, жившая особой, во многом отличной от Петербурга жизнью, бедная правительственными учреждениями и, как писал Вяземский, «небогатая представительными должностями» (1883, VIII: 389), знала желтый цвет главным образом как цвет золота на куполах сорока сороков ее церквей и соборов. Вот почему в московском тексте «Гробовщика» — как отражение официальной, петербургской архитектурной нормы и в качестве символа, способного заменить многословное развернутое описание, — появляется, по-видимому, ни для чего более не нужная (и потому обозначенная как сгоревшая в московском пожаре 1812 года) «желтая» полицейская «бутка» чухонца Юрки²⁸. Может быть, именно здесь заключена разгадка этого странного персонажа с его подчеркнутой этнической принадлежностью — едва ли не единственного во всей русской литературе «чухонца», переселенного на страницы московской повести как будто из «петербургского текста»²⁹.

Кто знает, не в имперской ли ауре «казенной вохры» коренится природа душевного состояния Адриана Прохорова, на которое Пушкин в первом же абзаце указал читателям повести: «Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось» (8, кн. 1: 89). Не радовалось вопреки тому, что должен испытывать нормальный человек на новоселье. И вопреки тому, что, казалось, должен был пробудить в душе Адриана Прохорова торжественно-радостный, «веселый» (Бочаров 1974: 216) желтый цвет его «домика».

Дело, по всей видимости, в том, что желтизна, бросающая на него некий отсвет «казенного дома», обретает символическое значение и словно бы делает приватное жилище причастным высокому «государственно-

му» делу. Причастен к нему и хозяин дома, гробовщик, который, в отличие от своих собратьев-ремесленников, предавших себя исключительно повседневным, земным заботам частного существования, не просто служит людям на границе, отделяющей жизнь от смерти, но и властвует над ними на этом последнем пороге³⁰, принадлежа тем самым не только профанному быту, но и высокому сакральному бытию. Здесь разгадка (пусть иронически поданная) внутренней серьезности Адриана Прохорова и его угрюмой задумчивости: «(...) Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнее поразить наше воображение. Из уважения к истине мы не можем следовать их примеру, и принуждены признаться, что нрав нашего гробовщика совершенно соответствовал мрачному его ремеслу» (8, кн. 1: 89). Пушкинский намек через десять лет был развернут в очерке Башуцкого: «Что такое гробовой мастер? Вы, может быть, принимаете его за обыкновенного ремесленника? Многие так думают. Жалкая ошибка! Гробовой мастер есть власть (...)» (РО: 47). Что перед ним представитель административного управления, носитель «смирненного» полицейского «звания», чухонец Юрко с его бутафорской «секирой и в броне сермяжной» (ср. Виноградов 1941: 382—383)?

Незамеченным, однако, остается другое, не подчеркнутое автором, но чрезвычайно важное отличие служителя смерти от окружающей его мира: простого, бесхитростно простодушного, радостно распахнутого навстречу людям. Таковы все без исключения персонажи, населяющие пушкинскую повесть, — живые и мертвые. Таков добродушный сапожник Готлиб Шульц, который пришел «с веселым видом» звать на семейный праздник неизвестного ему новосела — пришел звать как свой своего: отсюда три его «фран-масонских удара» в дверь Адриана Прохорова! (8, кн. 1: 90). Таковы и гости Шульца, «большею частию немцы-ремесленники, с их женами и подмастерьями», приветливо встретившие Адриана на юбилейном торжестве. Таков Юрко, веселый и простецкий буточник, охотно предоставлявший своим подвыпившим согражданам ночлег «с воскресенья на понедельник» (8, кн. 1: 91). Неслучайно в пьяном сне Адриана Юрко «окликал его» «у Вознесения» и, узнав его, приветливо «пожелал ему доброй ночи» (8, кн. 1: 93). Таковы все «мертвецы православные», приглашенные гробовщиком на новоселье: явившись на его зов, они «окружили гробовщика с поклонами и приветствиями», не исключая и того, кому он «продал первый свой гроб — и еще сосновый за дубо-

вый». Несмотря на эту обиду, «череп (...) ласково улыбался гробовщику» и, напомнив о себе, «простер ему костяные объятия» (8, кн. 1: 93—94).

Вознесенный над людьми своим мрачным и важным делом, гробовщик не может не тяготиться собственным положением в мире и подозревает (без всякого на то основания), что другие относятся к нему с неуважением, видя в нем не то «палача», не то «святочного гаэра» (8, кн. 1: 92)³¹. Не отдавая себе отчета, Адриан Прохоров подсознательно взыскует равенства («чем ремесло мое нечестнее прочих?»), но, оказавшись лицом к лицу с чуждой ему безыскусственной и простодушной веселостью, сердито ее отталкивает. Отталкивает с такою силой, которая реактивно извергает его за пределы человеческого братства и — к его счастью, только в «лживом сне»! — бросает в объятия кощунственно приглашенных им на званый пир мертвецов³². И только счастливое пробуждение освобождает его от ночного кошмара.

Примечания и экскурсы

¹ Ср. поговорку, отражающую профессиональную точку зрения гробовщиков на смерть: *Кому мертвецъ, а намъ товарищъ* (Даль 1881, II: 320).

² Этот книжный вариант имени (*Адриан*), принятый большинством современных изданий «Повестей Белкина», восходит к тексту первой прижизненной публикации, осуществленной П. А. Плетневым (Пушкин 1831: 73—95), тогда как в пушкинском автографе «Гробовщика» последовательно проведен и сохранен в большом академическом собрании сочинений простонародный «йотированный» вариант *Адриян* (8, кн. 1: 89—94; кн. 2: 624—637). Любопытно, что в письме невесте из Болдина спустя два месяца после написания «Гробовщика» (4 ноября 1830 г.), упоминая гробовых дел мастера, державшего свою лавку по соседству с Гончаровыми на Большой Никитской, Пушкин использует тот же вариант его имени, что и в повести: «Comment n'avez-vous pas honte d'être restées à la Nikitska — en temps de peste? C'est bon pour votre voisin Адриан qui doit faire de bonnes affaires. Mais Наталья Ивановна, mais vous! — en vérité je ne vous conçois pas» = «Как вам не стыдно было оставаться на Никитской во время эпидемии? Так мог поступать ваш сосед Адриан, который обделяет выгодные дела. Но Наталья Ивановна, но вы! — право, я вас не понимаю» (14: 120, 418).

³ Автограф «Гробовщика» свидетельствует, что автор колебался между именами *Адриян* и *Симеон*, оказав окончательное предпочтение первому на шестом упоминании персонажа (8, кн. 2: 624—628). Имя *Симеон*, несомненно, отсылает к евангельской истории о праведном Симеоне-богоприимце (Лк 2, 22—34), который, по преданию, будучи одним из 70 переводчиков Библии на греческий язык и работая над

Книгой пророка Исаии, усомнился в пророчестве о непорочном зачатии. Он получил от Ангела предсказание, что не умрет, пока не увидит Христа. Оно сбылось: придя в Храм, Симеон увидел младенца Иисуса, принесенного туда Марией и Иосифом на 40-й день по Его рождении. Взяв Бога на руки, Симеон благословил Его и радостно произнес известную, ставшую канонической, формулу «отпущения»: «**НѢНѢ ѿпущаши раба твоего, вѣко, по глаголю твою, съ миромъ**» (Лк 2, 29; см. Никифор 1990: 643—644). Этим объясняется и то, что Пушкин сначала выбрал имя Симеон для гробовщика («мертво- и трупо-принимца», «отпускателя» гробов), и то, что в дальнейшем автор отказался от явной пародии на Священную историю.

⁴ Ср.: «Отъ извѣстій (...) о Грекахъ я провелъ худую ночь въ сентябрѣ; но Греки, кажется, еще бодрствуютъ: живъ, живъ курилка — а тамъ, что Богъ дастъ!»; «Опять могу писать свою Историю: живъ, живъ курилка!» [Карамзин 1897: 135, 169 (письма П. А. Вяземскому, 31 октября 1822 г. и 31 декабря 1825 г.)]; «Ваше одобрительное и ободрительное слово попало мнѣ прямо въ сердце, и пріятно расщекотало мое авторское самолюбіе, лѣтами уже нѣсколько притупленное, но все еще не окончательно заморенное. Пламени уже нѣтъ, а все еще: живъ, живъ курилка!» [Вяземский 1886, X: 289 (письмо к Е. Д. Милютиной, 20 февраля 1876 г.)]. С обычной для языка пушкинской эпохи легкостью это слово образует *pluralis*: «Я полагалъ, что наши альманачники совершенно перевелись. Но, нѣтъ, на бѣду еще живы курилки. Третьяго дня получилъ я письмо изъ Москвы отъ Сушкова, который проситъ стиховъ въ свой *Раутъ*» [Вяземский 1886, X: 51 (запись от 24 мая 1853 г.)]. Существует и более редкий (отмеченный также и у Даля) вариант *Чурилка*: «Многое мне напомнила допотопная тетрадка. Как живо я перенесся в былое — как будто и не прошло стольких лет (...) *Жив Чурилка!* За все благодарение богу!»; «(...) я постоянно отправляю домой очередные казенные письма, которые доказывают, что *жив Чурилка*» [Пушкин 2001: 62, 77 (письма Ф. Ф. Матюшкину, 2 июля 1853 г. и 26 марта 1854 г.)]; «Если увидишь кого-нибудь из моих, скажи, что *жив Чурилка!*» [Пушкин 2001: 449 (письмо М. В. Ивашевой-Трубниковой, 30 июля 1858 г.)].

⁵ Ср. рисунок Пушкина в рукописи «Гробовщика», изображающий Петра Петровича Курилкина (ПД № 997, л. 35); воспроизведен под условным названием «Скелет в ботфортах» в работе Попова 1999: 217 (ср. Пушкин 1996: 226).

⁶ Ср. в описании В. И. Даля: «(...) игра, въ которой спичка переходитъ изъ рукъ въ руки, съ приговоркою: *живъ, живъ, курилка!* или всѣ вмѣстѣ поютъ пѣсню *курилку* (ножки тоненьки, душа коротенька), и выходитъ изъ круга, у кого курилка погаснетъ. *Живъ курилка, живъ не померь! Живъ курилка, жива надежда моя! Живъ, живъ чурилка, или курилка*» (Даль 1881, II: 222). О других, подновленных вариантах этой игры, зафиксированных в первой трети XX в. на территории Вологодского края под названиями *кирила*, *куровка*, *огарок* и др., см. Морозов, Слепцова 2004: 680—681.

⁷ Пушкин колебался между вариантами именования гробовщика по имени-отчеству: *Адриан Прохоров(ич)* — *Адриан Тимофеевич* — *Адриан Симеонович* (Симео-

О Петре Петровиче Курилкине, о «покойниках» и «мертвецах»...

ныч) (8, кн. 2: 631, 635, 637). Надо думать, окончательное решение сформировалось под действием механизмов семантической и фонетической аттракции. Специально следует остановиться на «допущенном к конкурсу имен» патрониме *Тимофеевич* (от Тимофей 'почитающий бога'), поскольку есть основания предполагать интимное отношение Пушкина к этому имени (Пеньковский 2004в: 407—413). Что касается отчества *Симеонович*, то к нему можно отнести сказанное выше об имени, давшем ему производящую основу. Изящество пушкинского выбора патронимов для героя станет ясно в полной мере, если учесть все еще популярную в тогдашней литературе практику «кричащих» персонажных имен. Вспомним хотя бы «гробового мастера» Фрейтода (< нем. *frei* 'свободный' + *Tod* 'смерть') в поэме А. Шаховского «Расхищенные шубы» (песнь II, 1812) или же гробовщика Тихоморова из цитируемого ниже очерка А. Башуцкого «Гробовой мастер» (РО: 54—59).

⁸ Отсюда отнесенное не к лицу, а к предмету значение производного жилище 'помещение для жилья (кого-л.)' > 'местонахождение (чего-л.)': *И так без трепета и страха // Нам можно ожидать конца // И лечь во гроб, жилище праха* (Н. Карамзин, «Послание к Дмитриеву в ответ на его стихи...», 1794); «В некотором отдалении мы видим Царь-град, жилище роскоши и неги, колыбель христианской религии (...)» [Батюшков 1977: 60 («Письмо к И. М. М(уравьеву-) А(постолу). О сочинениях г. Муравьева», 1814)]; *За дальней цепью диких гор, // Жилища ветров, бурь гремучих (...) Долина чудная таится (...)* (А. Пушкин, «Руслан и Людмила», VI, 161—165). Иной семантический механизм — олицетворение — связан с употреблением имени *житель* в переносном значении: *Житель рощи торопливый, // Будь же скромн, о ручей!* (А. Пушкин, «Леда», 1814); ср. другое олицетворение: *Судьбы рекли: «Да будет свет // Жилищем призраков, сует, // Немногих благ и многих бед!» // Рекли — и Суеты спустились // На землю шумною толпой* (Н. Карамзин, «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», 1794). Наконец, в нижеследующем примере из неоконченной поэмы Огарева глагол *жить* используется не в предметном, а во вторичном, метафорическом значении, о чем свидетельствует, в том числе, переносная обстоятельственная характеристика этого глагола с помощью наречия *молча*, в семантической структуре которого скрыто присутствует грамматическая сема «личное»: (...) *И книг запас в тот шкаф прибавил, // Где молча жил из году в год // Законов много томный свод (...)* [«Матвей Радаев», гл. I (1856—1858)].

⁹ То же можно сказать об определении *здоровый*, которое, хотя и менее широко, использовалось по отношению к предметным именам в значении 'крепкий, целый, находящийся в порядке, в благополучном состоянии': *Не понаведаться ль, // Здоров ли верный меч?* (П. Катенин, «Мстислав Мстиславич», 1819); «— А каковы у вас озими? — говорят старик.

— Слава богу, здоровы, — отвечает Сережа» [Соллогуб 1983: 33 («Сережа», 1838); (...) *кормчий, пускайся весело в путь, // Смотри ты, надежна ли медная грудь, // Крепки ль паруса корабля твоего, // Здоровы ль дубовые ребра его?* (Н. Языков, «Море», 1842). Тот же спектр значений обнаруживается у наречий

и предикативов *здорово* (*нездорово*): «Здорóво, нареч. Благополучно, в целости и сохраниости, как следует. Ох вы, верны мои слуги, Все ли дома *здорово*? Тул. Киреевский» (СРНГ, 11: 234); «Замѣтивъ необыкновенную суетливостъ въ той половинѣ дома, гдѣ жило семейство Де-Рибаса, она (Екатерина II) спросила: все ли у васъ *здорово*? И услышала, что поѣхали за повивальною бабкою (...)» (Глин-ка С. 1895: 50); «Сию минуту случайно узнал, что в доме *нездорово*, тебя нигде не видать» [Гончаров 1980: 353 («Обрыв», ч. V, гл. XII)]. Аналогично ведет себя глагол *здравствовать*: «Мебель уже вся исправлена. Мех твой *здравствует*; но книги мои в самом жалком положении от наводнения» [Рылеев 1987: 321 (письмо жене, 26 февраля 1825)]; «Природа, въ какомъ бы видѣ она ни была, для меня всегда привлекательнѣе зданій *здравствующихъ* и зданій развалившихся (...)» (Вяземский 1884, IX: 289).

Ср. стандартную формулу пожелания здоровья, обращенную к предметам, а не лицам: (...) *Воспоем наш хлад прекрасный: // Дай зиме *здоровье* бог!* (Г. Державин, «Зима», 1803—1804), — откуда далее *здоровье* 'тост за здоровье (кого-л.)' > 'тост за благополучие (чего-л.)', как в тексте «Гробовщика»: «Хозяин нежно поцаловал свежее лицо сорокалетней своей подруги, и гости шумно выпили *здоровье* доброй Луизы. „За *здоровье* любезных гостей моих!“ провозгласил хозяин, откупоривая вторую бутылку — и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тут начали *здоровья* следовать одно за другим: пили *здоровье* каждого гостя особливо, пили *здоровье* Москвы и целой дюжины германских городков, пили *здоровье* всех цехов вообще и каждого в особенности, пили *здоровье* мастеров и подмастерьев» (8, кн. 1: 91).

То, что предметно отнесенные значения слов *здоровый*, *здорово*, *здоровье* здесь рассматриваются в качестве комментария к материалам, свидетельствующим о предметно отнесенных значениях глагола *жить* и его производных, обусловлено не только органической связью жизни и здоровья. Между значениями двух лексических комплексов, выражающих указанные концепты, существует уходящая в далекое прошлое глубинная связь; ср.: (...) *Пора нам отдохнуть — // Жар, ветер, пыль, претряская дорога, // Мосты чуть живы, мерзкий перевоз, // Гора крутая...* (Н. Языков, «Жар-птица», 1836—1838); «*У нас стекло (в окне) *живое* живет*» (СРНГ, 9: 155). Ср. также фразеологизованный оборот *жив-здор* и передачу того же семантического комплекса образованиями с корнем *цел-*.

¹⁰ Большой академический словарь, не учитывая специфики пушкинского художественного текста, приводит эту фразу из «Гробовщика» в ряду иллюстраций с пометой «Устар. простореч.»: «*И рыбка, парень, вкусенька живет, коль ее хорошо приготовить*. Печер(ский). На Горах. *Уж как мой-то муж — горька пьяница, Он вина не пьет, с воды пьян живет*. Народн(ая) песня» (БАС, 4: стб. 175).

¹¹ Приведу выразительный пример словоупотребления, отражающего (с некоторым сдвигом) указанное значение: «Вотъ разговорился я о Долгоруковомъ (sic!), какъ покойникъ о покойникѣ. Но для кого разговорился я? Кто знаетъ Долгорукова? Кто читаетъ его? Кому до него теперь дѣло? Правда, Пушкинъ еще

зналъ наизусть нѣсколько десятковъ стиховъ его; но едва ли и Пушкинъ не смотритъ покойникомъ. Пока еще хорошо бальзамированнымъ покойникомъ, почетнымъ. Все это такъ, но все же за живого выдавать его нельзя. Посмотрите на живыхъ: они совсѣмъ друтїе!» (Вяземский 1886, X: 21). Ср. также противопоставление по этому признаку имен *покойник* и *мертвецъ* в рассказе В. Одоевского «Бригадир» (1833): «Недавно случилось мне быть при смертной постели одного из тех людей, в существование которых, как кажется, не вмешивается ни одно созвездие, которые умирают, не оставив по себе ни одной мысли, ни одного чувства (...) мой покойник (...) ел, пил, не делал ни добра, ни зла, не был никем любим и не любил никого, не был ни весел, ни печален; дошел, за выслугу лет, до чина статского советника и отправился на тот свет во всем параде: обритый, вымытый, в мундире (...) Покойника холодно отпели, холодно бросили на него горсть песку, холодно совсем закрыли землю. Нигде ни слезы, ни вздоха, ни слова. Разошлись; я вместе с другими... мне было смешно, грустно, душно; мысли и чувства теснились в душе моей, перебегали от предмета к предмету, мешали размышлению с безотчетностью, веру с сомнением, метафизику с эпиграммой; долго волновались они, как волшебные пары над треножником Калиостро, и наконец мало-помалу образовали предо мною образ покойника. И он явился — точь-в-точь как живой: указал мне на свои брюшные полости, вперил в меня глаза, ничего не выражающие (...) „Ты смотрел холодно на мою кончину!“ — сказал мне мертвец (...) Я содрогнулся и проговорил почти про себя: „Кто же мешал тебе?“ Мертвец не дал мне окончить, горько улыбнулся и взял меня за руку» (Одоевский 1981, 1: 69—71).

¹² Так же обстояло дело в языке пушкинской эпохи. Ср. у Пушкина: *Встает с одра // Мавпепа, сей страдалец хилый, // Сей труп живой, еще вчера // Стонавший слабо над могилой* [«Полтава», III, 28—31 (1828)]; *Одров я вижу длинный строй, // Лежит на каждом труп живой, // Клейменный мощною чумою, // Царицею болезней...* («Герой», 1830). Этот оксюморон, странным образом не отмеченный нашими словарями, — о живом в состоянии крайнего измождения (что называется, в чем душа держится) — нужно отличать от его омонима, цитатного сочетания, восходящего к названию драмы Л. Толстого «Живой труп» (о живом, который с юридической точки зрения считается мертвым). В данной связи примечателен также встречающийся в текстах пушкинской эпохи оборот *мертвый труп*: *Спокойно здесь лежит, как бы на лоне друга, // Глава, простертая на мертвый труп врага* (...) (В. Туманский, «Поле Бородинского сражения», 1817); «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы» [А. Пушкин, «Борис Годунов», 1825 (7: 98)]. В составе уподобления: «Для того, чтобы государство существовало, необходимо, чтобы правительство было сильно: силою хранить целость. Но цель Государя не власть, а благо! Царь рабов есть царь мертвых трупов или скованных зверей! Вокруг него кладбище или железные клетки! Беда, если вскрыть могилы: увидишь одно ужасное гниение! Беда, если клетки разломаются: звери не знают благодарности (...)» [Жуковский 2004: 305 (дневник, 1828)]. Ср. также обороты *трупы мертвых* (Е. Боратынский, «Дало две доли Провидение...», 1821—1822), *труп мертвеца* (А. Полежаев, «Мертвая голова»,

1831), *безжизненный труп* (А. Апухтин, «Бред», 1882). Плеонастичность сочетания *мертвый труп* была оспорена недавно в работе Хан-Пира 2004.

¹³ В прошлом этого запрета еще не было. Ср. у Даля выражение *живой покойник* как усилительное в ряду толкований к словам *мертвяк*, *мертвуша*: «приговоренный больной, безнадежный, умирающий, живой покойник» (Даль 1881, II: 320).

¹⁴ Ср., однако, несколько случаев употребления этого оборота в текстах пушкинской эпохи (в качестве синонима *живого трупа*): «Ходьба по городу и непрестанное напряжение духа повергли его въ тяжкую болѣзнь, а лѣкарства поглотили выработанное трудомъ». «Ж и в ы м ъ м е р т в е ц о м ъ всталъ онъ для новаго горя! Мѣста его заняты были другими учителями» (Глинка С. 1895: 62); «А онъ здѣсь, безгласный и бездыханный, окружаемый чуждыми любопытными — готовый лечь в чуждой землѣ, под лучами южнаго солнца!..» «Вотъ другой мертвецъ с открытыми глазами; они устремлены на гроб; сложив крестомъ руки, стоитъ онъ у изголовья усопшаго. Онъ не слышитъ песней, не видитъ людей — и погребальная свѣча испалила его длинныя волосы...» «Вотъ ликъ поетъ (...) а живой мертвецъ, какъ пробужденный отъ сна — палъ на колѣна (...)» [Станкевич 1982: 81—82 («Несколько мгновений из жизни графа Т***», 1833)]; С днемъ каждымъ жизни путьъ темней и безнадежней. // Порвались струны бытія: // Страдающая тѣнь, обломокъ жизни прежней, // Себя, живой мертвецъ, переживаю я (П. Вяземский, «Куда девались вы с своимъ закатомъ яснымъ...», 1874). С переносомъ в духовную сферу: «(...) в комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; в комъ нѣтъ общаго — тотъ живой мертвецъ» (Белинский 1954, IV: 486 («Стихотворения М. Лермонтова», 1841). В поэме «Телема и Макар» (опубл. 1827) Боратынский назвалъ живымъ мертвецомъ чернеца, отрешившагося отъ тревогъ и заботъ мирской жизни. В этомъ же смыслѣ Жуковский пользуется словосочетаніемъ произвольный мертвецъ: Подъ зданіемъ монастырскимъ былъ // Тайникъ — страшней темницы нѣтъ; // Король Кольвульфъ, покинувъ свѣтъ // Жилъ произвольнымъ мертвецомъ // В глубокомъ подземельѣ томъ [В. Жуковский, «Судъ в подземельѣ», гл. XI (1831—1832); ср. также примеч. 16].

В поэзии Полежаева тема «живого мертвеца» вырастает до размеров лейтмотива: Кто виделъ образъ мертвеца, // Который демонскою силой, // Враждуя съ темною могилою, // Живетъ и страдаетъ безъ конца? (...) Вотъ мой уделъ! Игра страстей, // Живой стою при дверяхъ гроба, // И скоро, скоро месть и злоба // Навѣкъ уснутъ въ груди моей! («Живой мертвецъ», 1828); О для чего судьба меня сгубила? // Зачемъ изъ цѣпи бытія // Меня навѣкъ природа исключила // И страшно въ живѣ умеръ я? («Ожесточенный», 1828?); Что жъ мнѣ въ жизни // Безызвестной? // Что въ отчизнѣ // Повсеместной? // Чемъ страшна // Мнѣ волна? // Пустьъ настигнетъ // Съ вѣчною мглой — // И погибнетъ // Трупъ живой!.. («Песнь погибающаго пловца», 1828?); Кто, кроме васъ, творящими перстами, // Единымъ очеркомъ холоднаго свинца — // Даетъ огоньъ и жизньъ съ минувшими страстями // Чертамъ бездушнымъ мертвеца? (...) Такъ это вы!.. Я передъ вами... Вы мой рисуете портретъ (...) («Къ Е(катерине) И(вановне) Б(ибиково)й», 1834); и др. В пушкинскую эпоху отношенія между именами этой группы и стоящими за ними концептами были иными, чемъ сегодня, что

О Петре Петровиче Курилкине, о «покойниках» и «мертвецах»...

подтверждает рассказ В. Одоевского «Живой мертвец» (1844) — о живом человеке, которому приснилось, что он умер, но слышит и видит всё, что происходит в оставленном мире.

¹⁵ Ср. редчайший случай, когда имя *мертвец* используется в тексте по отношению к мертвой (точнее, замершей) русалке: «Проходит день, настает ночь — Горпинка сидит по-прежнему, мертва и неподвижна (...) Проходит и ночь — Горпинка сидит по-прежнему; проходят дни, недели, месяцы — все так же неподвижно сидит она, опершись головою на руки, все так же открыты и тусклы глаза ее, бессменно глядящие в печь, все так же мокры волосы. В околотке разнесся об этом слух, и все добрые и недобрые люди не смели ни днем, ни ночью пройти мимо хаты: все боялись мертвеца и старой Фенны, которую расславили ведьмою» [Сомов 1984: 142 («Русалка», 1829)].

¹⁶ Есть основания полагать, что в языке той эпохи имена *покойник* и *мертвец* (возможно, не без поддержки франц. *le mort*, совмещающего значения обоих русских слов) были ближе друг к другу, чем сейчас (ср. Урысон 1997). Так, в современном языке невозможно соединение имени *мертвец* с идеей покоя: *Поэт наш прав: альбом — кладбище, // В нем племя легкое певцов // Под легкой пеленой стихов // Находит верное жилище. // И добровольным мертвецом // Я, Феба читатель недостойный, // Певец давно уже покойный, // Спешу зарыться в ваш альбом* (В. Жуковский, «Поэт наш прав: альбом — кладбище...», 1831); *Когда между развалин и гробов // Блуждали мы с унылыми мечтами, // И вечный сон над мирными крестами, // И смерть, и жизнь летали перед нами, // И я искал покоя мертвецов* (...) (А. Полежаев, «Черные глаза», 1834).

В пушкинскую эпоху *покойник* и *мертвец* не знали разграничения по признаку «свой — чужой», на новом этапе повторяющего древнерусское разграничение умерших естественной и неестественной смертью (ср. Зеленин 1995: 39; 1999: 17—18): «Наконецъ Василий Пушкинъ возвратился изъ царства смерти (речь идет о шутке арзамасцев, распространивших слух о его гибели от стиха, засеавшего у него в горле. — А. П.) и чуть не умеръ отъ страха, когда узналъ, что здѣсь считали его мертвецомъ» [П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу, 12 октября 1816 г. (ОА, I: 56, ср. 54)]; *Не бил барабан перед смутным полком, // Когда мы вожда хоронили, // И труп не с ружейным прощальным огнем // Мы в недра земли опустили* (...) *Недолго, но жарко молилась творцу // Дружина его удаля // И молча смотрела в лицо мертвецу, // О завтрашнем дне помышляя* (И. Козлов, «На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1825); *Не сожалей, он гордо вянет, // Дождись, пока его не станет, // И взгляды на мертвеца, // Когда презрение проглянет // В чертах холодного лица...* (Н. Станкевич, «Не сожалей», 1830); *Что ты несешь на мертвых небылицу, // Так нагло лезешь к ним в друзья? // Приязнь посмертная твоя // Не запятнает их гробницу. // Все те ж и Пушкин и Крылов, // Хоть ест их червь по воле Бога; // Не лобывай же мертвецов — // И без тебя у них вас много!* [Павлов 1989: 273—274 («На Ф. В. Булгарина»), 1845)]. Ср. записанный С. Глинкой легендарный рассказ о «дивномъ явленіи» умер-

шего князя Василия Владимировича Долгорукого его другу Степану Степановичу Апраксину, где мы находим цепочку синонимических переименований: покойный князь — могильный гость — мертвец — покойник — выходец-мертвец — призрак (Глинка С. 1895: 172—173).

Поскольку сема «чуждости» не была включена в семантику мертвеца, она могла быть неплеонастически подчеркнута уточняющим определением: Один под ризую ночную, // В тумане влажном и сыром, // С моей подругою — мечтою — // Сижу на камне гробовом. // Не крест — символ души скорбящей — // Стоит над чуждым мертвецом: // Он славен гибельным мечом, // А меч — символ его грозящий!.. (А. Полежаев, «Кладбище герменчутское», 1832). В то же время есть масса невозможных сегодня случаев, где слово мертвец обозначает кого-то интимно близкого, родного и знакомого — например, у Огарева: А я любил его. Меж мной // И им таинственной рукой // Любви завязан узел был. // Отец! о, — я тебя любил! // Скажи ж, мертвец, скажи же мне, // Что есть душа? («Среди могил я в час ночной...», 1838); И мне страшно вдруг стало. Дрожал я, // На кладбище я будто стоял, // И родных мертвецов вызывал я, // Но из мертвых никто не восстал («Старый дом», 1839); Я ждал — знакомых мертвецов // Не встанут ли вдруг кости, // С портретных рам, из тьмы углов // Не явятся ли в гости? [«Nocturno» («Как пуст мой деревенский дом...»), не позднее 1840]; Ты проходил по длинной зале — // Лежал в печальной полумгле // Мертвец знакомый на столе, // И ты шаги направил дале (...) («Отрывки», 1861?).

На фоне современного общезыкового стандарта отчетливо проступает специфика поэтического языка пушкинской эпохи, где под давлением разнонаправленных межкультурных и межъязыковых взаимодействий в структуре значения слова мертвец выделились два жанрово, концептуально и стилистически противопоставленных варианта. Мертвец¹ в языке элегий и дружеских посланий — идеальный образ умершего, которому приписывается виртуальное посмертное существование, а именно способность контактировать с живыми, так или иначе участвуя в их жизни, отвечая на их призыв или вызывая их на отклик: Друзья мне — мертвецы, // Парнасские жрецы; // Над полкою простою // Под тонкою тафтою // Со мной они живут, // Певцы красноречивы, // Проваики шутливы // В порядке стали тут (А. Пушкин, «Городок», 1815); В раю, за грустным Ахероном, // Зевая в роище густой, // Творец, любимый Аполлоном, // Увидеть вздумал мир земной (...) Мертвец в России очутился (...) Эрмий с веселым мертвецом // Влетели на чердак высокой (А. Пушкин, «Тень Фон-Визина», 1815); Приду, приду я вновь, мой милый домосед, // С тобою вспоминать беседы прежних лет, // Младые вечера, пророческие споры, // Знакомых мертвецов живые разговоры (А. Пушкин, «Чедаяву», 1821); (...) О Душенькинъ поэтъ, прими мои стихи! // Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи // И надобѣ живымъ посланьями своими, // Несчастнымъ мертвецамъ скучать рѣшаюсь ими [Боратынский 2002, 2: 69 («Богдановичу», 1824)]. Ср. у него же в «Елисейских полях» [с редким для той эпохи разграничением имен покойник и мертвец по категориальному признаку «Я (о себе) vs не-Я (о другом)»]:

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни —
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья! {...}
Приду я съ вами Вакха славить,
А къ вамъ — молитва объ одномъ:
Приборъ покойнику оставить
Не позабудете за столомъ.

Межь тѣмъ за тайными берегами
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.

(Боратынский 2002, 1: 189—190)

Эти стихи, как и «Тень Фон-Визина», примечательны тем, что здесь в качестве прямого соответствия *мертвецу* (*мертвецам*) выступает *тень* (*тени*), прямо или через французское посредство восходящее к античной традиции (лат. *umbra*, франц. *l'ombre* 'тень') и имеющее в русском поэтическом языке пушкинской эпохи такие смысловые эквиваленты, как (*горный*) *дух*, (*горный*) *гость*, *видение*, *привидение*, *призрак* и др. Ср. почти полный набор этих имен в батюшковской «Тени друга» с ее выразительным эпиграфом из Проперция (1814). Также есть смысл «веселого мертвеца» из «Тени Фон-Визина» и «веселых мертвецов» из «Елисейских полей» поставить в параллель с «веселыми тенями» «любимых певцов» из «Моих Пенатов» Батюшкова (1811—1812). Подробнее о мотиве явления поэтов из загробного мира и других «элизийских» топосах см. статьи И. А. Пильщикова (1994; 2004) и его комментарий к «Елисейским полям» (Боратынский 2002, 1: 407—413).

*Мертвец*² характерен для поэтики русской романтической баллады. В отличие от *мертвецов-теней*, он окружен резко отрицательной коннотативной аурой и представляет собой фантастический образ мертвого тела, обладающего грубой материальностью и наделенного энергетикой загробной деятельности — ср. прежде всего прототипическую Бюргерову «Ленору» и ее русские переложения («Людмилу», «Светлану», «Ленору» Жуковского и катенинскую «Ольгу»). В этой связи поучительны колебания Батюшкова между интерпретацией «мертвеца» в «Привидении» (1810; перевод «Le Revenant» Парни, содержащий элементы пародии на «Людмилу»). У Батюшкова «мертвец» отождествляется с «тенью» и, следовательно, ведет себя как *мертвец*¹, но вместе с тем его образ не лишен ужасного и пугающего и, значит, проявляет себя как *мертвец*². Вообще образ активно действующего балладного мертвеца в русской поэзии 1810—1820-х годов стал фокусом антиромантической иронии — ср. батюшковское сравнение «как мертвец в балладе» (Батюшков 1977: 114) с отсылкой ко всё той же «Людмиле» («Путешествие в замок Сирей», 1814) и даль-

нейшее комическое развитие данной фигуры: *Но он стоит уже ни мертв, ни жив, // Равинув рот, потупив взгляды, // Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады* («Странствователь и домосед», 1814). Позднее тему подхватил В. А. Пушкин: *⟨...⟩ Романтики такого мнения, // Что тот поэт не удалец, // Кому не видится мертвец!* [«Капитан Храбров», гл. II, (1828—1829)]. Сам над собой иронизировал и Жуковский: *⟨...⟩ Я жить для вас готов! // А скучных мертвецов // Оставим для баллады!* («К Екатерине Афанасьевне Протасовой», 1812); *На всякий случай в Петергоф // Беру семью крылатых снов ⟨...⟩ Да для моих стихотворений // Запас домашних привидений // И своекоштных мертвецов!* («Письмо к А. Л. Нарышкину», 1820). Едва ли не последний всплеск этой дружеской иронии находим у Вяземского, который припомнил балладных мертвецов в мчащемся сквозь ночную тьму железнодорожном вагоне: *Прочь, Людмила с страшной сказкой // Про полночного коня! ⟨...⟩ Сказку боль опередила // В наши опытные дни: // Огнедышащая сила, // Сила адовым сродни ⟨...⟩ Зверь пыхтит, хрипит, вдруг свистнет // Так, что вздрогнет все кругом ⟨...⟩ И под ним, когда громада Мчится бурью быстроты, // Не твоим чета, баллада: // С громом зыблются мосты». // Мертвецам твоим, толпами // Вставшим с хладного одра, // Не угнаться вслед за нами, // Как езда их не скоро* («Ночью на железной дороге...», 1853).

¹⁷ Аналогичен современный «Гробовщику» банальный афоризм А. Н. Вульфа: «О деньги, деньги! без них человек не живет ⟨...⟩» [2001: 135—136 (запись от 21 августа 1830 г.)].

¹⁸ Появится еще мертвец-«бедняк», «недавно даром похороненный» (8, кн. 1: 93).

¹⁹ Первоисточником этого задорного тоста можно считать запомнившиеся Пушкину строки остроумных куплетов Вяземского, опубликованных в «Полярной Звезде на 1823 год»: *Дай бог покойнику здорovie! // Вольтер чудесный был портной: // В стихах, записочке простой, // В истории, в сказках, в баснословье — // Везде найдешь его покрой* («Всякий на свой покрой»). В качестве типологической параллели можно указать шуточный тост за здоровье Смерти в сказочной поэме Д. Озонишина «Сизиф и Смерть» (1871; перевод из Э. Р. Бульвера Литтона).

²⁰ Иначе понимает эту деталь Л. И. Сазонова (1999: 517—522).

²¹ Ср. хотя бы у Жуковского в «Людмиле» (1808) эвфемизм *тесный дом* и его расшифровку: *Дом твой — гроб; жених — мертвец*. В «Громобое» (1810): *Завтра день взойдет во мгле. // Подымутся стенанья; // Увидят труп твой на столе, // Недвижный, без дыханья; // Кадил и свеч в дыму густом, // При тихом ликов пенье, // Тебя запрут в подземный дом // Навеки в заточенье; // И страшно заступ застучит // Над кровлей гробовою; // И тихо клир провозгласит: // «Усопший, мир с тобою!»*

²² Ср.: «Покойница лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением»; «Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высушенные носы...» (8, кн. 1: 92, 93).

²³ Это определение находим уже в античности; ср. *pallida Mors* 'бледная смерть' у Горация (Ног. Сагп. I, 4, 13; см. Пильщиков 1999: примеч. 4). В русской поэзии: (...) *И бледна смерть на всех глядит* (Г. Державин, «На смерть князя Мещерского», 1794); (...) *бледна, алчна Смерть, // Не вняв плачевного, просительного стоны, // Спешила острую косу на всех простерть* (В. Туманский, «Поле Бородинского сражения», 1817); (...) *Я как смерть и тощ и бледен* (А. Пушкин, «Ты и я», 1820-е годы). Ср. также: *бледный труп* (М. Ломоносов, «Ода ... на взятие Хотина 1739 года»; К. Батюшков, «Тень друга», 1814); *эналлагы трупов кучи бледны* (М. Ломоносов, «Первые трофеи Его Величества Иоанна III...», 1741) и *бледны кучи тел* [М. Ломоносов, «Тамира и Селим», I, 3 (1750)]; сравнения *бледен*, как *мертвец* (К. Батюшков, «К Ж(уковско)му», 1812) и *бледен*, как *мертвый* (В. Жуковский, «Рыцарь Роллон», 1832); и т. п. Отсюда семантический сдвиг *бледный* 'мертвый': «Посмотрите на это ужасное последствие войны, на груды бледных тел, по которым бегут истоптанные воины, преследуя матерей, прижавших трепетных младенцев к персям своим (...)» [Батюшков 1977: 141 («Ариост и Тасс», 1815)].

²⁴ Это сращение было уже вполне употребительным: *Хоть мы в такие дни живем, // Что нашу братью, стиходеев, // Сажает в крепость как владеев // И как безумных в желтый дом* (...) [В. Жуковский, «(Послание к П. А. Вяземскому)» («Хоть мы в такие дни живем...»), 1816?]; (...) *И на цепи, как узник в желтом доме, // Которого нам видеть смех и жаль, // Иль тот зверок, что к колесу привязан, // В одном кругу вертеться ум обяван* (...) (П. Вяземский. Альбом, 1825); (...) *Его в безумные упрятал дядя-плут; // Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили* [А. Грибоедов, «Горе от ума», III, 16 (1824)] «Я, право, не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение» [В. А. Жуковский — А. С. Пушкину, 6 июля 1834 г. (15: 175)]. Не здесь ли объяснение того, что новый желтый дом Адриана Прохорова Пушкин осмотрительно называет «желтым домиком» (8, кн. 1: 89), хотя в дальнейшем — вне соседства с определением *желтый* — уменьшительный вариант этого имени не используется: «На другой день, ровно в двенадцать часов, гробовщик и его дочери вышли из калитки новокупленного дома (...)»; «Гробовщик подходил уже к своему дому (...)» (8, кн. 1: 90, 93).

²⁵ Ср.: «Желтый домъ, домъ умалишенныхъ, отъ желтой окраски обуховской больницы въ Петербургъ» (Даль 1880, 1: 530).

²⁶ Память об имперской символической желтого цвета хранят «Петербургские строфы» Мандельштама (1913): *Над желтизной правительственных зданий // Кружилась долго мутная метель* (...) (с прозрачной отсылкой к пушкинской эпохе: (...) *Онегина старинная тоска* (...)).

²⁷ Сарказм А. К. Толстого — яркое свидетельство смены оценочных и смысловых коннотаций желтого, связанной с разрушением и дискредитацией имперской идеологии. О начальном этапе этого процесса может свидетельствовать удивительное по резкости отождествление «желтостенного» Петербурга с «желтым домом» у Вя-

земского: *Прости, блестящая столица! // Великолепная темница, // Великолепный желтый дом, // Где сумасброды с бритым лбом, // Где пленники слепых дурачеств, // Различных аваний, лет и качеств, // Кряхтят и пляшут под ярмом* («Коляска», 1826). Ср. у него же замечание о «нашихъ такъ называемыхъ геніяхъ» с их увлечением «патріотическою вохрою»: «Дарованія ихъ задушены, подавлены почестью, которою ихъ облачаютъ. Все это, на повѣрку, объясняется двумя обстоятельствами: съ одной стороны, критика наша не опирается ни на какихъ правильныхъ и законныхъ основаніяхъ; съ другой, ложная народная гордость натираетъ и подкрашиваетъ патріотическою вохрою свою домашнюю утварь» (Вяземский 1883, VIII: 323).

С конца 1840-х годов желтизна становится знаком скуки, грязи и убожества — в очерках «Физиологии Петербурга», еще настойчивее у Достоевского и разрастается до универсального символа у А. Белого (Топоров 1995: 245). По данным языка крупнейших поэтов конца XIX — начала XX в. (Анненского, Блока, Ахматовой и др.), желтый цвет в их сознании утрачивает былую радостную «солнечность», светоносность и, нередко соединяясь с черным, из символа жизни становится символом смерти (Миллер-Будницкая 1930: 188—189; Краснова 1973: 168—170; Тростников 1991; Уваров 1993: 125—126; Горбунова 1995: 34; Красильникова 1997: 251—253; Иванова 2001). На смену петербургскому альбому юного Онегина: *Мороз и солнце! чудный день* (6: 616) — придет И. Анненский: *Желтый пар петербургской зимы, // Желтый снег, облипающий плиты...* («Петербург», 1900-е годы). «Царственную», «широководную», «голубую, как небо» Неву Пушкина («Евгений Онегин», 8, XXVII, 7) и Языкова («На смерть барона А. А. Дельвигу», 1831) Анненский увидел грязным потоком *буро-желтого цвета* («Петербург»), а вскоре под пером Мандельштама Нева и вовсе становится «тяжелой» и «черной» («Соломинка», 1916). *Дышащая счастьем, // Сладострастьем // Упоительная ночь! // Ночь немая, // Голубая, // Неба северного дочь*, какой ее воспринимал Вяземский («Петербургская ночь», 1840), очень скоро обернулась в сознании другого поэта ночью *гноино-ясной* [А. Григорьев, «Прощание с Петербургом», 1846; у него же о ночном Петербурге: *прозрачность язвы гноинной* («Город», 1845); *ночи финские с их гноинной белизной* («Старые песни, старые сказки», 1845); у Волошина: *Я нес в себе — багровый, как гнойник, // Горячечный и триумфальный город (...)* С белесоватым мороком ночей (...)] («Росния», 1924)]. Ср. также метаморфозу желтого у Мандельштама: *Императорский виссон // И моторов колесницы, — // В черном омуте столицы // Столпник-ангел вознесен (...)* Только там, где твердь света, // Черно-желтый лоскут злится, // Словно в воздухе струится // Желчь двуглавого орла («Императорский виссон...», 1915).

²⁸ Ни на чем не основанной натяжкой кажется точка зрения В. Шмида (1996: 282—293), согласно которому Юрко, чья роль напоминает ему греческого бога Гермеса, наделен функцией посредника между жизнью и смертью, явью и сном. Что же касается будки, то «новая, серинькая, с белыми колонками дорического ордена» (8, кн. 1: 91), появившаяся на месте сгоревшей в 1812 г. «желтой», сохранила все ее символические функции, но изменила детали. В качестве имперского символа место

О Петре Петровиче Курилкине, о «покойниках» и «мертвецах»...

желтизны заняли «белые колонки дорического ордена». А в пушкинском определении *серинькая* следует, вероятно, видеть один из многочисленных псковских диалектизмов (ср. Касаткина 2005: 50 слл.) — думается, это слово имеет здесь характерное для западных русских говоров диалектное значение 'в полоску, полосатый' [основываясь на материалах говоров Западной Брянщины, изученных мною в 1949—1967 гг.; ср. также: «Сёрый арбуз. Белый арбуз с черными полосами» (СРНГ, 37: 226)]. Цвет стен будки можно было бы считать дополнительным признаком его «казенности» — ср. пушкинские *версты полосаты* («Зимняя дорога», 1826) и обычные изображения раскрашенных «в косую полоску» верстовых столбов, шлагбаумов и полицейских будок. Такова, например, ровесница «бутки» Юрки — полицейская будка на картине Ф. Я. Алексеева «Вид на Воскресенские и Никольские ворота и Неглинный мост от Тверской улицы в Москве» (1811; Государственная Третьяковская галерея).

²⁹ В. Гаршин клеймил Петербург «болотным, немецким, чухонским, бюрократическим городом» [1983: 332 («Петербургские письма», 1882)]. О «чухонском» Петербурге — *Финнополисе* см. Топоров 2003: 33. По замечанию В. Н. Топорова, «гроб, как и похороны, могила и кладбище, равно обязанные своим происхождением и природе, и культуре», — постоянные мотивы «петербургского текста» русской литературы (2003: 113 примеч. 97).

³⁰ О символике порога в «Повестях Белкина» см. Удодов 1999: 219—220, 230.

³¹ О глубинной связи этих фигур в сознании Пушкина свидетельствует характеристика, данная им парижскому палачу Самсону за полгода до «Гробовщика»: в отклике на мемуары палача Пушкин окрестил его «свирепым фигляром» и противопоставил «живым людям» (11: 94).

³² Ср.: «Ситуация „Гробовщика“ воскрешает в памяти фразу из „Светланы“ Жуковского: *Здесь несчастье — лживый сон; // Счастье — пробужденье* (Одионов 1983: 123).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков, И. С.: 1988, *Письма к родным. 1844—1849*, Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова, Москва.
- Аксаков, К. С.: 1986, 'Вальтер Эйзенберг: (Жизнь в мечте): Повесть' [1836], *Русская романтическая повесть*, Составление, вступительная статья и примечания В. И. Сахарова, Москва, 493—516.
- Анненков, П. В.: 1881, 'Замечательное десятилетие: 1838—1848', П. В. Анненков, *Воспоминания и критические очерки: Собрание статей и заметок*, С.-Петербург, отд. 3, 1—224.
- Арзамас — Арзамас: Сборник: В 2 книгах, Под общей редакцией В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата, Москва 1994.
- Б.: 1875, 'На Висле и Дунае, в Одессе и Севастополе: Заметки артиллериста. 1853—1855' [1856], *Русская Старина*, т. XIV, кн. XI, 541—567.
- Баевский, В. С.: 1983, 'Время в «Евгении Онегине»', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. XI, 115—130.
- Бартенев, Ю. Н.: 1886, 'Из записок Ю. Н. Бартенева', *Русский Архив*, № 9, 129—166.
- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*, Москва — Ленинград 1950—1965, т. 1—17.
- Батюшков, К. Н.: 1885—1886, *Сочинения*, Со статьей о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Сантовым. С.-Петербург 1885, т. II; 1886, т. III.
- Батюшков, К. Н.: 1977, *Опыты в стихах и прозе*, Издание подготовила И. М. Семенко, Москва.
- Батюшков, К. Н.: 1989, *Сочинения*, Составление, подготовка текста и комментарии В. А. Кошелева, Москва, т. I: «Опыты в стихах и прозе»; Произведения, не вошедшие в «Опыты в стихах и прозе».
- Бахтин, В.: 1982, *От былины до считалки: Рассказы о фольклоре*, Ленинград.

Библиография

- Безяева, М. Г.: 2001, 'Об особенностях реализации значений коммуникативного уровня: (алгоритм разворачивания инвариантных семантических параметров на примере русских междометий)', *Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой*, Москва, 237—257.
- Белинский, В. Г.: 1954—1955, *Полное собрание сочинений*, Москва 1954, т. IV; 1955, т. VIII.
- Белов, В.: 1981, 'Лад: Очерки о народной эстетике: [Продолжение]', *Наш современник*, № 5, 145—171.
- Бестужев, А.: 1823, 'Взгляд на старую и новую Словесность в России', *Полярная Звезда: Карманная книжка для любительниц и любителей Русской Словесности на 1823 год*, С.-Петербург, 1—44.
- Бестужев, А.: 1825, 'Взгляд на Рускую Словесность в течении 1824 и начале 1825 годов', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1825-й год*, С.-Петербург, 1—23.
- Бестужев-Марлинский, А. А.: 1981, *Сочинения: В 2 т.*, Москва, Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. И. Кулешова.
- Бестужев-Марлинский, А. А.: 1995, *Кавказские повести*, Издание подготовила Ф. З. Канунова, С.-Петербург.
- Бестужев, Н. А.: 1983, *Избранная проза*, Вступительная статья и примечания Я. Левкович, Москва.
- Бетеа, Д., С. Давыдов: 1999, 'Угрюмый Купидон: поэтика пародии в «Повестях Белкина»', Перевод Н. Сперанской и Д. Унгаряну, *Современное американское пушкиноведение: Сборник статей*, С.-Петербург, 201—224.
- Благово, Д.: 1989, *Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово*, Издание подготовила Т. И. Орнатская, Ленинград.
- Благой, Д.: 1929, *Социология творчества Пушкина: Этюды*, Москва.
- Блудова, А. Д.: 1872, 'Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой' [1871], *Русский Архив*, № 7, стб. 1217—1310.
- Блюм, К.: 2002, 'Ковчег в «Сумерках» Боратынского', *К 200-летию Боратынского: Сборник материалов международной научной конференции, состоявшейся 21—23 февраля 2000 г. (Москва — Мураново)*, 157—160.
- Баратынский, Е. А.: 1982, *Стихотворения; Поэмы*, Издание подготовил Л. Г. Фришман, Москва.
- Боборыкин, П. Д.: 1984, *Повести и рассказы*, Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания С. И. Чупринина.
- Бонди, С.: 1978, 'Письмо к Ф. И. Толстому-Американцу' [1930], С. Бонди, *Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг.*, 2-е издание, Москва, 63—72.
- Боратынский, Е.: 1842, *Сумерки*, Москва.
- Боратынский, Е. А.: 1951, *Стихотворения; Поэмы; Проза; Письма*, Вступительная статья К. Пигарева; Подготовка текста и примечания О. Муратовой и К. Пигарева, Москва.

Библиография

- Боратынский, Е. А.: 2002, *Полное собрание сочинений и писем*, Москва, т. 1; 2, ч. 1.
- Бочаров, С. Г.: 1974, 'О смысле «Гробовщика»: (К проблеме интерпретации произведения)', *Контекст 1973: Литературно-теоретические исследования*, Москва, 196—230.
- Бродский, Н. Л.: 1950, («)Евгений Онегин(»): *Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы*, Издание 3-е, переработанное, Москва.
- БО — 'Из бумаг князя В. Ф. Одоевского', *Русский Архив*, 1864, № 7/8, стб. 804—849.
- Бугославский, С. А.: 1941, 'Русские народные песни в записи Пушкина', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 6, 183—210.
- Булаховский, Л. А.: 1954, *Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика; Морфология; Ударение; Синтаксис*, Москва.
- Булгаков, А. Я.: 1901—1902, 'Из писем А. Я. Булгакова к его брату: [1829—1833]', *Русский Архив*, 1901, № 11, 284—383; № 12, 477—553; 1902, № 1, 42—157; № 2, 267—325; № 3, 507—542; № 4, 577—626.
- Булгарин, Ф. В.: 1848, *Воспоминания: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни*, С.-Петербург, ч. 2.
- Булгарин, Ф. В.: 1990, *Сочинения*, Составление, вступительная статья и примечания Н. Н. Львовой, Москва.
- Бунин, И. А.: 1999, *Собрание сочинений: В 8 т., Составление, подготовка текста и комментарии А. К. Бабореко*, Москва, т. 2, 4—6.
- Бурнашев, В. П.: 1872а, 'Листки из памятной книжки', *Русский Архив*, № 7/8, стб. 1606—1612.
- Бурнашев, В. П.: 1872б, 'Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников: (Из „Воспоминаний(“) В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, в период времени с 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.)', *Русский Архив*, № 9, стб. 1770—1850.
- Бутурлин, М. Д.: 1897, 'Записки графа М. Д. Бутурлина: [VI—VII]', *Русский Архив*, № 7, 337—439.
- Бутурлин, М. Д.: 1901, 'Записки графа М. Д. Бутурлина: [Окончание]', *Русский Архив*, № 11, 384—471.
- БЭС — *Большая Энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания*, Под редакцией С. Н. Южакова, 4-е издание со стереотипа, С.-Петербург [1904], т. 11: Киты — Ландана.
- Вацуро, В. Э.: 1979а, 'Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы)', *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*, Ленинград, 3—56.
- Вацуро, В. Э.: 1979б, 'Из неизданных откликов на смерть Пушкина', *Временник Пушкинской комиссии*. 1976, Ленинград, 46—64.
- Вацуро, В. Э.: 1999, 'Продолжение спора: (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я»)', *Звезда*, № 6, 148—159.
- Вацуро, В. Э.: 2000, *Пушкинская пора*, С.-Петербург.

Библиография

- Вельтман, А. Ф.: 1986, *Сердце и Думка: Приключение: Роман в 4-х частях*, Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. А. Кошелева и А. В. Чернова, Москва.
- Вересаев, В. В.: 1929 [= 1928], *Полное собрание сочинений*, Москва, т. 1.
- Верн, Ж.: 1955, *Собрание сочинений: В 12 т.*, Москва, т. 3: Дети капитана Гранта.
- Вигель, Ф. Ф.: 1928, *Записки*, Редакция и вступительная статья С. Я. Штрайха, Москва, ч. II.
- Виноградов, В.: 1934, 'О стиле Пушкина', *Литературное наследство*, Москва, [т.] 16/18, 135—214.
- Виноградов, В. В.: 1935, *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*, Москва — Ленинград.
- Виноградов, В. В.: 1941, *Стиль Пушкина*, Москва.
- Винокур, Г. О.: 1941, 'Слово и стих в «Евгении Онегине»', *Пушкин: Сборник статей*, Москва, 155—213.
- Воейков, А.: 1813, 'К Жуковскому', *Вестник Европы*, ч. LXVIII, № 5/6, 26—29.
- Волохонская, Т. П.: 1993, 'Дуэли Пушкина и его героев', *Пушкинская эпоха и Христианская культура*, С.-Петербург, вып. III, 24—39.
- Востриков, А.: 1998, *Книга о русской дуэли*, С.-Петербург.
- ВП — *Венок Пушкину: Из поэзии первой эмиграции*, Составление, предисловие, комментарии М. Д. Филина, Москва 1994.
- Вульф, А. Н.: 1999, *Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа: Дневник 1827—1842*, Составители Е. Н. Строганова, М. В. Строганов, Научный редактор С. А. Фомичев, Тверь.
- Вяземский, П. А.: 1883—1886, *Полное собрание сочинений*, Издание Графа С. Д. Шереметева, С.-Петербург 1883, т. VIII; 1884, т. IX; 1886, т. X.
- Вяземский, П. А.: 1934, 'Пушкин в письмах П. А. Вяземского к жене (1830—1838)', Публикация, предисловие и комментарии В. Нечаевой, *Литературное наследство*, Москва, [т.] 16/18, 803—812.
- Вяземский, П. А.: 1951, 'Письма к жене за 1831—1832 гг.', Примечания М. С. Боровковой-Майковой, *Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века*, Москва, [т.] IX, 213—468.
- Вяземский, П. А.: 1982, *Сочинения: В 2 т.*, Составление, подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона, Москва, т. 2: Литературно-критические статьи.
- Вяземский, П. А.: 1984, *Эстетика и литературная критика*, Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарий Л. В. Дерюгиной, Москва.
- Вяземский, П. А.: 1988, *Стихотворения; Воспоминания; Записные книжки*, Составление Н. Г. Охотина, Вступительная статья и примечания А. Л. Зорина и Н. Г. Охотина, Москва.
- Гаршин, В. М.: 1983, *Сочинения*, Вступительная статья и комментарий В. Грихина, Москва.

Библиография

- Гастфрейнд, Н. А.: 1912 [= 1911], *Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею: Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811—1817 г.*, С.-Петербург, т. II.
- ГВС — Гоголь в воспоминаниях современников, Редакция текста, предисловие и комментарии С. Машинского, [Москва] 1952.
- Гераков, Г.: 1813, 'Русские анекдоты', *Сын Отечества*, ч. III, № VI, 294—296.
- Герц, Й.: 1994, *Пятикнижие и Гифтарот*, Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино», составленным гл. раввином Британской империи д-ром Й. Герцем, Перевод текста Торы П. Гиля, Перевод комментария Э. Мешкова, Москва — Иерусалим.
- Герцен, А. И.: 1956, *Собрание сочинений: В 30 т.*, Москва, т. VIII: Былое и думы. 1852—1858, ч. I—III.
- Гершензон, М. О.: 1926, *Статьи о Пушкине*, Москва.
- Герштейн, Э. Г.: 1981, 'Дуэли Лермонтова: Дуэль с Э. Барантом', *Лермонтовская энциклопедия*, Москва, 149—150.
- Гильфердинг, А. Ф.: 1951, *Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года*, Издание 4-е, Москва — Ленинград, т. III.
- Глассэ, А.: 1997—1999, 'О мужичке без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике немце и о прочем', *Новое литературное обозрение*, 1997, № 23, 92—117; № 28, 47—75; 1999, № 37, 84—109.
- Глинка, С. Н.: 1895, *Записки*, С.-Петербург.
- Глинка, С. Н.: 1987, 'Из «Записок о 1812 годе»', *1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников*, Составление Н. Н. Акоповой и В. В. Бережкова, Вступительная статья О. Н. Михайлова, Примечания М. А. Бойцова, Москва, 394—491.
- Глинка, Ф.: 1859, *Иов: Свободное подражание священной книге Иова*, С.-Петербург.
- Гоголь, Н. В.: 1940—1951, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], 1940, т. I, X; 1951, т. VI.
- Гончаров, И. А.: 1980, *Собрание сочинений: В 8 т.*, Москва, т. 6: Обрыв: Роман: В 5 ч. Ч. III—V; Статьи об «Обрыве».
- Горбунова, О. И.: 1995, 'Основные функции цвета в лирике А. А. Блока', *Филологические штудии: Сборник научных трудов*, Иваново, 27—34.
- Гордин, Я.: 1987, 'Право на поединок: Роман в документах и рассуждениях', *Нева*, 1987, № 2, 6—58.
- Гордин, Я.: 1996, *Дуэли и дуэлянты*, С.-Петербург.
- Греч, Н. И.: 1873, 'Записки: [Гл. I—II]' [1849—1865], *Русский Архив*, № 3, стб. 225—341.
- Греч, Н. И.: 1930, *Записки о моей жизни*, Текст по рукописи под редакцией и с комментариями Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса, Москва — Ленинград.
- Григорьева, А. Д.: 1969, 'Поэтическая фразеология Пушкина', *Поэтическая фразеология Пушкина*, Москва, 5—292.
- Грот, К. Я.: 1911, *Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом*, С.-Петербург.

Библиография

- Гуковский, Г. А.: 1957, *Пушкин и проблемы реалистического стиля*, Москва.
- Гура, А. В.: 1995, 'Орел', *Славянская мифология: Энциклопедический словарь*, Москва, 288.
- Гура, А. В.: 1997, *Символика животных в славянской народной традиции*, Москва.
- Давыдов, Д.: 1962, *Сочинения*, Предисловие, подготовка текста и примечания В. Орлова, Москва.
- Давыдов, С.: 1997, 'Веселые гробокопатели: Пушкин и его «Гробовщик»', *Пушкин и другие: Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева*, Новгород, 42—51.
- Даль, В. И.: 1880—1882, *Толковый словарь живого великорусского языка*, 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора, Москва, т. I—IV.
- Даль, В. И. (Казак Луганский): 1987, *Избранные произведения*, Составление Н. Н. Акоповой, Вступительная статья Л. П. Козловой, Примечания В. П. Петушкова, Москва.
- Деларю, М. Д.: 1980, 'Мирра: Поэма Овидия Назона', С латинского Д. Казанский [= М. Д. Деларю], *Северные Цветы на 1832 год*, Издание подготовил Л. Г. Фризман, Москва, 188—196.
- Делиль, Ж.: 1988, *Сады*, Издание подготовили Н. А. Жирмунская, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Н. А. Шафаренко, Ленинград.
- Дмитриев, М. А.: 1869, *Мелочи из запаса моей памяти*, 2-м тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора, Москва.
- Дмитриев, И. И.: 1986, *Сочинения*, Составление и комментарии А. М. Пескова и И. З. Сурат, Вступительная статья А. М. Пескова, Москва.
- Добрицын, А. А.: 2001, '«На лире легкой и небрежной...»': Заметки о влиянии *poésie fugitive* на лицейские стихи Пушкина', *Polonica. Rossica. Cyclica: Профессору Рольфу Фигуту к 60-летию*, Москва, 274—284.
- Добрицын, А. А.: 2001/2002, 'Русские эпиграммы XVIII—XIX веков и их западноевропейские образцы', *Philologica*, т. 7, № 17/18, 9—82.
- Добродомов, И. Г.: 2001, 'Бифштекс', *Русский язык в школе*, № 5, 86—87, 90.
- Добродомов, И. Г.: 2003, 'Парадоксальная фонема /ʲ/ в русском языке', *Вопросы филологии*, № 1 (13), 15—24.
- Добродомов, И. Г.: 2004а, 'Beef-steaks', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. II: Л — Я; А — Z, 776—777.
- Добродомов, И. Г.: 2004б, 'Roast-beef (Rost-beef)', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. II: Л — Я; А — Z, 790—792.
- Достоевский, Ф. М.: 1973—1974, *Полное собрание сочинений: В 30 т.*, Ленинград, т. 8, 10.
- Дранникова, Н. В.: 2002, 'Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица', *Комплексное собиание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6—8 июня 2001 года)*, Архангельск, 83—92.

Библиография

- Дружинин, А. В.: 1986, *Повести; Дневник*, Издание подготовили Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов, Москва.
- Дурова, Н. А.: 1983, *Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой*, Составление, вступительная статья и примечания В. Муравьева, Москва.
- Елкин, В. Г.: 1985, *Структура и смысл произведений Пушкина в аспекте системного подхода: Учебное пособие*, Владимир.
- Есипов, В. М.: 1996, 'Два втjода о пушкинской прозе', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] III, 169—192.
- Жихарев, С. П.: 1955, *Записки современника*, Редакция, статьи и комментарии Б. М. Эйхенбаума, Москва — Ленинград.
- Жукова, М. С.: 1986, *Вечера на Карповке*, Составление и послесловие Р. В. Иезуитовой, Москва.
- Жукова, М. С.: 1987, 'Дача на Петергофской дороге', *Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века*, Составление, вступительная статья и примечания В. В. Ученовой, Москва, 245—322.
- Жуковский, В. А.: 1959—1960, *Собрание сочинений: В 4 т.*, Москва — Ленинград.
- Жуковский, В. А.: 2000, *Английская поэзия в переводах В. А. Жуковского*, Составление К. Н. Атаровой, А. А. Гутнина, Предисловие и комментарии К. Н. Атаровой, Москва.
- Жуковский, В. А.: 2004, *Полное собрание сочинений и писем: 20 т.*, Москва, т. 13: *Дневники; Письма-дневники; Записные книжки. 1804—1833*.
- Загоскин, М. Н.: 1987, *Сочинения: В 2 т.*, Составление, подготовка текста, комментарии С. Панова и А. Пескова, Москва, т. 2: *Комедии; Проза; Стихотворения; Письма*.
- Засорина, Л. Н.: 1977, *Частотный словарь русского языка*, Москва.
- Захарова, О. Ю.: 1999, *Балы пушкинского времени*, Москва.
- Зеленин, Д. К.: 1995, *Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки*, Москва.
- Зеленин, Д. К.: 1999, 'Древнерусский языческий культ «заложных» покойников', Д. К. Зеленин, *Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1917—1934*, Москва, 17—34.
- Иванов, Вяч. Вс., В. Н. Топоров: 1965, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период)*, Москва.
- Иванова, Н.: 2001, 'Ut pictura poesis: Цвета Петрополя в поэтическом освещении', *Знамя*, № 6, 187—198.
- Ивановский, Н. П.: 1948, *Бальный танец XVI—XIX вв.*, Ленинград — Москва.
- Инсарский, В. А.: 1873, 'Из записок В. А. Инсарского', *Русский Архив*, № 4, стб. 513—592.
- Кайданов, [И.]: 1832, *Извлечение из рукописных исторических лекций профессора Кайданова*, С.-Петербург.
- Карамзин, Н. М.: 1866, *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*, По поручению отделения русского языка и словесности Императорской Академии

Библиография

- Наук издали с примечаниями и указателями Я. Грот и П. Пекарский, С.-Петербург.
- Карамзин, Н. М.: 1897, 'Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому (1810—1826)', Предисловие и примечания Н. П. Барсукова, *Старина и Новина: Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III*, С.-Петербург, кн. I, отд. 2, 1—204.
- Карамзин, Н. М.: 1964, *Избранные сочинения: В 2 т.*, Составление, подготовка текста и примечания П. Беркова, Вступительная статья П. Беркова и Г. Макогоненко, Москва — Ленинград, т. 1: Письма русского путешественника; Повести.
- Карамзин, Н. М.: 1984, *Письма русского путешественника*, Издание подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский, Ленинград.
- Карлов, Б., В. Певзнер, П. Слепенков: 1972, *Учебник судоводителя любителя: (Управление маломерными судами)*, Издание 3-е, переработанное и дополненное, Москва.
- Карлгоф, В.: 1832, *Повести и рассказы*, С.-Петербург, ч. 1.
- Касаткина, Р. Ф.: 2005, 'Диалектизмы в творчестве Пушкина', *Русский язык в научном освещении*, № 2 (8), 49—62.
- Катенин, П. А.: 1981, *Размышления и разборы*, Составление, подготовка текста, вступительная статья и примечания Л. Г. Фризмана, Москва.
- Кацура, А.: 1999, *Поединок чести: Дуэль в истории России*, Москва.
- Ким, Чжин Енг: 2000, 'Путешествие Пушкина на Восток: «Кавказский пленник» и «Путешествие в Арзрум»', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] VII, 78—85.
- Кипренский, О.: 1817, 'Письмо из Рима [10 июня 1817 г.]', *Сын Отечества*, ч. 42, № XLVI, 3—25.
- Киреевский, И. В.: 1979, *Критика и эстетика*, Составление, вступительная статья и примечания Ю. В. Манна, Москва.
- Ковалевская, Е. А.: 1979, 'Акварели и рисунки Лермонтова из альбомов А. М. Верещагиной', *М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы*, Ленинград, 24—79.
- Кольцов, А. В.: 1909, *Полное собрание сочинений*, Издание Разряда Изящной Словесности Императорской Академии Наук, Под редакцией и с примечаниями А. И. Лященко, С.-Петербург (= Академическая библиотека русских писателей; Вып. 1).
- Корнилова, А. В.: 1982, *Картинные книги: Очерки*, Ленинград.
- Корнилович, А. О.: 1957, *Сочинения и письма*, Издание подготовили А. Г. Грумм-Гржимайло и Б. Б. Кафенгауз, Москва — Ленинград.
- Кошелев, В. А.: 1994, 'Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина»: (К проблеме внутренней хронологии романа в стихах)', *Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*, Петрозаводск, 131—150.
- Кошелев, В. А.: 1999, *«Онегина» воздушная громада...*, С.-Петербург.

Библиография

- Красильникова, Е. В.: 1997, 'Еще раз о цвете у И. Анненского', *Облик слова: Сборник статей*, Москва, 251—258.
- Краснова, Л.: 1973, *Поэтика Александра Блока: Очерки*, Львов.
- Краснокутский, В. С.: 1977, 'О своеобразии арзамасского «наречия»', *Замысел, труд, воплощение...*, Москва, 20—41.
- Крысин, Л. П.: 1998, *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва.
- Кудрявина, И. М., Т. Г. Мальчукова: 1995, 'Миф в лирике Пушкина 1820-х годов', *Христианская культура. Пушкинская эпоха*, С.-Петербург, вып. IX, 73—85.
- Куприн, А. И.: 1994, *Собрание сочинений: В 6 т.*, Москва, т. 2: Произведения. 1901—1906.
- КЧР — *К чести России: Из частной переписки 1812 года*, Составление, предисловие и примечания М. Бойцова, Москва 1988.
- Лажечников, И.: 1980, 'Страшный суд: (Отрывок из романа: Последний Новик)', *Северные цветы на 1832 год*, Издание подготовил Л. Г. Фризман, Москва, 53—62.
- ЛГ 1830 — «Литературная газета» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига. 1830 год. № 1—13, Послесловие и общая редакция В. Н. Касаткиной, Подготовка текста и комментарии Т. К. Батуровой, Москва 1988.
- Левкович, Я. Л.: 1978, 'Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. VIII, 151—194.
- Лермонтов, М. Ю.: 1954—1957, *Сочинения: В 6 т.*, Москва — Ленинград.
- Лесков, Н. С.: 1989, *Легендарные характеры*, Составление, вступительная статья и примечания Н. Н. Старыгиной, Москва.
- Летопись — *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т.*, Составители М. А. Цявловский, Н. А. Тархова, Москва 1999.
- Листов, В. С.: 1999, 'Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум»', *Пушкин и его современники: Сборник научных трудов*, С.-Петербург, вып. 1 (40), 41—68.
- ЛМВ — *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*, Составление, вступительная статья и примечания В. И. Коровина, Москва 1990.
- ЛН 1952 — 'Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837)', Вступительная статья Д. Благого, *Литературное наследство*, Москва 1952, т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь, 3—154.
- Лобанова, А. С.: 1995, '«Ворон к ворону летит»: Русский источник «Шотландской песни» Пушкина', *Временник Пушкинской комиссии*, С.-Петербург, вып. 26, 111—120.
- Локотникова, И. Г.: 2000, 'Сюрприз для императрицы', *Пушкинский музей: Альманах*, С.-Петербург, [вып.] 2, 178—186.
- Ломоносов, М. В.: 1959, *Полное собрание сочинений*, Москва — Ленинград 1959, т. 8: Поэзия; Ораторская проза; Надписи.

Библиография

- Лотман, Ю. М.: 1980, *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя*, Ленинград.
- Майков, А. Н.: 1980, 'Письма', Публикация И. Г. Ямпольского, *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год*, Ленинград, 163—208.
- Марин, С. Н.: 1948, *Полное собрание сочинений*, Москва.
- Марлинский (А. А. Бестужев): 1906, *Полное собрание сочинений: В 2 т.*, Издание А. А. Каспари, С.-Петербург, т. 1.
- Маяковский, В.: 1959, *Полное собрание сочинений: В 13 т.*, Москва, т. 12: Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917 — 1930.
- МАС — *Словарь русского языка: В 4 т.*, Издание 3-е, стереотипное, Москва 1986.
- Мелетинский, Е. М.: 1991, 'Ворон', *Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т.*, Москва, т. 1: А — К, 245—247.
- Мельников, П. И. (А. Печерский): 1976, *Собрание сочинений: В 8 т.*, Составление и общая редакция М. П. Еремина, Москва, т. 3.
- Миллер-Будницкая, Р. Э.: 1930, 'Символика цвета и синестетизм в поэзии на основе лирики А. Блока', *Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе*, т. III, 133—198.
- Миронов, В. Ф.: 1999, *Дуэли в жизни и творчестве А. С. Пушкина*, Москва (= Московский общественный научный фонд. Научные доклады; № 86).
- Михайлов, А. В.: 1988, 'Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII—XIX вв.', *Быт и история в античности*, Москва, 219—270.
- Михайлова, Н. И.: 1996, '«Евгений Онегин» и альбомная культура первой трети XIX в.', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 55, № 6, 15—22.
- Морозов, И. А., И. С. Слепцова: 2004, *Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.)*, Москва.
- Муравьев, Н. Н.: 1886, 'Записки: [Ч. IV—VI]', *Русский Архив*, № 1, 5—54; № 2, 69—146; № 4, 445—524.
- Мурьянов, М. Ф.: 1979, 'Об одном восточном мотиве у Пушкина', *Пушкин в странах зарубежного Востока: Сборник статей*, Москва, 144—155.
- Мурьянов, М. Ф.: 1995, 'Онегинский недуг', *Вестник Российской академии наук*, т. 65, № 2, 158—163.
- Мурьянов, М. Ф.: 1996, *Из символов и аллегорий Пушкина*, Москва (= Пушкин в XX веке; Вып. II).
- Мурьянов, М. Ф.: 1999, *Пушкин и Германия*, Москва.
- Набоков-Сирин, В.: 1957, 'Заметки переводчика', *Опыты*, [кн.] VIII, 36—49.
- Набоков, В.: 1996, 'Пушкин, или Правда и правдоподобие' [1937], Перевод с французского Т. Земцовой, *Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев*, Москва, 411—423.
- Надеждин, Н. И.: 2001, '«Полтава», поэма Александра Пушкина' [1829], *Пушкин в прижизненной критике. 1828—1830*, Под общей редакцией Е. О. Ларионовой, 157—175.

Библиография

- Некрасов, Н. А.: 1983—1999, *Полное собрание сочинений и писем: В 15 т.*, С.-Петербург 1983, т. 7; 1999, т. 14, кн. II.
- Непомнящий, В.: 1983, *Поэзия и судьба: Статьи и заметки о Пушкине*, Москва.
- Непомнящий, В. С.: 1996, 'Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина»', *Московский пушкинист*, Москва, вып. II, 135—165.
- Никифор: 1990, *Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия: В 4-х выпусках*, Труд и издание Архимандрита Никифора, Репринтное издание, Свято-Троице-Сергиева Лавра.
- Никишов, Ю.: 1998, *Поэт, Онегин и Татьяна: Литературоведческие заметки*, Тверь.
- НМСП — *Новые материалы к словарю А. С. Пушкина*, Москва 1982.
- НС — Т. Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный*, Москва 2000, т. I—II.
- ОА — *Остафьевский архив князей Вяземских*, Издание Графа С. Д. Шереметева, Под редакцией и с примечаниями В. И. Сантова, С.-Петербург 1899/1901, т. I—II; 1899/1908, т. III.
- Огарев, Н.: 1861, *Русская потаенная литература XIX столетия*, Лондон, отд. 1: Стихотворения, ч. 1, С предисловием Н. Огарева.
- Одоевский, В. Ф.: 1981, *Сочинения: В 2 т.*, Составление, комментарии В. И. Сахарова, Москва.
- Ожегов, С. И.: 1972, *Словарь русского языка*, Издание 9-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Островский, А. Н.: 1949, *Полное собрание сочинений*, Москва, т. I: Пьесы. 1847—1854.
- ОШ — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, 4-е издание, дополненное, Москва 1997.
- Павлищев, Л.: 2003, 'Из семейной хроники: Воспоминания об А. С. Пушкине', *Семейные предания Пушкиных*, Вступительная статья Я. А. Гордина, Подготовка текста и комментарий Т. И. Краснобородько, С.-Петербург, 29—293.
- Павлов, Н. Ф.: 1989, *Избранные сочинения*, Составление, вступительная статья и примечания Л. М. Крупчанова, Москва.
- Панаев, И. И.: 1987, *Сочинения*, Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии М. Отрадина, Ленинград.
- Панаев, И. И.: 1988, *Литературные воспоминания*, Вступительная статья и комментарий И. Г. Ямпольского, Москва.
- Панаева, А. Я.: 1987, 'Степная барышня', *Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века*, Составление, вступительная статья и примечания В. В. Ученовой, Москва, 343—414.
- ПВС — *Пушкин в воспоминаниях современников*, 3-е издание, дополненное, Вступительная статья В. Э. Вацуро; Составление и примечания В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой и др., С.-Петербург 1998, т. 1—2.
- Пеньковский, А. Б.: 1973, 'Фонологическая интерпретация фонетических долгот гласных в русском языке: (В связи с особенностями словообразования первичных

Библиография

- русских междометий)', *Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению*, Москва, 59—63.
- Пеньковский, А. Б.: 1989, 'О семантической категории «чуждости» в русском языке', *Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987*, Москва, 54—82.
- Пеньковский, А. Б.: 1990, 'Собственные имена в системе художественных средств повести Пушкина «Гробовщик»', *Проблемы стиховедения и поэтики: Межвузовский научный сборник*, Алма-Ата, 96—99.
- Пеньковский, А. Б.: 1995а, 'Глагольное действие *sub specie adverbiorum*: 2. Ответные действия и языковые ответы', *Грамматические категории и единицы. Синтагматический аспект: Тезисы международной конференции*, Владимир, 128—133.
- Пеньковский, А. Б.: 1995б, 'Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости', *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке*, Москва, 36—40.
- Пеньковский, А. Б.: 1999а, 'Об «антипоэтическом» характере Онегина, или как читать Пушкина', *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*, № 1, 214—229.
- Пеньковский, А. Б.: 1999б, 'О страсти и страстях, или Умел ли Онегин любить, или Как читать Пушкина', *Пушкин и поэтический язык XX века: Сборник статей, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина*, Москва, 42—59.
- Пеньковский, А. Б.: 1999в, 'Загадки пушкинского текста и словаря: [Квакер]', *Новый журнал*, 1999, № 217, 119—126.
- Пеньковский, А. Б.: 1999г, 'Загадки пушкинского текста и словаря: «Нет... ни балов, ни стихов»', Москва (= Вечера в музее Сидура; Вып. 56).
- Пеньковский, А. Б.: 1999д, 'Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом отношении', Москва.
- Пеньковский, А. Б.: 1999/2000, 'Загадки пушкинского текста и словаря: («Евгений Онегин», 1, XXXVII, 13—14)', *Philologica*, т. 6, № 14/16, 41—69.
- Пеньковский, А. Б.: 2000, 'Пушкинский текст и текст культуры: Котильон', *Поэтический текст и текст культуры: Международный сборник научных трудов: К 60-летию филологического факультета*, Владимир, 79—93.
- Пеньковский, А. Б.: 2002а, 'О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней): 1. Категория масштаба', *Аванесовские чтения: Международная научная конференция 14—15 февраля 2002 г.: Тезисы докладов*, Москва, 219—221.
- Пеньковский, А. Б.: 2002б, 'Загадки пушкинского текста и словаря: «Так уносились мы мечтой / К началу жизни молодой»: («Евгений Онегин», 1, XLVII, 13—14)', *Аванесовские чтения: Международная научная конференция 14—15 февраля 2002 г.: Тезисы докладов*, Москва, 221—222.
- Пеньковский, А. Б.: 2002в, 'Загадки пушкинского текста и словаря: 2. «Нет... ни балов, ни стихов»', *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*, Москва, 360—371.

Библиография

- Пеньковский, А. Б.: 2002г, 'Загадки пушкинского текста и словаря: О чердаках, враньях и метаязыке литературского дела в пушкинскую эпоху: («Евгений Онегин», 4, XVIII—XIX)', *Русский язык в научном освещении*, 2002, № 1 (3), 128—167.
- Пеньковский, А. Б.: 2003, *Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом отношении*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Пеньковский, А. Б.: 2004а, 'О развитии скрытых семантических категорий русского языка (от Пушкина до наших дней): Категория масштаба: 1. захоlustь; 2. ски-таться', *Вопросы языкознания*, 2004, № 1, 42—59.
- Пеньковский, А. Б.: 2004б, 'Загадки пушкинского текста и словаря: «...В хронологической пыли / Бытописания земли» («Евгений Онегин», 1, VI, 10—11)', *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*, Москва, 796—811.
- Пеньковский, А. Б.: 2004в, *Очерки по русской семантике*, Москва.
- Перцов, Н. В., И. А. Пильщиков: 2003/2005, '«Бессмертное поношение»: (Об одном из последних бурлескных опытов Пушкина)', *Philologica*, т. 8, № 19/20 (в печати).
- Петрунина, Н. Н.: 1974, '«На выздоровление Лукулла»', *Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика*, Ленинград, 323—361.
- Петрунина, Н. Н.: 1983, 'Первая повесть Пушкина: («Гробовщик»)', *Русская литература*, № 2, 70—89.
- Пильщиков, И.: 1994, 'О «французской шалости» Баратынского', *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая серия*, Тарту, вып. I, 85—111.
- Пильщиков, И. А.: 1999а, 'Отзыв у Баратынского: слово и значение', *Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность*, Москва, 282—295.
- Пильщиков, И. А.: 1999б, 'Комментарий к стихотворению К. Н. Батюшкова «Элегия из Тибулла. Вольный перевод»' (<http://www.rvb.ru/batyushkov/comment/019.htm>).
- Пильщиков, И.: 2004, 'О «французской шалости» Баратынского: («Элизийские поля»: литературный и биографический контекст)', *Русская антропологическая школа. Труды*, Москва, вып. 2, 61—88.
- Пильщиков, И. А., М. И. Шапир: 2005, 'Еще раз об авторстве баллады Пушкина «Тень Баркова»', *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 64, № 3, 41—52.
- Погодин, М. П.: 1984, *Повести; Драма, Составление, вступительная стататъя и примечания М. Н. Виролайнен*, Москва.
- Погорельский, А.: 1985, *Избранное, Составление, вступительная статья и примечания М. А. Турьян*, Москва.
- Полевой, Н.: 1832, *Клятва при гробе Господнем: Русская быль XV века*, Москва, ч. II—IV. Без подписи.

Библиография

- Полевой, Н.: 1986, *Избранные произведения и письма*, Составление, подготовка текста, вступительная статья, примечания А. Карпова, Ленинград.
- Полонский, Я. П.: 1984, *Лирика; Прова*, Составление, вступительная статья и комментарии В. Г. Фридлянд, Москва.
- Полонский, Я. П.: 1986, *Сочинения: В 2 т.*, Составление и комментарии И. Б. Мушиной, Москва, т. 2: Признания Сергея Чалыгина; Женитьба Атуева; Воспоминания.
- Попова, И. А.: 1999, 'Творческая история Повестей Белкина', [А. С. Пушкин], *Повести Белкина*, Москва, 181—235.
- Порошин, С. А.: 2004, 'Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича', *Русский Гамлет*, Составление, послесловие, именной указатель А. Ско-робогатова, Москва, 9—372.
- Потебня, А. А.: 1862, 'Мысль и язык: VIII. Слово, как средство апперцепции', *Журнал Министерства Народного Просвещения*, ч. СХІІІ, № 3, отд. II, 95—118.
- Поэты 1790—1810-х годов — *Поэты 1790-х — 1810-х годов*, Вступительная статья и составление Ю. М. Лотмана, Подготовка текста М. Г. Альтшуллера, Вступительные заметки, биографические справки и примечания Ю. М. Лотмана и М. Г. Альтшуллера, Ленинград 1971.
- Поэты 1820—1830-х годов — *Поэты 1820—1830-х годов*, Вступительная статья и общая редакция Л. Я. Гинзбург, Биографические справки, составление, подготовка текста и примечания В. Э. Вацура, Ленинград 1972, т. 1—2.
- ПАП — 'Приключения Лифляндца в Петербурге', *Русский Архив*, 1878, № 4, 436—468.
- ППК — *Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827*, Под общей редакцией В. Э. Вацура, С. А. Фомичева, С.-Петербург 1996.
- Пумпянский, Л. В.: 1982, 'Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина' [1923], *Пушкин: Исследования и материалы*, т. X, Ленинград, 204—215.
- Пушкин, А.: 1831, *Повести покойного Ивана Петровича Белкина*, Изданные А. П[ушкиным], С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1833, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, [Издание 2-е], С.-Петербург.
- Пушкин, А.: 1837, *Евгений Онегин: Роман в стихах*, Издание 3-е, С.-Петербург.
- Пушкин: 1935, *Письма*, Под редакцией и с примечаниями Л. Б. Модзалевского, Москва — Ленинград, т. III: 1831—1833.
- Пушкин: 1937—1949, *Полное собрание сочинений: [В 16 т.]*, [Москва — Ленинград].
- Пушкин, А. С.: 1977—1978, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Издание 4-е, Москва 1977, т. 3; 1978, т. 6.
- Пушкин: 1996, *Рисунки*, Под редакцией С. А. Фомичева, Составители С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Красноборо́дько, Москва [= Пушкин, Полное собрание сочинений; Т. 18 (дополнительный)].
- Пушкин: 1997, *Полное собрание сочинений*, Москва, т. 17 (дополнительный): Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания; Официальные документы, Из-

Библиография

- дание 2-е, переработанное, Ответственные редакторы Я. А. Левкович, С. А. Фомичев.
- Пушкин, А. С.: 1999, *Полное собрание сочинений: В 20 т.*, С.-Петербург, т. 1: Лицейские стихотворения. 1813—1817.
- Пушкин, В. А.: 1990, 'Письма В. А. Пушкина к П. А. Вяземскому', Подготовка текста С. Панова, *Ново-Басманная*, 19, Москва, 59—74.
- Пушкин, И. И.: 2001, *Сочинения и письма: В 2 т.*, Москва, т. 2: Письма. 1850—1859 гг., Издание подготовлено М. П. Мироненко, С. В. Мироненко.
- Рабинович, Е. Г.: 1999, 'Заметки о Пушкине и Горацин', *Studia metrica et poetica: Сборник статей памяти Петра Александровича Руднева*, С.-Петербург, 200—213.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РО — *Русский очерк: 40—50-е годы XIX века*, Составление, общая редакция, предисловие и комментарии В. И. Кулешова, Москва 1986.
- Ростопчин, Ф. В.: 1992, *Ох, французы!*, Составление, вступительная статья и примечания Г. Д. Овчинникова, Москва.
- Ростопчина, Е.: 1986, *Стихотворения; Проза; Письма*, Составление, вступительная статья, подготовка текста, примечания Б. Романова, Москва.
- РП — *Разговоры Пушкина*, Собрали С. Гессен, Л. Модзалевский, Москва 1929.
- Рылеев, К. Ф.: 1987, *Сочинения*, Составление, вступительная статья, комментарии С. А. Фомичева, Ленинград.
- РЭ — *Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в.*, Составление, подготовка текста и примечания В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко, Ленинград 1975.
- Сазонова, Л. И.: 1999, 'Эмблематические и другие изобразительные мотивы в Повестях Белкина', [А. С. Пушкин], *Повести Белкина*, Москва, 510—534.
- Сазонова, С. С.: 1999, «...Переступив за незнакомый порог...»: Заметки о «Гробовщике», *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] VI, 172—177.
- Салтыков-Щедрин, М. Е.: 1972, *Собрание сочинений: В 20 т.*, Москва, т. 13: Господа Головлевы. 1875—1880; Убежище Монрепо. 1878—1879; Круглый год. 1879—1880.
- Сандромирская, В. Б.: 1979, 'Альбом с рисунками Лермонтова: (Лермонтов и М. А. Шан-Гирей)', М. Ю. Лермонтов: *Исследования и материалы*, Ленинград, 122—138.
- Сахаров, И. П.: 1873, 'Для биографии И. П. Сахарова', Сообщено П. И. Савваитовым, *Русский Архив*, № 6, стб. 897—1017.
- СББ — *Словарь библейского богословия*, Под редакцией К. Леон-Дюфура и др., Перевод со 2-го французского издания, Bruxelles 1990.
- Седакова, О. А.: 1998, '«Странствия владычня...»: Из наблюдений над церковнославянским словом', *Слово и культура*, т. I, Москва, 255—263.
- Семевский, М.: 1870, 'Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827—1829', *Русский Вестник*, т. LXXXVII, № 5, 213—264.

Библиография

- Сендерович, С.: 1990, 'Две главы о «Евгении Онегине»', М. Сендерович, С. Сендерович, *Пенаты: Исследования по русской поэзии*, East Lansing, Mich., 100—152.
- Сидяков, Л. С.: 1978, '«Евгений Онегин», «Цыганы» и «Граф Нулин»: (К эволюции пушкинского стихотворного повествования)', *Пушкин: Исследования и материалы*, т. VIII, Ленинград, 5—21.
- СИС — *Словарь иностранных слов*, Издание 12-е, стереотипное, Москва 1985.
- Скалон, С. В.: 1989, 'Воспоминания', *Русские мемуары: Избранные страницы. 1800—1825*, Составление, вступительная статья и примечания И. И. Подольской, Москва, 332—351.
- Скрынников, Р. Г.: 1999, *Дуэль Пушкина*, Издание 2-е, дополненное, С.-Петербург.
- Случевский, К. К.: 1898, *Сочинения: В 6 т.*, С.-Петербург, т. II, III.
- Снегирев, И. М.: 1902, 'Дневник Ивана Михайловича Снегирева' [1821—1823], [С предисловием А. А. Титова], *Русский Архив*, № 6, 177—212; № 7, 369—435; № 8, 529—576.
- Сологуб, В. А.: 1983, *Избранная проза*, Составление В. А. Мильчиной, вступительная статья и примечания А. С. Немзера, Москва.
- Сомов, О. М.: 1974, 'О романтической поэзии', *Русские эстетические трактаты первой трети XIX века: В 2 т.*, Москва, т. II, 545—562.
- Сомов, О. М.: 1984, *Были и небылицы*, Составление, вступительная статья и примечания Н. Н. Петруниной, Москва.
- СП — *Словарь языка Пушкина: В 4 т.*, Москва 1956—1961.
- СПИ — *Слово о полку Игореве*, Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, Москва — Ленинград 1950.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1972, вып. 9; 1976, вып. 11; С.-Петербург 2003, вып. 37.
- Станкевич, Н. В.: 1982, *Избранное*, Составление, вступительная статья и примечания Г. Г. Елизаветиной, Москва.
- Сурат, И. З.: 2000, 'Библейское и личное в текстах Пушкина', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] VII, 85—95.
- СЦРЯ — *Словарь Церковно-Славянского и Русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук, С.-Петербург 1847, т. I.
- СЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*, Ленинград 1987, вып. 3; 1988, вып. 4; С.-Петербург 1992, вып. 7.
- Тархов, А. Е.: 1974, 'Календарь «Евгения Онегина»', *Знание — сила*, № 9, 30—33.
- Тархов, А.: 1978, А. С. Пушкин, *Евгений Онегин*, Вступительная статья и комментарии А. Тархова, Москва.
- Тепляков, В.: 1980, 'Жестокий призрак', *Северные цветы на 1832 год*, Издание подготовил Л. Г. Фризман, Москва, 214—216.
- Тимофеев, А. В.: 1989, 'Художник' [1833—1834], *Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века*, Составление и комментарии А. А. Карпова, вступительная статья В. М. Марковича, Ленинград 1989.

Библиография

- Толстой, А. К.: 1980, *Собрание сочинений: В 4 т., Составление и общая редакция И. Г. Ямпольского*, Москва, т. 2.
- Толстой, Л. Н.: 1930—1952, *Полное собрание сочинений. Серия 1: Произведения*, Москва 1930, т. 9, 10; 1932, т. 11; 1933, т. 12; 1935, т. 5; 1936, т. 17; 1952, т. 34.
- Толстой, Л. Н.: 1949, *Полное собрание сочинений. Серия 3: Письма*, Москва, т. 60.
- Толстой, Л. Н.: 2000—2001, *Полное собрание сочинений: В 100 т.. Художественные произведения: В 18 т.*, Москва 2000, т. 1; 2001, т. 6.
- Толстой, С. Л.: 1926, *Федор Толстой — Американец*, Москва (= Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы; Вып. 5).
- Томашевский, Б. В.: 1949, 'Примечания', А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. I: Стихотворения. 1813—1820, 461—511.
- Томашевский, Б. В.: 1956, *Пушкин*, Москва — Ленинград, кн. I: (1813—1824).
- Томашевский, Б. В.: 1957, 'Примечания', А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений: В 10 т.*, Издание 2-е, Москва, т. III: Стихотворения. 1827—1836, 479—537.
- Топоров, В. Н.: 1995, 'О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание»)'. В. Н. Топоров, *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное*, Москва, 193—258.
- Топоров, В. Н.: 2003, *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*, С.-Петербург.
- Топоров, В. Н.: 2004, 'О понятии места, его внутренних связях, его контексте: (значение, смысл, этимология)', *Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923—1996)*, Москва, 12—106.
- ТПРП — Л. Н. Толстой, *Переписка с русскими писателями*, Издание 2-е, дополненное, Составление и примечания С. А. Розановой, Москва 1978, т. 2.
- Тростников, М. В.: 1991, '«Я люблю на бледнеющей шире в переливах раставший цвет...»: Символика желтого цвета в лирике И. Анненского', *Русская речь*, № 4, 15—17.
- ТС — *Толковый словарь русского языка*, Под редакцией Д. Н. Ушакова, Москва 1935—1940, т. I—IV.
- Тургенев, А.: 1939, *Письма Александра Тургенева Булгаковым*, Подготовка текста писем к печати, вступительная статья и комментарии А. А. Сабурова, Москва.
- Тургенев, И. С.: 1978—1986, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т.*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Тургенев, И. С.: 1989, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т.*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва, т. 6: Апрель 1864 — декабрь 1865.
- Тынянов, Ю.: 1934, 'Пушкин и Кюхельбекер', *Литературное наследство*, Москва, [т.] 16/18, 321—378.
- Уваров, М.: 1993, 'Метафизика смерти в образах Петербурга', *Метафизика Петербурга*, С.-Петербург, 113—129 (= Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры; № 1).

Библиография

- Удодов, Б. Т.: 1999, *Пушкин: художественная антропология*, 2-е издание, переработанное и дополненное, Воронеж.
- Урысон, Е.: 1997, 'Покойник 1', *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Москва, вып. 1, 254—256.
- Успенский, Н.: 1986, *Издаലെка и вблизи: Избранные повести и рассказы*, Составление, вступительная статья и примечания С. И. Чупринина, Москва.
- Ушаков, Д. Н., и др.: 1983, 'Из лексикографического архива: [Д. Н. Ушаков (1873—1942); Л. В. Щерба (1880—1944); М. А. Цявловский (1883—1947)]', Публикация и комментарии А. М. Бабкина, *Современная русская лексикография*, 1981, Ленинград, 149—161.
- Федута, А. И., И. В. Егоров: 1999, *Читатель в творческом сознании А. С. Пушкина*, Минск.
- Флобер, Г.: 1984, *О литературе, искусстве, писательском труде: Письма: Статьи*: В 2 т., Москва, т. 1.
- Фризман, Л. Г.: 1979, 'К заметке Пушкина «Об Андре Шенье»', *Временник Пушкинской комиссии* 1976, Ленинград, 144—146.
- ФФ — 'Философия филологии: Круглый стол', Участвуют: О. Аронсон, М. Безродный, В. Библихин, М. Гаспаров и др., Материалы к публикации подготовил С. Зенкин, *Новое литературное обозрение*, 1996, № 17, 45—93.
- ФЭ — *Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*, Составление В. Э. Вацуро, Вступительные статьи В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной, Комментарии В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной, Москва 1989.
- Хан-Пира, Э.: 2004, 'Живой труп и мертвые трупы у Пушкина и Толстого', *Семиотика(,) лингвистика(,) поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского*, Москва, 552—557.
- Хандрос, Б. Н.: 1982, 'Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу (1831—1843)', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. X, 326—355.
- Хармс, Д.: 1997, *Полное собрание сочинений*, Составление, подготовка текста и примечания В. Сажина, С.-Петербург, т. 2: Проза и сценки; Драматические произведения.
- Хейнрих, Б.: 1993, 'Крылатые интеллектуалы', *Наука и жизнь*, № 5, 142—147.
- Хитон, П.: 1974, *Море синее...: Рассказы о яхтсменах*, Сокращенный перевод с английского В. В. Кузнецова, Редактор перевода Н. Я. Рыкова, Ленинград.
- Ходасевич, В.: 1998, 'О пушкинизме' [1932], *Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции*, Составление, предисловие, комментарии М. Д. Филина, Москва, 127—139.
- ХТ 1881 — *Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной: В 5 отделах*, С.-Петербург 1881.
- ХЭС — *Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т.*, Москва 1993.
- Цявловская, Т. Г.: 1959, 'Примечания', А. С. Пушкин, *Собрание сочинений: В 10 т.*, Москва, т. 2: Стихотворения. 1823—1836, 659—781.
- Цявловский, М. А.: 2002, 'Комментарии [к балладе А. С. Пушкина «Тень Баркова»]' [1930—1931, 1937], Реконструкция текста и примечания И. А. Пильшико-

Библиография

- ва и М. И. Шапира, А. С. Пушкин, *Тень Баркова: Тексты; Комментарии; Экскурсы*, Москва, 164—348 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. II).
- Чернобаев, В. Г.: 1939, 'К истории наброска «Альфонс садится на коня»', *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, Москва — Ленинград, [вып.] 4/5, 405—416.
- Чернова, С. В.: 1997, *Модальные глаголы в современном русском языке: Семантическая модель «замысел — осуществление замысла»: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Москва.
- Чехов, А. П.: 1976—1977, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т.*, Москва 1976, т. 4—6; 1977, т. 7.
- Шаврыгин, С. М.: 1996, '«Путешествие в Арзрум» (Пушкин — Грибоедов — Шаховской)', *Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей*, Псков, 37—51.
- Шан-Гирей, А. П.: 1989, 'М. Ю. Лермонтов' [1860], *М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников*, Составление, подготовка текста и комментарии М. И. Гиллельсона и О. В. Миллер, Москва, 33—55.
- Шапарова, Н. С.: 2001, *Краткая энциклопедия славянской мифологии*, Москва.
- Шапир, М. И.: 2000а, *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*, Москва, кн. 1 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. I).
- Шапир, М. И.: 2000б, 'Пушкин и Овидий: (н)овые (м)атериалы: (Из комментариев к «Евгению Онегину»)', *Elementa*, vol. 4, № 4, 341—349.
- Шапир, М. И.: 2001, 'Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, [вып.] IX, 45—58.
- Шапир, М. И.: 2002, 'Барков и Державин: Из истории русского бурлеска', *А. С. Пушкин, Тень Баркова: Тексты; Комментарии; Экскурсы*, Москва, 397—457 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. II).
- Шапир, М. И.: 2004, 'Строфа', *Онегинская энциклопедия*, Москва, т. II: А — Я; А — Z, 551—555.
- Шаронова, А. В.: 2003, 'О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко: (1833—1848)', *Пушкин: Исследования и материалы*, С.-Петербург, т. XVI/XVII, 398—427.
- Шаховской, А. А.: 1886, 'Двенадцатый год: Воспоминания князя А. А. Шаховского' [1836], *Русский Архив*, 1886, № 10, 372—402.
- Шварцбанд, С.: 1992, 'Еще раз о «календаре» в «Евгении Онегине»', *Russian Philology and History: In Honor of Professor Victor Levin*, Jerusalem, 285—299.
- Шварцбанд, С.: 1997, '«...время расчислено по календарю»', *Пушкинский сборник*, Иерусалим, вып. 1, 163—172.
- Шервинский, С. В.: 1967, 'О принципах художественного чтения поэзии Пушкина', *Пушкин: Исследования и материалы*, Ленинград, т. V: Пушкин и русская культура, 328—338.
- Шишков, [А. С.]: 1827, 'Рассмотрение критики, напечатанной в том же Сыне Отечества (№ XVIII, 1820 г.) под заглавием: первое письмо к приятелю о двух Проваических переводах Г. А. Ш. и С. Москотильникова, Героической

Библиография

- Тассовой поэмы *Освобожденный Иерусалим*, Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, С.-Петербург, ч. XI, 329—381.
- Шмид, В.: 1996, *Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина»*, С.-Петербург.
- Шмид, В.: 1998, *Проза как поэзия: Пушкин; Достоевский; Чехов; авангард*, 2-е издание, исправленное, расширенное, С.-Петербург.
- Шоу, Т.: 1996, 'Проблема единства позиции автора-повествователя в «Евгении Онегине»', Перевод с английского Д. Унгурияну, *Автор и текст: Сборник статей*, С.-Петербург, 114—131 (= Петербургский сборник; Вып. 2).
- Шоу, Дж. Т.: 2000, *Конкорданс к стихам А. С. Пушкина*, Москва, т. 2: О — Я.
- Шубин, В. Ф., В. М. Фабисович: 1982, 'К литературной жизни Петербурга', *Русская литература*, № 3, 149—159.
- Щеголев, П. Е.: 1916, 'Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы', *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, Петроград, [т. VII], вып. XXV/XXVII, I—XXI, 01—0170, 1—376.
- Эммет, О., С. Макуренкова: 1999, А. С. Пушкин, *Евгений Онегин*, Перевод [на английский язык] О. Эммет, С. Макуренковой, Москва.
- ЭМС — *Энциклопедический музыкальный словарь*, Составители Б. С. Штейнпресс и И. М. Ямпольский, Москва 1959.
- ЭС — *Энциклопедический словарь*, С.-Петербург 1895, т. XVI: Конкорд — Коялович.
- ЯА — *Языковский архив*, Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова, С.-Петербург 1913, вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829).
- Языков, Н. М.: 1978, 'Письма к родным', Публикация А. А. Карпова, *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год*, Ленинград, 147—178.
- Яновский, Н. М.: 1803, *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно*, С.-Петербург, ч. I: от А до И. Без подписи.
- Bayley, J.: 1971, *Pushkin: A Comparative Commentary*, Cambridge.
- Briggs, A. D. P.: 1992, *Alexander Pushkin. Eugene Onegin*, Cambridge.
- Clayton, J. D.: 1985, *Ice and Flame: Aleksandr Pushkin's Eugene Onegin*, Toronto — Buffalo — London.
- Falen, J. E.: 1990, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated by J. E. Falen, Carbondale, Ill.
- Johnston, C.: 1979, A. S. Pushkin, *Eugene Onegin*, Translation by C. Johnston, Published with minor revisions and an Introduction [by J. Bayley], Hammonds Worth, Middlesex.
- Hasty, O. P.: 1999, *Pushkin's Tatiana*, Madison, Wis.
- Hofstadter, D.: 1999, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, A novel versification by D. Hofstadter, New York.
- Ledger, G. R.: 2001, *Pushkin's Yevgeny Onegin: A Dual Language Version*, English translation by G. R. Ledger, Oxford, 2001.

Библиография

- May, W.: 1999, A. Pushkin, *Lyrical Poems; Tragedy; Story*, Translated by W. May, Moscow — Bishkek.
- Michailoff, H.: 1974, 'The Death of Lermontov: The Poet and the Tsar', *Russian Literature Triquarterly*, № 10, 279—297.
- Nabokov, V.: 1975, A. Pushkin, *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, Translated from the Russian, with a Commentary, by V. Nabokov, Revised edition: In 4 vols., London.
- Reyftman, I.: 1999, *Ritualized Violence Russian Style: The Duel in Russian Culture and Literature*, Stanford, Calif.
- Scholle, C.: 1977, *Das Duell in der russischen Literatur: Wandlungen und Verfall eines Ritus*, München.
- Serman, I.: 2000, 'Тема зла в «Медном всаднике»', *Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина*, Jerusalem, 157—168.
- Shaw, J. T.: 1980, 'The Problem of Unity of Author-Narrator's Stance in Puškin's "Evgenij Onegin"', *Language Journal*, vol. 35, № 120, 25—42.
- Weil, I.: 1974, 'Onegin's echo', *Russian Literature Triquarterly*, № 10, 260—273.
- Čiževsky, D.: 1953, A. S. Pushkin, *Evgenij Onegin: A Novel in Verse*, The Russian text edited with Introduction and Commentary, by D. Čiževsky, Cambridge etc.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ, ФОРМ И ВЫРАЖЕНИЙ

- Алкать смерти (чего-л.) 35, 176
алчность чего-л. 176
альбом, альбомы 64, 65, 73, 74
    ~ домашний и простой 73
    ~ уездной барышни (красавицы) 64, 73
модный ~ 73
арбуз
    серый ~ 252
Арииды 17
    младые ~ 17
    презрительные ~ 17
ах 112
ахалка 112
Ахалкин 99, 112
Ахтикропалов 143

Бавий 143
бал, балы 63, 65—72, 74
    ~ петербургский 69
    шум ~ 69
Балабан 144
балабол 144
балабон 144
Балдус, Балдусы 143, 144
баллада
    как мертвец в ~ 248
    мертвецы ~ 249
Балобонов 144

Бардус 144
барышня
    альбом уездной ~ 64
баснь кентавра 59
батарея
    Раевская ~ 44
беглец соблазна 176
беда
    грех да ~ на кого не живет 228
бедность 121
бедный однодворец 142
бедный стихотворец 142
бедный уголок 139
бежать соблазна 176
бездарные писцы-хлопотуны 142
безжизненный труп 245
безответный 95
    ~ вздох 95
Безрифмин 144
безумный дом 44
безъелый святильник 180, 181
бесконечный котильон 153, 154, 158, 161
беспечная сень 141
бессильный вздох 95
Бессмыслов 129, 144
Бестолков 144
бесцеремонно 45
бесцеремонность 45

Указатель слов, форм и выражений

- бесцеремонный 9, 45
 битва 19
 биться на саблях 49
 благоговеть 53, 54
 благодарить за хлеб-соль 169
 благие боги 224
 благоуханный
     елей речей ~ 171, 172
 блаженно вздохнуть 97
 бледен, как мертвец (мертвый) 250
 бледен, как смерть 250
 бледная смерть 250
 бледные кучи трупов (тел) 250
 бледный 236, 250
     ~ труп 250
 блеск
     докучный шум и ~ 16
 Бог
     ~ с тобою! 224
     дай ~ здоровье зиме! 243
     дай ~ здоровье покойнику! 249
     свидетель ~! 224
 богатства
     ненавидеть ~ 52
 богач 122, 123
 боги 210, 223, 224
     благие ~ 224
     власть ~ 210
     как ~ 224
     наперсник ~ 224
     определение ~ 224
     праведные ~ 210
     промысел ~ 224
     своенравные ~ 224
 богиня вралих 148
 богоматерь
     молить Феба и казанскую богоматерь 209
 божественный
     поддержать ~ светильник елеем 174
 бой 19, 28, 34, 45, 181
     кровавый ~ 28
     поле ~ 19, 20
     полюбить ужасы ~ 34
 бокал, бокалы
     ~ Шампанского 43
     Шампанские ~ 43
 болезненно вздохнуть 96
 болотный город 252
 болтать вздор и ложь 150
 болтун 149
     ~ еженедельный 148, 149
 большой
     ~ враль 128
     наука жить в ~ свете 42
 борцы
     елей, укрепляющий ~ 185
 бояться
     ~ дышать на кого-л. (что-л.) 104
 бранная красавица 28
 бранная подруга 28
 бранная Слава 38
 бранный булат 30
 брань 18—22, 27, 28, 30—32, 45
     разлюбить ~ 20, 22, 32
 брать 162, 163
     ~ вальсировать 163
     ~ [на танец] 163
     ~ танцевать 162
 бред 149
 бредить 149
 бредни 131, 149
 бросаться на добычу (жертву) вороном
     (коршуном, ястребом) 221
 бросить вздох 93
 брюхо 196
     ~ us чело 48, 196
 будить мечтанья 152
 будить упование 152
 будить усыпленные желанья 152
 будка (бутка)
     желтая ~ 238, 251
     серинькая ~ 251, 252
 будущее
     думы ~ 58
 булат 28, 30
 бумажный змей us орел 221
 бунтующий

Указатель слов, форм и выражений

лить елей на ~ море 174
 бури
 жилище ~ 242
 бурный
 капля масла в ~ море 182
 бутылка
 Шампанская ~ 43
 бушующий
 литься на ~ волны души (о елее книжно-го чтения) 174
 бюрократический город 252

В оны дни 179
 Вадий 144
 важный 9
 вальс 153, 154, 156, 157, 159, 162, 163
   идти ~ 163
   умчать в ~ 157
 вальсировать
   брать вальсировать 163
 ваш друг 135
 вбирать
   вздохами ~ в себя что-л. 105
 вздернуть из вздернуть 84
 вдеть из вздеть 84
 вдохнуть 83
 вдохнутый чем-л. 105
 вдохнуть/вдыхать 105
   ~ что-л. кому-л. 105
   ~ в себя 105
   ~ высокие ощущения в сердца 105
 вдохнуть из вздохнуть 83, 84
 вдуматься во что-л. 8
 вдумчивость во что-л. 8
 вдумчивый во что-л. 8
 вдунуть
   ~ живую душу в [русский] язык 216
 вдыхать см. вдохнуть
 вдыхать (абсолют.) 105
 вензель
   ташка с царским ~ 28
 вера 175
 верить
   не ~ собственным глазам 155

версты
   полосатые ~ 252
 веселый мертвец, веселые мертвецы 247, 248
 весна живет 228
 ветер 111
   вдох ~ 110
 ветошник 130, 147, 148
 ветреницы
   надменные ~ 17
 ветры
   жилище ~ 242
 Ветры Ветровичи 190
 вечно 45
 вечный 45
 вживе
   ~ умер 245
 взгляд
   орлиный взор из ястребиный ~ 222
 вздернуть из вздернуть 84
 вздеть из вдеть 84
 вздор
   болтать ~ и ложь 150
 Вздоркин 144
 вздорный враль 126
 вздох, вздохи 78, 80—82, 85, 91—100, 102, 103, 108—111
   безответный ~ 95
   бессильный ~ 95
   бросить ~ 93
   вздохами вбирать в себя что-л. 105
   ~ ветра 110
   ~ горести 98
   ~ из глубины (со дна) сердца (души) 93
   ~ облегчения 97
   ~ от кого-л. 101
   ~ сердца 100
   ~ сладострастья 97
   ~ страдания 110
   ~ тоски 108
   вздохи и оханье 95
   вздохи паровоза 111
   вздохи роз 111
   вздохнуть (глубоким, вольным) ~ 85

Указатель слов, форм и выражений

воздохнуть ~ смерти 105
 вольный ~ 85
 выдавить из груди ~ 102
 вызвать из сердца ~ 110
 выпрямительный ~ 80
 глубокий ~, глубокие ~ 85, 92
 гневный ~ 98
 громкий ~ 93
 дарить ~ кому-л. 101
 долгие (продолжительные, протяжные) ~ 92
 дрожать от ~ 110
 задушать в груди ~ 98
 испускать ~ (о машине) 110
 испустить/испускать ~ 108
 короткие ~ 92
 крылатый ~ 94
 легкие (слабые) ~ 92
 мимолетный ~ 109
 наполнить вздохами грудь 100
 наука бросить ~ 93
 немой ~ 93
 ни ~, ни речи 114
 ни слова, ни ~ 113, 114
 облегчить вздохом/вздохами (стесненную) грудь 86, 103
 обронить ~ 78
 объяснять ~ 96
 окрылен вздохом 94
 от первого до последнего ~ 109
 отдавать вздохи 110
 охи и вздохи (с охами и вздохами, без охов и вздохов) 94
 первый ~ 109, 114
 подавить/подавлять ~ 93, 98
 поднять/поднимать грудь вздохом 92
 подслушать ~ 93
 полустесненный ~ 110
 посвятить ~ кому-л. 101
 последний ~ 108
 посылать ~ 110
 потерять ~ 78
 принять ~ устами 100
 принять чей-л. последний ~ 108

приподнять/приподымать грудь последним ~ 92
 пустой ~ 95
 разгадать ~ 96
 с облегчающим ~ 86
 сказать со вздохом (с тяжелым вздохом) 94—96
 сообщить что-л. вздохом 111
 стая охов и вздохов 94
 тесниться в единый ~ 96
 тихий ~ 93
 тщетный ~ 95, 110
 тяжелые (тяжкие) ~ 92, 96, 109
 удерживать ~ 93, 110
 удушающий грудь ~ 102
 услышать ~ 93
 услышать чей-л. последний ~ 108
 шумный ~ 93
 вздохнуть/вздохнуть 76—86, 88, 90, 91, 93—103, 105, 106, 111, 112
 блаженно вздохнуть 97
 болезненно вздохнуть 96
 вздохнув, сказать (сказав, вздохнуть) 94
 вздохнуть в ответ 95
 вздохнуть вместо ответа 95, 113
 вздохнуть во всю грудь 84
 вздохнуть во сне 96
 вздохнуть воздухом небожителей 85
 вздохнуть всей (полной) грудью 81
 вздохнуть (глубоким, вольным) вздохом 85
 вздохнуть и сказать (сказать и вздохнуть) 94
 вздохнуть из глубины сердца (души) 81
 вздохнуть на свободе 106
 вздохнуть облегченно (с облегчением, облегчительно) 97
 вздохнуть с трудом 84
 вздохнуть свободно (свободнее) 86, 106
 вздохнуть сыростью поля 85
 вздохнуть (холодным) воздухом 85
 вздохнуть из вздохнуть 83, 84
 вздыхать (воздыхать) о ком-л. (о чём-л.), по ком-л. (по чём-л.), по кому-л. (по чему-л.) 98

Указатель слов, форм и выражений

- вздыхать и кряхтеть (кряхтеть и вздыхать) 112, 113
 вздыхать кому-л. о чём-л. 99
 вздыхать негою садов 111
 вздыхать о ком-л. 'быть влюбленным в кого-л.' 99
 вздыхать радостней (о груди) 81
 вздыхать свободней (о груди) 106
 вздыхать шире (о груди) 81
 глубоко вздохнуть 96, 102
 глубоко вздохнуть (об океане) 111
 громко (тихо, шумно) вздохнуть 93
 грустно вздыхать 96
 дать вздохнуть лошадям (коням) 90
 звать вздохнуть 100
 молвить, вздохнув 111
 набожно ~ 97
 не смей вздохнуть 96
 прерывисто вздохнуть 102
 прийти вздохнуть 101
 радостно вздохнуть 97, 102
 самодовольно вздыхать 98
 то вздохнуть, то охнуть 91
 только вздохнуть 95
 тяжело вздохнуть 109
 тяжело вздыхать 96
 тяжко вздохнуть (о груди) 109
 хотеть вздохнуть 85
 вздымать грудь (о тоске) 109
 Вздыхалов 99
 вздыхание (воздыхание) 99
 вздыхатель (воздыхатель) 99
 вздыхательница (воздыхательница) 99
 вздыхательный 99
 вздыхать см. вздохнуть
 влюбить 54, 55
 взор
     орлиный (орлий) ~ vs ястребиный взгляд 222
 взъехать vs въехать 84
 вять 163
     ~ на Польский 163
 видение 248
 виденье
- любимое ~ 58
 Визгов 144
 вино 28, 170, 173, 175, 176, 179, 180
     ~ густое, как елей 183
 вино живёт 228
 виршеписец 142
 виршник 142
 виски горою 28
 висок
     метить в ~ 25
 високосный (высокосный) котильон 166
 Вихри Вихревичи 190, 191
 вкрадчивость во что-л. 8
 вкрадчивый во что-л. 8
 вкрадываться во что-л. 8
 власть
     ~ богов 210
 власы
     помазать ~ елеем 181
 влетать в грудь (о вздохе) 100
 вместе хлеб-соль есть 169
 внутренний
     лить ~ елей на язвы злополучья 173
 внутренность
     вылететь из ~ души (о вздохе) 100
 вода
     сырая и пресная ~ 119, 120
 водить хлеб-соль с кем-л. 169, 178
 водка 28
 возврат 181
 вздохнуть/воздыхать (см. также вздохнуть/вздыхать) 93, 102, 104
 (быть) не в силах вздохнуть 102, 104
 вздохнуть вздохом смерти 105
 воздыхать (вздыхать) о ком-л. (о чём-л.), по ком-л. (по чём-л.), по кому-л. (по чему-л.) 98
 воздыхать к небесам 110
 воздыхать стихи 104
 воздух
     вздохнуть (холодным) ~ 85
     вздохнуть воздухом небожителей 85
     дышать одним ~ с кем-л. 103
     купаться в седом ~ 219

Указатель слов, форм и выражений

- воздыхание (вздыхание) 99
     воздыханье розы 111
 воздыхатель (вздыхатель) 99
 воздыхательница (вздыхательница) 99
 воздыхать см. воздохнуть
 возлет 181
 возлюбить *vs* не возлюбить 54, 55
 возмездие 9, 45
 возненавидеть 34, 35, 52, 53
     ~ (целый) мир 34, 53
     ~ слабый глас людей 52, 53
 возноситься орлом (как орел) 221
 война 45
     любить кровавые забавы ~ 38
 волк, волки 190, 201, 213, 218, 222
     русский ~ 190
     ~ *vs* орел 221
 волны
     литься на бушующие ~ души (о елее
         книжного чтения) 174
 волнение
     ненавидеть ~ света 52
 волновать перси (о вздохе) 109
 вольный
     вздохнуть ~ вздохом 85
 вонзать клев в сердце 206
 вороватый
     обязательная для странника ~ елейность
         183, 184
 Ворон Воронович 190
 ворон, вóроны см. вран, враны
     бросаться вороном 221
     кидаться вороном 221
 воронение 188
 вóроны *vs* орел 221
 воронья 213
 восклик 181
 воспоминание усопших 58
 воспоминания *vs* мечты 137
 воспоминанье
     твое ~ 'воспоминанье о тебе' 44
 востекать *vs* втекать 84
 восторг живет 228
 восхищаться 53, 54
- вохра 238
     патриотическая ~ 251
 впрыгнуть *vs* вспрыгнуть 84
 враки 131, 147, 148
     журнал ~ 148
     помесячные ~ 148
 Вралёв 126, 145
 Вралин 126, 145
 вралиха 131
     богиня вралих 148
 враль, вралі 115—117, 125—129, 130, 131,
     146—149, 150
     вралі минувших дней 127
     ~ и невежда 147
     большой ~ 128
     вздорный ~ 126
 враль *vs* гений 125
 враль *vs* дарованье 130
 враль *vs* талант 130
 князь вралей 148
 мерзкий ~ гостиных 147
 новейшие ~ 127
 поденный, поденные ~ 130, 148, 150
 ежемесячные ~ 130
 старинные ~ 127
 старый ~ 128, 147
 суточные ~ 130
 терминология ~ 148
 умный ~ 147
 Вралькин 126, 146
 Вральман, вральман 126, 146
 вран, враны (ворон, вóроны) 187—189,
     191—193, 197, 201, 202, 206—209,
     211, 213—215, 218, 222
 вран зависти 207
 вран Прометея 208
 вран *vs* орел 221
 жадный вран 188, 212
 зловещий ворон, зловещие вóроны 191,
     214
 кровожадные враны 222
 куда ворон костей не нашивал (не заносил)
     213
 [лететь] шумящим враном 222

Указатель слов, форм и выражений

- могильный ворон 197
 нечистые враны 190
 пустынный вран 189
 свирепый вран 208
 хищный вран, хищные враны 189, 222
 черный ворон 'автомобиль' 188
 черный вран (ворон) 188, 189, 191—194, 212
 вранье 131, 147—149
     ~ и невежество 147
     ежемесячное ~ 148
 врать 131—150
     ~ пером *из* ~ словом 128
 всевозможный знаток 44
 всегда готов! 25
 всегдашняя мечта, всегдашние мечты 37, 59
 вслух
     вздохнуть ~ 93
 вспрыгнуть *из* впрыгнуть 84
 всхлипывание, всхлипывания 103
 втекать *из* востекать 84
 въехать *из* взъехать 84
 выдавить из груди вздох 102
 выдох *из* выдых 103
 вызвать из сердца вздох 110
 выклевывать/выклеивать очи (об орле) 201
 вылететь/вылетать (о *вздохе*, *вздохах*) 93, 110
     ~ из внутренности души (о *вздохе*) 100
     ~ из груди (о *вздохе*) 100
 вымазать 179
     ~ главу елеем 179
 выпроводить 45
 выпрямительный вздох 80
 выражение
     елейное ~ лица 183
 вырваться/вырываться (о *вздохе*) 78, 93
     ~ из груди (о *вздохе*, *вздохах*) 98, 100, 110
     ~ со дна души (о *вздохе*) 110
     вырываться вздохом (о *дыхании*) 108
 высказ 181
 высокие чердаки 117, 118, 120
 высокосный
     високосный (~) котильон 166
 выпрење 45
 выпренный 45
 выпренность 45
 выхвалять 45
 Галоп
     прыгать ~ 163
 гармония живет 228
 гаар
     святочный ~ *из* палач 240
 гибельный свинец 27
 глава
     вымазать ~ елеем 179
     умастить ~ (голову) елеем 185
 глаз
     орлиный (орлий) ~ *из* ястребиный взгляд 222
 глаза 183
     елейные ~ 183
     не верить собственным ~ 155
 глас
     возненавидеть слабый ~ людей 52, 53
     ~ славы 29
 глубина
     вздох (вздохнуть) из ~ сердца (души) 81, 93
 глубокий
     вздохнуть ~ вздохом 85
     ~ вздох, ~ вздохн 85, 92
 глубоко
     ~ вздохнуть 96, 102
     ~ вздохнуть (об океане) 111
 Глупениус 129
 Глупницкий 129
 Глупов 129
 Глупон 129
 глупый друг добрых 147
 глядеть на солнце 202
 гневный вздох 98
 гноеение души 185
 гной душевных ран 185
 гной от язв души 185

Указатель слов, форм и выражений

- говор ключевой 44
 говорун 128, 149
 год
   живет такой ~ 228
 голова
   качать (покачать) головой 94
   умастить главу (~) елеем 185
 голос лирный 44
 голос, каким заговорило бы ожившее лам-
   падное масло 184
 голосок
   елейный ~ 183
 голубица 187, 194, 212, 215
   Ноева ~ 212
   смирренная ~ 212
 голубка *vs* орел 221
 голубой 9
   ~ ночь 251
 голубь 215
   ~ ковчега 215
 гордый орел 202
 горесть
   вадохи ~ 98
 горний
   ~ гость 248
   ~ дух 248
 город
   болотный, немецкий, чухонский, бюро-
   кратический ~ 252
 горою
   виски ~ 28
 горсть пыльная 44
 гости 71
 гостиные
   мерзкий враль гостиных 147
 гость 248
   горний ~ 248
   могильный ~ 247
 готов
   всегда ~! 25
 гражданин
   тощий ~ Пинда 122
 Графов 144
 гренье (< фр. grenier) 138
 грех
   ~ да беда на кого не живет 228
 гриф, грифы 200, 223
 гроб, гробы 230, 231, 234—236, 239, 249
   колодные ~ 236
   (отпускать) ~ (на прокат) 234—236
   старые ~ 236
 гробовщик (гробовой мастер) 225, 231,
   235, 236, 239, 240
 Гром Громович 191
 громкий вздох 93
 громко вздохнуть 93
 громометатель
   орел-громометатель 217
 грудь 48
   вздохнуть во всю ~ 84
   вздохнуть/вдыхать всей (полной) ~ 81,
   85
   вздымать ~ (о тоске) 109
   влетать в ~ (о вздохе) 100
   выдавить из ~ вздох 102
   вылететь из ~ (о вздохе) 100
   вырваться/вырываться из ~ (о вздохе,
   вздохах) 98, 100, 110
   ~ *vs* печень 196
   задушать в ~ вадохи 98
   наполнить вздохами ~ 100
   облегчить вздохом/вздохами (стеснен-
   ную) ~ 86, 103
   под ~ навывлет 25, 48
   поднять/подымать ~ вздохом 92
   подняться из ~ (о вздохе) 110
   приподнять/приподымать ~ (о вздохе)
   92
   приподнять/приподымать ~ последним
   вздохом 92
   рана ~ 48
   свинец в ~ (в сердце) 48, 196
   стесниться в ~ (о вздохах) 100
   удушающий ~ вздох 102
 грустить по чему-л. 176
 грустно
   ~ вдыхать 96
 грустный по чему-л. 176

Указатель слов, форм и выражений

- грызть 206
     ~ сердце 207
 грязь
     ушаты ~ 184
 гусарский
     ~ мечты 31, 32, 39
     забывать ~ мечты 31, 32, 39
 густой
     вино ~, как елей 183
- Да так 136
 дарить вздох кому-л. 101
 дарованье *из* враль 130
 дать
     ~ вздохнуть лошадям (коням) 90
     дай бог здоровье зиме! 243
     дай бог здоровье покойнику! 249
     дайте вздохнуть 85
 двуглавый
     ~ орел 205
     желчь ~ орла 251
 дева 11, 13
 девицы 71
 деготь 184
     умастить колеса дегтем 179
 делить хлеб-соль с кем-л. 169
 делиться хлебом-солью с кем-л. 169
 делиться чувствами 168, 171
 дерзостный
     ~ орел 201
     орлиный, ~ полет 220
 дивный пламень 216
 дни
     в оны ~ 179
     врали минувших ~ 127
 дно
     вздох со ~ сердца (души) 93
     вырваться/вырываться со ~ души (о
         вздохе) 110
 доблестный
     доблестным орлом 204
 добро
     любовь добра и красоты 59
 добровольный мертвец 246
- добрый
     глупый друг добрых 147
 дойти до кого-л. (о *воздыханиях*) 109, 110
 докучный шум и блеск 16
 долгий
     ~ вздохи 92
 долететь
     ~ до кого-л. (о *вздохе*) 109, 110
     ~ до солнца 202
     ~ (о *вздохе*) 93
 доломан 28
 дом 236, 249
 дом 44
     ~ престарелых 44
     безумный ~ 44
     ~ 'гроб' 236, 249
     желтый ~ 237, 250, 251
     подземный ~ 249
     сумасшедший ~ 44
     тесный ~ 249
     убогий ~ 44
 домашний
     альбом ~ и простой 73
 домик
     желтый ~ 238, 250
     мой ~ 141
 домогательство 45
 дохатъ (дыхать) 105
     дыхать Зефирами 105
 дохнуть (дыхнуть) 83, 105
     (быть) не в силах дохнуть 83
     бояться дохнуть на кого-л. (что-л.) 104
 доходить (о *вздохе*) 93
 драматический
     ~ икота 103
 драться на пистолетах 49
 драться на саблях 49
 дрова
     чем дальше в лес, тем больше ~ 155
 дрожать от вздохов 110
 друг, друзья 15, 16, 19, 24, 40, 43, 136
 ваш ~ 135
     глупый друг добрых 147
     ~ кто-л. кому-л. 176

Указатель слов, форм и выражений

- ~ с кем-л. 176
 ~ кто-л. с кем-л. 176
 минутные ~ 43
 неверные ~ 43
 дружба 62, 63
   ~ кого-л. с кем-л. 176
 дружит кто-л. с кем-л. 176
 дума, думы 17, 37, 42
   думы будущего 58
   думы сердца 42
   любимая ~ 58
   привычная ~ (привычные ~) 37, 59
   раздел ~ 181
 Дураков 129
 дух 248
   горный ~ 248
   испустить/испускать ~ 108
   не перевода ~ 85
   отвести ~ 80, 102
   перевести/переводить ~ 80, 84, 85
 душа
   вдунуть живую ~ в [русский] язык 216
   вздохнуть из глубины ~ 81
   вылететь из внутренности ~ (о вздохе) 100
   вырваться/вырываться со дна ~ (о вздохе) 110
   гноение ~ 185
   гной от язв ~ 185
   лететь душой 32, 50, 51
   литься на бушующие волны ~ (о елее книжного чтения) 174
 душевный
   гной ~ ран 185
   елей ~ здоровья 175
 душистый
   елей ~ и янтарный 180
 дуэль 19, 22—26
 дыхание (дыханье) 103, 104, 108
   ~ паровоза 110, 111
   дышать одним ~ с кем-л. 103
   затаить ~ 104
   испустить/испускать последнее ~ 108
   не перевода ~ 85
   перевести/переводить ~ 80, 84, 85
   последнее ~ 108, 109
   притаить ~ 104
   с замирающим ~ 85
 дышать с.м. дохаты
 дыхнуть с.м. дохнуть
 дышать 82, 83, 103
   ~ в лицо перегаром 83
   ~ для кого-л. 103
   ~ на кого-л. (кому-л.) чем-л. 83
   ~ одним воздухом (дыханием) с кем-л. 103
   ~ (одною) жизнью 104
   не ~ (бояться ~) на кого-л. (что-л.) 104
   не ~ 'умереть' 104
 дьявольщина 226
 Ежемесячное вранье 148
 еженедельный
   болтун ~ 148, 149
 елей 168, 170—176, 179—186
   вино густое, как ~ 183
   вымазать главу елеем 179
   ~ душевного здравия 175
   ~ душистый и янтарный 180
   ~ надежды 172
   ~ радости 183
   ~ благоуханных речей 171, 172
   ~, укрепляющий борцов 185
   залить кипенья страстей струею тихой, как ~ 182
   залить приторным ~ ленинскую простоту 184
   исцелить раны совести ~ плача 172
   лить внутренний ~ на язвы злополучья 173
   лить ~ на бунтующее море 174
   лить ~ на раны сердца 182
   натираться елеем 186
   облегчить сердечную рану елеем отрад 172
   поддержать божественный светильник елеем 174
   помазать волосы елеем 181

Указатель слов, форм и выражений

- помазать елеем радости 183
 пролить спасительный ~ в лампаду на-
 дежды 175
 речь мягче ~ 183
 светильник, угасший без ~ 180
 сладостный ~ 183
 слова нежнее ~ 183
 таинственный ~ 180
 тереться елеем 185
 умастить главу (голову) елеем 185
 целительный ~ 173
 елейно 183
 елейность 183, 184
     обязательная для странника вороватая ~
     183, 184
 елейный 183, 184
     ~ глаза 183
     ~ голосок 183
 елеопомазание 170, 179
 елеосвящение 170, 179, 181
 есть
     ~ хлеб-соль 178
     вместе хлеб-соль ~ 169
- Жадный** вран 188, 212
 жажда смерти (чего-л.) 35
 желанная мечта 58
 желанье, желанья
     любить (свои) желанья 32, 38
     будить усыпленные желанья 152
     смирить немирные желанья 31, 39
 желать смерти (чего-л.) 35
 железо 50
 желтизна правительственных зданий 250
 желтый 236, 237, 249—251
     ~ кофта (кофточка) 237
     ~ бутка 238, 251
     ~ столица 237
     ~ дом 237, 250, 251
     ~ домик 238, 250
     ~ пар 251
     ~ снег 251
 желчь 11
     ~ двуглавого орла 251
- жестокий ментик 28
 жив курилка (жив-жив курилка) 226, 227,
 232, 233, 241
 жив Чурилка 241
 жив-здоров 243
 живить язвы (о елее надежды) 172
 живой 243
     ~ мертвец 229, 245, 246
     ~ труп 229, 244, 245
 жизнь
     дышать (одною) жизнью 104
     ~ или смерть? (= vie ou mort?) 165
     жить одной ~ с кем-л. 103
     повесть ~ 59
     полюбить ~ 52
 жилище 242
     ~ бурь 242
     ~ ветров 242
     ~ праха 242
     ~ сует 242
 житель
     ~ роцци 242
     ~ эфира 202
 жить 227—230, 242, 243, 245, 249
     грех да беда на кого не ~ 228
     ~ на кого-л. (что-л.) 228
     ~ на чердаке 140
     ~ (о весне) 228
     ~ (о винце) 228
     ~ (о восторге) 228
     ~ (о гармонии) 228
     ~ (о годе) 228
     ~ (о камне) 228
     ~ (о коварности) 228
     ~ (о льне) 228
     ~ (о мраке) 228
     ~ (о посуде) 228
     ~ (о похвале) 228
     ~ (о радости) 228
     ~ (о сковороднике) 228
     ~ (о счастье) 228
     ~ (о холоде) 228
     ~ (о шуме) 228
     ~ (об Инде) 228

Указатель слов, форм и выражений

- ~ (об *утратах*) 228
 ~ одной жизнью с кем-л. 103
 ~ повтом 122
 молча ~ (о *книгах в шкафу*) 242
 на хотенье ~ терпенье 228
 наука ~ в большом свете 42
 не ~ зимой (о *солнце*) 228
 тоска на бродягу ~ 228
 жук *из* орел 221
 журнал
   ~ врач 148
   искренний ~ 64
 журналист
   Курилка ~ 232
- Забавы**
 любить кровавые ~ войны 38
- забвение**
 пролить ~ на раны 181
 забвенный угол 139
- заблуждения**
 любимые ~ 58
- забота**
 любимая ~ 58
- забывать мечты** 31
- забыть чью-л. хлеб-соль** 169
- зависть** 145
- заговорить**
 голос, каким ~ бы ожившее лампадное
   масло 184
- задача**
 любимая ~ 58
- задохнуться** 80
- задушать в груди вздохи** 98
- задушаться (о *вздохах*)** 78
- задушить мечты** 152
- закрыть крылом** 213
- заливаться** 184
- залить кипенья страстей струей тихой, как
 елей** 182
- залить приторным елеем ленинскую про-
 соту** 184
- заман** 181
- замереть на устах (о *вздохе*)** 100
- замечательно 45
 замечательный 45
 замысел
   любимый ~ 58
 заносить
   куда ворон костей не нашивал (не ~) 213
 записки на шести листах 42, 62, 63
 записной
   записные ~ 16
 запыхаться 80, 102
 заслоны
   пронзить ~ темных туч 219
 затаить дыхание 104
 затеи
   без подражательных ~ 41
 зауспокойно
   ~ кричать 215
 звать в... 154
 звать вздохнуть 100
 звать на... 154
 зверски
   кивер ~ набекрень 28
 здорово, нездорово 243
 здоровый 242
 здоровые 227, 243
   дай бог ~ змие! 243
   дай бог ~ покойнику! 249
 здравие
   елей душевного ~ 175
 здравствовать 243
 зевать 11, 13
 зевота 11
   сердечная ~ 13
 земля
   лачужка под ~ 117, 118, 120
 злая отравка 40
 злоба 145
 зловецкий
   ~ ворон 191
 злодейский свинец 50
 злополучье
   лить внутренний елей на язвы ~ 173
 Злослов 144
 змея, змеи (змии) 214, 220, 221
   ~ *из* орел 221

Указатель слов, форм и выражений

- знакомец с кем-л. 8
 знакомый мертвец, знакомые мертвецы 247
 знакомый с кем-л. 8
 знаток
     всевозможный ~ 44
 зреть на солнце 202
- Игры**
     любить ~ славы 34
 играть
     ~ в «жив-жив курилка» 233
     ~ в курилку 232
 идея
     любимая ~, любимые ~ 58
 идти вальс 163
 избушка
     скромная ~ 139
 издохнуть/издыхать 109
 издыхание
     последнее ~ (до последнего ~, при по-
     следнем ~) 109
 издыхать с.м. издохнуть
 изливать целенье на раны 181
 изменницы
     младые ~ 43
 измены 17
 изустно vs письменно 146
 икота
     драматическая ~ 103
 искатель темноты 202
 искать смерти 52
 искра
     оживить похищенной ~ 216
 искренний журнал 64
 искусство
     ~ жить в большом свете 42
     ~ любить 41, 42
     любовное ~ 42
 исповедь
     любить ~ сердца 54
 испускать с.м. испустить
 испустить/испускать
     испускать вздохи (о машине) 110
     ~ вздох (дух, последнее дыхание) 108
 исторические лекции 44
- исцелить раны совести елеем плача 172
 исчадие 45
     ~ ночи 202
 Итальянский учитель 43
 их память 'память о них' 44
- Кабинет** 150
 кадрий, кадрили 154, 156, 162, 163
     повести в ~ 162
     прыгать ~ 163
     скользить ~ 163, 164
     французская ~ (французский ~) 156,
     164
 казанский
     молить Феба и казанскую богоматерь
     209
 камень живет 228
 каморка 140, 141
 канура vs конура 141
 канурка vs конурка 141
 капля масла в бурном море 182
 карты 63, 65
 качать (покачать) головой 94
 квакер 11, 62
 келья (кельи, келии) 138, 140, 141, 211
     пустынная ~ 141
     студенческая ~ 141
 кентавр
     баснь кентавра 59
 кивер 28, 30
     ~ зверски набекрень 28
     ~ пернатый 30
 кидаться
     ~ в битву орлом (как орел) 221
     ~ на добычу (жертву) вороном (коршу-
     ном, ястребом) 221
 кинжал
     убийственный ~ 8
 кипенья
     залить ~ страстей струею тихой, как
     елей 182
 класть vs ложить 8
 клев
     вонзать ~ в сердце 206
 клевать

Указатель слов, форм и выражений

- ~ сердце 207
 клевета
     презренная ~ 116, 131
 клевет 45
 клекот 218
     чужого ~ почет 218
 Клекот Клекотович 218
 клекотать, клектать 218
 ключевой
     говор ~ 44
     холод ~ 44
 книжки
     в ~ и словесно 146
 князь вралей 148
 коварность живет 228
 ковер
     под ~ 139, 140
 кокетки
     записные ~ 16
 колеса
     умастить ~ детем 179
 колодные гробы 236
 колос
     пустоцветный ~ 32
 кольца 42, 62, 63
 комар *из* орел 221
 коморка 141
 конь, кони 28
     дать вздохнуть коням 90
     ухарский ~ 28
 конура *из* канура 141
 конурка *из* канурка 141
 короткий
     короткие вздохи 92
 коршун 197, 206, 209, 221—223
     бросаться коршуном 221
     кидаться коршуном 221
     ~ Прометея 206, 207
     летать коршуном 221
     налетать коршуном 221
 кости
 куда ворон костей не нашивал (не заносил) 213
 котильон 153—161, 164, 166, 167
 бесконечный ~ 153, 154, 158, 161, 162
 высокосный (высокосный) ~ 166
 кофта (кофточка)
     желтая ~ 237
 краса
     умащать ~ лица 185
 красавица
     альбом уездной ~ 73
     бранная ~ 28
 красивость 45
 красота
     любовь добра и ~ 59
 крило, криле *с.м.* крыло, крылья, крылы
 кричать
     заупокойно ~ 215
 кровавый
     ~ бой 28
     любить ~ забавы войны 38
 кровля
     под ~ 124
 кровожадный
     кровожадные враны 222
     ~ орел 209
 кручина
     тоска-кручина 60
 крылатый
     ~ вздох 94
     ~ пес Зевеса 197
 крыло, крылья, крылы (крило, криле) 204, 220
     высокопарные крылья 202
     купать в радуге крыле 218
     махать мощными крылами 219
     одеть (закрыть) крылом 189, 213
     орлиные крылы 204
     раскинутые крылья 221
     смелые криле 220
 кряхтеть 112
     вздыхать и ~ (~ и вздыхать) 112, 113
     ~ и охать 112, 113
     стонать и ~ 112
 купать
     ~ в радуге крыле 218
 купаться в седом воздухе 219

Указатель слов, форм и выражений

- курилка, Курилка 226, 232
   жив (жив-жив) Курилка (живы курил-
   ки) 232, 233, 241
   играть в ~ 232
   ~ журналист 232
 куры *vs* орел 221
 кусок
   черствый ~ 119, 120
 кучи
   бледные ~ трупов (тел) 250
- Лампада**
   пролить спасительный елей в ~ наде-
   жды 175
 лампадный
   голос, каким заговорило бы ожившее ~
   масло 184
 ласкать 32, 51
   ~ бесплотное виденье 32
   ~ милое сердцу 51
   ~ образы 51
   ~ свои желанья 32
   ~ себя мечтой 32
- Латинский учитель 43
 лачужка под землей 117, 118, 120
 лгун 126
 легкий
   ~ вздохи 92
- лекции
   исторические ~ 44
 лелеять 51
   ~ милое сердцу 51
 лен живет 228
 ленинский
   залить приторным елеем ~ простоту 184
- лень 11, 13, 40
   рассеянная ~ 13
   тоскующая ~ 13
   тягостная ~ 40
- лес
   чем дальше в ~, тем больше дров 155
 летать
   ~ коршуном (ястребом) 221
 лететь (о *вздохе*) 93
- ~ вослед/вслед кому (о *вздохе*) 93, 110
   ~ душой 32, 50, 51
   ~ из сердца (о *вздохе*) 100
   ~ орлом (как орел) 221
   ~ стезею славы 50
- лежец 126
 лживый сон 240, 252
 лирный
   голос ~ 44
 лиса 215
 листы
   записки на шести ~ 62, 63
 лить 184
   ~ внутренний елей на язвы злополучья
   173
   ~ елей на бунтующее море 174
   ~ елей на раны сердца 182
 литься на бушующие волны души (о *елее*
   книжного чтения) 174
 лицемерие 184
 лицо
   умащать красу лица 185
- ловля 44
   ~ раков 44
   рыбная ~ 44
 логические тетради 44
 ложить *vs* класть 8
 ложь
   болтать вздор и ~ 150
- лошади
   дать вздохнуть ~ 90
- луч
   пить жаркий ~ из солнца 219
- львы 197
 лья *vs* нельзя 8
 любезный
   два любезные уса 28
 любимый 58
   ~ дума 58
   ~ забота 58
   ~ задача 58
   ~ идея 58
   ~ мечта, ~ мечты 37, 56, 57
   ~ мысль 58

Указатель слов, форм и выражений

- ~ надежда 58
- ~ печаль 58
- ~ привычка 58
- ~ причина 58
- любимейшая мечта 57
- ~ виденье 58
- ~ предположение 58
- ~ упование 58
- ~ упражнение 58
- ~ заблуждения 58
- ~ мечтанья 58
- ~ напечатленья 58
- ~ призраки 58
- ~ склонности 58
- ~ тайны 58
- ~ убеждения 58
- ~ замысел 58
- ~ предмет 58
- ~ разговор 58
- любимец неба 202
- любитель 37
  - неопытный ~ 37
- любить 32—36, 38, 39, 51, 52, 54, 55
  - искусство ~ 41
  - ~ бесплотное виденье 32
  - ~ верить 53
  - ~ видеть в нем царя 36
  - ~ жужжанье пуль 32, 39
  - ~ звук мечей 32, 39
  - ~ игры славы 34
  - ~ исповедь сердца 54
  - ~ кровавые забавы войны 38
  - ~ любовь 59
  - ~ новость 36
  - ~ покой могилы 32
  - ~ (свои) желанья 32, 38
  - наука ~ 41
- любовное искусство 42
- любовь 38
  - ~ добра и красоты 59
  - ~ к чему-л. *из* ~ чего-л. 59
  - ~ надежд 38
  - мечтания ~ 58
  - раздел в ~ 181
- разлюбить ~ 60
- люди
  - возненавидеть слабый глас ~ 52, 53
- ляжка
  - метить в ~ 25
- Мазурка, мазурки 153—156, 159, 162—165
- мальчишки
  - радостный народ ~ 44
- марака 142
- маратель 142
  - ~ стихов 143
- масло 185
  - голос, каким заговорило бы ожившее лампадное ~ 184
  - капля ~ в бурном море 182
  - спасительное ~ 184
- мгла
  - питомец ~ 202
- Мевий 144
- медь 50
- ментик 28
  - жестокой ~ 28
- мерзкий враль гостиных 147
- мертвец, мертвецы 227, 229—231, 234, 236, 239, 240, 244—249
  - блден, как ~ 250
  - веселый ~, веселые ~ 247, 248
  - выходец-мертвец 247
  - добровольный ~ 246
  - живой ~ 229, 245, 246
  - знакомый ~, знакомые ~ 247
  - как мертвец в балладе 248
  - мертвецы баллады 249
  - покой мертвецов 246
  - произвольный ~ 245
  - родные ~ 247
  - своекоштные ~ 249
  - труп мертвеца 224
  - чуждый ~ 247
- мертвый, мертвые (*субст.*) 227, 229, 230
  - блден, как ~ 250
  - мертвый труп 244, 245

Указатель слов, форм и выражений

- трупы мертвых 244
 царь мертвых трупов 244
 мертвящий холод 16
 метить в висок *vs* метить в ляжку 25
 меховая торговля 43
 меч 28, 30—32
 мечта, мечты 30, 37, 39, 57—59, 60, 136, 137, 151, 152
   всегдашняя ~, всегдашние ~ 37, 59
   желанная ~ 58
   забывать ~ 31, 32
   задушить ~ 152
   любимая ~, любимые ~ 37, 56, 57
   любимейшая ~ 57
   ~ любви 58
   ~ потомства 58
   милая ~, милые ~ 57
   обратная ~ 137
   постоянная ~ 37, 58, 59
   привычная ~ 37
   пробуждать ~ 152
   пустые, черные ~ 136, 137
   разлюбить мечты 38
   усыпить/усыплять ~ 136, 152
 мечтанья
   будить ~ 152
   любимые ~ 58
 мечтатель
   неопытный ~ 55
 мечтать 151
   ~ о смерти (о чем-л.) 35
 мечты *vs* воспоминания 137
 миг 181
 мила мысль смерти 35
 милое (*субст.*)
   ласкать и лелеять ~ сердцу 51
 мильи
   ~ мечта, ~ мечты 57
   ~ шлюхи 17
 мимолетный
   ~ вздох 109
 минувшее (*субст.*)
   память ~ 58
 минувший
   врали ~ дней 127
- мир
   возненавидеть целый ~ 53
 мирная сень 141
 миро 175
 молодой
   изменницы ~ 43
   ~ Армиды (Цирцеи) 17
 могила 16
   любить покой ~ 32
 могильный
   ~ ворон 197
   ~ гость 247
 могучий
   ~ орел 201
   ~ сын эфира 202
 модный
   ~ альбом 73
   ~ рифмач 64
   ненавидеть ~ свет 52
 можно *vs* не можно 8
 молва
   твоя ~ 'молва о тебе' 44
 молвить, вздохнув 111
 молить Феба и казанскую богоматерь 209
 молния
   омыться огнем ~ 219
 молча жить (о книгах в шкафу) 242
 море
   капля масла в бурном ~ 182
   лить елей на бунтующее ~ 174
 мощный
   махать ~ крылами 219
 мрак живет 228
 мундир 31, 32
 мщенье
   орел Москвы и ~ 205
 мысль
   любимая ~ 58
   мила ~ смерти 35
   ~ смерти 58
   постоянная ~ 59
   усыпить праздные стремленья ~ 152
 мягкий
   речь мягче елей 183

Указатель слов, форм и выражений

Напрокат (на прокат)

(отпускать) гробы ~ 234—236

набекрень

кивер зверски ~ 28

набожно вздохнуть/вздохать 97

наврать 131, 148

навылет

под грудь ~ 25, 48

надежда, надежды

елей ~ 172

любимая ~ 58

любовь ~ 38

пролить спасительный елей в лампаду

надежды 175

сомнение или ~? 165

надеяться на что-л. 35

надменные ветреницы 17

наконец 20—22, 40, 45, 78—80, 101, 102

накоп 181

налетать

~ коришумом (ястребом) 221

наперсник богов 224

напечатленья

любимые ~ 58

напоить свещник росой оливы 180

наполнить вздохами грудь 100

народ

радостный ~ мальчишек 44

натираться елеем 186

наука

~ любить 41

~ страсти нежной 17

~ жить в большом свете 42

~ наука, как бросить вздох 93

наход 181

нашивать

куда ворон костей не ~ (не заносил) 213

небеса

вздыхать к ~ 110

небесный

~ огонь (пламень) 216

небо

любимец ~ 202

невежда

враль и ~ 147

невежество

вранье и ~ 147

неверные друзья 43

невзлюбить 54

нежный

слова нежнее елей 183

нездорово см. здорово

неимоверный 9

нельзя из лязя 8

немецкий город 252

немирный

~ желанья 31, 39

смирить ~ желанья 31, 39

немой вздох 93

ненавидеть 9, 34, 52

~ богатства 52

~ волнение света 52

~ всё 52

~ модный свет 52

~ ничтожность 52

~ чувства 52

неопознанный труп 229

неопытный любитель (мечтатель) 37, 55

неповоротливо 45

неповоротливость 45

неповоротливый 45

неподражательная странность 41

несносный cotillon 160

нестись (о вздохе) 93

~ вослед/вслед кому (о вздохе) 93, 110

несытый

~ орлы 198

нетопыри vs орлы 221

нечистый

~ враны 190

ничтожность

ненавидеть ~ 52

новейшие враны 127

норы 211

нос

орлиный ~ vs ястребиный ~ 222

ночь

голубая ~ 251

исчадь ~ 202

Указатель слов, форм и выражений

- Обитель 141
 смиренная ~ 139
 облегчающий
 с ~ вздохом 86
 облегчение
 вздох ~ 97
 вздохнуть с ~ 97
 облегченно
 вздохнуть ~ 97
 облегчительно
 вздохнуть ~ 97
 облегчить вздохом/вздохами (стесненную)
 грудь 86, 103
 облегчить сердечную рану елеем отрад 172
 обманчивые волшебницы 16
 обманы 62
 обмороки 71
 обратная мечта 137
 обронить вздох 78
 обширные чаши 28
 объяснить/объяснять вздох 96
 обязательная для странника вороватая елей-
 ность 183, 184
 овощной продавец 43
 огонь, огни 176
 небесный ~ 216
 омыться молнии огнем 219
 священный ~ богов 216
 сквозь огни 176
 хищник святого ~ 216
 одеть крылом 189
 однодворец
 бедный ~ 142
 одомаратель 142
 одорифмодетель 142
 оживить похищенной искрой 216
 оживший
 голос, каким заговорило бы ~ лампад-
 ное масло 184
 окровавленная тень 25
 окрылен вздохом 94
 окуп 181
 олива 180, 211
 напоить свещник росой ~ 180
 омут 16
 омыться молнии огнем 219
 определение богов 224
 орел (Орел), орлы 195—206, 215, 217
 220
 возноситься орлом (как ~) 221
 гордый ~ 202
 двуглавый ~ 205
 дерзостный ~ 201
 доблестным орлом 204
 екатерининские ~ 219
 желчь двуглавого ~ 251
 Зевесов (пламенный) ~ 218
 кидаться в битву орлом (как ~) 221
 кровожадный ~ 209
 лететь орлом (как ~) 221
 могучий ~ 201
 насытые ~ 198
 Орел из царственной семьи 219
 орел Москвы и мшеницы 205
 орел Полтавы 205
 орел поэзии (родимой) 204, 220
 орел России 205
 Орел (сиз) Орлович 190, 197
 орел Юпитера 218
 орел *us* бумажный змей 221
 ~ *us* вран 221
 ~ *us* голубка 221
 ~ *us* жук 221
 ~ *us* змея 221
 ~ *us* комар 221
 ~ *us* куры 221
 ~ *us* паук 221
 ~ *us* филин 221
 ~ *us* червяк 221
 ~ *us* черепаха 221
 орлы *us* волки 221
 ~ *us* вороны 221
 ~ *us* нетопыри 221
 ~ *us* совы 221
 ~ *us* сычи 221
 ~ *us* черви 221
 орел-громометатель 217
 орлы Екатерины 203
 парение орла 202

Указатель слов, форм и выражений

парить орлом (как ~) 202, 220, 221
 плотоядные ~ 198
 полнощный (полунощный, полночный) ~ 205, 221
 северный ~ 205, 221
 сидеть орлом 220
 сизый ~ 200
 смотреть орлом 221
 солнце, как ~ 219
 царственный ~ 201
 широкобежный ~ 202
 ширококрылый ~ 202
 ширяться орлом (как ~) 220
 орлий взор (взгляд, глаз) *vs* ястребиный
 взгляд 222
 орлиный 220
 ~ око *vs* ястребиный взгляд 222
 ~ крылы 204
 ~ взор (взгляд, глаз) *vs* ястребиный
 взгляд 222
 ~ нос *vs* ястребиный нос 222
 ~ полет 204
 ~, дерзостный полет 220
 орлица 219
 дикая ~ 212
 острые слова 41
 отвести дух 80, 102
 ответ
 вздохнуть в ~ 95
 вздохнуть вместо ~ 95, 113
 отдавать вздохи 110
 отдохновение, отдохновения 108
 отдохнуть/отдыхать 17, 87, 88, 89, 90, 107
 ~ от погони 90
 сердце отдыхает 89
 отдуваться 113
 отдых 107, 108
 без ~ 107, 108
 отдыха (мн. ч.) 108
 отдыхать см. отдохнуть
 отлично 9
 отповедь 45
 отпускать гробы (на прокат) 234, 235

отравы
 злая ~ 40
 отраден ранам (*о елее речей*) 171, 172
 отрады
 облегчить сердечную рану елеем ~ 172
 отродье 45
 оттычки
 шампанского ~ 28
 ох 113
 оханье
 вздохи и ~ 95
 охать 112
 ~ о ком-л. (чем-л.) 95
 кряхтеть и ~ 112, 113
 охи
 ~ и вздохи (с ~ и вздохами, без ~ и
 вздохов) 94
 стоя ~ и вздохов 94
 охнуть
 то вздохнуть, то ~ 91
 охран 181
 очи
 впивать в себя очами свет солнца 202
 выклевать/выклевывать (расклевать) ~
 (об орле) 201
 устремлять ~ к [солнцу] 202
 ошибка 116
 ошибкой 135
 ощущения
 вдыхать высокие ~ в сердца 105

Палач

~ *vs* свирепый фигляр 252
 ~ *vs* святочный гаэр 240

память

их ~ 'память о них' 44
 ~ минувшего 58

пар

желтый ~ 251
 парение орла 202
 парить 219, 220
 ~ орлом (как орел) 202, 220, 221
 паровоз
 вздохи ~ 111

Указатель слов, форм и выражений

дыхание (дыханье) ~ 110, 111
 пасмурный чуда́к 26
 пато́ка 184
 паук *из* о́рел 221
 пена
     Шампанская ~ 43
 первый
     от ~ до последнего вдо́ха 109
     ~ сло́во 114
     ~ вдо́х 109, 114
 перевести/переводить дыха́ние (дух) 80,
     84, 85, 102, 107
     не перевода́ дыха́ния (духа) 85
 перега́р
     дыша́ть в ли́цо перега́ром 83
 передо́хну́ть/переды́хать 86, 87
 пере́клик 181
 переста́ть/переста́вать дыша́ть 104
 перна́тый киве́р 30
 перо́ 128
     вра́ть перо́м 128
 пероносе́ц 142
 перси́
     волно́вать ~ (о вдо́хе) 109
     трепета́ние (трепетанье) персе́й 79
 пес, псы 190, 192, 201, 213
     крыла́тый ~ Зевеса́ 197
     ~ по́ганые 190
     ру́сский ~ 190
 Петрогра́д 210, 223
     пы́шный ~ 223
     свято́й ~ 223
 петрополи́танцы 223
 Петропо́ль 210, 223
 петропо́льский 223
 печа́ль
     лю́бимая ~ 58
 пече́нь 196, 197, 222, 223
     ~ *из* гру́дь 196
     ~ *из* се́рдце 196
     проби́та ~ 48
 Пинд
     тощи́й гра́жданин Пинда́ 122
 пиро́г
     Стра́сбургский (стра́збургский) ~ 16, 41

писачка 142
 писцы́
     безда́рные писцы́-хлопотуны́ 142
 пистоле́ты
     дра́ться на писто́летах 49
 Писцо́в 144
 письме́нно *из* изу́стно 146
 письме́нно *из* сло́весно 146
 письме́нный *из* сло́весный 146
 письмы́ де́вы моло́дой 11
 пита́ться оди́ним хле́бом 140
 пита́мец мгы́ 202
 пи́ть жа́ркий лу́ч *из* со́лнца 219
 пла́менные сра́женья 28
 пла́мень
     ди́вный ~ 216
     небе́сный ~ 216
     эфи́рный ~ 216
 пла́ч
     исце́лить ра́ны сове́сти еле́ем ~ 172
 плоди́ть 45
 плото́ядный
     ~ о́рлы 198
 по ми́лости ко́го-л. (че́го-л.) 45
 побла́годарить за хле́б-со́ль 178
 пове́сти в кадри́ль 162
 пове́сти хле́б-со́ль 178
 пове́сть 11
     ~ жи́зни 59
 пове́трие 45
 пове́зды́хать про се́бя 93
 повра́ть 149
 по́ганый
     псы́ ~ 190
 по́греб *из* че́рдак 140
 пода́вить/пода́влять вдо́х 93, 98
 пода́вля́ться (о вдо́хах) 78
 подва́л 139
 поддержа́ть бо́жественный свети́льник еле́-
     ем 174
 поде́л 181
 поде́лом 9, 45
 поде́нный вра́ль, поде́нные вра́ли 130, 148,
     150

Указатель слов, форм и выражений

- подземный дом 249
 подкид 181
 подлый стиховраль 129
 поднимать [одежду] (о груди) 109
 подниматься (о груди) 109
 поднять [на танец] 163
 поднять/подымать грудь вздохом 92
 подняться из груди (о вздохе) 110
 подражательный
     без ~ затей 41
 подруга
     бранная ~ 28
 подслушать вздох 93
 подымать см. поднять
 пойти Польский 163
 покачать (качать) головой 94
 покласть из положить 8
 поклонник 38, 39
     ~ бранной Славы 38
 покой
     любить ~ могилы 32
     ~ мертвецов 246
 покойник, покойники 229, 243, 244, 247, 248
 покойница, покойницы 229
 покойный 247
 поле 19, 20, 45
     бранное ~ 20
     ~ битвы 20
     ~ боя 19, 20
     ~ брани 20
     ~ победы, поля победы 177
     ~ сражения 20
 полет
     орлиный, дерзостный ~ 220
     орлиный ~ 204
 полночный (полнощный, полунощный) орел 205, 221
 положить из покласть 8
 полонез 156, 157
 полосатый
     ~ версты 252
 полунощный (полнощный, полночный) орел 205, 221
 полустесненный
     ~ вздох 110
 польский (Польский, польская, польские) 162—164
     взять на Польский 163
     пойти Польский 163
     пройтись польскую 163
     увести в польский 162
 полюбить 32—35, 51, 52, 54, 55
     ~ жизнь 34, 52
     ~ мир 34, 35
     ~ ужасы боя 34
     не полюбил, не полюбили 55
 полюбиться 55
     не полюбились 55
 помазать волосы елеем 181
 помазать елеем радости 183
 помесичный
     ~ враки 148
     ~ врази 130
 помои
     ушаты ~ 184
 помышлять о чем-л. 35
 поплатиться 45
 попури 160
 посвятить вздох кому-л. 101
 последний
     испустить/испускать ~ дыхание 108
     от первого до ~ вздоха 109
     ~ издыхание (до ~ издыхания, при ~ издыхании) 109
     ~ вздох 92, 108, 109
     принять чей-л. ~ вздох 108
     приподнять/приподымать грудь ~ вздохом 92
     услышать чей-л. ~ вздох 108
 постигнуть 45
 постоянная мечта 37, 58, 59
 постоянная мысль 59
 посуда
     битая ~ два века живет 228
 посылать вздохи 110
 потерять вздох 78
 потомство

Указатель слов, форм и выражений

- мечта потомства 'мечта о потомстве' 58
 похвала живет человеку пагуба 228
 похищенный
     оживить ~ искрой 216
 поэзия
     орел ~ (родимой) 204, 220
 поэт, поэты
     жить поэтом 122
     уличные ~ 144
     шинельные ~ 144
 поэтическая хлеб-соль 177
 праведные боги 210
 праздномыслие 45
 праздный
     усыпить ~ стремленья мысли 152
 прах
     жилище ~ 242
 преданье 11
 предвещания
     птица ~ 193, 214
 предлагать (предложить) саблю иль свинец 19
 предмет
     любимый ~ 58
 предположение
     любимое ~ 58
 предсказанья 11, 42
 предубеждение 45
 презренная клевета 116, 131
 прерывисто вздохнуть 102
 пресный
     сырая и ~ вода 119, 120
 привидение 248
 привычка
     любимая ~ 58
 привычная дума (мечта) 37, 59
 привычное желанье 37
 приданая роспись 43
 призрак, призраки 247, 248
     любимые ~ 58
 прийти в свет 8
 прийти вздохнуть 101
 принять вздох устами 100
 принять чей-л. последний вздох 108
 приподнять/приподымать грудь (о вздохе) 92
 приподнять/приподымать грудь последним вздохом 92
 притаить дыхание 104
 приторность 184
 приторный 184
     залить ~ елеем ленинскую простоту 184
 причина
     любимая ~ 58
 причудницы большого света 17
 пришелец в свет 8
 приют 141
     ~ странника 141
     укромный ~ 139
 про себя
     повздыхать ~ 93
 пробита печень 48
 пробка 41
 пробуждать мечты 152
 продавец
     овощной ~ 43
 продолжительные вздохи 92
 произвольный мертвец 245
 пройти польскую 163
 пролить
     ~ забвение на раны 181
     ~ спасительный елей в лампаду надежды 175
 Прометей
     вран Прометея 208
     коршун Прометея 206, 207
     ястреб Прометея 206
 промысел богов 224
 пронзить заслоны темных туч 219
 просвирня 164
 просить смерти 35
 простой
     альбом домашний и ~ 73
     ~ шалаш 139, 141
 простота
     залить приторным елеем ленинскую ~ 184
 протяжные вздохи 92

Указатель слов, форм и выражений

- прыгать галоп (кадриль) 163
 птица предвещаний 193, 214
 пуля из смертельный свинец 50
 пуншевые стаканы 28
 пустой вздох 95
 пустомеля 149, 150
     ревнивый ~ 150
 пустослов 149
 пустоцветный колос 32
 пустые, черные мечты 136, 137
 пустынный
     ~ келья 141
     ~ вран 189
     ~ кров 139
 пыльный
     горсть ~ 44
- Радостнее (радостней)**
     вздыхать ~ (о груди) 81
 радостно вздохнуть 97, 102
 радостный народ мальчишек 44
 радость
     две ~ не живут 228
     елей ~ 183
     помазать елеем ~ 183
     ~ живет 228
- радуга
     купать в ~ крыле 218
- Раевская батарея 44
 развевать 'развеивать' 111
 развязно 45
 развязность 45
 развязный 9, 45
 разгадать вздох 96
 разговор
     любимый ~ 58
- раздел 171, 181
     ~ в любви 181
     ~ дум 181
- разделить хлеб-соль (с кем-л.) 169, 178
 раздумать 60
 раздышаться 106, 107
 разлюбить 20, 21, 22, 32—35, 38, 60
     ~ брань 20, 22, 32
- ~ брань, саблю и свинец 32, 40
     ~ войну 34
     ~ любовь 59, 60
     ~ мечты 38
     ~ саблю и свинец 22
- разорвать/разрывать сердце (напр., о вздо-
     хе) 100, 206
 разочаровать 60
 разрывать см. разорвать
 разубедить 60
 разуверить 60
 разъединить 60
 Рамаков 144
 рана, раны
     гной душевных ~ 185
     изливать целенье на раны 181
     исцелить раны совести елеем плача 172
     лить елей на раны сердца 182
     облегчить сердечную ~ елеем отрад 172
     отраден ранам (о елее речей) 171, 172
     пролить забвение на раны 181
     рана груди 48
     раны совести 171, 172
- раскинутые крылья 221
 расклевать очи (об орле) 201
 расколдовать 60
 рассадник 45
 рассказ события 58, 59
 растекаться 184
 растосковать 60
 расхотеть 60
 ревнивый пустомеля 150
 резаться 45
- речи
     елей ~ благоуханных 171, 172
     ни вздохи, ни ~ 114
 речь мягче елей 183
- Рифматов 144
 рифмач 142, 143
     модный ~ 64
 рифмачка 143
 Рифмин 144
 Рифмов 144
 рифмодей (Рифмодей) 142, 144

Указатель слов, форм и выражений

- рифмодул 142
 Рифмокласт 144
 рифмокропатель 142
 рифмоплет 142, 143
 рифмоплетство 143
 рифмопряд 143
 рифмосплетение 143
 рифмотвор 124, 142
 рифмотворец 142, 143
 рифмоткач 142, 143
 Рифмохват 144
 родные мертвецы 247
 роза, розы
     вздохи роз 111
     воздыханье розы 111
 роса
     напоить свещник ~ оливы 180
 роспись
     приданая ~ 43
 роца
     житель ~ 242
 рубиться 45, 48, 49
 русский
     под хладным ~ Фебом 209, 210
     ~ волк 190
     ~ пес 190
 рыбная ловля 44
- С трудом**
     вздохнуть ~ 84
 сабля, сабли 18—22, 26—28, 30—32
     биться на саблях 49
     драться на саблях 49
     разлюбить ~ и свинец 22
 сажа 184
 самовольно 9
 самодовольно 45
     ~ вздыхать 98
 самодовольный 45
 сборище 45
 свет 16—18, 42, 43
     безбожный ~ 16
     бездушный ~ 16
     безжалостный ~ 16
     беспощадный ~ 16
     большой ~ 16
     глупый ~ 16
     модный ~ 16
     наука жить в большом ~ 42
     немилосердный ~ 16
     ненавидеть волнение ~ 52
     ненавидеть модный ~ 52
     пустой ~ 16
     суетный ~ 16
     убийственный ~ 16
     шум ~ 69
 светильник
     беззелейный ~ 180, 181
     поддержать божественный ~ елеем 174
     ~, угасший без елея 180
 светоч 45
 светская чернь 132
 свещник
     напоить ~ росой оливы 180
 свинец 18—22, 27, 28, 46, 50
     гибельный ~ 27
     разлюбить саблю и ~ 22
     смертельный ~ из пуля 50
     ~ безумства 46
     ~ в груди (в сердце) 48, 196
 свобода
     вздохнуть на свободе 106
 свободнее (свободней)
     вздохнуть/вздыхать ~ (о груди) 106
 свободно
     вздохнуть/вздыхать ~ 105, 106
 своекоштные мертвецы 249
 своиравные боги 224
 свой чердак 132, 133
 сволочь
     чья-то ~ 'сволочь кого-л.' 44
 сдерживаться (о вздохах) 78
 сдыхаться 104
 северный орел 205
 семейство Нессельродное 44
 сень
     беспечная ~ 141
     мирная ~ 141

Указатель слов, форм и выражений

- сердечный 11
 облегчить ~ рану елеем отрад 172
 ~ зевота 13
- сердце, сердца
 вдыхать высокие ощущения в ~ 105
 вздох ~ 100
 вздохнуть из глубины ~ 81
 вонзать клев в ~ 206
 вызвать из ~ вздох 110
 грызть ~ 207
 думы ~ 42
 клевать ~ 207
 ласкать и лелеять милое сердцу 51
 лететь из ~ (о вздохе) 100
 лить елей на раны ~ 182
 любить исповедь ~ 54
 разорвать/разрывать ~ (напр., о вздохе) 100, 206
 свинец в ~ 196
 ~ из печень 196
 ~ отдыхает 89
 терзать ~ 196, 206
 трепет ~ 79
 усыпить сны ~ 152
- серинький 'полосатый' 252
 ~ бутка 251
- серый 'полосатый' 252
 ~ арбуз 252
- сети 16
- сеча
 шумная ~ 28
- сидеть орлом 220
- сизый орел 200
- силы
 (быть) не в ~дохнуть (воздохнуть) 83, 102, 104
- сказать
 вздохнув, ~ (сказав, вздохнуть) 94
 вздохнуть и ~ (~ и вздохнуть) 94
 ~ с тяжелым вздохом 96
 ~ со вздохом 94, 95
- сказка 10
- скласть из сложить 8
- склонности
 любимые ~ 58
- скобки
 в скобках 115, 138
- сковородник живет 228
- скользить кадиль 163
- скромная хата (хатка, избушка) 139
- скука 11
- скупать 11
- слабый
 возненавидеть ~ глас людей 52, 53
 ~ вздохи 92
- слава (Слава) 29, 30, 34, 38, 50
 лететь стезею ~ 50
 любить игры ~ 34
 глас ~ 29
- сладкоречивый 184
- сладостный елей 183
- сладострастье
 вздох ~ 97
- слеза, слёзы 63, 71, 94, 111
- слова
 острые ~ 41
 ~ нежнее еля 183
- словами 146
 мысленно и ~ 146
- словесно
 в книжках и ~ 146
 ~ из письменно 146
- словесный из письменный 146
- слово
 врать словом 128
 ни ~, ни вздоха 113, 114
 первое ~ 114
- сложить из скласть 8
- слухи
 холерные ~ 44
- слюбиться 55
- смелые криле 220
- смерть
 алкать ~ 35
 бледен, как ~ 250
 бледная ~ 250
 воздохнуть вздохом ~ 105
 жаждать ~ 35

Указатель слов, форм и выражений

желать ~ 35
 жизнь или ~? (= vie ou mort?) 165
 искать ~ 52
 мечтать о ~ 35
 мила мысль ~ 35
 мысль ~ 58
 просить ~ 35
 стремиться к ~ 35
 хотеть ~ 35
 сметь
   не ~ вздохнуть 96
 смех 11
 смешиваться (о дыхании двух людей) 104
 смиренный
   ~ голубица 212
   ~ обитель 139
   ~ хата 141
   ~ хижина (хижинка) 139
   ~ уголок 141
 смирить немирные желанья 31, 32
 смотреть орлом 221
 смягчать 181
 снег
   желтый ~ 251
 соборование 170, 179
 собственный
   не верить ~ глазам 155
 событие
   рассказ ~ 58, 59
 совесть 9, 54
   исцелить раны ~ елеем плача 172
   раны ~ 171, 172
 соврать 131
 совы vs орел 221
 содрогание 45
 сокровенный 45
 солнце
   глядеть (зреть) на ~ 202
   долететь до ~ 202
   пить жаркий луч из ~ 219
   ~, как орел 219
   ~ не живет зимой 228
   устремлять очи к {~} 202
 солома

на пуку ~ 139
 на соломе 119, 120, 139
 под соломой 140
 соль 168—170
   благодарить за хлеб-соль 169
   вместе хлеб-соль есть 169
   водить хлеб-соль (с кем-л.) 169, 178
   делить хлеб-соль с кем-л. 169
   делиться хлебом-солью с кем-л. 169
   есть хлеб-соль 178
   забыть чью-л. хлеб-соль 169
   поблагодарить за хлеб-соль 178
   повести хлеб-соль 178
   поэтическая хлеб-соль 177
   разделить хлеб-соль (с кем-л.) 169, 178
   с хлебом да с ~ 177
   хлеб и ~ (хлеб-соль; хлеб, ~; хлеб да ~) 168, 169, 177, 178
 сомнение или надежда? 165
 сон, сны
   вздохнуть во ~ 96
   как тяжкий ~ (о котильоне) 153
   страшный ~ 160, 162
   усыпить сны сердца 152
 сообщить что-л. вздохом 111
 сорваться/срываться (с уст) (о вздохе) 93, 110
 Сотин (Сотиньус) 147
 спасительный
   пролить ~ елей в лампаду надежды 175
   ~ масло 184
 сплетни 62
 сражаться см. сразиться
 сражение, сраженья 19
   пламенные ~ 28
 сразиться/сражаться 45
 срываться см. сорваться
 стаканы
   пуншевые ~ 28
 сталь 50
 старина 11
 старинные враль 127
 старые гробы 236
 старый враль 128, 147

Указатель слов, форм и выражений

стезя

лететь стезею славы 50

степи

надоблачные ~ 203

стервятники 199, 200

стерпится — слюбится 55

стесненный

облегчить вздохом/вздохами (~) грудь
86, 103

стесниться в груди (о *вздохах*) 100

стихи 63—65, 67, 69, 71, 72, 74

воздыхать ~ 104

маратель ~ 143

ткач ~ 143

стиховраль 142, 145

подлый ~ 129

стиходей, стиходеи 124, 143

стиходел 143

Стихokraпов 144

стихokропатель 143

стихokропление 143

стихомаратель 143

стихоподбиратель 143

стихосплетатель 143

стихотвор 143

стихотворец

бедный ~ 142

стихотворитель 124, 143

стихоткач 143

стол

за ужиным ~ 44

столица

желтая ~ 237

стонать 111

~ и кряхтеть 112

стоны 94

стопосложитель 143

страдание

вдох ~ 110

странник

обязательная для ~ вороватая елейность
183, 184

странность

неподражательная ~ 41

страны

эфирные ~ 202

Страсбургский (стразбургский) пирог 16,
41

страсти 11

залить кипенья страстей струею тихой,
как елей 182

стреляться 45

стремиться к смерти (к чему-л.) 35

стремленья

усыпить праздные ~ мысли 152

струя

залить кипенья страстей струею тихой,
как елей 182

студенческая келья 141

судилище 45

суеты

жилище ~ 242

сумасшедший дом 44

супирант 99

суточные врали 130

счастье (счастье) живет 228

сын

могучий ~ эфира 202

сырая и пресная вода 119, 120

сырость

вздохнуть сыростью поля 85

сычи vs орел 221

Табак

трубка с ~ 28

таинственный елей 180

тайны

любимые ~ 58

талант vs враль 130

танец

брать [на ~] 163

поднять [на ~] 163

танцевальный учитель 44

танцевать

брать ~ 162

ташка с царским вензелем 28

твой

~ воспоминанье 'воспоминанье о тебе'
44

Указатель слов, форм и выражений

- ~ молва 'молва о тебе' 44
- ~ хвала 'хвала тебе' 44
- тела
  - бледны кучи ~ 250
  - груды бледных ~ 250
- темнота
  - искатель ~ 202
- темный 11
- тень, тени 248
  - окровавленная ~ 25
- тереться елеем 185
- терзать сердце 196, 206
- терминология вралей 148
- терпенье
  - на хотенье живет ~ 228
- тесниться в единый вздох 96
- тесный дом 249
- тетради
  - логические ~ 44
- тихий
  - залить кипенья страстей струею ~, как елей 182
  - ~ вздох 93
- тихо вздохнуть 93
- ткач стихов 143
- того и гляди, что... 8
  - мы того и глядела, что... 8
  - мы того и глядим, что... 8
  - я того и гляжу, что... 8
- толки 42
- толпа 45
- только вздохнуть 95
- торговля
  - меховая ~ 43
- тоска 11
  - вздох ~ 108
  - ~ на бродягу живет 228
  - тоска-кручина 60
- тоскующая лень 13
- тошно 11
- тошный 11
- тощий гражданин Пинда 122
- трепет сердца 79
- трепетание (трепетанье) персей 79
- трепетать 79
- Тресотиниус (Трисотин) 147
- трубка с табаком 28
- труп, трупы 229
  - безжизненный ~ 245
  - бледные кучи ~ 250
  - бледный ~ 250
  - живой ~ 229, 244
  - мертвый ~ 244, 245
  - неопознанный ~ 229
  - ~ мертвеца 224
  - трупы мертвых 244
  - царь мертвых ~ 244
- трюхать 226
- трюх-трюх 226
- Турецкий учитель 43
- тучи
  - пронзить заслоны темных ~ 219
- тщетный вздох 95, 110
- тягостная лень 40
- тяжело вздохнуть/вздыхать 96, 109
- тяжелый вздох, тяжелые вздохи 92, 96, 109
- тяжкий
  - как ~ сон (о котильоне) 153
  - ~ вздохи 92
- тяжко вздохнуть (о груди) 109
- Тянислов 144
- Убеждения
  - любимые ~ 58
- убийственный кинжал 8
- убогий дом (домик) 44, 139
- увести в польский 162
- угасший
  - светильник, ~ без елея 180
- уголок
  - бедный ~ 139
  - смиранный ~ 141
- угрозы 42
- удары
  - фран-масонские ~ 239
- удерживать вздох 93, 110
- удерживаться (о вздохе) 78

Указатель слов, форм и выражений

удушающий грудь вздох 102

удушие 16

уединенный чердак 119, 120

уездный

альбом ~ барышни 64

альбом ~ красавицы 73

ужасы

полюбить ~ боя 34

~ Сухожанетские 44

ужинный

за ~ столом 44

узорный чепрак 28

укрепляющий

елей, ~ борцов 185

уличные поэты 144

умастить/умащать 179

~ главу (голову) елеем 185

~ колеса дегтем 179

~ красу лица 185

умереть

вживе ~ 245

умный враль 147

умствование 45

умствовать 45

умягчать члены 185

упование

будить ~ 152

любимое ~ 58

упражнение 9

любимое ~ 58

услышать

~ вздох 93

~ чей-л. последний вздох 108

усопшие

воспоминание ~ 58

уста

замереть на ~ (о вздохе) 100

принять вздох устами 100

сорваться/срываться (с уст) (о вздохе)
93, 110

устремлять очи к [солнцу] 202

усугубить 9, 45

усы 28

два любезные уса 28

усыпить/усыпять 136, 137, 152

~ мечты 136, 152

~ праздные стремленья мысли 152

~ сны сердца 152

усыпленный

будить ~ желанья 152

усыпять см. усыпить

утомить 17

утраты живут 228

уф 113

ух 113

ухарский конь 28

учитель

Итальянский ~ 43

Латинский ~ 43

танцевальный ~ 44

Турецкий ~ 43

фортепианный ~ 44

ушаты грязи (помоев) 184

Феб

под хладным русским Фебом 209, 210

фигляр

свирепый ~ из палач 252

филин, филины 214, 215

~ из орел 221

Финнополис 252

фортепианный учитель 44

Фофан 147

Фофанов 147

фран-масонские удары 239

французская кадриль (французский кад-
риль) 156, 164

Харем 138

хата (хатка) 141

смиренная хата 141

скромная ~ 139

хижина (хижинка) 141

смиренная ~ 139

хищник святого огня 216

хищный вран, хищные враны 189, 222

хладный

под ~ русским Фебом 209, 210

Указатель слов, форм и выражений

- хлеб 168—170, 180
 благодарить за хлеб-соль 169
 вместе хлеб-соль есть 169
 водить хлеб-соль (с кем-л.) 169, 178
 делить хлеб-соль с кем-л. 169
 делиться хлебом-солью с кем-л. 169
 есть хлеб-соль 178
 забыть чью-л. хлеб-соль 169
 питаться одним ~ 140
 поблагодарить за хлеб-соль 178
 повести хлеб-соль 178
 повѣтическая хлеб-соль 177
 разделить хлеб-соль (с кем-л.) 169, 178
 с ~ да с солью 177
 ~ да соль 178
 ~ и соль 177, 178
 хлебосол 177
 хлебосолец 177
 хлебосолка 178
 хлебосоль 177
 хлебосольно 177
 хлебосольный 177
 хлебосольство 177
 хлебосольша 178
 хлеб-соль (хлеб, соль) 168, 177, 178
 хлопотун
 бездарные писцы-хлопотуны 142
 холерные слухи 44
 холод
 мертвящий ~ 16
 ~ живет 228
 ~ ключевой 44
 хотеть
 ~ смерти 35
 ~ вздохнуть 85
 Христос воскрес! 224
- Царица 219
 царский
 ташка с ~ вензелем 28
 царственный орел 201
 царь 197, 219
 ~ мертвых трупов 244
 целенье
- изливать ~ на раны 181
 целительный елей 173
 целый
 возненавидеть ~ мир 53
 цепи 16
 Цирцеи 17
 молодые ~ 17
 презрительные ~ 17
- Чад 16
 чаши 28
 обширные ~ 28
 чело 48
 ~ из брюхо 48, 196
 чепрак 28
 узорный ~ 28
 черви 190, 213
 ~ из орел 221
 червяк из орел 221
 чердак, чердаки 115—124, 131, 132, 138—
 142, 145, 150
 высокие ~ 117, 118, 120
 жить на ~ 140
 свой ~ 132, 133
 уединенный ~ 119, 120
 ~ из погреб 140
 ~ князя Шаховского 116, 118, 132—
 134
 ~ Панкá 118
 чердакожитель 145
 черепаха из орел 221
 черный 251
 пустые, ~ мечты 136, 137
 ~ ворон 'автомобиль' 188
 ~ вран (ворон) 188, 189, 191—194, 212
 чернь
 презренная ~ 16
 светская ~ 16, 132
 черствый кусок 119, 120
 честить 45
 члены
 умягчать ~ 185
 чувства
 делиться чувствами 168, 171

Указатель слов, форм и выражений

ненавидеть ~ 52
 чугуи 50
 чудах
   пасмурный ~ 26
 чудесный 45
 чуждый мертвец 247
 Чурилка 241
   жив ~ 241
 чухонец 227, 238
 чухонский город 252
 чья-то сволочь 'сволочь кого-л.' 44

Шайка 45

шалаш

простой ~ 139, 141

Шампанский (прил.)

Шампанская бутылка 43

Шампанская пена 43

Шампанские бокалы 43

Шампанское (шампанское) (субст.) 28, 43

оттычки шампанского 28

бокал Шампанского 43

шинель

без ~ 144, 145

шинельные поэты 144

шире

вдыхать ~ (о груди) 81

широкобежный орел 202

ширококрылый орел 202

ширять 219

ширяться (орлом, как орел) 220

шлюхи

милые ~ 17

шпоры 28

шум 16

докучный ~ и блеск 16

~ бала 69

~ живет 228

~ света 16, 69

шумно вздохнуть 93

шумный

~ сеча 28

~ вздох 93

шумящий

[лететь] ~ враном 222

Эфир

могучий сын ~ 202

~ житель 202

эфирный

~ страны 202

~ пламень 216

Язы

гной от ~ души 185

живить ~ (о елее надежды) 172

лить внутренний елей на ~ алополучья 173

язык

вдунуть живую душу в [русский] ~ 216

янтарный

елей душистый и ~ 180

ястреб 206

бросаться (кидаться, летать, налетать)

ястребом 221

~ Прометея 206

ястребиный

~ взгляд из орлиное око 222

~ взгляд из орлиный (орлий) взгляд

(взор, глаз) 222

~ нос из орлиный нос 222

Aar (нем.) 200

aves (лат.) 192

Beef-steaks (англ.) 41

bubo (лат.)

funereus ~ 214

Canes (лат.)

obscenae ~ 192

cheto (zitto) comè l'olio (итал.) 183

corbeau (франц.) 192

cotillon (франц.)

несносный ~ 160

Duel au sabre (франц.) 27

un foutu ~ 27

Указатель слов, форм и выражений

Essere all'olio santo (итал.) 180

Foutre (франц.)

un foutu duel au sabre 27

Geier (нем.) 223

gettare olio sulle onde (итал.) 173, 174

grenier (франц.) 117

Iecur (лат.) 223

Jamais ou toujours? (франц.) 165

Jean Foutre (франц.) 27

Mint (англ.) 142

mors (лат.)

pallida ~ 250

mort (la ~) (франц.)

vie ou ~? 165

mort (le ~) (франц.) 246

Moscou (франц.)

Pétersbourg ou ~? 165

Oil (англ.)

pour ~ on (upon) the (troubled) waters
173, 174, 182

olio (итал.)

essere all' ~ santo 180

gettare ~ sulle onde 173, 174

zitto (cheto) come l' ~ 183

ombre (франц.) 248

onde (итал.)

gettare olio sulle ~ 173, 174

oubli ou regret? (франц.) 165

Pétersbourg ou Moscou? (франц.) 165

pour oil on (upon) the (troubled) waters
(англ.) 173, 174, 182

Raben (нем.) 191

regret (франц.)

oubli ou ~? 165

Rost-beef (англ./франц.) 41

Santo (итал.)

essere all'olio ~ 180

screech-owl (англ.) 214

soupirant (франц.) 99

soupirer pour qn (франц.) 99

Toujours (франц.)

jamais ou ~? 165

trouble (to ~) (англ.)

pour oil upon (on) the troubled waters 173,
174, 182

Umbra (лат.) 248

Vautours (франц.) 223

vie ou mort? (франц.) 165

volucres (лат.)

importunae ~ 192

vultur (лат.) 223

Waters (англ.)

pour oil on (upon) the (troubled) ~ 173,
174, 182

Zitto (cheto) come l'olio (итал.) 183

Γύψ (др.-греч.) 222

Ζεύς (др.-греч.)

Διὸς πτηνὸς κύων 197

Ήπαρ (др.-греч.) 222

Κύων (др.-греч.)

Διὸς πτηνὸς ~ 197

Πτηνὸς (др.-греч.)

Διὸς ~ κύων 197

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аксаков И. С. 66, 67
Аксаков К. С. 88
Аксаков С. Т. 58, 87, 130
Александр Николаевич, вел. кн. 53
Александр I 34, 95, 101, 107, 134, 135
Александра Федоровна, имп. 163—166, 233
Алексеев Ф. Я. 252
Альбан (Альбани) Ф. 154, 155
Амвросий, архиеп. 221
Андрей Критский 180, 181, 185
Анненков П. В. 58, 98
Анненский И. Ф. 111, 251
Апраксин С. С. 247
Апухтин А. Н. 108, 245
Аргамаков А. В. 150
Ахматова А. А. 215, 251
- Бабрий 215
Багратион П. И. 74
Баевский В. С. 46
Байрон Дж. 14, 16, 62, 200, 209
Балашов А. Д. 146
- Бальи Ж.-С. 128
Барант Э. де 49
Баратынский Е. А. см. Боратынский Е. А.
Барков Д. Н. 133
Барков И. С. 124
Бартенев Ю. Н. 96
Батюшков К. Н. 40, 52, 60, 87, 90, 98, 99, 100, 104, 108, 110, 121, 124—126, 129, 130, 139, 141—144, 149, 174—178, 192, 217, 223, 228, 242, 248—250
Бахтин В. С. 232
Бахтурин К. А. 109, 142
Башуцкий А. П. 231, 234, 235, 239, 241, 242
Безобразов П. Р. 113
Безяева М. Г. 112
Бекетов П. П. 108
Бекетова А. 182
Белинский В. Г. 57, 85, 245
Белов В. И. 236
Белый А. 251
Бенедиктов В. Г. 13, 28, 50, 202
Бенкендорф А. Х. 163

---

* В указатель не включены собственные имена персонажей, встречающиеся в художественных текстах, в их названиях или фрагментах. Если носитель имени прямо не назван, но подразумевается, соответствующий номер страницы набран курсивом.

Указатель имен

- Беранже П.-Ж. 140
Берк Э. 6
Бестужев (Марлинский) А. А. 18, 41, 43, 44, 56—59, 83, 85, 90, 92, 94, 97, 98, 100—102, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 129, 135, 143—145, 160, 161, 166, 167, 174, 181, 189, 190, 197, 199, 200, 206, 213, 215—218, 223
Бестужев Н. А. 56, 96, 105
Бестужев-Рюмин М. А. 109
Бетеа Д. 235
Бецкой И. И. 177
Благово Д. Д. 108
Благой Д. Д. 11
Блок А. А. 97, 98, 108—111, 114, 203, 218, 251
Блок Г. П. 144
Блудов Д. Н. 128, 149
Блудова А. А. 55
Блудова А. Д. 55
Блюм К. 209, 223
Боборыкин П. Д. 97, 113
Бобров С. С. 216
Бонди С. М. 134
Боратынский Е. А. 8, 32, 33, 38, 50—52, 54—56, 59, 60, 74, 94, 97, 98, 100—102, 104, 110, 111, 141, 142, 144, 147—149, 151, 152, 155, 163, 185, 193, 205, 207, 210, 215, 216, 223, 244, 245, 247, 248
Боровиковский В. Л. 54
Бородулин 146
Боткин В. П. 107
Бочаров С. Г. 225, 238
Бродский Н. Л. 28, 29, 32, 40, 42, 63, 116, 154, 155
Брюсов В. Я. 200, 201
Буало Н. 127, 131
Бугославский С. А. 232
Булаховский Л. А. 59
Булгаков А. Я. 9, 156, 162—164, 166, 167, 178, 233
Булгаков К. Я. 9, 156, 163, 164, 166, 167, 233
Булгакова Е. К. 156, 165, 233
Булгакова О. А. см. Долгорукова О. А.
Булгарин Ф. В. 48, 49, 134, 149, 188, 235
Бульвер Литтон Э. Р. 249
Бунин И. А. 85, 92, 96, 103, 111, 214, 218
Булнина А. П. 131
Бурнашев В. П. 44, 55, 75
Бутков Я. П. 138, 139
Бутурлин М. Д. 43, 49
Бюргер Г. А. 191, 248
Вацуро В. Э. 65, 109, 138, 222
Вейль И. см. Weil I.
Великопольский И. Е. 58, 208
Вельтман А. Ф. 45, 93, 112
Веневитинов Д. В. 37, 46, 57, 58, 192, 216, 223
Вергилий 144, 192, 222, 223
Вересаев В. В. 112
Верн Ж. 182
Вигель Ф. Ф. 128, 142
Виноградов В. В. 61, 179, 210, 231, 239
Винокур Г. О. 162
Витберг А. Л. 217
Воуверман (Воверман) Ф. 108
Воейков А. Ф. 36, 106, 139, 148, 186, 211, 220
Волконский П. М. 162
Волохонская Т. П. 25
Волошин М. А. 251
Вольтер 138
Воронцов М. С. 9, 53, 149, 150
Востриков А. В. 47
Воверман Ф. см. Воуверман Ф.
Всеволожские 133
Всеволожский Н. В. 144, 147
Вульф А. Н. 47, 142, 163, 176, 177, 249
Вяземская В. Ф. 44, 46, 156, 233
Вяземский П. А. 8, 10, 13, 37, 44, 45, 47, 50, 55, 58, 60, 75, 99, 116, 125, 127, 128, 130, 133, 134, 137, 138, 142—152, 160, 161, 166, 173, 177, 178, 202—

Указатель имен

- 204, 206, 216, 217, 220, 221, 231—
233, 237, 238, 241, 243—246, 249—
251
- Галенковский Я. А. 149
Ганнибал С. И. (или П. И.) 166
Гаршин В. М. 252
Гаспаров М. А. 6
Гастфрейнд Н. А. 140
Георгиевский И. С. 111
Гераков Г. В. 95
Герц Й. 212
Герцен А. И. 107, 108, 217
Гершензон М. О. 47
Герштейн Э. Г. 49
Гёте И. В. 121, 141
Гильфердинг А. Ф. 197
Гладкий А. В. 12
Гладков Ф. В. 183
Глазов, капитан 49
Глассэ А. 235
Глинка М. И. 164, 213
Глинка С. Н. 53, 55, 177, 243, 245—247
Глинка Ф. Н. 183, 190, 198, 201, 204,
219, 228
Глуховцев 48
Гнедич Н. И. 57, 99, 108, 122, 125, 134,
141—143, 149, 209
Гоголь Н. В. 52, 58, 66, 87, 89, 102, 105,
111, 118, 178, 201
Голицын Д. В. 164
Голицын С. М. 233
Голицына А. П. 74, 75
Голицына Т. В. 164
Гомер 149, 210
Гончаров И. А. 243
Гончарова Н. И. 240
Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Гораций 144, 250
Горбунова О. И. 251
Гордин Я. А. 26, 45, 49
Горчаков А. М. 106
Горчаков В. П. 73
Горький М. 117, 183, 184, 228
- Готье Т. 140
Грамматин Н. Ф. 148, 220
Грановский Т. Н. 64
Грессе Ж.-Б.-Л. 120
Греч В. Д. 55
Греч Н. И. 43, 55, 95, 107, 163, 235
Греч Н. Н. 55
Грибоедов А. С. 28, 81, 110, 121, 146,
148, 198, 222, 250
Григорьев А. А. 57, 58, 84, 85, 206, 207,
209, 223, 251
Григорьев В. Н. 64, 189, 218
Григорьева А. Д. 234
Грот К. Я. 123, 130, 145
Грот Я. К. 58
Гуковский Г. А. 10, 11
Гура А. В. 188, 201, 211
- Давыдов Д. В. 28, 34, 41, 50, 57, 60,
88, 90, 139, 150, 235
Давыдов И. И. 99
Давыдов С. В. 227
Даль В. И. 58, 86, 94, 102, 106, 112,
143, 147, 177, 191, 201, 215, 228, 230,
237, 240, 241, 245, 250
Данзас К. К. 47, 48
Дашков Д. В. 128, 133, 217
Дегильи 26
Декарт Р. 5, 6
Деларю М. Д. 214, 216
Делиль Ж. 36, 186
Дельвиг А. А. 60, 151, 166, 178, 207,
216, 224
Державин Г. Р. 111, 125, 146, 183, 185,
202, 203, 213, 219—221, 223, 230,
243, 250
Де-Рибас И. М. 243
Дибич-Забалканский И. И. 160
Дмитревский И. А. 128
Дмитриев И. И. 52, 88, 99, 101, 108,
121, 124, 125, 128—130, 142, 143,
144—148, 192, 193, 207, 220, 223
Дмитриев М. А. 43, 55, 59, 124, 181,
202, 204, 219
Добрицын А. А. 120, 209

Указатель имен

- Добродомов И. Г. 12, 41, 112
 Добряков Ю. Н. 178
 Долгоруков И. М. 227, 243, 244, 247
 Долгорукова О. А. (урожденная Булгакова О. А.) 162
 Дорохов Р. И. 27
 Достоевский Ф. М. 95, 103, 117
 Драйден Дж. 213
 Дранникова Н. В. 182
 Дружинин А. В. 53
 Дубшан Л. С. 212
 Дурасов В. 26
 Дурова Н. А. 21, 113, 175, 176
- Егоров И. В. 28
 Екатерина II 177, 243
 Елагин И. П. 144
 Елизавета Алексеевна, имп. 108
 Елизавета Петровна, имп. 221
 Елкин В. Г. 235
 Есенин С. А. 184
 Есипов В. М. 235, 236
- Жихарев С. П. 74, 141, 146, 177
 Жукова М. С. 53, 97, 98
 Жуковский В. А. 36, 44, 45, 51, 53, 55—58, 60, 81, 83, 88, 95, 96—98, 100, 103—105, 109, 110, 121, 122, 134, 142, 143, 147, 152, 182, 189, 191—193, 201—203, 205, 213—215, 217—224, 228, 244—246, 248—250, 252
 Журавлев А. Ф. 12
- Загоскин М. Н. 41, 42, 56, 107, 128, 143, 151, 223
 Зайцевский Е. П. 222
 Засорина Л. Н. 126
 Захарова О. Ю. 155, 156
 Зеленин Д. К. 246
- Иванов Вяч. Вс. 191
 Иванов Вяч. И. 110
 Иванов Н. 105
 Иванов Ф. Ф. 144, 148, 213
- Иванова Н. Б. 251
 Ивановский Н. П. 158, 165, 166
 Иванчин-Писарев Н. Д. 33
 Ивашева-Трубникова М. В. 241
 Измайлов А. Е. 74, 144, 145
 Измайлов В. В. 100, 106
 Илличевский А. Д. 140
 Инзов И. Н. 139
 Инсарский В. А. 44
- Каверин П. П. 41
 Кайданов И. К. 44
 Капнист В. В. 172, 175
 Карамзин Н. М. 44, 84, 99—101, 103, 110, 112, 128, 133, 138, 142, 143, 146, 147, 202, 216, 241, 242
 Карамзина Е. А. 44
 Карамзина Е. А. 73
 Карамзина Е. Н. 73
 Каратыгина А. М. 72, 73
 Карлгоф В. И. 54
 Карлов Б. И. 182
 Карра-Какуэлло-Гуджи 100
 Касаткина Р. Ф. 12, 252
 Катенин П. А. 44, 125, 133, 134, 152, 182, 185, 191, 192, 194, 195, 198, 220, 242, 248
 Кафтарёв Ф. Я. 223
 Кацура А. В. 49
 Каченовский М. Т. 134, 150, 232
 Кикин П. А. 53
 Ким Чжин Енг 212
 Кине Э. 206
 Кипренский О. А. 133
 Киреевский И. В. 56, 58, 243
 Китаев Я. 132
 Клушин А. И. 100
 Ковалевская Е. А. 65
 Ковзун А. А. 12
 Кодзасов С. В. 12
 Козлов И. И. 56, 57, 246
 Козловский П. Б. 58
 Кольцов А. В. 53, 57
 Коншин Н. М. 34, 142, 214

Указатель имен

- Корнель П. 128
 Корнилова А. В. 65
 Корнилович А. О. 107, 111, 151, 215
 Короленко В. Г. 228
 Костров Е. И. 120, 141
 Кошелев В. А. 22, 46, 58
 Краевский А. А. 53
 Красильникова Е. В. 251
 Краснова Л. В. 251
 Краснокутский В. С. 235
 Крейдлиг Г. Е. 12
 Кристафович В. О. 55
 Кропотков А. Ф. 123, 124
 Крылов И. А. 42, 77, 134, 143—145, 147, 164, 192, 193, 215, 221
 Крысин Л. П. 159
 Крюков А. П. 122
 Кудрявина И. М. 47
 Кукольник Н. В. 218, 219
 Куприн А. И. 80, 87, 88, 113
 Куракин А. Б. 74
 Кутайсов А. И. 21
 Кутузов М. И. 53, 55, 74, 219
 Кюхельбекер В. К. 48, 50, 52, 143, 150, 166, 189, 191, 196, 204, 208, 214—217, 221

 Лажечников И. И. 177
 Лазаревы 156
 Ламартин А. 217
 Лафает (Лафайет) Ж. 128
 Лафонтен Ж. 192, 215
 Левина Т. М. 12
 Левкович Я. Л. 74
 Лермонтов М. Ю. 8, 33, 48, 49, 51—53, 56, 58, 82, 87, 90, 93, 95, 96, 98, 106, 109—111, 140, 151, 163, 178, 185, 190, 196—198, 200, 204, 205, 213, 216, 221, 228, 237, 245
 Лесков Н. С. 218
 Леслей, поручик 49
 Либерман А. 12
 Лизогуб, полковник 75
 Липранди И. П. 49

 Листов В. С. 212
 Лобанов А. С. 213
 Локотникова И. Г. 66
 Ломоносов М. В. 105, 106, 144, 147, 185, 196, 223, 250
 Лотман Ю. М. 10, 14—16, 22, 25, 42, 47, 63, 116, 136, 137, 150, 155, 156, 158—160, 165
 Лошакова 166

 Майков А. Н. 84, 85, 139, 177, 178, 190, 198, 201, 202
 Майков Л. Н. 144
 Макаров П. И. 144
 Максимович М. А. 148
 Макуренкова С. А. 77
 Малевский Ф. 73
 Мальчукова Т. Г. 47
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 183
 Мандельштам О. Э. 5, 80, 83, 104, 218, 219, 222, 223, 250, 251
 Мансуров П. Б. 133
 Марин С. Н. 52, 53, 99, 100, 112, 129, 130, 143, 149, 150, 221
 Марлинский А. см. Бестужев (Марлинский) А. А.
 Мартынов Н. С. 48
 Масальский К. П. 56, 139, 158
 Матюшкин Ф. Ф. 241
 Маяковский В. В. 184
 Мей Л. А. 139
 Мей У. см. May W.
 Мелетинский Е. М. 188
 Мельников П. И. (А. Печерский) 181, 243
 Мерзляков А. Ф. 223
 Меттерних К. В. Л. 53
 Миллер-Будницкая Р. Э. 251
 Милонов М. В. 129, 130, 142—145, 148, 149, 181, 216, 217, 219, 220, 223
 Милюкеев Е. А. 142
 Мильтон Дж. 105
 Милютин Е. Д. 241
 Мирабо Г. О. Рикетти 128
 Миронов В. Ф. 49, 135

Указатель имен

- Михаил Павлович, вел. кн. 167
 Михайлов А. В. 211
 Михайлова Н. И. 65
 Мицкевич А. 104
 Мольер 36, 129, 144
 Монрое, флигель-адъютант 165
 Мордвинов Н. С. 203
 Мори Ж. С. 128
 Морозов И. А. 12, 241
 Мундт Н. П. 103
 Муравьев Александр Н. 49
 Муравьев Андрей Н. 56, 211
 Муравьев М. Н. 242
 Муравьев Н. Н. 43, 44, 49
 Муравьев-Апостол И. М. 242
 Мурьянов М. Ф. 22, 185, 187, 188, 215
 Мусин-Пушкин В. А. 150
 Мусин-Пушкин В. В. (Брюс) 134, 150
 Мюрат И. 53
 Мясоєдов 48
- Набоков (Набоков-Сирин) В. В. 18—23,
 25, 27, 41, 43, 46—48, 63, 64, 68, 77,
 116, 117, 131—133, 135, 150, 155, 213
 Надеждин Н. И. 170, 179
 Наполеон 20, 33, 35, 53, 146, 217, 220
 Нартов А. А. 143
 Нащокин П. В. 113
 Некрасов Н. А. 140, 178, 234
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 147
 Непомнящий В. С. 11, 24
 Нессельроде, семейство 44
 Нечаев С. Д. 58
 Никифор, архимандрит 181, 241
 Никишов Ю. М. 28
 Николай I 37, 40, 163—166, 233, 237
 Николев Н. П. 74
 Новосильцов П. П. 162
 Норов В. С. 60
- Овидий 17, 41, 42, 214, 215
 Огарев Н. П. 36, 53, 54, 59, 60, 83, 84,
 97, 104, 106, 111, 162, 206, 242, 247
 Одинокое В. Г. 252
- Одоевский В. Ф. 104, 118, 138, 142, 177,
 244, 246
 Ожегов С. И. 37, 82, 112, 136, 154, 159,
 170, 184, 228
 Ознобишин Д. П. 84, 85, 92, 99, 110, 111,
 140, 180, 183, 212, 215, 216, 219, 249
 Оленин А. Н. 177
 Олин В. Н. 128
 Орлов А. Г. 219
 Орлов М. Ф. 219
 Орлов Ф. Г. 219
 Орловы, братья 222
 Островский А. Н. 163
- Павлищев Н. И. 164, 166
 Павлов Н. Ф. 57, 58, 64, 107, 162, 163,
 219, 246
 Павлова К. К. 10, 36, 83, 96, 110, 113,
 142, 197
 Панаев И. И. 58, 85, 102, 141, 142, 220
 Панаева А. Я. 178
 Парни Э. 125, 210, 248
 Пастернак Б. Л. 93, 104, 110
 Пашкова Е. Н. 178
 Певзнер В. А. 182
 Перцов Н. В. 12, 188
 Петин И. А. 139
 Петр I 233
 Петров В. П. 203
 Петрунина Н. Н. 188, 234
 Печерский А. см. Мельников П. И.
 Пильщиков И. А. 12, 120, 188, 192, 215,
 248, 250
 Плаутин Н. Ф. 49
 Плетнев П. А. 36, 58, 220, 240
 Плещеев А. Н. 57, 58, 114, 221
 Плюшар А. 66
 Погодин М. П. 58, 74, 96
 Погорельский А. (Перовский А. А.) 58,
 98, 110, 112, 113, 226
 Подолинский А. И. 80, 92, 94, 109, 193,
 198, 199, 206
 Полевой Н. А. 58, 59, 86, 88, 97, 98,
 105—107, 112, 146, 152, 194, 209, 214,
 220, 221, 223

Указатель имен

- Полевой К. А. 107, 223
 Полежаев А. И. 54, 58, 97, 143, 151, 152, 201, 202, 213, 217, 244—247
 Полонская Е. В. 140
 Полонский Я. П. 57, 58, 80, 82, 98, 110, 111, 114, 140, 184, 202, 207, 212, 221
 Полторацкий С. Д. 86
 Попов В. С. 146
 Попова И. Л. 241
 Порошин С. А. 113, 177
 Потембня А. А. 6
 Потемкин С. П. 166
 Потемкина Е. П. 160
 Потемкины 160
 Потоцкий Я. 13
 Поуп А. 142
 Приходько И. С. 12
 Проперций 248
 Протасова Н. Д. 165
 Протасовы 45
 Прункул К. И. 233
 Пумпянский Л. В. 61
 Пуссен (Пуссень) Н. 108
 Пушкин В. Л. 122, 125, 130, 142, 143, 147, 149, 160, 163, 166, 188, 210, 214, 246, 249
 Пушкин Л. С. 36, 57, 58, 146, 149
 Пушкина Н. Н. 95, 99, 113, 135, 156, 163, 240
 Пушкина О. С. 146, 166
 Пуццин И. И. 106, 241

 Рабинович Е. Г. 209
 Раевский Н. Н. 44
 Рейсдаль (Руисдаль) Я. 108
 Ренкевич Е. Е. 146
 Родзянка А. Г. 210
 Роза С. 108
 Ростопчин Ф. В. 146, 213, 232
 Ростопчина Е. П. 51, 103, 177
 Руисдаль Я. см. Рейсдаль Я.
 Руссо Ж.-Б. 161
 Рылеев К. Ф. 49, 97, 123, 130, 135, 137, 143, 145, 150—152, 189, 201, 202, 220—223, 228, 243
 Сабанеев И. В. 53
 Сазонова Л. И. 249
 Сазонова С. С. 227
 Салтыков М. Е. (Н. Щедрин) 105, 106, 183
 Сандомирская В. Б. 65
 Сатин Н. М. 57
 Саути Р. 192
 Сахаров И. П. 43, 141
 Седакова О. А. 9
 Семевский М. И. 43, 47
 Сендерович С. Я. 48
 Серман И. Э. 216
 Сидяков Л. С. 162
 Сирин В. см. Набоков В. В.
 Скалон С. В. 89
 Скотт В. 95, 212, 214, 239
 Скрынников Р. Г. 49
 Слепенков П. П. 182
 Слепцова И. С. 241
 Случевский К. К. 55, 78, 163, 213, 214, 218
 Смирнова А. О. 58
 Смит А. 164
 Снегирев И. М. 44, 48
 Соболевский С. А. 216
 Соллогуб В. А. 58, 86, 113, 165, 242
 Соловьев В. С. 110, 111, 202, 204, 205
 Сомов О. М. 56, 86, 101, 110, 122, 123, 158, 217, 223, 246
 Сосницкие 133
 Станкевич Н. В. 88, 214, 245, 246
 Строгонов С. Г. 9
 Суворов А. В. 139
 Сумароков А. П. 142, 143, 147, 215
 Сурат И. Э. 212
 Суриков И. Э. 214
 Сухожанет И. О. 44
 Сушков М. В. 99, 100, 212, 241
 Сушкова-Хвостова Е. А. 216

 Тархов А. Е. 22, 46
 Тассо Т. 210
 Татаринов А. Н. 160

Указатель имен

- Теплова Н. С. 180
 Тепляков В. Г. 173, 202, 208, 217
 Тибулл 192
 Тизенгаузен Е. Ф. 66
 Тимофеев А. В. 73, 103, 104, 196, 217
 Толстая С. М. 12
 Толстой А. К. 103, 178, 181, 184—186, 213, 214, 221, 222, 237, 238, 250
 Толстой Л. Н. 21, 45, 57, 81—84, 95—98, 107, 109, 110, 162, 224, 233, 244
 Толстой С. Л. 134
 Толстой Ф. И. 41, 47, 116, 117, 132—135, 137, 150, 152, 184
 Толстой Я. Н. 133
 Толстой-Американец см. Толстой Ф. И.
 Томашевский Б. В. 61, 120, 212
 Топоров В. Н. 12, 185, 191, 251, 252
 Тредиаковский В. К. 147, 215
 Тростников М. В. 251
 Трубецкие 166
 Трубецкой П. Н. 177
 Туманский В. И. 99, 152, 228, 244, 250
 Тургенев А. И. 44, 50, 143, 146, 178, 246
 Тургенев И. С. 43, 54, 57—59, 82, 84, 86—89, 92—94, 97, 101—103, 140, 165, 178, 179, 185, 206, 207, 216, 221, 222
 Тургенев Н. С. 87
 Тынянов Ю. Н. 166
 Тютчев Ф. И. 48, 50, 108, 174, 180, 196, 200, 202, 203, 208, 214, 218, 220, 224

 Уваров М. С. 251
 Уваров С. С. 143, 177, 211
 Удодов Б. Т. 252
 Урусов А. И. 106
 Урусова С. А. (или Н. А.) 165
 Урысон Е. В. 246
 Успенский Н. В. 178
 Ушаков Д. Н. 103, 117, 164

 Фабисович В. М. 150
 Федр 215
 Федута А. И. 28

 Фейлен Дж. см. Falen J. E.
 Фет А. А. 57, 81, 85, 95, 98, 99, 108, 109, 204, 214, 218, 220, 221, 224
 Фикельмон Ш.-Л. 161
 Филимонов В. С. 56
 Флобер Г. 140
 Фонтенель Б. 138
 Фризман Л. Г. 33

 Хандрос Б. Н. 57
 Хан-Пира Э. И. 245
 Хармс Д. И. 54, 55
 Хвостов Д. И. 74, 144, 145
 Хейнрих Б. 191
 Херасков М. М. 215, 222
 Хитон П. 182
 Хитрово Е. М. 66
 Хмельницкий Н. И. 133
 Ходасевич В. Ф. 5
 Хомяков А. С. 52, 53, 151, 172
 Храповицкий А. И. 103
 Храповицкий А. В. 42

 Цедлиц Й. X. 200, 223
 Целлариус А. 158, 165
 Цявловская Т. Г. 27, 227
 Цявловский М. А. 124

 Чаадаев П. Я. 134, 210
 Черейский Л. А. 150
 Чернобаев В. Г. 213
 Чернова С. В. 34
 Чернышев А. И. 162
 Чехов А. П. 6, 83, 95, 102, 113
 Чижевский Д. И. 63
 Чулков М. Д. 213

 Шаврыгин С. М. 150
 Шаликов П. И. 73, 74, 99, 132, 144, 148
 Шан-Гирей А. П. 48, 216
 Шаларова Н. С. 201
 Шапир М. И. 12, 13, 96, 120, 141, 224
 Шаронова А. В. 217
 Шатобриан Ф. А. Р. 210, 211

Указатель имен

- Шахова Е. Н. 28, 50
 Шаховской А. А. 33—35, 42, 44, 99,
 116—118, 132—134, 137, 148, 150, 152,
 160, 241, 242
 Шварцбанд С. 46
 Шведова Н. Ю. 37, 82, 112, 136, 159,
 170, 184, 228
 Шевченко Л. А. 22, 46
 Шевырев С. П. 48, 58, 209, 210, 223
 Шекспир У. 239
 Шенье А. 32
 Шервинский С. В. 164, 192
 Шимановская М. 74
 Ширинский-Шихматов С. А. 144, 150
 Шишков А. А. 109, 193, 202, 203
 Шишков А. С. 139, 147, 179
 Шмид В. 234—236, 251
 Шоу Дж. Т. см. Shaw J. T.
 Шубин В. Ф. 150
- Щеголев П. Е. 48
 Щербина Н. Ф. 174, 181, 182, 185, 206,
 217
- Эзоп 215
 Эммет О. 77
 Эсхил 197, 209
- Юзефович М. В. 57
- Языков Д. И. 143
 Языков Н. М. 50, 56, 141, 152, 160, 176,
 183, 202, 220, 224, 242, 243, 251
 Языков П. М. 56
- Языкова П. М. 160
 Яковлев П. Л. 74
 Якубович Л. А. 141, 201, 202
- Bayley J. 25
 Briggs A. D. P. 22, 46—48
- Čiževskij D. см. Чижевский Д. И.
 Clayton J. D. 22, 46
- Falen J. E. 101
- Hasty 24, 25
 Hofstadter D. 78
 Horatius см. Гораций
- Johnston C. 78
- Ledger G. R. 77
- May W. 101
 Michailoff H. 49
- Nabokov V. см. Набоков В. В.
- Reyffman I. 47
- Scholle C. 24
 Serman I. см. Серман И. Э.
 Shaw J. T. 46, 138
- Virgilius (Vergilius) см. Вергилий
- Weil I. 47, 48

Научное издание

Александр Борисович Пеньковский

ЗАГАДКИ ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА И СЛОВАРЯ

Опыт филологической герменевтики

Под редакцией И. А. Пильщикова и М. И. Шапиро

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовлен в редакции журнала «Philologica»
Шрифтовой дизайн С. Г. Болотова
Корректор М. Н. Григорян

Фотография на вклейке П. П. Соколова

Подписано в печать 23.08.2005. Формат 70×100^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 1517

Издательство «Языки славянских культур», № госрегистрации 1037789030641
Тел.: (095) 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для вб. М153). E-mail: lrc@comtv.ru
Каталог в Интернете: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)
Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6 (метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс»)

Foreign customers may order this publication
by e-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 c/o M153

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

В серии
Philologica russica et speculativa

в 2000 г. вышла из печати книга:

М. И. Шапир

UNIVERSUM VERSUS

**Язык — стих — смысл
в русской поэзии XVIII—XX веков**

Книга первая

Цель монографии — показать содержательную насыщенность стиха, его тесную связь с языком и смыслом поэтического произведения, а также с другими явлениями художественной формы. Автор исследует становление и преобразование классической национальной стиховой культуры, основы которой заложил Ломоносов, а наивысшая точка развития была достигнута Пушкиным. Наряду с именитыми поэтами XVIII—XX веков (от Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова до Д. А. Пригова, Л. Рубинштейна и Т. Кибирова) привлекаются произведения малоизвестных и вовсе не известных стихотворцев.

Монография состоит из двух книг. В первую из них входят исследования по теории стихосложения и по истории русского стиха XVIII—XIX веков.

E-mail: philologica@mail.ru; koshelev.ad@mtu-net.ru
<http://www.rvb.ru/philologica/>

В серии
Philologica russica et speculativa

в 2002 г. вышла из печати книга:

А. С. Пушкин
ТЕНЬ БАРКОВА
Тексты. Комментарии. Экскурсы

Издание подготовили
И. А. Пильщиков и М. И. Шапир

В первом научном издании непристойной пародийной баллады, написанной в Лицее (1814—1815) и дошедшей главным образом в неисправных и анонимных списках, устанавливается подлинный текст «Тени Баркова» и доказывается ее принадлежность Пушкину.

Издание снабжено текстологическим, лингвистическим, стиховедческим, историко-литературным и биографическим комментарием; приложен «Указатель слов и значений, не представленных в „Словаре языка Пушкина“». Особый раздел составляют исследования, посвященные истории, языку и поэтике русского обценного бурлеска от Баркова до Пушкина; изучается связь этой традиции с устным народным творчеством и с фривольной французской литературой XVII—XVIII веков.

E-mail: philologica@mail.ru; koshelev.ad@mtu-net.ru
<http://www.rvb.ru/philologica/>

В серии
Philologica russica et speculativa

в 2003 г. вышла из печати книга:

И. А. Пильщиков

БАТЮШКОВ И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

Филологические разыскания

Под редакцией М. И. Шапира

В монографии впервые освещается весь комплекс отношений К. Н. Батюшкова с итальянской культурой: его произведения на итальянские темы, переводы, подражания и стилизации, цитаты и реминисценции из итальянских писателей, употребление итальянского языка в письмах и т. д. Освещение русско-итальянских культурных контактов сопровождается экскурсами в историю новоевропейской рецепции античных литератур.

Работу отличает последовательно филологический подход к явлениям языка и культуры. Используя традиционные и оригинальные методы исследования, автор монографии выявляет и систематизирует многочисленные факты воздействия переводной поэзии (не только отечественной, но и западноевропейской) на русский поэтический язык конца XVIII—XIX веков.

E-mail: philologica@mail.ru; koshelev.ad@mtu-net.ru
<http://www.rvb.ru/philologica/>

В серии
Philologica russica et speculativa

готовится к печати книга:

Б. И. Ярхо

**МЕТОДОЛОГИЯ
ТОЧНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**
Избранные труды по теории литературы

Издание подготовили
М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир

В сборник входят три важнейших монографии одного из самых значительных филологов XX века. «Методология точного литературоведения», полностью публикуемая впервые, явилась научным завещанием автора: в ней последовательно излагаются принципы и перспективы изучения литературы и ее развития с помощью количественных методов. Два других исследования, демонстрирующие возможности такого подхода, разрабатывают теорию жанра и теорию литературных направлений (на материале европейской драмы XVII—XIX веков).

Книга адресована специалистам по сравнительному литературоведению, исторической и теоретической поэтике, историкам театра, фольклористам, стиховедам, а также всем, кто интересуется логикой и методологией науки.

E-mail: philologica@mail.ru; koshelev.ad@mtu-net.ru
<http://www.rvb.ru/philologica/>